

2017 / 52

нестолличные практики / non-metropolitan practices

проект
байкал /
project
baikal

Фестиваль ЗВС-17
Места силы
Город иначе
Нестолличные звезды
Парциальная столицность

12+

Облицовочный камень для наружной отделки White Hills

White Hills

Официальный дистрибьютор материалов White Hills в Иркутской области
ООО «Фасадные технологии»

Иркутск, ул. Энгельса, 8, оф. 302
+7 (3952)484-184

Внешний вид дома – это лучшая характеристика его хозяина. Для облицовки фасадов могут использоваться различные по цене, качеству, эксплуатационным характеристикам материалы. Большим спросом в последние годы пользуется декоративный камень – полностью натуральный по составу, но куда более легкий, практичный и дешевый, чем природный камень.

Материал подходит для наружной отделки зданий любого назначения, состоит он из песчано-цементной смеси и усилителей (нужны для повышения показателей прочности, морозостойкости, для повышения сопротивления впитыванию воды). Современные красители, используемые для его изготовления, имеют безопасный состав и не выцветают в течение продолжительного времени (50 лет и более).

Применение

Искусственный облицовочный камень, представленный в каталоге White Hills – это не хрупкий гипс, который постоянно крошится, и не дорогой тяжелый натуральный материал (от последнего он по внешнему дизайну ничем не отличается – разве что весит намного меньше). Он используется для отделки фасадов, цоколей, заборов и позволяет экономить немалые деньги (в сравнении с натуральной облицовкой) не в ущерб внешнему виду поверхности.

Преимущества

Применение декоративного камня при выполнении отделки имеет следующие преимущества:

– Точная имитация фактур натуральных пород (внешне он от них неотличим).

– Удобство в монтаже (в том числе благодаря наличию угловых элементов).

– Широкая цветовая гамма. Не нашли нужный цвет для своих стен? Выберите понравившуюся фактуру и окрасьте ее сами.

– Сравнительно небольшой вес, что избавляет от необходимости усиления несущих конструкций для его нормальной укладки.

– Высокие гидрофобные свойства (камень не только не боится влаги, но и обеспечивает дополнительную гидрозащиту зданий).

Отделка камнем – это роскошно и долговечно, а его искусственным аналогом – красиво, недорого и практично. Идеальный выбор для современного человека, который хочет получить оптимальное качество по минимальной цене.

Облицовочный камень для наружной отделки

ООО «Фасадные технологии» является официальным представителем компании White Hills в Иркутской области и предлагает вашему вниманию широкий выбор передовых коллекций искусственных материалов для облицовки внешних стен зданий. Они максимально точно имитируют фактуру натуральных пород и представлены в широком многообразии решений, среди которых найдется вариант на любой вкус. Вся продукция долговечна и безопасна, морозов, механических воздействий, влаги не боится.

Каждый региональный центр стремится стать (или хотя бы назваться) столицей. Иркутск гордится тем, что когда-то был административным центром огромной губернии, в состав которой входила Аляска. Красноярск недавно стал миллионером и теперь конкурирует с Новосибирском за титул столицы Сибири. Европейские города конкурируют за ежегодный статус культурной столицы, молодежной столицы и так далее.

Чем же так привлекательна столичность? Вроде бы, очевидно: Иркутск не Москва, разные возможности, разные бюджеты приводят к разным способам достижения общих целей – создания комфортной среды, обеспечения приемлемого качества жизни. Главное же различие в том, что решения, принятые в столице, становятся образцом, стандартом для всех «нестолиц».

Порой стандартизация по столичным образцам принимает неразумные, излишне единообразные формы. Куда исчезли из СНИПов климатические районы и подрайоны, тщательно разработанные нормативной базой СССР? Разве Россия не нуждается в этом, располагаясь в одиннадцати часовых поясах, в диапазоне от субтропиков до Арктики? В сейсмически активных зонах и на подрабатываемых грунтах, на берегах трех океанов, через пустыни и горные системы?

Нестоличные практики в архитектуре, градостроительстве и в укладах жизни только и могут как-то «обезвредить» уравнительное влияние столицы. Какие формы, какое идеологическое содержание несут эти практики на просторах нашей многонациональной и многоконфессиональной страны? Каким образом нестоличные архитекторы могут сделать свои города уютнее, здоровее, привлекательнее для растущего человеческого капитала в конкурентной борьбе со столицей и друг с другом? Как обычно, выпуск нашего журнала полон вопросов, и это – живые, жизненные, актуальные вопросы.

Елена Григорьева

52

нестоличные практики / non-metropolitan practices

Every regional center aspires to become (or at least to be called) a capital. Irkutsk is proud of being once an administrative center of a big governorate, which included Alaska. Krasnoyarsk has become a millionaire and now is competing with Novosibirsk for the title of the capital of Siberia. European cities annually compete for the status of cultural capital, youth capital, etc.

Why is the capital status so attractive? It is obvious that Irkutsk is not Moscow, they have different possibilities, and their different budgets lead to different ways of achievement of common goals: to create a comfortable environment and to provide an appropriate quality of life. The main difference is that the decisions made in the capital set models and standards for all non-metropolitan cities.

Sometimes standardization based on metropolitan models become unreasonable or too undifferentiated. Where are those climatic regions and subregions elaborated for construction rules and regulations by the regulatory structure of the USSR? Being located in the eleven time zones, from the subtropics to the Arctic, in seismically active zones and on anthropogenic soils, on the shores of three oceans, across deserts and mountain ranges, doesn't Russia need them?

Non-metropolitan practices in architecture, town-planning and the state of life can only "mitigate" the equalitarian impact caused by the capital. What forms and what ideological contents do these practices have all over our multinational and multicultural country? How can non-metropolitan architects make their cities healthier, more comfortable and more attractive for the growing human capital assets in the competitive battle against the capital and against each other? As usual, the issue of our journal is full of vital and urgent questions.

Elena Grigoryeva
editor-in-chief

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала издателю Барту Голдхоорну, издательству **А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

корректор
Инесса Бражникова

литературные редакторы
Инесса Бражникова
Марина Ткачева

верстка
Татьяна Анненкова

переводчик, редактор раздела «Новости МСА»
Анна Григорьева

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

на обложке
Проект велопешеходного моста
в Красноярске (гран-при ЗВС-17)

адрес типографии
000 "Типография Принт Лайн",
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 300 экз. Заказ 1679
Подписано в печать 30.06.17

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Периодичность 4 раза в год
Цена свободная

12+

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

52

нестоличные практики /
non-metropolitan practices

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCS**
- проект **SHERPA/RoMEO**
- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5	
		Окна Иркутска. Двери Венеции	7	
	Светлана Середёнкина	Конкурс на разработку проекта художественного решения экспозиции Музея В. Г. Распутина	8	
	Марина Ткачева	Галерейный дом в Иркутске	11	
	книга	Марина Ткачева	От ковра-самолета к машине времени	12
			XVII межрегиональный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2017»	13
		Марина Ткачева	Хроника	16
		Марина Ткачева	Гость фестиваля – Георги Станишев (Болгария).....	20
			Лауреаты ЗВС.....	22
			Каталог ЗВС. Постройки	24
			Каталог ЗВС. Проекты	27
		Каталог ЗВС. Творчество архитектурных мастерских и коллективов	35	
		Каталог ЗВС. Пропаганда архитектуры.....	36	
	Каталог ЗВС. Творчество молодых архитекторов и студентов	38		
	Каталог ЗВС. детское архитектурно-художественное творчество.....	40		
	Список участников «ЗВС-2017».....	41		
нестоличные практики		43	
	Константин Лидин	Образец и метод.....	44	
		О социокультурных предпосылках формирования российского пространства		
	Андрей Боков	Треугольник и элита	48	
	Александр Раппапорт	О провинциализме.....	50	
	Эдуард Товмасьян	Так бывает в городах и на просторах России	53	
	Марина Ткачева	О привлекательности нестолиц.....	56	
	Елена Багина	О провинциальности, жадности и тоске по столичной жизни	62	
	Марина Ткачева	Между Польшей и Китаем	64	
	Вера Тен	Градостроительные возможности От поиска доходов для закрытия дефицита бюджета к управлению устойчивым пространственно-экономическим развитием города	68	
Ольга Железняк	Провинциальный дизайн: к презентации проекта	72		
	Эскизный проект архитектурной подсветки «130 квартал»	76		

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

proofreader
Inessa Brazhnikova

literary editors
Inessa Brazhnikova,
Marina Tkacheva

upmaking
Tatyana Annenkova

translator, editor of the "UIA News" section Anna Grigorieva

address of the publisher and the editorial board
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,

email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

On the cover:
Design of the bicycle and pedestrian bridge in Krasnoyarsk (Zodchestvo Grand Prix 2017)

printed by
000 "Типография Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 300
passed for printing: 30.06.17

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database

12+

спонсоры номера

места силы	77
	Марина Ткачева	Город в тени озера?
	Наталья Еремеева	«Мыс Бурхан». Конкурс концепций обустройства парка природы и прилегающих территорий
	Ольга Смирнова	На столбовой дороге
город иначе	93
	Елена Коркина	Город иначе
	Анастасия Репина	За ставнями
	Оксана Попова	Сломать, убрать, оставить?
	Светлана Бандурка	Свой чужой двор
	Нина Морозова	Иркутские тропы
	Светлана Хаирова	Город как детская площадка
объект номера	Александр Маренич	Культурно-развлекательный комплекс в Улан-Удэ.....
	Ольга Красношопка
нестоличные звезды	125
	Константин Лидин	Такие разные звезды
	Кинга Нендза-Щикониовска	Пространство нового начала: сибирская утопия Николая Кузьмина.....
	Ирина Захарова	Голландская архитектура в Сибири. Удастся ли вдохнуть новую жизнь в наследие архитектора ван Лохема в Кемерове?.....
	Ольга Успенская	Выставка в МУАР «Провинция. Архитектура Красноярска конца XIX – начала XX столетия».....
	Александр Слабуха	Пространство красноярской архитектурной провинции XIX и начала XX века (предисловие к буклету для выставки)
	Мария Меркулова	Классицизм – основа формирования архитектуры Красноярска 1800–1850-х годов
	Виктория Астраханцева	Обреченные на архитектуру.....
	Николай Крадин	Военный инженер Малиновский: творческая деятельность в Хабаровске
парциальная столичность	163
	Влад А. Гайворонски	Возрождение Тимишоары: проект застройки района Ишо
	Иоанн Андрееску	Нестоличный город Тимишоара выбран культурной столицей Европы – 2021
	Михай-Ионут Дансиу
	Фабио Тодескини	Наследие и развитие города Стелленбос (Западный Кейп, ЮАР)
	Лиана Янсен
авторы	177

Winning projects of Kaira Loooro Competition for a Sacred Architecture

«Kaira Loooro Competition - Sacred Architecture» is an international architectural competition which has as project theme the architectural celebration of the cult and philosophy in a remote place where the shortage of materials and high-performing technology pushes the architecture to the branch of sustainability and integration with landscape and culture. Kaira Loooro, that in Mandingo language means «Architecture for Peace», is not just

architecture, but it also represents the link to a culture, a spirituality and research of interiority.

On 14th May 2017, 18 projects have been officially awarded: 1st, 2nd and 3rd prize and also 5 mentions and 10 finalists. The winning project (1st prize) will receive a cash prize and an internship in the Kengo Kuma architectural studio in Tokyo.

The idea of the competition is to give opportunity and importance to young architects. The winning project was designed by a Polish team made up of young architects:

Natalia Serafin, Paulina Gorecka and Anita Wisniewska. A Romanian team, composed by Tilvescu Maria and Stoian Hadrian, has won the 2nd prize, while an English team, made up of Sean Cassidy and Joe Wilson won 3rd place

The goal of the contest was to create a symbolic sacred architecture for the whole nation which can improve the precarious conditions of the project area.

All proceeds, derived from the participation fees, have been donated to the humanitarian project «A Bridge for Life» in Senegal, to

save 80,000 people now at risk of survival. The winning design will be given to the organization Balouo Salo, which will donate it to the community of Tanaf to allow them to build it by themselves or in collaboration with religious bodies, institutions or NGOs. The organization Balouo Salo does not preclude the possibility to adopt this draft as a charity project.

Competition Web Site:
www.kairaloooro.com
<https://www.facebook.com/kairaloooro>
Organization: www.balouosaloo.com

Международные новости архитектуры / International Architecture News

Проекты-победители Конкурса сакральной архитектуры Kaira Loooro

Международный конкурс сакральной архитектуры Kaira Loooro направлен на содействие вероисповеданию и философии в отдаленном уголке мира, где нехватка материалов и высоких технологий создает необходимость устойчивой архитектуры и ее интеграции с ландшафтом и культурой. Kaira Loooro в переводе с языка мандинго означает «архитектура для мира». Это не просто архитектура, но еще и связь с культурой, духовностью и внутренним миром

14 мая 2017 года были объявлены результаты конкурса: три проекта получили 1, 2 и 3 места, пять проектов удостоились поощрительных дипломов и десять были объявлены финалистами. Авторы проекта, занявшего первое место, кроме денежного приза, получат возможность пройти практику в фирме Кенго Кумы (Токио)

В основе конкурса лежит идея поддержки молодых архитекторов. Проект-победитель был разработан молодой польской командой, куда вошли Наталья Серафин, Паулина Горецка и Анита Висниевска. Румынская команда, состоящая из двух человек – Тильвеску Мария и Стоян Хадриан, получила второе место. Син Кассиди и Джо Уилсон из английской команды заняли третье место

Цель конкурса – создать знаковое сакральное сооружение для жителей Сенегала, которое сможет

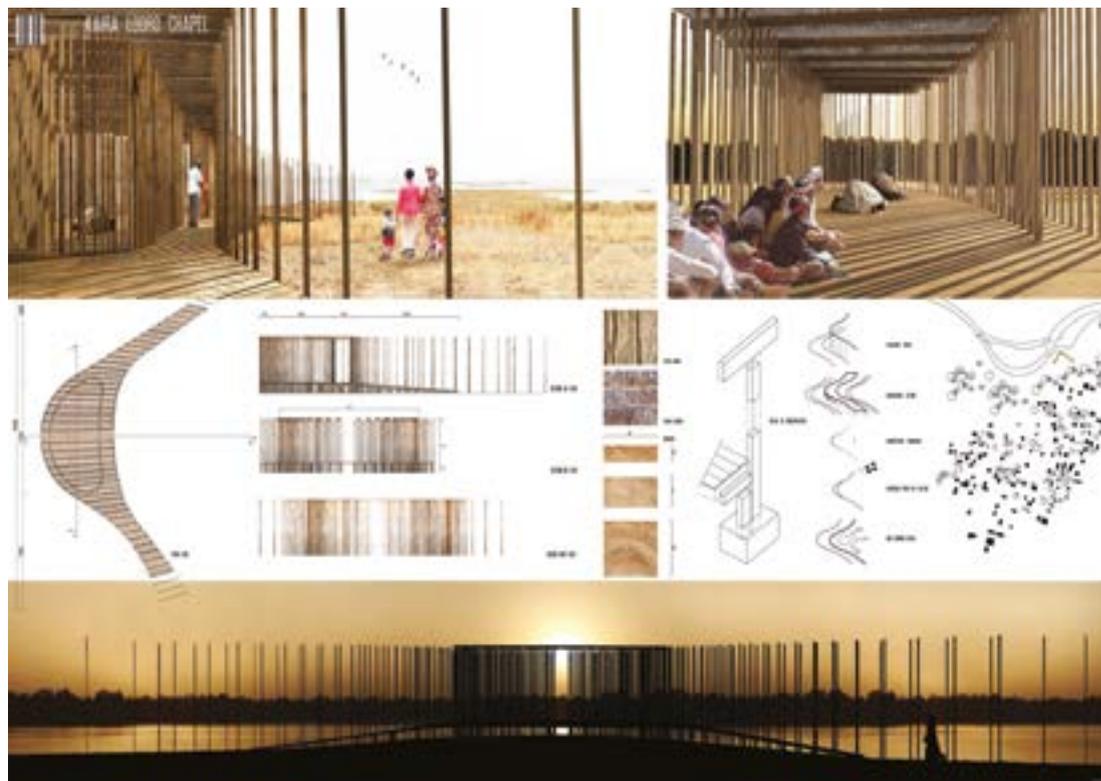
улучшить неблагоприятные условия данной территории

Все средства, поступившие от регистрационных взносов за участие в конкурсе, были направлены на благотворительность в рамках гуманитарного проекта «Мост жизни», который стремится улучшить условия жизни 80 тысяч жителей Сенегала, оказавшихся в беде. Организатор конкурса, международная некоммерческая организация Balouo Salo безвозмездно предоставит проект-победитель сообществу Танаф для дальнейшей его реализации либо самостоятельно, либо в сотрудничестве с государственными, негосударственными или религиозными организациями. Не исключается также возможность сделать данный проект благотворительным

Улучшить неблагоприятные условия данной территории

Подробнее о конкурсе:
www.kairaloooro.com/competition.html
<https://www.facebook.com/kairaloooro>
Организатор: www.balouosaloo.com

в Часовня по проекту Натальи Серафин, Паулины Горецка и Аниты Висниевска (Польша). Первое место в Конкурсе Kaira Loooro / Chapel by Natalia Serafin, Paulina Gorecka, Anita Wisniewska (Poland). 1st place at Kaira Loooro Competition

в Концептуальная реставрация, выполненная архитектором GG-loop, превратила старый дом в г. Альтамур в произведение искусства. Победитель конкурса Inspireli Awards-2016: Джакомо Гарциано (Университет Флоренции, Италия). Фото: Майкл Зибер / A visionary refurbishment by GG-loop turned an old house in Altamura into a place for the arts. The global winner of INSPIRELI AWARDS 2016: Giacomo Garziano (University of Florence, Italy). Photo-credits: Michael Sieber

Results of INSPIRELI AWARDS 2016

INSPIRELI AWARDS is the largest international architecture competition enabling new talents under the age of 35 to tell their stories and raise awareness about their own world view before they get their chance to build it. It brings together up-and-coming design and architecture students or recent graduates, as well as established professionals, and provides them a forum to connect to the general public

Competition 2016 was attended by 1,052 competitors from 99 countries and more than 300 universities from the whole world, who uploaded total more than 2,900 competition photos and received 25,626 competition votes. 50 competitors from 25 countries and 37 universities were chosen in the final round. The competition winner was chosen by the jury comprised of 55 top architects from 6 continents. Competitors from Italy, Japan and Iran became the winners and the competitor from France won in the public voting.

More information:
www.inspireliawards.com
View the 2017 Competition Gallery:
<https://www.inspireli.com/en/awards/photogallery2017>

Результаты конкурса Inspireli Awards – 2017

Inspireli Awards – крупнейший международный архитектурный конкурс молодых талантов в возрасте до 35 лет, дающий возможность новому поколению архитекторов поделиться своим мировоззрением, рассказать о своих идеях прежде, чем им представится возможность воплотить их. Конкурс объединяет как подающих надежду студентов и недавних выпускников факультетов архитектуры и дизайна, так и уже состоявшихся профессионалов, обеспечивая их общение на форуме между собой и с широким кругом общественности
 На конкурс Inspireli Awards-2016 были поданы заявки от 1 052 участников из 99 стран и более 300 университетов мира. Галерея участников состояла из более 2 900 фотографий, получивших в сумме 25 626 голосов. В финал попали 50 конкурсантов из 50 стран и 37 университетов. В состав жюри вошли 55 известных архитекторов с шести континентов, которые присудили призовые места участникам из Италии, Японии и Ирана. В общественном голосовании победил конкурсант из Франции.

Дополнительная информация:
www.inspireliawards.com
Галерея участников конкурса Inspireli Awards-2017:
<https://www.inspireli.com/en/awards/photogallery2017>

Окна Иркутска. Двери Венеции / Irkutsk Windows. Venice Doors

Этим летом Иркутск увидит уникальную уличную стендовую фотовыставку. Российские и зарубежные фотографии подарят зрителям остановившиеся мгновения истории и архитектуры двух городов (Иркутск)а и Венеции.

Ускользящая история в фотообъективе горожанина

Взгляд в объектив фотокамеры. Это всегда другой взгляд, даже в случае непрофессионала, снимающего «для себя» или «для Сети». Взгляд в объектив – это поиск деталей и ракурсов, которые, как правило, недоступны мимолетному взгляду. То, что порой кажется частью наших будничных декораций, на фото начинает играть свежими красками и приобретать совершенно новые смыслы.

Валерий Сировский, художник, фотограф, идеолог проекта

Я с первого взгляда влюблен в ваш город! Но, приезжая в Иркутск, замечаю, как деревянных домов с их прекрасными окнами становится все меньше: либо исчезает весь дом, либо деревянные окна заменяют на пластиковые. В то время как в моей не менее любимой Венеции всю эту старину собирают по крупицам, все подкрашивают, ремонтируют, стремятся сохранить. Несколько лет назад я проводил в Венеции фотовыставку венетских дверей. После выставки ко мне обратился очень пожилой человек: «Дружище, ты знаешь, я больше сорока лет работаю здесь и

вот эту дверь открываю и закрываю сорок лет подряд. И только благодаря тебе я понял, какая она красивая». Этот комплимент, который получил в Венеции, я перенес на окна Иркутска, потому что это одно и то же – это красота!

Международный проект «Окна Иркутска. Двери Венеции» не просто собрание удачных фотографий. Это масштабная культурно-просветительская акция, призванная обратить внимание горожан на наследие прошлого – настолько же привычное, насколько и ускользящее. Кроме того, несколько стендов выставки посвящены историческим и культурным нитям, соединившим во второй половине XIX – начале XX века Италию и Россию: о том, как итальянские инженеры конструировали и строили Кругобайкальскую железную дорогу, открывали в Иркутске первые кинотеатры и фототелье, создавали декоративные мозаичные полотна в публичных пространствах, сохранившиеся до наших дней. Иркутск и Венецию – города, разделенные тысячами километров дорог и веками истории, – роднят между собой те самые остановившиеся мгновения – пометки, чудом сохранившиеся на полях времени, послания, оставленные предками. Воплощенные в дереве, металле и камне, эти послания могут быть прочитаны и расшифрованы не только нами, но и будущими поколениями

Марина Кондрашова, руководитель городского благотворительного фонда «Наследие иркутских меценатов»

Проект «Окна Иркутска. Двери Венеции» объединяет очень разные страны – Италию и Россию, очень разные, но невероятно самобытные города – Венецию и Иркутск. Это взгляд сотен людей на то, как они видят свой родной город, его красоту, его детали, придающие пространству ту самую уникальность, за которой приезжают туристы, но которой порой не замечают местные жители.

Цель нашей выставки – обратить внимание иркутян на наследие, которое дошло до наших дней. Ведь в деревянном Иркутске воплощена веками накопленная энергетика и город должен ее сохранить.

Профайл проекта

Организаторами проекта «Окна Иркутска. Двери Венеции» выступили городской благотворительный фонд «Наследие иркутских меценатов» и Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова. На конкурс путешественники и жители Иркутска и Венеции прислали более 1600 фотографий. На уличных стендах будет представлено около 300 работ профессионалов и любителей.

Выставка «Окна Иркутска. Двери Венеции» – музей под открытым небом, где каждый может познакомиться с материалами экспозиции без экскурсовода. Выставочные стенды информативны: посетители смогут не только насладиться удачными фоторакурсами, но и узнать, как выглядит, например, дверь дома в Венеции, где жил Джакомо Казанова, или дверь храма, в котором, согласно преданию, упокоено сердце художника

Тициана. Что касается иркутских окон, то на выставке можно будет узнать и о конструкции окна, о видах применяемой декоративной резьбы, а также о кодах и значениях элементов оформления оконных наличников.

Проект «Окна Иркутска. Двери Венеции» – это культурный мост между Россией и Италией, говорящий о единстве ценностей, несмотря на разность культур и дальность расстояний. Проект включен в официальную программу Фестиваля дерева в Италии (г. Канту) и в октябре 2017 года будет представлен итальянской публике.

> v Проект-победитель

Конкурс на разработку проекта художественного решения экспозиции Музея В. Г. Распутина /

Правительством Иркутской области под здание Музея В. Г. Распутина было выделено деревянное одноэтажное здание – объект культурного наследия регионального значения «Особняк с воротами» (1880-е годы), состоящий в «Сводном списке вновь выявленных объектов г. Иркутска, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность – 2000 г.». Здание расположено по адресу: Иркутск, ул. Свердлова, 20 Согласно проекту приспособления объекта под создание музея, выполненному ОГАУ «ЦСН», в здании, представляющем собой традиционный иркутский деревянный одноэтажный особняк на каменном подклете, размещены: зона гостеприимства (гардероб, туалет); экспозиционное пространство (жилой этаж, полуподвал); центр мультимедиа (жилой этаж); кабинет сотрудников (полуподвал); элеваторный узел (полуподвал); центр управления электронной экспозицией (полуподвал); комната для персонала (полуподвал)

8 декабря 2016 года на официальном сайте областного министерства культуры было сообщено, что Иркутский областной краеведческий музей объявил конкурс на разработку проекта художественного решения экспозиции музея В. Г. Распутина. По положению о конкурсе, в нем могли принять участие художники, дизайнеры, архитекторы, скульпторы – члены творческих союзов; художественное решение должно представлять графическое изображение интерьера экспозици-

онных залов музея В. Г. Распутина
На конкурс было подано три заявки. Ниже представлены проекты участников

Проект 420111 (сметная стоимость реализации проекта 8 млн руб.). Смысловая основа композиции зала 1-го этажа – образ реки – сложная единая многоуровневая конструкция. Река – один из постоянных героев произведений писателя. Плоскостная часть конструкции – гладь реки в разные времена года. На этой глади располагаются материалы – рукописи, письма, рецензии, иллюстрации и другие материалы из фондов музея, отображающие творчество автора. В нижней части конструкции предусмотрены выдвижные ящики для экспонирования. Задняя часть витрины – берег – живописное дополнение, превращающее витрину в диараму. Узловые пункты данной конструкции – три органично вплетенных макета по мотивам сцен из произведений писателя

На первом макете сцена из повести «Живи и помни», на которой жители деревни празднуют на высоком берегу Победу. Деревенские избы, пальба, бегущие и вздымающие руки люди, одинокая фигура Настёны, стоящая чуть поодаль, лестница, спускающаяся вниз к реке – к плоскости витрины, привязанные лодки. В центре – макет острова со сценками из повести: огромное дерево с упершимся в него бульдозером, горящие избы, люди на пристани со скарбом. Дополняет макет работающее на

просвет панно в оконном проеме, посвященное этой повести. Сюжет последнего макета предлагается выбрать сотрудникам музея

Зал цокольного этажа посвящен жизни писателя. Основной идеей художественного оформления данного зала является рассказ о жизни Валентина Григорьевича Распутина через призму эпох, важнейших исторических событий, через воссоздание атмосферы, характерной для каждого иллюстрируемого периода с помощью предметов быта, артефактов общественной жизни и произведений культуры

В центре макет родной деревни Валентина Григорьевича Распутина – Аталанки. По четырем сторонам макета – места для просмотра мультимедийных материалов, выполненные в виде мебели, характерной для каждой из представляемых эпох

Проект 111339 (сметная стоимость реализации не рассчитывалась). Основной целью создания экспозиции музея Валентина Григорьевича Распутина является популяризация творческого наследия писателя. Для выполнения данной задачи предполагается реализация художественных, эстетических и функциональных возможностей здания площадью 130 кв. м с тремя отдельными помещениями (два этажа, подвал). На первом этаже разместится мультимедийная экспозиция с непрерывным показом фильмов по произведениям В. Г. Распутина, предусмотрены также размещение фотографии в лайт-боксах (световых коробах)

и формирование инсталляции с интерьером деревенской усадьбы, которая будет погружать зрителя в атмосферу соответствующей эпохи. В подвальном помещении предполагается разместить кинотеатр и конференц-зал для демонстрации кинофильмов и творческих встреч молодых писателей и кинематографистов. Для проведения художественных выставок будут оборудованы стены. Кроме того, предполагается создание кино-клуба имени В. Г. Распутина как творческой площадки для развития литературы и кинематографического искусства, где желающие смогут попробовать себя в качестве кинорежиссера»

^ Проект 161212

Competition for Development of Artistic Solution for the Exhibition Room at the V. G. Rasputin Museum

Проект 161212 (сметная стоимость реализации 2,3 млн руб.). При проектировании экспозиции авторами было принято решение о максимальном сохранении визуального восприятия аутентичности объекта культурного наследия. Именно поэтому, а также для создания образа светлого и просторного помещения авторы предлагают разместить в зале 1-го этажа невысокие витрины с белыми подиумами. Для экспонирования коллекции колокольчиков и дымковской игрушки, собранной В. Г. Распутиным, предусмотрены высокие витрины, дизайн которых созвучен дизайну витрин-светильников, установленных при входе в музей, а также в нижнем этаже. По предложению авторов проекта все витрины в зале – мобильные, что позволяет освободить центр зала, организовав пространство конференц-зала.

Так как в полуподвальном этаже практически отсутствует естественное освещение, авторы проекта предлагают разместить здесь многофункциональное пространство, совмещающее музейную экспозицию, библиотеку, кинозал. В музейную экспозицию предлагается включить и пространство лестничной клетки и коридора перед входом в экспозиционный зал полуподвального этажа для создания небольшой художественной галереи

В зале нижнего этажа разместятся колонны-шкафы (место хранения складных стульев), связанные с бетонными потолочными балками

в единый ритмический и композиционный ряд, и стеллажи для книг, где представлены все основные произведения писателя на русском и иностранных языках в свободном доступе, чтобы посетители могли взять что-то почитать, почтить или оставить свою книгу. Это придаст музею функцию общественной библиотеки. Кроме того, авторы проекта предлагают разместить две интерьерные объемно-пространственные композиции по произведениям В. Г. Распутина – композицию «Уроки французского», а также центр «крестьянской избы» – печь, элемент каждого произведения писателя.

Помимо экспозиционной, цокольный этаж выполняет и демонстрационную функцию. Стена, оборудованная экраном, закрыта раздвижными панелями, во время просмотра фильмов панели сдвигаются в разные стороны, образуя своеобразный «занавес». Центр помещения, свободный от витрин и экспонатов, трансформируется в небольшой кинозал вместимостью около 30 человек.

Для придания динамичности замкнутому пространству авторы проекта предлагают разместить в нижнем этаже островные передвижные витрины, являющиеся одновременно светильниками, на которых размещаются графические композиции из газетных и журнальных вырезок, статьи и рецензии о произведениях В. Г. Распутина, автографы, рисунки. Передвигая эти витрины, можно постоянно менять интерьер зала, подстраивая

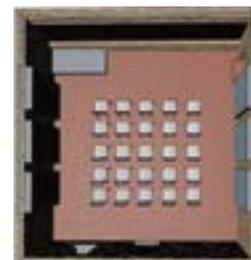
его под определенный сценарий помещения – для чтения лекций и проведения тематических занятий, знакомства с жизнью и творчеством писателя через книги, звукозаписи, видеофильмы, газетные и журнальные статьи.

По результатам конкурса на разработку проекта художественного решения экспозиции Музея В. Г. Распутина победителем экспертная комиссия признала проект 420111, созданный ООО «Айбат», как наиболее проработанный. Комиссия рекомендовала победителю конкурса, в случае согласия на реализацию своего проекта, провести его серьезную доработку с участием представителей музея

**Светлана Середёнкина /
Svetlana Seredenkina**

v Проект 111339

Галерейный дом в Иркутске / The Gallery-Type House in Irkutsk

Журнал «Проект Байкал» провел интервью с Михаилом Александровичем Сигалом, руководителем одной из крупнейших строительных компаний Иркутска

ПРОЕКТ БАЙКАЛ Михаил Александрович, как вы решились на такое нестандартное решение, как галерейный дом? Мы знаем, что в Иркутске в великие павловские времена было два таких дома; еще один, небольшой, построен в конце 80-х – начале 90-х. Сейчас, во время почти постоянных кризисов, вы снова решились на такой эксперимент и, благодаря ему, стали культовой фигурой среди архитекторов. Но, говорят, галерейный дом принес вам и коммерческий успех?

МИХАИЛ СИГАЛ В 2012 году, когда мы создали компанию «Восток Центр Иркутск», была высока потребность в жилье небольшого габарита, соответствующего государственному заказу на социальное жилье площадью от 28 до 33 кв. м. Исходя из нее мы вышли на базовое условие: средний шаг из двух равных частей, каждая должна была быть 3,3 м + 6 м плюс балкон примерно 4 кв. м. Одной из предпосылок создания галерейного дома была конфигурация участка застройки (ул. Вампилова, 30): он был вытянут с запада на восток. Проектирование осуществлялось Архитектурной фирмой Николая Жуковского. В компоновочной схеме естественным образом получалось, что нужно проектировать дом, в котором окна всех квартир выходили бы на юг, что создавало

хорошую инсоляцию. Тогда как при коридорном расположении квартир оказывалось, что часть квартир была вообще не инсолирована. Поскольку квартира должна была быть очень компактной, мы не доверились 3D-схеме, а сделали макет квартиры в натуральную величину, включая мебель и санузел. Это позволило учесть особенности эксплуатации жилья: в некоторых квартирах кухни выходили на галерею, в некоторых к галерее примыкал санузел. Приходилось считаться и с необходимостью проектирования входной группы, которая уменьшала площадь кухни. Поэтому мы тщательно учитывали габариты мебели, бытовой техники, сантехники. Мы запроектировали внутренние общественные пространства, постарались наполнить дом элементами жизнеобеспечения и интерьера, чтобы создать благоприятную среду для проживания. Центральный вход и центральная галерея выполнены из качественных материалов (итальянский керамогранит), что на покупателей производило благоприятное впечатление. В доме обеспечена хорошая инженерия: насосная, станция повышения давления, станция пожаротушения, учетное оборудование тепла, медная разводка системы водоснабжения и отопления, алюминиевые радиаторы. Балконные группы остеклены в пол, остекление сплошное; за счет этого в квартиресоздавался эффект пространства.

ПБ На какие социальные группы ориентировано ваше жилье? Каким

в итоге оказался социальный состав жителей? Кто в реальности купил эти квартиры?

МС Нашей целевой аудиторией была молодая семья, ее первое жилье, первая покупка. Первоначально предполагалось, что все квартиры будут однокомнатными, но мы произвели перепланировку: торцевые квартиры были перепланированы в трехкомнатные. Неоднозначным было отношение к тому, что по два окна выходят на галерею. Но мы поставили качественные ПВХ, матовые стекла и защитные жалюзи на все окна; это обеспечило эстетическое единообразие вида дома снаружи, привело к гармонии. Квартиры в торцах построены трехкомнатные, отличной компоновки и площади (100 кв. м), с просторной гардеробной и подсобными помещениями, с двумя балконами

Эти квартиры были проданы все. Учитывая сравнительно невысокую цену, большой поток покупателей составили жители близлежащих домов, улучшавших свои жилищные условия или купивших квартиры вдобавок к уже имеющимся. Галерейный дом был интересен не только с точки зрения проекторочных решений, но и по финансовой модели. Дом получился очень экономичным по себестоимости, но чрезвычайно непростым по планировочным решениям. Сплошное остекление обеспечило свет и простор в галереях, а на конструкции балконов стала возможна экономия

ПБ Ваша династия весьма известна в Иркутске. Как вы пришли в

эту отрасль?

МС Зачинателем династии является отец. В начале 60-х годов он приехал с Украины в Сибирь, учился в Братске на строительном факультете политехнического института, потом переехал в Иркутск, где окончил с красным дипломом Иркутский политехнический по специализации «ПГС». В Саянске отец прошел всю цепочку профессионального роста, начиная с прораба. Первый объект, в строительстве которого он принимал участие, была школа, в которой я потом учился

В 1989 году я окончил школу, и отец предложил мне пойти по его стезе. Поначалу я отказался и поступил в ИПИ на факультет самолетостроения. Все теоретические и технические дисциплины я прошел и после второго курса перевелся на факультет экономики и управления производством. Окончил в 1994 году. Некоторое время я занимался коммерцией, потом получил дополнительное финансовое образование у американцев, которые приезжали в Иркутск проводить курсы. Пять лет проработал в финансовой сфере, приобрел пакет акций предприятия отца. А спустя некоторое время он предложил мне присоединиться к руководству его фирмы. В начале двухтысячных предприятие пережило сложный процесс реконструкции. С 2003 года мы работаем вместе, в 2005-м начали строить в Иркутске. Застройка в Космическом переулке была хорошей школой. Пришлось делать перепланировку, с которой мы справились в кратчай-

шие сроки. Оказалось, что спрос на квартиры, которые мы сделали в этом доме, возник несколько позже, чем сами квартиры были сданы в эксплуатацию

ПБ Не каждому удается идти впереди времени

МС Да, и «Стрижи» тоже оказались объектом несколько впереди спроса: мы делали хорошее доступное жилье при умеренной цене, но при высоком инженерном обеспечении. Квартиры в первых блок-секциях распродавались практически одновременно с окончанием строительства: было продано 500 квартир из 570. Для проекта, который реализовывался «с чистого листа» на пустом месте, это очень хорошо. Практически одновременно с жильем там был сдан детсад.

ПБ Каковы ваши планы на ближайшее время? Виден ли хотя бы намек на улучшение экономической ситуации в отрасли?

МС Мы готовимся к выходу из кризиса. У нас в работе много проектов. Некоторые явно опережают время, и мы их придерживаем. Сейчас мы обеспечиваем инженерной инфраструктурой нашу вторую площадку в районе «Стрижей». Но пока нет удовлетворительного концепта, баланса, работу не начинаем. Кроме того, у нас серьезный эксперимент с 22-этажным зданием «Небо», который официально считается самым большим в Иркутске. Нам всегда интересно экспериментировать. Там планируются огромные террасы с прекрасным видом на город. Мы показывали этот проект на Зимнике.

ПБ Тут нужна зеленая кровля...

МС Мы сейчас работаем с этим покрытием; на макетах оно предусмотрено во всех проектах. Кроме того, мы выиграли аукцион на застройку по ул. Култукской (территория 3,6 га). Сейчас работаем по концепции развития участка, весной-осенью планируем начать

ПБ Ваши проекты ждут выхода из кризиса, а мы ждем от вас интересных работ, в том числе для исторической части города, и желаем новых удачных экспериментов и коммерческого успеха

КОММЕНТАРИЙ АРХИТЕКТОРА НИКОЛАЙ ЖУКОВСКИЙ

Экспериментальный проект жилого комплекса «Зеркальный» в Первомайском решал ряд градостроительных и потребительских задач:

- завершение композиционного оформления холма – доминанты микрорайона;

- обеспечение равенства инсоляции квартир в широтно-размещенном доме;

- маневренность и вариантность компоновки по числу комнат квартир

Архитектурная мастерская имела на тот момент оригинальный, на наш взгляд, конкурсный проект на застройку места под жилой комплекс «Зеон». Жилой комплекс компоновался из двух галерейных домов с ориентацией квартир на восток и запад, что обеспечивало все квартиры равной инсоляцией. Из разного количества модулей формировался любой набор квартир, что было невозможно в

стандартных секционных домах. Особенность проекта – значительное сокращение лестнично-лифтовых шахт и площади застройки при сохранении заданной общей площади комплекса. В доме предусматривались устройство мусорной камеры бункерного типа, специально оборудованные помещения для тряски ковров, и, главное, – помещение для выгула собак, оборудованное смывом и мощной вентиляцией.

Ознакомившись с пожеланиями заказчика в микрорайоне Первомайском, мы взяли часть этого проекта с ориентацией всех квартир на юг и во двор. Глубокие лоджии летом, при высоком солнцестоянии, выполняют функцию теневых козырьков. На север с прекрасным видом на город и магистраль выходят 15 галерей длиной остекления 50 метров, которые выполняют и звукоизоляционные функции. Общая длина дома около 80 метров. Нам удалось уменьшить на одну количество лестнично-лифтовых шахт. Прежде чем разработать оптимальную планировку квартиры, проектировщик и заказчик сошлись на необходимости выполнить ее макет в натуральную величину, что само по себе дает прекрасные результаты

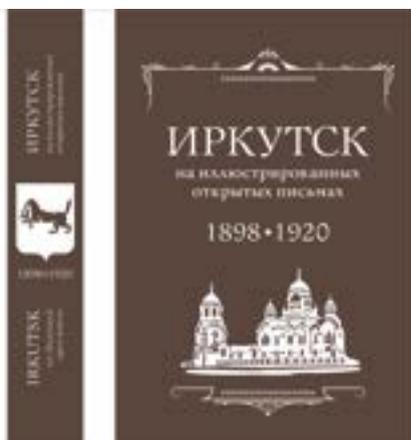
Кроме великолепных технических характеристик, преимуществом дома является и наличие своеобразного теплого общественного пространства в виде галерей, где могут завязываться контакты на бытовом уровне: знакомства соседей, прогулки пенсионеров,

велосипедные променады дошкольников в любое время года. Галереи пронизаны естественным светом и воздухом.

Вспоминая прошедший конкурс, я понимаю, что архитектор-профессионал непрерывно подвергается испытанию «недоработки» своих представлений о правильном, интересном, эффективном, оригинальном, идеальном... Жизнь, действительность, обстоятельства вносят свои коррективы, и архитектор довольствуется частичным воплощением своего замысла

Медведев С. И., Куренков В. В. Иркутск на иллюстрированных открытых письмах. 1898–1920 : историко-библиографический альбом-каталог. Иркутск : Репроцентр А1, 2016. 688 с. : ил. / Медведев С. И., Куренков В. В. Иркутск на иллюстрированных открытых письмах. 1898–1920 : историко-библиографический альбом-каталог. Иркутск : Репроцентр А1, 2016. 688 с. : ил. / Medvedev, S., & Kurenkov, V. (2016). Irkutsk na illiustrirovannykh otkrytykh pismakh. 1898-1920 [Irkutsk in illustrated open letters. 1898-1920]. Irkutsk: Reprotsentr A1.

Дается рецензия на книгу С. Медведева и В. Куренкова «Иркутск на иллюстрированных открытых письмах». Сравняется данное издание с предыдущим (1996 г.). Характеризуются каталоги, текстовые материалы и качество печати. Подчеркивается системный характер рассмотрения почтовой открытки и его значение для исторического краеведения, филокартии, архитектурной реставрации
Ключевые слова: почтовая открытка; Иркутск; образ города; филокартия; С. Медведев; В. Куренков; история; источниковедение; издатели; фотографы. /

The article reviews the book “Irkutsk in Illustrated Open Letters” by S. Medvedev and V. Kurenkov. This edition is compared to the previous one (1996). The article features the catalogues, text content and the quality of printing. The article places emphasis on consistent consideration of the postcards and its significance for the historical and regional studies, deltiology and architectural restoration
Keywords: postcard; Irkutsk; image of the city; deltiology; S. Medvedev; V. Kurenkov; history; source studies; editors; photographers

От ковра-самолета к машине времени / From the Flying Carpet to the Time Machine

Казалось, только вчера я писала рецензию на книгу С. Медведева «Иркутск и иркутяне. Города его жители на фотографиях и открытках. 1850–1920», вышедшую в 2015 году¹. Уже более сорока лет один из авторов историко-библиографического альбома-каталога «Иркутск на иллюстрированных открытых письмах. 1898–1920», изданного в 2016 году, коллекционирует почтовые открытки, находясь на «перекрестии» филокартии, краеведения, истории города, источниковедения, архитектурной реставрации, исторической антропологии и многого другого.

С. Медведев верен теме первой книги – «Иркутск на почтовых открытках» (Москва, 1996), углубляя и расширяя ее базу. Появляются не существовавшие в предыдущем издании разделы и описания (история почтовой открытки в России, портреты ее издателей и фотографов); расширяются комментарии к отдельным сюжетам и сериям; более строгим, чем в издании 1996 года, становится каталог. Указатель имен не только увеличивается количественно: он дополняется указанием страниц, где упомянут данный человек; более развернутыми и глубокими становятся и характеристики самих фотографов и издателей. Увлеченный коллекционер, Медведев гордится каждой вновь найденной открыткой. То, что в предыдущей книге по сравнению с первой стало на 36 новых фотографий больше, вызывает особое чувство у читателей: известный в Иркутске специалист по архи-

тектурной реставрации и один из инициаторов подготовки и издания книги – А. К. Чертилов нашел в новой книге целых 16 городских объектов, которые ему не были известны. Вспоминаются строчки А. Блока: «Ведь сердце радоваться радо и самой малой новизне»

Главный инициатор и соавтор книги – инженер, руководитель строительных проектов и, одновременно, коллекционер-исследователь открыток Виктор Владимирович Куренков. Его усилия были приложены к созданию каталога-указателя, который значительно объемнее, подробнее, чем в предыдущем издании

И авторы, и издатели особенно заботились, чтобы сохранить именно тот оттенок тонировки, которым отличается то или иное изображение. Воспроизведенные в альбоме, они демонстрируют высокий уровень полиграфии времени их издания. Аутентичность размера и цвета репродукции – дополнительные факторы погружения в реальность прошлого.

От книги веет спокойствием, взвешенностью и ощущением правоты авторов в необходимости их исследования именно в настоящее время, когда еще сохранившаяся историческая застройка позволяет восстановить, вспомнить традиционный облик города. Я надеюсь, что «Иркутск на иллюстрированных открытых письмах» – одна из частей мозаики общей панорамы массового исторического сознания, строящего картину городской жизни Иркутска. Эта жизнь предстает

привлекательной, честной и чрезвычайно конкретной: брусчатка мостовой, лужи на улицах, маркизы на окнах магазинов, рассыпанные доски и бревна на площадке перед Иркутским железнодорожным мостом... Примеры можно умножать и умножать.

Авторы адресовали книгу в первую очередь специалистам: историкам, архитекторам-реставраторам, искусствоведам, краеведам, филокартистам-исследователям, специалистам в области сохранения историко-культурного наследия. И только в конце преамбулы – «всем, кто неравнодушен к богатому культурному наследию замечательного столичного сибирского города». Да, строгость научного аппарата заслуживает всяческих похвал. Да, полнота охвата материала выше всяческих похвал. Но это отнюдь не убавляет ценности альбома в глазах краеведов-любителей и дилетантов. Даже один и тот же сюжет, одна и та же тема благодаря многократным воспроизведениям приобретает особую стереоскопичность и глубину. Моего четырехлетнего внука вряд ли можно назвать специалистом. Он страстно интересуется железной дорогой. Открытки о Транссибе, включенные в альбом, дали мне возможность рассказывать ему истории о разных событиях столетней давности. А мальчик рассказывает уже свои собственные истории про паровозы, станции и пассажиров, глядя на страницы альбома

Коллекционеры, бескорыстно помогавшие в создании каталога

– преданные своему увлечению люди, составляющие небольшую, но весомую часть интеллектуальной элиты города. Их можно назвать двигателем и ускорителем работы исследователей. И уже сегодня видно, что работа С. Медведева и В. Куренкова не закончена: не исследованы тексты на открытках (не забудем, что письма открытые, то есть не содержащие приватной информации), не представлены изображения городов Иркутской губернии и окрестностей Иркутска... Многое еще осталось «за кадром», о чем знают авторы и что подталкивает их к новым исследованиям:

*...Найди пылинку дальних стран –
 И мир опять предстанет странным,
 Закутанным в цветной туман!*

**Марина Ткачева /
 Marina Tkacheva**

1. См.: Ткачева М. Актуальность прошлого // Проект Байкал. 2016. № 47–48. С. 54.

Фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» был учрежден на стыке тысячелетий. Первый фестиваль состоялся в 2001 году в иркутском Сибэкспоцентре и практически сразу получил широкий резонанс среди архитектурной общестественности и в Сибири, и в стране. С годами фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» вошел в число важнейших ежегодных архитектурных событий России. В программе фестиваля – смотры – конкурсы лучших архитектурных произведений, участники – архитекторы Восточной Сибири (города Иркутск, Ангарск, Братск, Чита, Красноярск, республика Бурятия, Тыва, Хакасия, Усть-Ордынский и Агинский бурятские национальные округа), с 2007 года к ним присоединяются архитекторы Западной Сибири (Омск и Барнаул). Экскурсии по городу получили название «авторский надзор», потому что проводят их авторы новых объектов, а это добавляет интереса и у коллег, и у журналистов. Самые актуальные темы обсуждаются в Дискуссионном клубе с приглашением авторитетных экспертов – за круглым столом делились своим мнением с нами Александр Раппапорт, Ольга Вендина, Леонид Коган, Александр Высоковский, Александр Гимельштейн, Андрей Кафтанов, Михаил Рожанский, Андрей Иванов, Дмитрий Фесенко, Анна Сирина, Антон Финогенов. Особой популярностью пользуются мастер-классы выдающихся российских архитекторов. За шестнадцать лет благодаря фестивалю архитекторы Сибири встретились со столичными мастерами Юрием Гнедовским, Александром Асадовым, Сергеем Киселевым, Александром Скоканом, Алексеем Бавыкиным, Владимиром Плоткиным, Андреем Савиным, Андреем Чельцовым, Александрой Павловой, Сергеем Скуратовым, Никитой Явейном, Тотаном Кузенбаевым, Михаилом Мамошиным, Юрием Земцовым, Андреем Боковым, Тимуром Башкаевым и Сергеем Гнедовским, сибиряками Игорем Поповским, Алексеем Мякотой, Петром Анисифоровым, Александром Дерингом и еще многими другими своими коллегами. Фестиваль рассматривается организаторами как этап подготовки к международному фестивалю «Зодчество» в Москве. Традиционно ЗВС проводится в Иркутске, впервые он поменял площадку на Красноярск в 2014, в этом году Красноярск принимает ЗВС во второй раз.

**Елена Григорьева,
вице-президент СА России,
основатель фестиваля**

The Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia" was founded at the turn of the millennium. The first Festival was held in 2001 at Irkutsk Sibexpocenter and caused a massive outcry among the architectural community in Siberia and throughout the country. Later the Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia" became one of the most important annual architectural events in Russia. The Festival program includes review competitions of the best architectural works and involves architects from Eastern Siberia (such cities as Irkutsk, Angarsk, Bratsk, Chita, Krasnoyarsk, republics of Buryatia, Tyva, Khakassia, as well as Ust-Ordynsky and Aginsky national districts of Buryatia). Since 2007 architects from Western Siberia (Omsk and Barnaul) have also participated in the Festival. City tours conducted by the authors of new buildings and called "designer supervision" arouse great interest among colleagues and journalists. The most topical issues are discussed at the Discussion Club. Among the competent experts who expressed their opinions at the round table were Alexander Rappaport, Olga Vendina, Leonid Kogan, Alexander Vysokovsky, Alexander Gimmelstein, Andrei Kaftanov, Mikhail Rozhansky, Andrei Ivanov, Dmitry Fesenko, Anna Sirina, Anton Finogenov. Prominent Russian architects give master classes, which enjoy great popularity. Within 16 years, with the help of the Festival, Siberian architects have met with masters from the capitals: Yuri Gnedovsky, Alexander Asadov, Sergey Kiselev, Alexander Skokan, Alexei Bavykin, Vladimir Plotkin, Andrei Savin, Andrei Cheltsov, Alexandra Pavlova, Sergei Skuratov, Nikita Yavein, Totan Kuzenbaev, Mikhail Mamoshin, Yuri Zemtsov, Andrei Bokov, Timur Bashkaev and Sergei Gnedovsky, as well as Siberian experts Igor Popovsky, Alexei Myakota, Petr Anisiforov, Alexander Dering and many other colleagues. The organizers consider the Festival to be a preparation stage for the International Festival "Zodchestvo" in Moscow. "Zodchestvo of Eastern Siberia" is traditionally held in Irkutsk. In 2014 it was held in Krasnoyarsk, and this year Krasnoyarsk has housed the Festival for the second time.

**Elena Grigoryeva
Vice-president of the Union of
Architects of Russia
Founder of the Festival**

XVII МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ЗОДЧЕСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ 2017

XVII межрегиональный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2017» / XVII International Festival “Zodchestvo of Eastern Siberia 2017”

Партнеры

Администрация города Красноярска (глава города Акбулатов Эдхам Шукриевич)
АО «Сибпропромстрой» (генеральный директор Мурадян Саркис Александрович)
ПСК «Омега» (генеральный директор Пуртов Александр Владимирович)
Строительная группа «СМ. СИТИ» (генеральный директор Коропачинский Александр Игоревич)
ООО «Белый город» (генеральный директор Дробышев Дмитрий Сергеевич)

Alfresco
Knauf
Ledvizor
Estima
Saint Gobain, Gyproc
AGC
Студия геосфер

разработчики дизайна и пиар фестиваля
Интерактивное агентство IDM
информационные партнёры
Город Прима
TATLIN
Проект Байкал
newslab.ru

ОРГАНИЗАТОРЫ ФЕСТИВАЛЯ

Администрация города Красноярска
Красноярская региональная организации СА России
Иркутская региональная организации СА России
Международная Академия Архитектуры (Московское отделение)
Востоксибакадемцентр РААСН

Состав жюри

Раздел «Постройки»

Председатель Шумаков Николай Иванович,
Москва, президент СА России, президент Союза московских архитекторов, заслуженный архитектор РФ, академик Российской академии художеств, академик Международной академии архитектуры (Московское отделение)

Заместитель председателя Григорьева Елена Ивановна,
Иркутск, вице-президент СА России, член-корреспондент РААСН, действительный член МААМ

Члены жюри Кузьмин Владимир Георгиевич,
Москва, член СА России, член Союза дизайнеров России

Бальцер Сергей Викторович,
Красноярск, архитектор, член СА России

Ульянов Владимир Иванович,
Красноярск, заслуженный архитектор России, член СА России

Секретарь Рагините Алина Владимировна,
Красноярск

Раздел «Проекты»

Председатель Станишев Георги,
Болгария, архитектор

Заместитель председателя Крылова Ирина Николаевна,
Красноярск, архитектор, член СА России

Члены жюри Александров Сергей Анатольевич,
Иркутск, архитектор, член СА России, главный архитектор города Иркутска

Комов Алексей Олегович,
Москва, архитектор, член СА России

Тен Антон Анатольевич,
Новокузнецк, председатель правления Новокузнецкой организации СА России, почетный архитектор РФ

Секретари Погосян Юлия Александровна,
Красноярск

Семенченко Елена Игоревна,
Красноярск

Страмилова Анастасия Сергеевна,
Красноярск

XVII МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

ЗОДЧЕСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

2017

Раздел «Пропаганда архитектуры» и «Творчество архитектурных коллективов и мастерских»

Председатель Кубенский Эдуард Александрович,
Екатеринбург, архитектор, член СА России, генеральный директор издательства TATLIN

Заместитель председателя Ткачева Марина Львовна,
Иркутск, кандидат философских наук

Члены жюри Лидин Константин Львович,
Иркутск, кандидат технических наук
Егорова Наталья Анатольевна,
Красноярск, архитектор, член СА России
Середенкина Светлана Валерьевна,
Иркутск, архитектор, член СА России

Секретарь Овчинникова Ольга Федоровна,
Красноярск

Раздел «Творчество молодых архитекторов и студентов»

Председатель Черников Андрей Александрович,
Москва, архитектор, профессор Международной академии архитектуры (IAA), первый Вице-президент Международной академии архитектуры в Москве (МААМ), член СА России, член Союза дизайнеров России

Заместитель председателя Козак Игорь Владимирович,
Иркутск, архитектор, председатель правления Иркутской организации СА России

Члены жюри Хотулёв Руслан Анатольевич,
Иркутск, архитектор, член СА России

Спиридонов Алексей Николаевич,
Красноярск, архитектор, член СА России

Секретари Степанченко Алина Игоревна,
Красноярск
Тихонова Ксения Игоревна,
Красноярск

Раздел «Детское архитектурно-художественное творчество»

Председатель Комов Алексей Олегович,
Москва, член СА России, градостроитель, урбанист, дизайнер, исследователь

Заместитель председателя Успенская Ольга Михайловна,
Красноярск, архитектор, член СА России

Члены жюри Кажеева Ксения Сергеевна,
Красноярск, графический дизайнер
Шачнева Варвара Геннадьевна,
Красноярск, художник, член Союза художников России
Ямалетдинов Сергей Федорович,
Красноярск, архитектор, член СА России
Петрова Татьяна Петровна,
Иркутск, архитектор, член СА России

Секретари Забелина Валерия Андреевна,
Красноярск
Афанасьева Дарья Алексеевна,
Красноярск

> На выставочной экспозиции. Председатель правления КРО САР Евгений Зыков, мэр Красноярск Эдхам Шукриевич Акбулатов, президент СА России Николай Шумаков, главный архитектор Красноярск Евгений Фролов

Хроника / Chronicle

Второй раз за семнадцатилетнюю историю межрегионального фестиваля «ЗВС» он проходил в Красноярске. Стала складываться традиция его проведения: размещение в наиболее интересном выставочном помещении – музейном центре «Площадь Мира» (автор здания – народный архитектор России А. С. Демирханов); торжественное открытие при участии мэра города; разнообразие фестивальных мероприятий; разностороннее и подробное освещение событий фестиваля на телевидении, в газетах и электронных СМИ; авторитетнейшее жюри; знакомство участников с достопримечательностями города и окрестностей. Организаторы фестиваля сделали лейтмотивом

нестоличные практики, сформулировав вопросы для обсуждения: есть ли собственная идентичность у сибирской архитектуры? Каковы пути развития наших городов? Они стали темой двух Круглых столов – в Иркутске, в преддверии фестиваля, и в Красноярске (материалы иркутского Круглого стола помещены в этом номере ПБ).

Мэр Красноярск Эдхам Шукриевич Акбулатов, который уделяет постоянное внимание вопросам динамики городской застройки и вносит весьма существенный вклад в проведение фестиваля, в своем выступлении на открытии подчеркнул, что администрация старается реализовать новые подходы в градостроительной деятельности. По его словам, кроме серьезной работы по созданию Генплана города до 2033 года, делается «упор на рекреационные территории, на зеленый каркас города, на создание условий для формирования общественных пространств, что является одним из важных достижений принятого генплана. Пройдя этап его создания, для нас принципиально важно иметь возможность обсуждать творческие идеи и решения в области архитектуры, объединяя в Красноярске специалистов из самых разных уголков России и зарубежных профессионалов». Впервые для участия в работе фестиваля посетил Красноярск Президент Союза архитекторов России Николай Шумаков. Он говорил о значении архитектуры как

основы строительной и культурной политики страны и особо отметил, что ландшафт и Енисей задают мощный тон, который должен стать камертоном для мышления архитектора. Существенный вклад в диалог с главой города и работу дискуссионного клуба внес президент МААМ академик Андрей Боков. Партнером фестиваля в первый раз стало Московское отделение Международной академии архитектуры, и вице-президент МААМ Андрей Черников поздравил сибирских архитекторов с этим знаковым событием. Основатель фестиваля Зодчество Восточной Сибири, вице-президент СА России Елена Григорьева, говоря об актуальности темы нестоличных практик, обратила внимание, что она напрямую свя-

зана с сохранением человеческого капитала: позиция архитекторов становится все более профессиональной и открытой тому новому взгляду на место обитания, который распространяется в мире. Фестиваль – это возможность в полной мере воспользоваться роскошью профессионального общения.

Смотры-конкурсы

Кроме традиционно наиболее активных Иркутск и Красноярск, на фестивале представлены работы из Читы, Братска, Барнаула, Кемерово, Новокузнецка, Томска и других сибирских городов.

Несмотря на несколько меньшее по сравнению с предыдущим годом количество представленных работ, награды фестиваля, по

Эдхам Шукриевич Акбулатов

Алексей Комов

Георги Станишев

Участники и гости ЗВС на лекции Георги Станишева

Андрей Черников, Георги Станишев,
Константин Шумов

мнению профессиональнейшего жюри, были вполне заслуженными. Доказательством служит тот факт, что золотые дипломы получили 18 репрезентантов во всех номинациях; это больше, чем дипломов другого достоинства. Было вручено 14 серебряных, 14 бронзовых и 14 поощрительных дипломов.

Следует особо отметить новую премию – Гран-при. В номинации «Проекты. Общественные здания» Гран-при получил проект велопешеходного моста на остров Татышев в г. Красноярске ООО «АДМ» (руководитель проекта – А. Мякота). Этот изысканнейший мост, выгнутый, подобно петле делающего удар хлыста, по словам председателя жюри известного архитектора из Болгарии Георги Станишева, может

украшать любой мировой город и является не только прекрасным проектом, но и арт-объектом. В номинации «Постройки. Общественные здания» столь же бесспорным лидером стала работа «Торгово-офисное здание с подземной автостоянкой по ул. Пискунова в г. Иркутске» ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского» (руководитель проекта – Н. Жуковский). Этот объект – прекрасный пример необрутализма, истинно иркутского стиля, восходящего к выдающему архитектору XX века В. А. Павлову. Он выделялся не только своими концептуальными особенностями, но и очень точно выбранными ракурсами съемки и культурой подачи. В разделе «Пропаганда архитектуры» высшей награды

удостоилась работа «Выставка в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева «Провинция. Архитектура Красноярска конца XIX - начала XX столетия» Она в высокой степени отвечает требованию выполнять просветительскую функцию, закрепляя в сознании горожан образ города, обладающий притягательностью и неповторимой оригинальностью. Прекрасным примером является 15-летняя деятельность четвертого обладателя Гран-при – архитектурного бюро ландшафтной проектно-производственной фирмы ООО «Сады Семирамиды» по озеленению Красноярска и сохранению его природного каркаса. Экспозиция работ МБУ ДО «Детская художественная школа» (руководитель

– А. Микрюкова) завершает список получивших Гран-при номинантов. Симптоматично, что во всех случаях мы имеем дело с объектами, воплотившими общественный темперамент авторов и явно показывающими их приоритеты – осмысление и преобразование общественных пространств как главной составляющей городской жизни.

Дискуссионный клуб

В течение фестиваля были проведены три дискуссионных мероприятия: Круглый стол «Нестолличные практики» и панельные дискуссии «Правовые коллизии в градостроительстве» и «Благоустройство дворов и парковых зон».

Участники панельной дискуссии «Правовые коллизии в градострои-

Тимур Абдуллаев

Даниэль Дендра

Андрей Черников

Владимир Кузьмин

Нестоличная прогулка. Участники фестиваля на острове Татышев

тельстве» добросовестно проанализировали ситуации, которые складываются в практике законодательства сибирских городов. Они заострили внимание на тех несоответствиях, которые возникают в реализации законодательных актов. К сожалению, в ней не участвовали представители от Минэкономразвития, Минстроя и Госдумы РФ, как было заявлено в программе, а констатация неблагополучия в области принятия законодательных актов и их дальнейшей реализации не имела конструктивного характера: как абсолютный патернализм, к которому апеллировали некоторые участники, так и «жесткая рука рынка» не могут стать конструктивным решением градостроительных проблем.

Более конкретным и живым был разговор о благоустройстве дворов и парковых зон, инициатором и модератором которого стал лидер

Красноярской организации Евгений Зыков. Обустройство придомовых территорий поручено коммунальщикам, а не архитекторам, поэтому участвовать в этой работе архитекторам зачастую приходится на общественных началах. Кроме того, проблема состоит еще и в том, что квалифицированные практики-архитекторы оказываются отстранены от проектирования, а использование студентов, проекты которых заведомо дешевле, чем работа уже состоявшихся профессионалов, не отличается должным качеством. Интересной оказалась представленная Управлением архитектуры Красноярска презентация проекта обустройства прибрежной зоны Енисея в границах города. Эта тема является актуальной и для Иркутска, Томска, Кемерово, и такой опыт проектирования, безусловно, окажется полезным. В 2019 году небольшому городу Енисейску,

внесенному в предварительный список ЮНЕСКО, исполняется 400 лет. Антон Шаталов доложил о разработанных проектных решениях по реконструкции исторической части города. Этот опыт полезен как пример нестоличной практики использования местного производства и реконструкции дизайн-кода для восстановления исторического облика городов.

Круглый стол «Нестоличные практики» начался с программных преамбул его инициаторов Алексея Мякоты и Елены Григорьевой. После кратких презентаций Артема Элли и Елены Григорьевой (она рассказала о проекте торговых кварталов в историческом центре Иркутска) последовал обширный доклад Алексея Мякоты. Он говорил о рекреационных пространствах города и края, способах их формирования и значении, иллюстрируя доклад яркими проектами своей мастерской. В целом разговор имел скорее монологический характер, а основные выступления были сделаны хозяевами фестиваля.

Лекции и мастер-классы

Яркой страницей стали мастер-классы, проведенные признанными авторитетами – архитекторами и дизайнерами. Гость из Германии Даниэль Дендра посвятил свое выступление работе над брендингом, в создании которого обязательно должны участвовать жители данного города, на примере города Одинцова. При этом он обратил

внимание, что для молодых районов и городов создание брендинга – гораздо более сложная задача, нежели для городов исторических. Для молодых городов дизайн-код можно конструировать, опираясь на название, обыграть словесный образ района, какие-то ритуальные действия, которые совершаются в данном месте и обязательно анализировать и использовать информацию, размещенную в социальных сетях. Обустройство парковых зон и дворов обсуждалось Д. Дендра на примере Ярославля. Он подчеркнул, что главное в этой работе – внесение новых смысловых акцентов в жизнь городских сообществ; при этом сама по себе она может быть недорогой.

Весьма содержательным был мастер-класс первого вице-президента Академии архитектуры Болгарии Георги Станишева. Он посвятил его проблеме исторической «пульсации» городов, озаглавив «Между зданием и городом» (интервью с Г. Станишевым размещено в этом номере ПБ).

Андрей Чернихов, президент Фонда Якова Чернихова, вице-президент МААМ, в «Проекциях памяти» показал, каким образом из набросков, «почеркушек», конферюшек может родиться образ будущего здания. Какое значение имеют наблюдение за формами поведения людей и использование художественных материалов, Андрей Александрович продемонстрировал на примере проектирования интерната для детей-аутистов.

^ Велопробег по острову Татышев

Пленэр. Участники фестиваля на корабле

Дизайнерский проект «Хрустального Дедала» был рассмотрен автором как воплощение системы образов, раскрывающих особенности архитектурного мышления.

Советник по архполитике Евпатории, исследователь курортной архитектуры Крыма и курортный урбанист Алексей Комов представил реализованные проекты дизайн-кода города, в котором учтена уникальность наследия советской курортной среды Крыма. Он увлеченно рассказывал об историческом контексте своих проектов, о «геноме» развития древнего города с архитектурным ресурсом среды и территории глубиной в 2,5 тысячелетия.

Дизайнер Владимир Кузьмин в мастер-классе «МатериаловИдение» артистично представил характеристику разных материалов, их художественных возможностей и современного использования в дизайне и архитектуре.

По инициативе Эдуарда Кубенского, архитектора, директора и главного редактора издательства TATLIN, информационного партнера фестиваля, под руководством О. Успенской, Т. Михеевой, К. Кажяевой и Э. Кубенского было осуществлено три интерактива для маленьких и взрослых горожан «Я художник». «Шишка желаний» перед выставочным центром превратилась в дерево, утыканное расписанными детьми деревянными лопатами, надежно размещенными в подставках и отражающими их представления о городе и счастье.

«Архи Мы» создавались в дружном совместном порыве. Взрослые творили свои версии кодов Малевича, Поповой, Кандинского в специальных альбомах.

Отдельного упоминания заслуживает велопогулка по острову Татышев. Этот остров – истинное украшение города, место всепогодного и всепогодного паломничества горожан, где осуществляется грамотное и перспективное обустройство рекреативной территории. Гости и хозяева на разномастных велосипедах весело прокатились по острову, поглядели на водопада-

ющих птиц и людей, несколько удивились обилию сусликов и полистали старые книги на территории буккроссинга. В заключение нестоличной прогулки участники полюбовались на панораму города с вершины Караульной горы и сфотографировались с десятирублевой купюрой в руках, на которой изображена часовня Параскевы Пятницы.

Завершился фестиваль награждением лауреатов, процедурой праздничной и торжественной. А пленэр «раздвоился»: часть участников предпочли прогулку по

Енисею, а часть решила провести свободное время более экстремально и отправилась в поход на знаменитые Столбы.

Фестиваль завершился. Может быть, в следующий раз он будет проходить в другом месте? В Восточной Сибири есть интересные города, которые могут привести в проведение фестиваля что-то оригинальное и новое.

Марина Ткачева / Marina Tkacheva
фото Анны Тарасовой и
Антон Петрова /
photos by Anna Tarasova and
Anton Petrov

Участники фестиваля покоряют Столбы

Гости фестиваля – люди именитые и востребованные. Время для интервью приходилось выкраивать по минутам: в перерывах, в перемещениях от одной выставочной площадки к другой. Кроме того, часть информации была взята из мастер-класса, который был проведен известным болгарским архитектором, теоретиком и историком архитектуры Георгием Станишевым в рамках программы фестиваля. Нам очень помогло свободное владение Георгием Станишевым русским языком и, конечно, его исключительная доброжелательность и открытость для общения. Мне так понравились некоторые используемые им непривычные слова, что я сочла возможным оставить их именно в той форме, которую использовал наш собеседник.

Гость фестиваля – Георгий Станишев (Болгария) / Guest of the Festival Georgi Stanishev (Bulgaria)

В беседе участвовали: профессор архитектуры Университета Архитектуры и Строительства в г. София, профессор МАА, руководитель студии PROJECTS GS, координатор международного консорциума «АДМ Чернихов» на конкурсе Стратегический план г. Москвы-2012 Георгий Станишев; социальный психолог Константин Лидин; архитектор Елена Григорьева.

КОНСТАНТИН ЛИДИН В нашем журнале мы запланировали серию статей о судьбах городов, в том числе тему их роста и размножения. Очевидно, что эти процессы сменяют друг друга.

ГЕОРГИЙ СТАНИШЕВ Сейчас мы наблюдаем период роста больших городов за счет уменьшения числа и значимости малых: маленькие селения не выдерживают конкуренции с большими и умирают. Этот цикл консолидации и урбанизации крупных городов противоположен дисперсности распределения населения, но в другом плане он идет параллельно относительноному уменьшению значения центров (столиц) государств и их централизации, за счет увеличения значимости и веса крупных городов. Так, например, если Европейской идее суждено реализоваться, то она будет представлять собой не содружество государств, но одно относительное общее пространство, в котором «плавают» некие структуры, подобные городам-го-

сударствам Античной Греции или таким же единицам на Итальяском полуострове XIV–XVI вв.

КЛ Есть ли у Вас соображения относительно причин смены этих циклов?

ГС Жизненные процессы всегда цикличны... вдох – выдох, они подобны смене экспансивной и интенсивной фазам развития города. Развиваясь вширь, город достигает определенного непреодолимого предела; и вдруг волна останавливается и обращается вспять, откатываясь обратно к центру, катализируя процессы его реконструкции, обновления... Но и в обществе ведь так...

У меня есть наблюдения относительно смены демократии и тирании в античных Афинах: цикл демократии сменяется циклом тирании. Причем тиран – это не какой-то плохой дядя-узурпатор; он чаще всего берет власть, чтобы восстановить некую справедливость в фазе, когда демократия уже необратимо коррумпирована. Ведь архонты – тоже люди... Конечно же, тирания тоже коррумпируется, причем гораздо быстрее, чем демократическая фаза...

КЛ Если бы удалось построить такую адекватную модель, это было бы очень полезно для планирования экономических процессов. Есть идеи относительно того, на чем эти процессы могут быть основаны. Город можно рассматривать как сгусток информации, которая имеет объективное (количество) и

субъективное (качество: понятия порядка и хаоса субъективны) измерения. Если два эти измерения «положить» на декартову систему координат, можно увидеть, как общество движется циклами в своих приоритетах. Мне представляется, что сейчас мы проходим через цикл минимального количества при среднем качестве: мы называем это кризисом, снижением уровня жизни, снижением роли потребления.

ГС Конечно. О пульсирующих циклах развития города, в частности Москвы, в свое время писал в своей докторской Э. Гутнов.

КЛ Сейчас ситуация обратная: сырье везут туда, где уже есть производство, и происходит это ровно по тем же экономическим соображениям. Вся Юго-Восточная Азия развивается в силу именно этих причин. В целом механизмы градообразования очень сложны, и было бы интересно их анализировать. Но начинать, как мне представляется, надо с создания образа.

ГС Да, образ обладает необходимой целостностью и подвижностью, в определенном смысле облегчающими дальнейшее рассмотрение.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА В каких отношениях находятся столица и периферия? В России, как и в Болгарии, столица – это воронка, в которую стекаются ресурсы со всей страны. Но есть и другие варианты: Швейцария, Германия. Как различные стратегии взаимоотношений страны со столицей формируют ее облик? Каковы преимущества

разных вариантов отношений? Чем отличается столичность от нестоличности?

ГС Я воспринимаю эту проблему в парадигме «центр-периферия». Один и тот же эволюционный механизм связывает эти понятия, эти полярные состояния экономики, культуры... Они и создают жизнь города, и, шире, – динамику цивилизации. Между центром и периферией ведется постоянный диалог; одно без другого не может существовать. Весь интерес – понять функцию себя, если ты оказался в определенной позиции. В классическом представлении центр формирует и «распространяет» некую систему представлений, правил, канонов, тогда как периферия эти каноны видоизменяет и адаптирует к своим конкретным контекстам и условиям.

В современном мире отношения центр-периферия значительно усложняются. Дело в том что из-за нарастания количества центров (см выше о развитии крупных городов), из-за формирования полицентрических структур, периферии оказываются в очень выгодном положении... Каждая периферная точка может сегодня свободно, относительно свободно, соотносить себя с разными центрами.

Прелесть нестоличного поведения в том, что возможно и нужно воспринять присутствие разных столиц вокруг себя. В вашем регионе, в стране, устроенной по административному принципу,

В интервью обсуждаются социальные проблемы взаимодействия столицы и периферии, функции и возможности периферийности, значение культурных факторов для динамики городов. Рассматриваются процессы современной урбанизации, стихийность и планомерность в создании современных городов. Подчеркивается гибридный характер стратегий вновь возникших центров. Ставится вопрос о необходимости самостоятельной стратегии развития периферийных территорий.

Ключевые слова: архитектура; столичность; периферийность; нестоличность; культура; политика; идеология; информация; город; цивилизация; гибридность; свобода выбора. /

The interview contains discussion of social problems of interrelations between the capital and the periphery, functions and possibilities of the periphery, and significance of cultural factors for the dynamics of cities. The interview touches upon the processes of modern urbanization, as well as spontaneity and regularity of construction of contemporary cities. The hybrid character of the strategies for new centers is highlighted. The necessity to work out an independent strategy for development of peripheral territories is discussed.

Keywords: architecture; centrality; periphery; non-metropolitan character; culture; policy; ideology; information; city; civilization; hybridity; freedom of choice.

Лауреаты / Laureates >>

все сосредоточено вокруг политической столицы. Но, с другой стороны, вы – часть Восточно-Азиатского ареала, где есть свои центры влияния. Мне кажется, это имеет значительный перевес перед влиянием Запада.

ЕГ Да, вся восточная часть России занята машинами с «неправильным» рулем. Их завозят из Японии, это ближайший к нам глобальный центр производства автомобилей.

ГС Если периферия ощутит возможности соотношения с разными центрами одновременно, количество свобод у нее достаточно резко возрастет, если не считать свободу только административным фактором, а иметь в виду, в первую очередь, факторы культурные. Я упоминаю об административных структурах лишь постольку, поскольку и они тоже имеют культурный вес.

КЛ Но если считать свободу выбором, тогда у периферии только и останется, что возможность выбора между разными столицами. И нам останется выбрать ту столицу, к которой мы тяготеем преимущественно. И опять останется одна столица.

ГС Я так не думаю... Прелесть периферии в том, что нет необходимости выбирать одну в мире, в котором конкретная периферия подвержена влияниям множества центров. Вот Болгария в силу своего местоположения всегда была в ситуации периферности... Окраина Римской империи, северная

периферия Византии. Далее она существует в периферии ряда иных имперских структур: Османской империи, но при культурном влиянии Российской империи и при цивилизационном и техническом влиянии Австро-Венгерской империи и Германии. Именно в периферной ситуации становится возможным не только выбирать разные центры, но и свободно рекомбинировать, гибридизировать каноны, распространяемые различными центрами влияний.

Болгарская архитектура в XIX–XX веках формируется как полифонический конгломерат из множества влияний, создавая уникальные образцы гибридности, многозначности. Об этом не пишут историки, так как они чаще всего занимаются поисками и описанием образцов чистых парадигм классицизма, модернизма и т.д. Только в последние годы исторический дискурс стал сдвигаться с этой «центро-стремительной» точки зрения. Это после работ Ф. Броделя, а в архитектурной сфере – книг Ганса Ибелингса...

КЛ Тогда каждый сам себе столица.

ГС В какой-то мере – да, если он периферный человек. Периферный человек – это свободный человек. Ведь как говорил в одной из своих лекций Колхас, ты свободен, пока ты не сделал выбора...

КЛ Следуя логике Фукуямы, монополярный мир уже состоялся, следовательно, есть и столица мира.

ГС У Фукуямы в одном из его интервью есть рассуждение о том, что будет, когда весь мир будет выровнен и либеральный капитализм разольется, подобно молоку. Каковы будут устои этого будущего мира? В таком мире, по его мнению, неизбежно должен родиться центр сопротивления монополярности, возникнет необходимость оппозиции и существования альтернативного центра, а еще лучше – множества центров, которые создают, но и регулируют напряжения внутри этого мира. И те периферии, которые оказываются как раз вне этих центров, имеют благоприятные возможности ментального выбора.

В архитектуре в 70-80-е годы существовало основное противопоставление: модернизм – постмодернизм. Архитектор принадлежал к одной из этих двух «доктрин», верил и защищал идеи своего направления. Вскоре это противопоставление исчезло, рассеялось, в том числе и после крушения двухполюсного идеологического мира. Идеология вообще перестала существовать. В период нулевых годов XXI века выросли десятки крупных «конусов», которые явились звездами архитектуры. Каждая из этих звезд стала центром трансляции, рассеивания (broadcasting) информации, своих собственных взглядов, учения, методологии на определенный кусок мира. При этом не имели значения географические координаты, главным был именно начальный импульс

создателя. И в этом случае тоже были периферные случаи, когда архитекторы не принадлежали ни к одной из когорт. Сейчас идет процесс, в котором эти звезды пропадают с горизонта и возникают новые в гораздо большем количестве, точки интереса, «вибрации», которые становятся все больше провинциальными, периферными. Это Латинская Америка, в какой-то степени Южная Африка. Юго-Восточная Азия и Китай и т.д. Интересные явления возникают там, где нет канонизации.

КЛ Следовательно, столицы растворяются?

ГС Они начинают иметь положение, равное с другими центрами. Огромное количество городов начинают генерировать собственное культурное восприятие, которое становится их собственным «конусом».

Но гораздо важнее понять, как возможно практически использовать эти теоретические наброски относительно функционирования центра-периферии в практике планирования и проектирования городов, в частности, городов Сибири... И в этом отношении мы подготовили определенные предложения по применению одной из современных и перспективных методик стратегического и мастер-планирования а также архитектурного проектирования с целью решения наиболее узловых точек городской среды.

Марина Ткачева / Marina Tkacheva

Анна
Ковригина

Галина
Лашук

Николай
Жуковский

Лидия
Грибакина

Алексей
Мякота

Лауреаты ЗВС / Laureates of the Festival

Ольга Успенская

Владимир
Медиевский

Николай Ларичев

Антон
Шаталов

Алексей
Полицарпочкин

Станислав
Максимов

Светлана
Середенкина

Владимир
Максимов

Евгений
Зыков

Артур
Пилипенко

Ольга
Смирнова

Наталья Никонова

Анастасия
Лосева

Татьяна Зверева

Каталог / Catalogue >>

Ксения
Кажаяева

Дарья Афанасьева

Александр
Добролюбов

Александр
Деринг

Вера Хотулева

Дарья
Кремлева

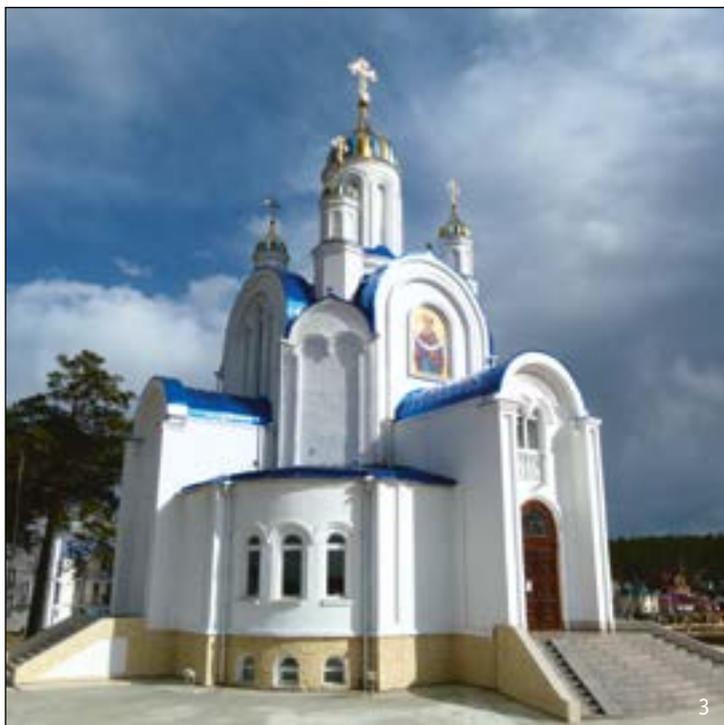
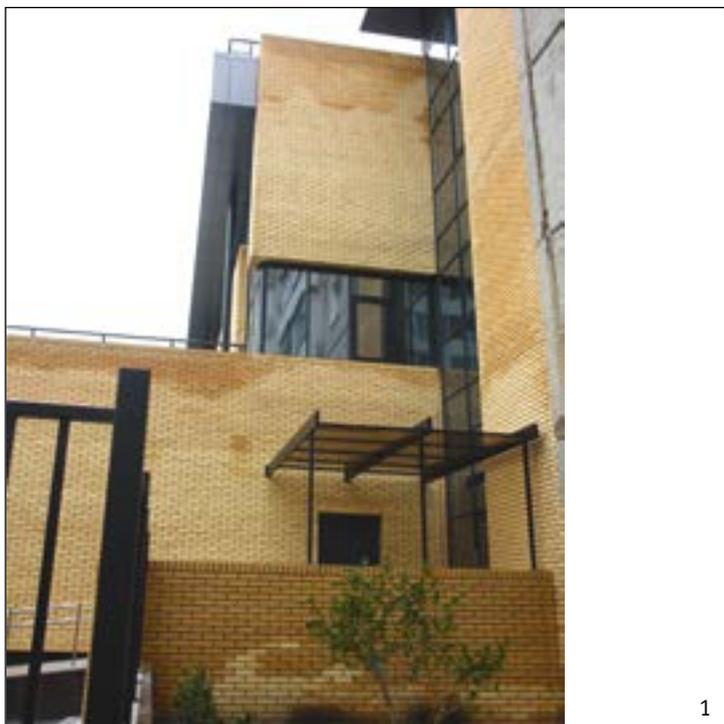
Анастасия Репина

Елена
Григорьева

Игорь Башкатов

номинация «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

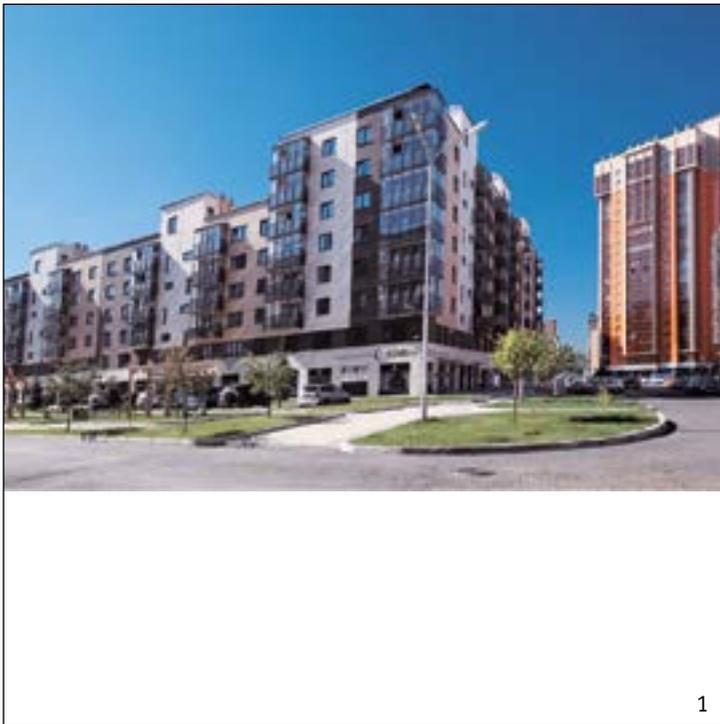
1. ГРАН-ПРИ, ЗОЛОТОЙ диплом
Торгово-офисное здание с подземной автостоянкой по ул. Пискунова в Иркутске.
Авторы: Н. Жуковский, И. Силичева, Д. Сидельников, Ю. Мавликаева

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Международный гостиничный комплекс IBIS & Novotel, город Красноярск, Центральный район, Карла Маркса, 123.
Авторы: А. Пилипенко, О. Артамонова, А. Иванов, В. Киселева, Т. Чуканова

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Храм Покрова Пресвятой Богородицы в п.Пивовариха, Иркутской области.
Авторы: О. Бадула, А. Сидоров, при участии Ю. Петрука

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Торгово-офисный комплекс с подземным гаражом – стоянкой по ул. Маерчака – ул. Лиды Прушинской – ул. Заводской в Красноярске
Авторы: А. Ратушняк, Н. Топкасов, С. Ратушняк, В. Погорелова, В. Федченко

5. Горнолыжный комплекс «Бобровый лог»: спортивно-тренижерский блок, устройство системы видеотрансляции.
Автор А. Иванов

1

2

3

4

номинация «ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Жилой район «Южный берег»,
расположенный на территории
бывшей промышленной зоны
судостроительного завода имени
«Г. Т. Побежимова». Красноярск.
Авторы: А. Добролюбов,
С. Добролюбов, Н. Чиин

2. БРОНЗОВЫЙ диплом
Жилой дом со встроенными
нежилыми помещениями и
автостоянкой по адресу: Иркутск,
пер. Черемховский, 10в.
Авторы: С. Демков, Н. Шерстова,
А. Концевой, Д. Родионов,
М. Родионова, Л. Киберева

3. Градостроительный комплекс в
Свердловском районе г. Иркутска.
Микрорайон Союз.
Авторы: И. Козак, В. Стегайло,
И. Бобрышева, В. Войтович,
А. Думитрашку, Ю. Шевченко,
А. Дмитриева, Н. Елаго,
В. Колесникова, А. Хороших,
И. Черепанов

4. Каркасный дом в пригороде
Иркутска.
Автор Я. Мирская

1

3

2

4

номинация «РЕКОНСТРУЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ»

1. БРОНЗОВЫЙ диплом
Реставрация объекта культурного наследия регионального значения «Дом жилой, 1880-е годы», по адресу: Иркутск, ул. Лапина, 45, лит. А.
Авторы: А.Поликарпочкин, Л. Захарова, Л. Басина, М. Кобылина, Е. Кузнецова, А. Ксенофонтов, А. Кибальник

2. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Свято-Никольский храм.
Авторы: Е. Курилина, Н. Ланина

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Интерьер таунхауса в ИНКОМ Удачный в Красноярске.
Авторы: И. Патрушева, Е. Патрушев

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Интерьеры сети фастфудов японской кухни «СЕГУН» в Красноярске и Канске.
Авторы: И. Патрушева, М. Дружинина, Е. Патрушев

6. Интерьер квартиры в Академгородке в Красноярске.
Авторы: И. Патрушева, О. Силкина, Е. Патрушев

номинация «ИНТЕРЬЕРЫ»

3. ЗОЛОТОЙ диплом
Сетевой проект «Городская библиотека». Стилистика и структура «Городская библиотека».
Авторы: И. Башкатов, А. Закурдаев, И. Башкатова, О. Могилат, Н. Аксенова, Е. Дементьева, В. Рыжова, М. Закурдаева, Н. Назаркина

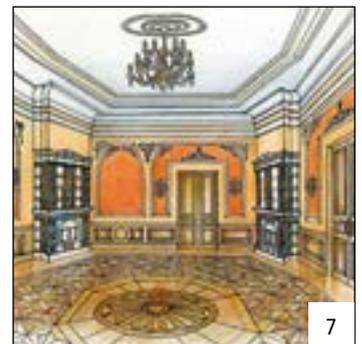
7. Стилистическое воссоздание интерьеров парадных помещений анфилады 2-го этажа Архиерейского дома и полов храма Иоанна Предтечи на объекте культурного наследия федерального значения «Архиерейский дом, 1866–1886 годы», Красноярск, ул. Горького, 27.
Авторы: Е. Гевель, Л. Сергеева, Е. Гевель, Е. Матушкина

5

6

7

номинация «ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
 Проект планировки нового микрорайона, расположенного в жилом районе Солнечный в Красноярске.
 Авторы: Е. Зыков, А. Лябчук, Т. Бандура, А. Смирнов, К. Савицкая, Ю. Доронина, М. Лаусман, А. Меркулова

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
 «Иркутские кварталы». Проект планировки территории, включая проект межевания территории и правила землепользования и застройки.
 Авторы: А. Козьмин, Е. Григорьева, В. Хотулева, А. Московская, Д. Кремлёва, А. Репина, В. Казакова, П. Ковшаров, А. Левашев, Д. Сайдулин, С. Маяренков

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
 Планировка территории административно-общественного центра в Комсомольске-на-Амуре и набережной реки Амур.
 Авторы: В. Хотулева, А. Московская, И. Кищенко, А. Цыбенков, И. Бобрышева, И. Козак, Е. Логванова, Е. Зелент, В. Войтович, А. Хороших

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
 Правила землепользования и застройки города Иркутска. Администрация Иркутска при участии МКУ «УКС города Иркутска», АО «Иркутскгражданпроект», ООО «Градостроительная мастерская «Линия»

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
 Проект зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Красноярска.
 Авторы: Н. Царева, Т. Лисиенко, О. Шильдина, Л. Устинова, А. Кузакова, Е. Гевель, С. Кагора

6. Проект планировки нового микрорайона, расположенного в жилом районе Солнечный Красноярска.
 Авторы: А. Лябчук, Т. Бандура, А. Смирнова, К. Савицкая, Ю. Доронина, М. Лаусман, А. Меркулова

7. Проект планировки и проект межевания территории, предназначенной для размещения объекта капитального строительства регионального значения «Образовательный комплекс «Умная школа».
 Авторы: М. Протасова, В. Баранова, М. Горячая, В. Кольган, О. Фролова, Т. Ушакова

1

2

3

4

номинация «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ГРАН-ПРИ
Велопешеходный мост на остров Татышев в районе ул. С. Лазо.
Авторы: А. Мякота, Л. Грибакина, Е. Елизарова, А. Рубцов, при участии: А. Якимова, М. Туровнина, И. Сокова, Р. Волошко

2. ЗОЛОТОЙ диплом
Региональный спортивно-тренировочный центр по зимним видам спорта у подножия вулкана Авачинского, Камчатский край.
Авторы: Д. Ананьев, И. Коркин

3. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Красноярский драматический театр им. А. С Пушкина по адресу: Красноярск, пр. Мира, д. 73, блок 3.
Авторы: А. Шаталов, А. Михеев, Т. Мальцева, Ю. Анчевский, А. Понявин

4. БРОНЗОВЫЙ диплом
«Торгово-развлекательный комплекс, расположенный в Свердловском районе Красноярска.
Авторы: А. Пилипенко, Е. Ковалев, А. Иванов

5

6

7

8

9

10

11

5. Многофункциональный комплекс с выставочным залом музея автотехники.
Автор С. Гришкин

6. Бизнес -центр с подземной автостоянкой по адресу: Иркутская обл. г. Усть-Кут, ул. Реброва-Денисова, 4.
Авторы: А. Третьяков, Т. Мичковская, А. Дымченко, И. Томшин

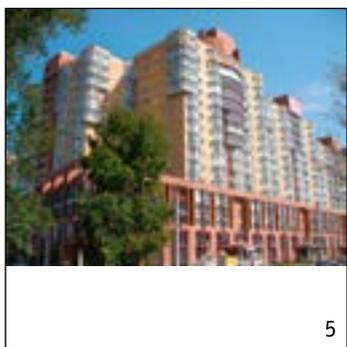
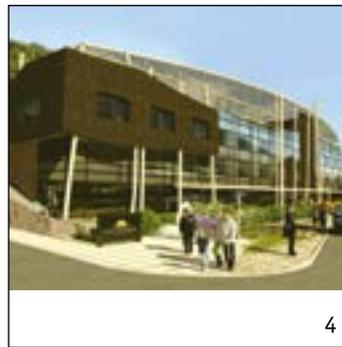
7. Центр по хоккею с мячом и конькобежным видам спорта с искусственным льдом в Иркутске.
Авторы: В. Юртин, Л. Ежова, И. Логванов, О. Залуцкая, А. Яровая, Е. Журавлева, Т. Наумова

8. Школа на 1136 мест в микрорайоне 9, жилого района Восточный по ул. П. Федоровского в Томске.
Авторы: А. Спиридонов, Е. Спиридонова, Я. Спиридонова, В. Грибань

9. Проект клуба боевых единоборств «Стихия Байкала» в Ленинском районе Иркутска.
Авторы: А. Красильников, Е. Красильников, А. Ковалева

10. Административное здание по ул. Академической в Иркутске.
Авторы: С. Чумаков, В. Никифоров, М. Жаркова, Д. Аюпов

11. Павильон «Национальная кухня» на острове Татышев.
Авторы: А. Мякота, Л. Грибакина, А. Якимова, М. Туровина, В. Порных, И. Сокова, Е. Елизарова, А. Рубцов

номинация «ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

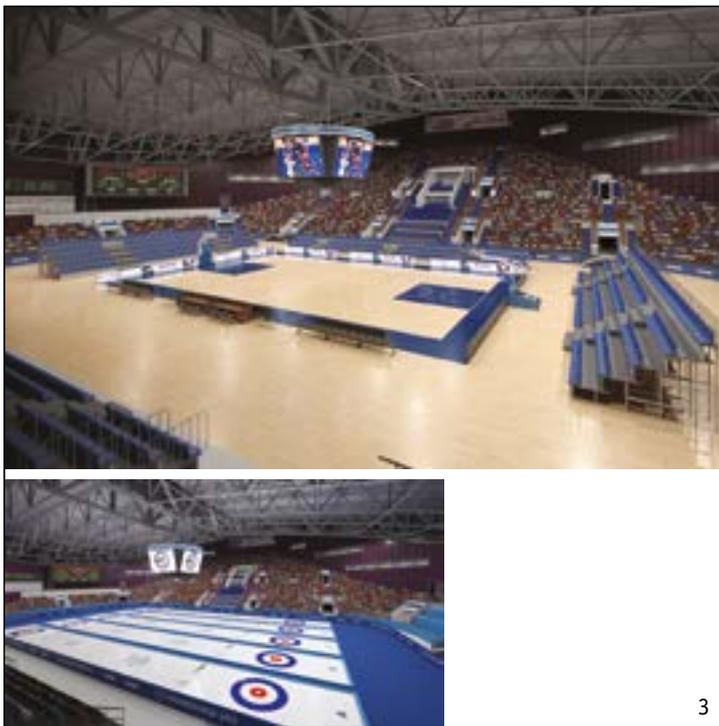
1. ЗОЛОТОЙ диплом
Жилой комплекс бизнес-класса «Безымянный ручей».
Авторы: А. Шаталов, Н. Ларичев, А. Шарыпова, Е. Спиридонов, Я. Спиридонова, А. Бегишев
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Девелопмент-концепция нового района «Живем».
Авторы: А. Шаталов, А. Осадчий, М. Кулдошин, Д. Юсьма, Т. Максимчук, И. Ряпосов, Е. Спиридонов, Я. Спиридонова, Е. Тимохов, А. Шарыпова, К. Выграненко, Н. Воропаев
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Группа жилых домов в поселке-парке «Горизонт».
Авторы: Д. Кузнецов, И. Бутырин, С. Чашин, А. Репина
4. Группа жилых домов Baikal Hill Residence в п. Листвянка Иркутского района Иркутской области.
Авторы: Д. Сидельников, В. Серебренникова, И. Вергин, Е. Балаганская
5. Группа жилых домов по ул. Сурнова в Иркутске.
Авторы: С. Чумаков, В. Никифоров, М. Жаркова, И. Коркин, Н. Эрдман, Д. Аюпов
6. Жилой район Юго-Западный. Многоквартирные жилые дома в рабочем поселке Маркова Марковского МО Иркутского района.
Авторы: С. Ананьев, С. Грудинина, О. Бабкина, Г. Филук, Т. Мичковская, А. Пятидесятникова, М. Французова, И. Есиков
7. Многоэтажный жилой дом с подземной автостоянкой и нежилыми помещениями по адресу: Красноярск, Центральный район, жилой район Покровский.
Авторы: И. Орестов, Т. Ковалев, Н. Калашникова, А. Иванов, Ю. Тишенина
8. Городская вилла «Black House». Проект малоэтажного многоквартирного жилого дома в Иркутске.
Авторы: С. Середёнкина, С. Максимов

1

2

3

4

номинация «РЕКОНСТРУКЦИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
 Проект регенерации центральной части города Енисейска (научно-исследовательская работа).
 Авторы: АО «Гражданпроект»: Т. П. Лисиенко, Л. Г. Устинова, Н. В. Гилевич, М. М. Злобина, А. В. Голомидова, Д. Б. Тугужаков
 ООО «Проектдевелопмент»: А. Б. Шаталов, А. Ю. Шарыпова, Я. В. Никольская, И. А. Ряпосов, Е. А. Спиридонов, Я. С. Спиридонова, Е. С. Тимохов, А. С. Шишкин

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
 Реконструкция спортивных сооружений «Академия биатлона», расположен в Октябрьском районе Красноярска за территорией спортивного комплекса «Академия Биатлона».
 Авторы: А. Власов, А. Иванов

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
 Реконструкция Дворца спорта им. И. Ярыгина на 3400 мест по адресу Красноярск, о. Отдыха, 12,
 Авторы: А. Шаталов, А. Михеев, Т. Мальцева, Н. Кристаллович, Е. Дудникова, Ю. Анчевский, А. Понявин, М. Заварзин, М. Звягина, Н. Михайловская, Е. Спиридонов, Я. Спиридонова, А. Ильюшенкова

номинация «РЕСТАВРАЦИЯ»

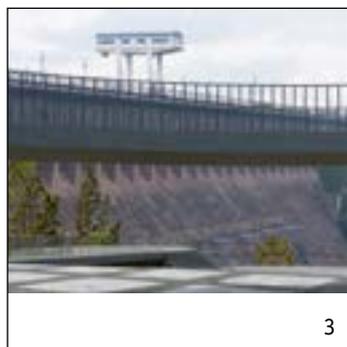
4. ЗОЛОТОЙ диплом
 Проект реставрации объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба: жилой дом», 1880-е годы, по адресу: Иркутск, ул. Володарского, 2, лит. А.
 Авторы: А. Поликарпочкин, Л. Захарова, Л. Басина, М. Кобылина, Е. Кузнецова, А. Ксенофонтов, А. Кибальни

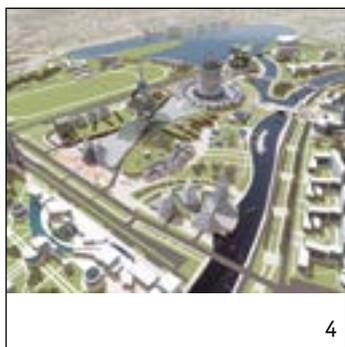
1

2

3

4

5

6

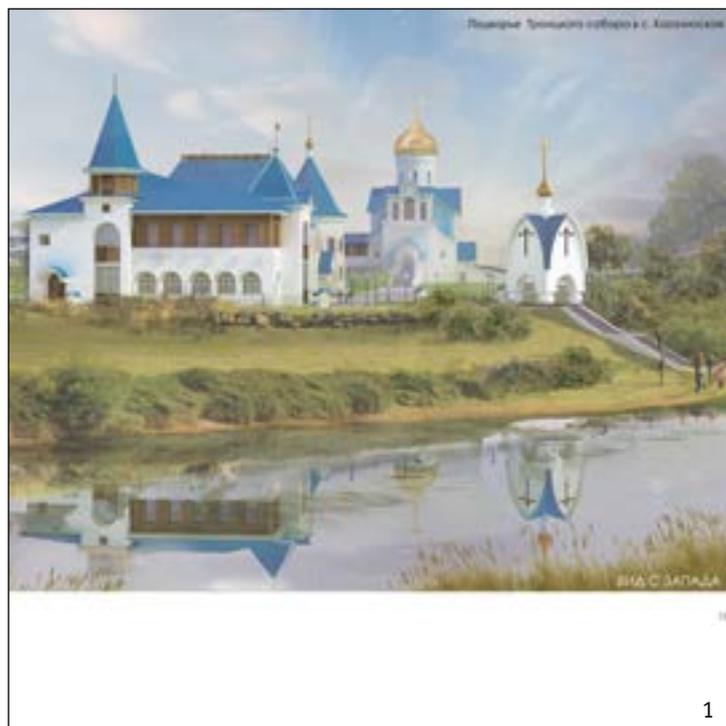
7

номинация «КОНЦЕПЦИИ»

- 1. ЗОЛОТОЙ диплом
Музей селькупской культуры и быта под открытым небом «ЧУМЭЛ-ЧВЭЧ – селькупская земля», Томская область, пос. Парабель.
Авторы: Ю. Рачковская, Н. Тучкова
- 2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Концепция реновации территории бывшего Барнаульского сереброплавильного завода – спичечной фабрики.
Авторы: А. Деринг, И. Быков

- 3. Смотровая площадка Братской ГЭС.
Автор В. Пуляев
- 4. Ландшафтно-архитектурная концепция комплекса «Земля Олонхо» в Якутске.
Автор А. Мамешин
- 5. Жилой комплекс «ЕВРАЗИЯ» по ул. Аванесова в Барнауле.
Авторы: В. Золотов, К. Шерунов, Ю. Золотова

- 6. Архитектурная концепция жилого комплекса по Байкальскому тракту, п. Новая Разводная, Иркутский район.
Авторы: М. Протасова, С. Гладков, С. Заславский, Я. Соболевский, Н. Смирнов, Р. Вырупаев
- 7. Входная группа со стороны Виноградовского моста на остров Татышев.
Авторы: А. Мякота, Л. Грибакина, при участии М. Туровина, А. Якимова

1

2

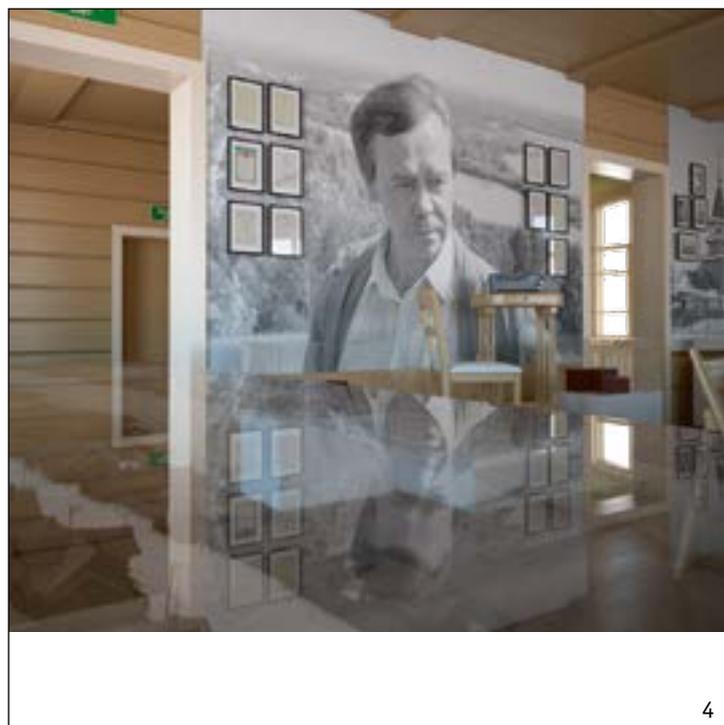
номинация «КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ»

- 1. ЗОЛОТОЙ диплом
Подворье Троицкого собора в селе
Казачинском.
Авторы: И. Шевнина, В. Медиевский,
Е. Сальникова, Ю. Доронина
- 2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Проект зон охраны объекта
культурного наследия регионального
значения «Церковь Параскевы
Пятницы. 1855–1857 гг.»,
д. Барабаново.
Авторы: Н. Царева, Т. Лисиенко,

- О. Шильдина, Л. Устинова,
А. Кузакова, С. Какора
- 3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Храм во имя Святых Благоверных
Князя Петра и Княгини Февронии
на 400 прихожан на ул. Кирова 1а, в
Центральном районе Новокузнецка.
Авторы: П. Тиманов, Афанасьева,
И. Сизова, С. Тиманова,
В. Перекрестов, Л. Ключников

номинация «ИНТЕРЬЕР»

- 4. ЗОЛОТОЙ диплом
роект художественного решения
экспозиции Музея В. Г. Распутина.
Авторы: С. Середёнкина, С. Максимов,
В. Максимов

4

1

2

3

4

5

номинация «ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА»

1. **ЗОЛОТОЙ диплом**
 Благоустройство территории сквера имени архитектора А. И. Выпова в Новокузнецке.
 Автор С. Гришкин, ГАП
2. **СЕРЕБРЯНЫЙ диплом**
 Концепция реконструкции особо охраняемой территории «Сад А. К. Томсона».
 Авторы А. Красильников, В. Казакова, Д. Кремлева, А. Репина, О. Семина, С. Маяренков, Т. Строгонова
3. **БРОНЗОВЫЙ диплом**
 Набережная Лисиха. Берегоукрепление и благоустройство набережной реки Ангары от плотины ГЭС до бульвара Постышева в Иркутске.
 Авторы: С. Демков, Г. Губина, Н. Шерстова, Е. Кесслер, А. Концевой, И. Концевая, Е. Логванов, И. Попова, при участии В. Бобовского, И. Антиповой, К. Слудневу, М. Котову, Д. Сердцеву, С. Кострюковой
4. Благоустройство территории, прилегающей к ТРЦ «Тау-Галерея» в Саратове.
 Автор А. Холявко.
 Рук. И. Дружинина
5. Концепция развития общественных пространств по улице Александра Вампилова в Иркутске.
 Авторы: Р. Хотулев, Ю. Лифантьева, Е. Логванова, А. Богданова, И. Ставский, Е. Вотякова, Р. Москвитин, А. Холявко, В. Хотулева

1

2

3

4

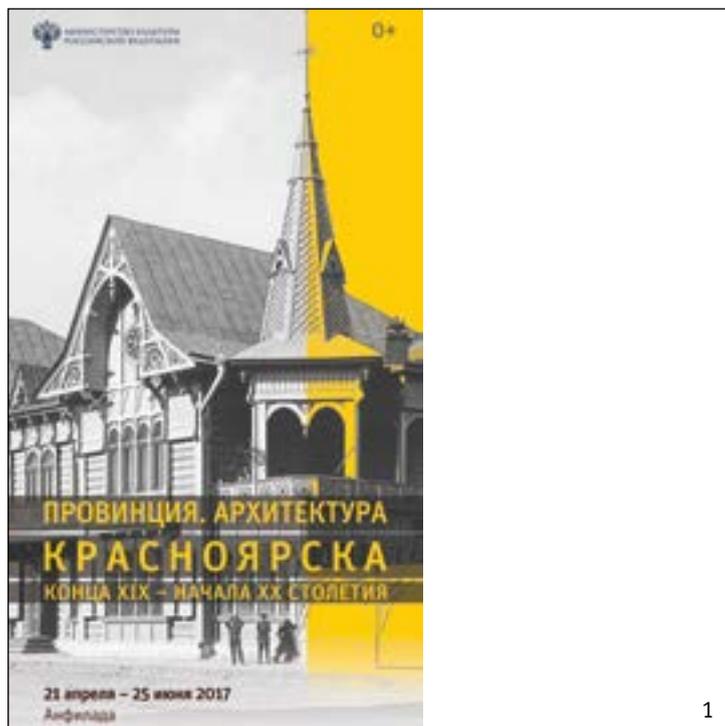
**номинация «ТВОРЧЕСТВО
АРХИТЕКТУРНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ И
МАСТЕРСКИХ»**

1. ГРАН-ПРИ, ЗОЛОТОЙ диплом
Творчество архитектурного
бюро ландшафтной проектно-
производственной фирмы ООО «Сады
Семирамиды» с 2002-го по 2017-й год
(15 лет)
Авторы: Н. Никонova, О. Смирнова,
Л. Тисова, Н. Осьмуха, С. Малинина,
Е. Климова, О. Сорокина, Т. Зверева,
А. Лосева, Д. Смирнова, В. Никонов,
А. Раитин, Д. Абрамов

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
XI Всероссийский архитектурный
фестиваль «АрхБухта. OUTLAND»
Авторы: Р. Малинович,
М. Подшивалов, И. Ботвинкин,
А. Вельдяев, А. Жмыхова,
Е. Козырева, Н. Боровикова,
Е. Кошкина, Е. Пашкова, Е. Денисова

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Проектное бюро архитектора
Бальцера, ООО «Махаон»,
Нестолчная практика №1. Жилой
комплекс «Фрегат Нео», 2-я очередь,
Красноярск, ул. Краснодарская, 10а,
2017 год / Нестолчная практика, №
2. Жилой дом по ул. Корабельная,
Красноярск, ул. Корабельная, 9,
2016 год / Нестолчная практика,
№ 3. Бизнес-центр «Капитал»,
Красноярск, ул. Молокова, 37а, 2016
год / Нестолчная практика, № 4.
Многофункциональное здание по ул.
Партизана Железнякa, Красноярск,
2016 год
Авторы: С. Бальцер, Е. Галкина,
Ю. Коваленко, Д. Волков, Н. Русскова,
В. Кармацких, П. Сергейчук,
И. Голубева

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Рабочий эскиз и реализация
благоустройства и озеленения
частной усадьбы на о. Байкал,
июнь – июль 2016 г. / Проект
благоустройства и озеленения
частной территории на сложном
рельефе
Автор Н. Калашникова

1

2

3

номинация «АРХИТЕКТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

1. ГРАН-ПРИ, ЗОЛОТОЙ диплом
Выставка в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева «Провинция. Архитектура Красноярск конца XIX – начала XX столетия»
Авторы: О. Успенская, Б. Шаталов, И. Башкатов, С. Геращенко, Н. Карюк, Л. Гайкова, М. Меркулова, А. Слабуха, Э. Успенская, С. Ямалетдинов
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Цикл статей и серия просветительных экскурсий проекта «Что теряет Красноярск?»
Авторы: Т. Антипова, Е. Гевель, Е. Гевель
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Серия публикаций по итогам 18-й сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного уни-

- верситета по теме «Малые реки как составляющая городского развития»
Авторы: О. Иванова, А. Михайлов, М. Меерович, А. Кострубова, В. Нуязина, А. Косолапова, Т. Данилова, Д. Червинская, Д. Кремлёва, П. Дорофеев, В. Ставицкая, Ю. Никифорова
4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Каталог 1997–2017 «Творческая

- школа-студия «Архитектура + дизайн» для старшеклассников»
Автор А. Ковригина
5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Видеофильмы по курсу «Средовые факторы в архитектуре»
Автор И. Дружинина

1

2

3

4

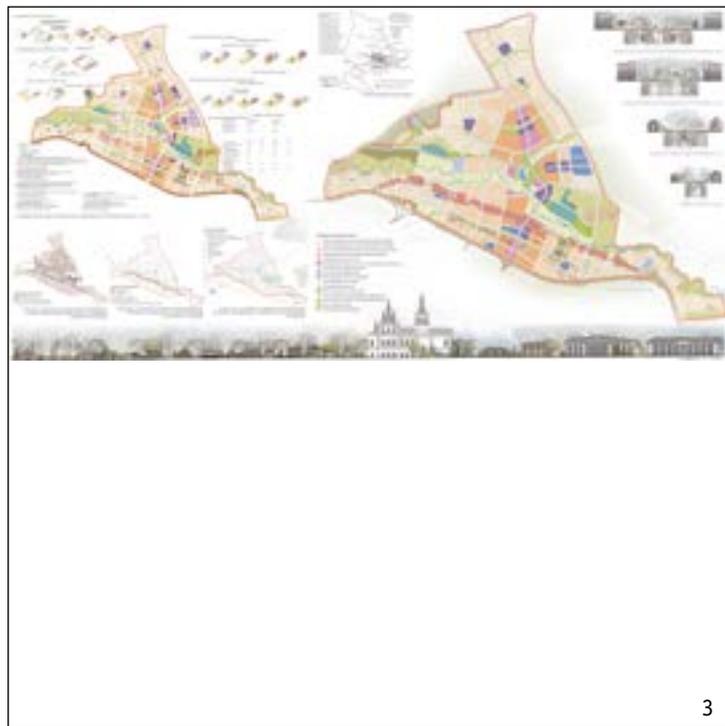
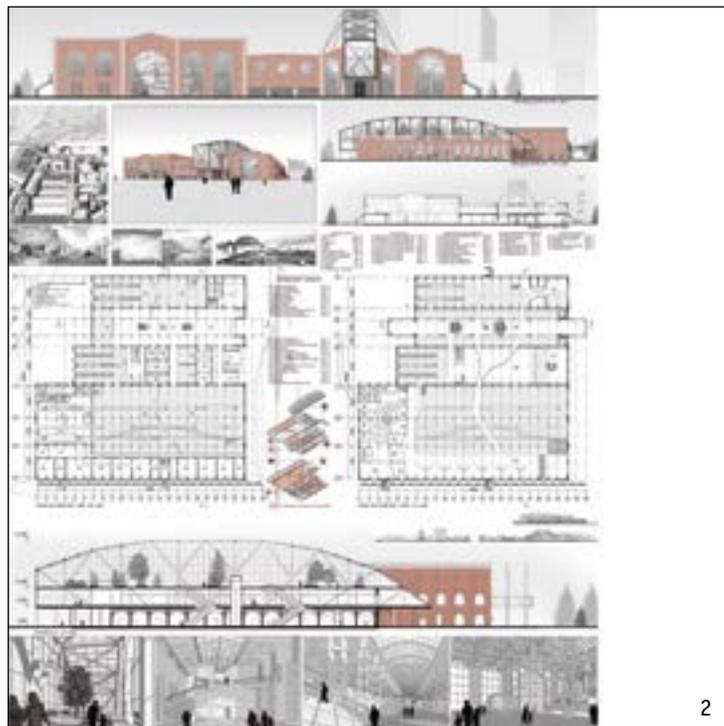
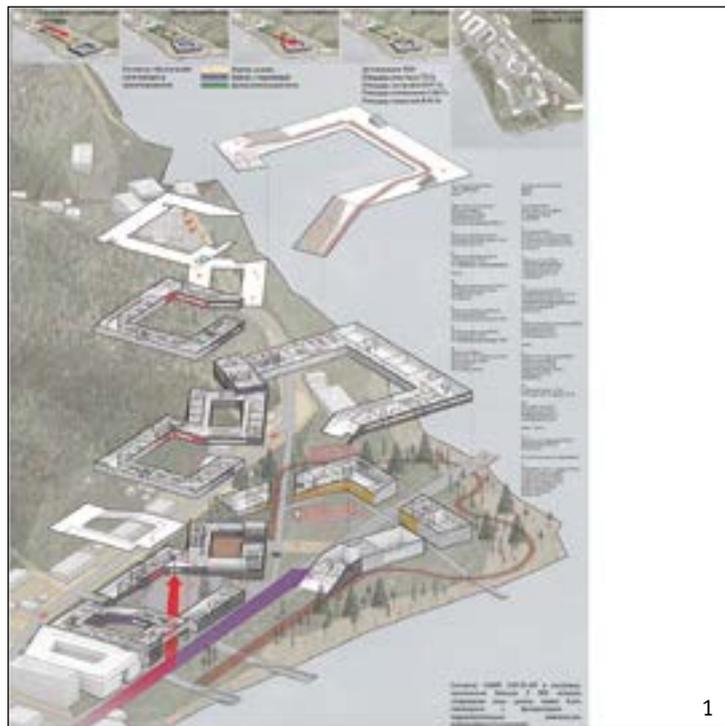
5

номинация «ДИПЛОМНАЯ РАБОТА»

- 1. ЗОЛОТОЙ диплом
Формирование системы общественных пространств исторического ядра Енисейска (западная часть)
Автор Е. Амосова
Рук. Н. Унагаева, И. Федченко, Я. Чуй
- 2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Трансформация территорий «Промышленного пояса». Реконструкция «Варшавской оси»
Автор В. Нуанзина
рук. В. Козлов, Б. Энгель

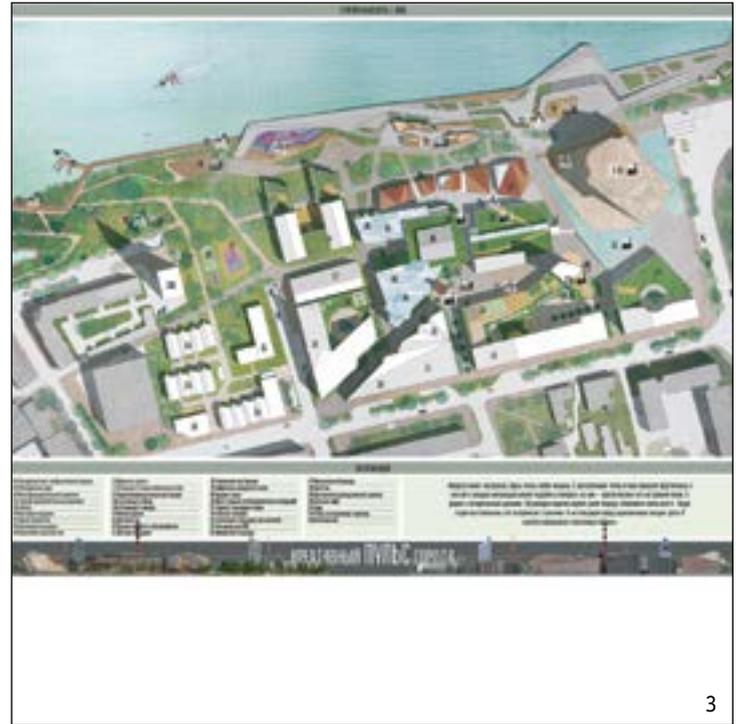
- 3. БРОНЗОВЫЙ диплом
База отдыха «Круглое» и экодеревня в Шарыповском районе
Автор А. Коски
рук. О. Блянкинштейн, И. Федченко, И. Кукина
- 4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Парк природы «Мыс Бурхан» на о. Ольхон
Автор Т. Данилова
рук. А. Большаков

- 5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Принципы повышения комфортности жилой среды центральной части города на примере Иркутска
Автор М. Демченко
рук. Д. Бобрышев

номинация «КУРСОВАЯ РАБОТА»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Проект школы на 22 класса и спортивного центра в пос. Листвянка, Иркутская область.
Автор Д. Бочкарев
рук. И. Дружинина
2. ЗОЛОТОЙ диплом
Реконструкция промышленных объектов под железнодорожный музейно-выставочный центр в Красноярске
Автор Д. Афанасьева
рук. О. Киселева, Т. Киселев, Т. Матнина
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Стратегия развития и генеральный план малого города на территории пос. Емельяново
Авторы: Ю. Борсукова, И. Корниенко, Л. Панькина, Е. Ерастова, Е. Петрик
рук. В. Царев, А. Липовка, Н. Дядечкин, И. Ряпосов
4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Крупное общественное здание с зальной структурой. Музей геологии в Иркутске
Автор Е. Козырева
рук. И. Дружинина

номинация «ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
«Солнечная дорога» – проект комплексного развития прибрежной территории Иркутского водохранилища в Иркутске
Авторы: А. Казак, Е. Ямова, М. Меерович, А. Олешевич, Д. Золотухина, К. Золотухина, А. Сапижева, А. Соколова, А. Шешукова

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Архитектурно-градостроительная концепция «Квартал XXI» в Иркутске
Авторы: А. Козьмин, Д. Кремлёва, О. Семин, В. Казакова, А. Московская, Д. Белоокая, А. Баева, И. Киселев

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Карманный парк как новая типология парков и общественных пространств в Иркутске
Авторы: Д. Золотухина, К. Золотухина, А. Шешукова, Е. Рупасов

**номинация «ДЕТСКОЕ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ТВОРЧЕСТВО»**

1. ГРАН-ПРИ
МБУ ДО «Детская художественная
школа»
рук. А. Микрюкова

2. ЗОЛОТОЙ диплом
Творческая школа-студия
«Архитектура+дизайн»
рук. А. Ковригина, Г. Лашук

3. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Новая художественная школа
им. А. Г. Поздеева
рук. С. Тетерина

4. БРОНЗОВЫЙ диплом
Центр детского творчества
архитектуры и дизайна «Пирамида»,
ИрНИТУ
рук. Н. Ремизова

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Клуб «СВЕТОЗАР»
рук. В. Исаенкова

6. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Архитектурно-художественная школа
«КВАДРАТ»
рук. А. Матвеева

Список участников «ЗВС-2017» / Schematic Design for Architectural Illumination of the 130 Quar

РАЗДЕЛ «ПОСТРОЙКИ»

Жилые здания

Аюпов Д. (Иркутск)
Бобрышева И. (Иркутск)
Войтович В. (Иркутск)
Головкова Елена (Чита)
Демков С. (Иркутск)
Димитрашкун А. (Иркутск)
Дмитриева А. (Иркутск)
Добролюбов Александр (Красноярск)
Добролюбов Сергей (Красноярск)
Елаго Н. (Иркутск)
Киберева Л. (Иркутск)
Козак И. (Иркутск)
Колесникова В. (Иркутск)
Концевой А. (Иркутск)
Коркин И. (Иркутск)
Мирская Яна (Иркутск)
Никифоров В. (Иркутск)
Прокофьев Вячеслав (Чита)
Родионов Д. (Иркутск)
Стегайло В. (Иркутск)
Хороших А. (Иркутск)
Черепанов И. (Иркутск)
Чиин Николай (Красноярск)
Чумаков С. (Иркутск)
Шевченко Ю. (Иркутск)
Шерстова Н. (Иркутск)
Эрдман Н. (Иркутск)

Общественные здания

Артамонова О. (Красноярск)
Аюпов Д. (Иркутск)
Бадула О. (Иркутск)
Бохошко О. (Красноярск)
Жарков М. (Иркутск)
Жуковский Н. (Красноярск)
Иванов А. (Красноярск)
Игнатова Т. (Красноярск)
Киселева В. (Красноярск)
Мавликаева Ю. (Красноярск)
Никифоров В. (Иркутск)
Оденцова Л. (Красноярск)
Петрук Ю. (Иркутск)
Пилипенко А. (Красноярск)
Погорелова В. (Красноярск)
Ратушняк А. (Красноярск)
Ратушняк С. (Красноярск)
Сидоров А. (Иркутск)
Силичева И. (Красноярск)
Топкасов н. (Красноярск)
Федченко В. (Красноярск)
Чуканова Т. (Красноярск)
Чумаков С. (Иркутск)
Юдина Е. (Красноярск)

Интерьеры

Аксенрва Н. (Красноярск)
Башкатов И. (Красноярск)
Башкатова И. (Красноярск)
Дементьева Е. (Красноярск)
Дружинина М. (Красноярск)

Закурдаева М. (Красноярск)
Михеева Т. (Красноярск)
Могилат О. (Красноярск)
Назаркина Н. (Красноярск)
Патрушев Е. (Красноярск)
Патрушева И. (Красноярск)
Рыжова В. (Красноярск)
Силкина О. (Красноярск)

Реконструкция и реставрация

Захарова Л. (Иркутск)
Кибальник А. (Иркутск)
Кобылина М. (Иркутск)
Ксенофонов А. (Иркутск)
Кузнецова Е. (Иркутск)
Курилина Е. (Красноярск)
Ланина Н. (Красноярск)
Поликарпочкин А. (Иркутск)

РАЗДЕЛ «ПРОЕКТЫ»

Градостроительство

Акулич А. (Красноярск)
Ананьев С. (Иркутск)
Арбатский И. (Красноярск)
Бабкига Г. (Иркутск)
Бандура Т. (Красноярск)
Баранова В. (Иркутск)
Бегишев А. (Красноярск)
Белобородова Д. (Красноярск)
Бобрышева И. (Иркутск)
Бондарь К. (Красноярск)
Ващенко И. (Красноярск)
Выграненко К. (Красноярск)
Гевель Е. (Красноярск)
Горячая М. (Иркутск)
Грибакина Л. (Красноярск)
Григорьева Е. (Иркутск)
Грудинина С. (Иркутск)
Груздева Е. (Красноярск)
Доронина Ю. (Красноярск)
Дядечкин Н. (Красноярск)
Елизарова Е. (Красноярск)
Есиков И. (Иркутск)
Зелент Е. (Иркутск)
Зыков Е. (Красноярск)
Иванов А. (Красноярск)
Казакова В. (Иркутск)
Какора С. (Красноярск)
Калашникова Н. (Красноярск)
Каржанов В. (Красноярск)
Кищенко И. (Иркутск)
Ковалев Е. (Красноярск)
Ковшаров П. (Иркутск)
Козак И. (Иркутск)
Козьмин А. (Иркутск)
Кольган В. (Иркутск)
Коски А. (Красноярск)
Кремлёва Д. (Иркутск)
Крылова М. (Красноярск)
Кузакова А. (Красноярск)
Кулдошин м. (Красноярск)
Ларичев Н. (Красноярск)

Лаусман М. – Амесфорт. (Нидерланды)
Левашев А. (Иркутск)
Лисиенко Т. (Красноярск)
Логванова Е. (Иркутск)
Лябчук А. (Красноярск)
Максимчук Т. (Красноярск)
Меркулова А. – Амесфорт. (Нидерланды)
Мичковская Т. (Иркутск)
Московская А. (Иркутск)
Мякота А. (Красноярск)
Нельдушкин Д. (Красноярск)
Никольская Я. (Красноярск)
Осадчий А. (Красноярск)
Пилипенко А. (Красноярск)
Протасова М. (Иркутск)
Пятидесятникова А. (Иркутск)
Репина А. (Иркутск)
Рубцов А. (Красноярск)
Ряпосов И. (Красноярск)
Савицкая Е. (Красноярск)
Савченко М. (Красноярск)
Сайдулин Д. (Иркутск)
Смирнов А. (Красноярск)
Соков А. (Красноярск)
Сокова И. (Красноярск)
Спиридонов Е. (Красноярск)
Спиридонова Я. (Красноярск)
Тимохов Е. (Красноярск)
Туровинина М. (Красноярск)
Уколова Е. (Красноярск)
Унагаева Н. (Красноярск)
Устинова Л. - Красноярск
Ушакова Т. (Иркутск)
Филиппова Е. (Иркутск)
Французова М. (Иркутск)
Фролова О. (Иркутск)
Хороших А. (Иркутск)
Хотулева В. (Иркутск)
Царева Н. (Красноярск)
Цыбенков А. (Иркутск)
Шарыпова А. (Красноярск)
Шаталов А. (Красноярск)
Шаталов Б. (Красноярск)
Шильдина О. (Красноярск)
Шишкин А. (Красноярск)
Юсьма Д. (Красноярск)
Якимова А. (Красноярск)

Общественные здания

Ананьев Д. (Иркутск)
Анчевский Ю. (Красноярск)
Артамонова О. (Красноярск)
Грибань В. (Красноярск)
Гришкин С. (Новокузнецк)
Дымченко А. (Иркутск)
Ежова Л. (Иркутск)
Журавлева Е. (Иркутск)
Заварзин А. (Красноярск)
Залуцкая О. (Иркутск)
Звягина М. (Красноярск)
Иванов А. (Красноярск)

Иванрв А. (Красноярск)
Измайлова К. (Красноярск)
Киселева В. (Красноярск)
Ковалева А. (Иркутск)
Коркин И. (Иркутск)
Красильников А. (Иркутск)
Красильников Е. (Иркутск)
Логванов И. (Иркутск)
Мальцева Т. (Красноярск)
Михеев А. (Красноярск)
Мичковская Т. (Иркутск)
Наумова Т. (Иркутск)
Панявин А. (Красноярск)
Пилипенко А. - Красноярск
Спиридонов А. (Красноярск)
Супоницкий А. (Красноярск)
Томшин И. (Иркутск)
Третьяков А. (Иркутск)
Чуканова Т. (Красноярск)
Шаталов А. (Красноярск)
Юртин В. (Иркутск)
Яровая А. (Иркутск)

Культовые сооружения

Афанасьева (Новокузнецк)
Быцко Н. (Иркутск)
Вагина Н. (Иркутск)
Горбенко В. (Иркутск)
Готовский Д. (Иркутск)
Доронина Ю. (Красноярск)
Дружинина М. (Красноярск)
Какора С. (Красноярск)
Ключников Л. (Новокузнецк)
Красильников А. (Иркутск)
Кузакова А. (Красноярск)
Лисиенко Т. (Красноярск)
Макарова Е. (Иркутск)
Медиевский В. (Красноярск)
Патрушева И. (Красноярск)
Патрушкв Е. (Красноярск)
Перекрестов В. (Новокузнецк)
Пилипенко А. (Иркутск)
Сальникова Е. (Красноярск)
Сизова И. (Новокузнецк)
Тиманов П. (Новокузнецк)
Тиманова С. (Новокузнецк)
Устинова Л. (Красноярск)
Филиппова О. (Иркутск)
Царева Н. (Красноярск)
Шаргин Н. (Иркутск)
Шевнина И. (Красноярск)
Шенников А (Иркутск)
Шильдина О. (Красноярск)

Жилые здания

Ананьев С. (Иркутск)
Аюпов Д. (Иркутск)
Бабкина О. (Иркутск)
Балаганская Е. (Иркутск)
Бутырин И. (Красноярск)
Веригин И. (Иркутск)
Грудинина С. (Иркутск)
Добролюбов А. (Красноярск)

Добролюбов С. (Красноярск)
 Есиков И. (Иркутск)
 Жабин П. (Красноярск)
 Жаркова М. (Иркутск)
 Золотов В. (Барнаул)
 Золотова Ю. (Барнаул)
 Иванов А. (Красноярск)
 Калашников Н. (Красноярск)
 Ковалев Т. (Красноярск)
 Коркин И. (Иркутск)
 Кузнецов Д. (Иркутск)
 Мажимов С. (Иркутск)
 Мичковская Т. (Иркутск)
 Никифоров В. (Иркутск)
 Орестов И. (Красноярск)
 Пятидесятникова А. (Иркутск)
 Репина А. (Иркутск)
 Сареденкина С. (Иркутск)
 Серебренникова П. (Иркутск)
 Сидельников Д. (Иркутск)
 Тишенина ю. (Красноярск)
 Филюк Г. (Иркутск)
 Французова Н. (Иркутск)
 Чащин С. (Иркутск)
 Чумаков С. (Иркутск)
 Шерунов К. (Барнаул)
 Эрдман Н. (Иркутск)

Концепции

Вырупаев Р. (Иркутск)
 Гладков С. (Иркутск)
 Гончаров А. (Томск)
 Деринг А. (Барнаул)
 Заславский С. (Иркутск)
 Золотов В. (Барнаул)
 Золотова Ю. (Барнаул)
 Протасова М. (Иркутск)
 Пуляев В. (Братск)
 Рачковский П. (Томск)
 Смирнов Н. (Иркутск)
 Соболевский Я. (Иркутск)
 Тучкова Н. (Томск)
 Худяков С. (Томск)
 Шерунов К. (Барнаул)

Ландшафтная архитектура

Антипова И. (Иркутск)
 Богданова А. (Иркутск)
 Боковский В. (Иркутск)
 Вотякова Е. (Иркутск)
 Гришкин С. (Новокузнецк)
 Губина Г. (Иркутск)
 Демков С. (Иркутск)
 Дружинина И. (Иркутск)
 Кесслер Е. (Иркутск)
 Концевая И. (Иркутск)
 Концевой А. (Иркутск)
 Кострюкова С. (Иркутск)
 Котов М. (Иркутск)
 Лифантьева Ю. (Иркутск)
 Логванова Е. (Иркутск)
 Мамешин А.
 Москвитин Р. (Иркутск)
 Сердцев Д. (Иркутск)
 Слуднев К. (Иркутск)

Ставский И. (Иркутск)
 Холякко А. (Иркутск)
 Хотулев Р. (Иркутск)
 Хотулева В. (Иркутск)
 Шерстова Н. (Иркутск)
 Шишигин И.

Интерьеры

Максимов В. (Иркутск)
 Максимов С. (Иркутск)
 Михеева Т. (Красноярск)
 Середенкина С. (Иркутск)

Реконструкция

Анчевский Ю. (Красноярск)
 Дубовик А.
 Дудникова Е. (Красноярск)
 Заварзин Н. (Красноярск)
 Звягина М. (Красноярск)
 Иванов А. (Красноярск)
 Ильюшенкова А. (Красноярск)
 Кристаллович Н. (Красноярск)
 Мальцева Т. (Красноярск)
 Мамешин А.
 Михайловская Н. (Красноярск)
 Михеева А. (Красноярск)
 Понявин А. (Красноярск)
 Спиридонов Е. (Красноярск)
 Спиридонова Я. (Красноярск)
 Типикин С.
 Шаталов А. (Красноярск)

Реставрация

Басина Л. (Иркутск)
 Захарова Л. (Иркутск)
 Кибальник А. (Иркутск)
 Кобылина М. (Иркутск)
 Ксенофонов А. (Иркутск)
 Кузнецова Е. (Иркутск)
 Поликарпочкин А. (Иркутск)

ТВОРЧЕСТВО АРХИТЕКТУРНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ И МАСТЕРСКИХ

Абрамов Д. (Красноярск)
 Бальцер С. (Красноярск)
 Волков Д. (Красноярск)
 Галкина Е. (Красноярск)
 Голубева И. (Красноярск)
 Зверева Т. (Красноярск)
 Калашникова Н. (Красноярск)
 Кармацкий В. (Красноярск)
 Климова Е. (Красноярск)
 Коваленко С. (Красноярск)
 Лосева А. (Красноярск)
 Малинина С. (Красноярск)
 Никонов В. (Красноярск)
 Никонова Н. (Красноярск)
 Осьмуха Н. (Красноярск)
 Раитин А. (Красноярск)
 Русскова Н. (Красноярск)
 Сергейчук П. (Красноярск)
 Смирнова Д. (Красноярск)
 Смирнова О. (Красноярск)
 Сорокина О. (Красноярск)
 Тисова Л. (Красноярск)

РАЗДЕЛ «ПРОПАГАНДА АРХИТЕКТУРЫ»

Архитектурно просветительская деятельность

Антипьева Т. (Красноярск)
 Башкатов И. (Красноярск)
 Гайкова Л. (Красноярск)
 Гевель Е. (Красноярск)
 Геращенко С. (Красноярск)
 Данилова Т. (Иркутск)
 Дорофеев П. (Иркутск)
 Иванова О. (Иркутск)
 Карюк Н. (Красноярск)
 Ковригина А. (Красноярск)
 Косолапова А. (Иркутск)
 Кострубова А. (Иркутск)
 Кремлева Д. (Иркутск)
 Меерович М. (Иркутск)
 Меркулова М. (Красноярск)
 Михайлов А. (Иркутск)
 Никифорова Ю. (Иркутск)
 Нуянзина В. (Иркутск)
 Слабуха А. (Красноярск)
 Ставицкая В. (Иркутск)
 Успенская О. (Красноярск)
 Успенская Э. (Красноярск)
 Червинская Д. (Иркутск)
 Шаталов Б. (Красноярск)
 Ямалетдинов С. (Красноярск)

Научно-исследовательская деятельность

Дружинина И. (Иркутск)

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ И СТУДЕНТОВ

Творчество молодых архитекторов

Баева А. (Иркутск)
 Белоокая Д. (Иркутск)
 Боровикова Н. (Иркутск)
 Ботвинкин И. (Иркутск)
 Вельдяев А. (Иркутск)
 Денисова Е. (Иркутск)
 Жмыхова А. (Иркутск)
 Золотухина Д. (Иркутск)
 Золотухина К. (Иркутск)
 Казакова В. (Иркутск)
 Киселева И. (Иркутск)
 Козак А. (Иркутск)
 Козырева Е. (Иркутск)
 Козьмин А. (Иркутск)
 Кошкина Е. (Иркутск)
 Кремлева Д. (Иркутск)
 Малинович Р. (Иркутск)
 Мирская Я. (Иркутск)
 Московская А. (Иркутск)
 Пашкова Е. (Иркутск)
 Подшивалов М. (Иркутск)
 Рупасов Е. (Иркутск)
 Сапигева А. (Иркутск)
 Семина О. (Иркутск)
 Соколова А. (Иркутск)
 Шешукова А. (Иркутск)
 Шушекова А. (Иркутск)
 Ямова Е. (Иркутск)

Творчество студентов

Амосова Е. (Красноярск)
 Афанасьева Д. (Красноярск)
 Афиногенова М. (Иркутск)
 Ашуркин А. (Новокузнецк)
 Бабаджанова А. (Красноярск)
 Бабенко А. (Красноярск)
 Бадула А. (Иркутск)
 Богунович В. (Красноярск)
 Борсукова Ю. (Красноярск)
 Бочкарев Д. (Иркутск)
 Бурцева Е. (Красноярск)
 Гатин Т. (Красноярск)
 Голомидова А. (Красноярск)
 Гончаренко Э. (Красноярск)
 Горша А. (Красноярск)
 Дадашева Л. (Иркутск)
 Данилова Т. (Иркутск)
 Демченко М. (Иркутск)
 Денисов И. (Красноярск)
 Епифанова Д. (Иркутск)
 Ерастова Е. (Красноярск)
 Есина А. (Красноярск)
 Жмыхова А. (Иркутск)
 Заболотная М. (Красноярск)
 Зубова Ю. (Красноярск)
 Иванова Е. (Красноярск)
 Килина Е. (Красноярск)
 Козырева Е. (Иркутск)
 Корниенко И. (Красноярск)
 Коротцова Ю. (Красноярск)
 Коршунова В. (Красноярск)
 Коски А. (Красноярск)
 Лазарева А. (Новокузнецк)
 Максимкина К. (Красноярск)
 Малинович Р. (Иркутск)
 Нуянзина В. (Иркутск)
 Панькина Л. (Красноярск)
 Петрик Е. (Красноярск)
 Петросян Е. (Красноярск)
 Подшивалов М. (Иркутск)
 Рихерт Ю.
 Савельев Е. (Красноярск)
 Сафонова М. (Красноярск)
 Скоморовская Е. (Красноярск)
 Смеловская А. (Иркутск)
 Углова А. (Красноярск)
 Холякко А. (Иркутск)
 Чернышева Г. (Иркутск)
 Шагаева О. (Красноярск)
 Эпова О. (Красноярск)
 Юшков С. (Красноярск)

РАЗДЕЛ «ДЕТСКОЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО»

Исаенкова В. (Красноярск)
 Ковригина А. (Красноярск)
 Лашук Г. (Красноярск)
 Матвеева А. (Иркутск)
 Микрюкова (Железногорск)
 Пахатинская А. (Иркутск)
 Ремизова Н. (Иркутск)
 Тетерина С. (Красноярск)

нестоличные практики /
non-metropolitan practices

Во многих случаях роль столицы (метрополии) выражается в питании периферических регионов образами, идеями. В зависимости от исторической ситуации эти образы могут приобретать статус образцов, обязательных для копирования. Укрепление зависимости периферии от центра придает профессии архитектора характер проводника образов, исходящих из столицы. В настоящее время наблюдается глобальное ослабление «столичности». Смысл архитектурного творчества меняется в сторону поиска образов, выражающих особенности образа жизни людей именно в том месте, где располагается объект планирования.

Ключевые слова: архитектура; столица; метрополия; культура; социальная психология; творчество. /

The role of the capital (metropolis) is often manifested in supplying of periphery districts with images and ideas. Depending on a historical situation, these images can become must-copy models. The enhanced dependence of the periphery on the center enables the architectural profession to transmit images produced by the capital. Today "metropolization" trends become weaker all over the world. Architectural creation tends to search for the images that show the peculiarities of lifestyle typical for the project site.

Keywords: architecture; capital; metropolis; culture; social psychology; creation.

Образец и метод / A Model and a Method

текст

Константин Лидин /

text

Konstantin Lidin

При первом же взгляде на слово «столица» в нем безошибочно узнается корень «стол». Суффикс «ица» придает ему ласковый, добрый оттенок (сравним с «водица», «девица» и так далее). Столица – это город, в котором находится добрый, щедрый стол.

Соответственно, «не-столица» – это город, где такого стола нет.

Слово «метрополия», обозначающее главный город государства в ряде европейских языков, имеет греческое происхождение и означает «материнский город». У древних греков метрополия не только порождала города-колонии, куда мигрировали излишки населения. Метрополия также поддерживала своих «детей» финансами, военной силой и политическим влиянием, квалифицированными кадрами. Но главное, метрополия помогала колониям идеями, образцами для выстраивания всего образа жизни, от структуры городов до устройства политической жизни. Именно к идеологическим сосцам материнского города припадали новорожденные города античности, чтобы напитаться молоком традиционных идеалов.

Крупнейшая метрополия в истории человечества – Британская империя – отсчитывает свою государственность от легендарного короля Артура, его столицы, замка Камелот и знаменитого стола. Архетипические образы рыцарей Круглого стола изначально позиционируются в качестве идеальных образцов благородства, бескорыстия, верности и так далее. Ни внешние враги, ни колдовские чары не могут разрушить этот идеальный круг, лишь измена и предательство (как водится, со стороны самых близких друзей и соратников) способны на такое.

Связь между едой, национальной кухней и влиянием столицы в качестве духовного (а не только административного) центра страны сказывается и сейчас [1]. Сравним наугад несколько наиболее известных своими кухнями стран. На первом месте, скорее всего, окажется Франция. Где-то рядом с ней – Италия (кто же не едал пиццу или макароны?). Несколько сложнее выглядит репутация китайской кухни, высокая и все возрастающая. Для самих китайцев такого понятия, как «китайская кухня», вообще не существует, слишком велики различия между региональными традициями. Обычно под «китай-

ской едой» понимается нечто в духе сычуаньской кухни – жирной, пряной и насыщенной сильными вкусами. То же самое можно сказать и про индийскую кухню. Под этим популярным именем чаще всего фигурирует традиция Тамилнада (например, знаменитая приправа «карри» является элементом именно тамильской кухни).

Не последнее место в ряду знаменитых кухонь мира занимает и русская.

На другом краю находятся «скромные» кухни, мало известные за пределами своей родины – такие, как немецкая, швейцарская, турецкая... И вот что странно: в этих странах столицы лишь немного превосходят по численности крупнейшие нестоличные города (как Амстердам и Роттердам в Голландии), либо вообще представляют собой небольшие «моногорода» – резиденции правительства (как Вашингтон в США).

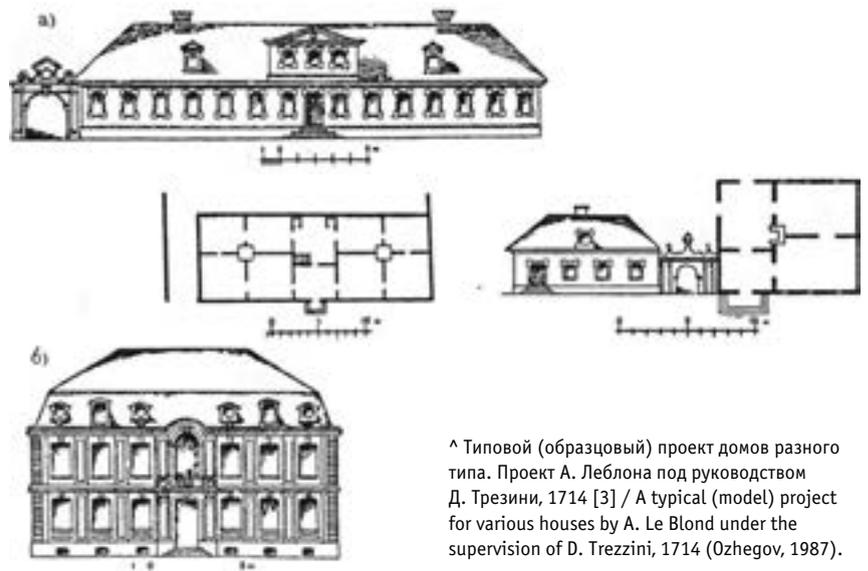
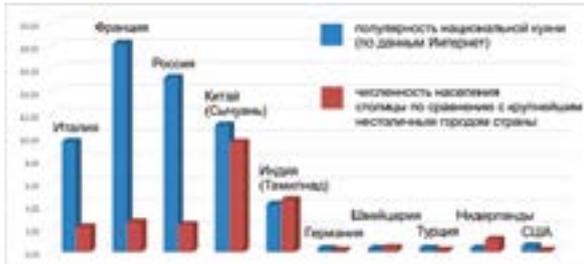
На диаграмме показаны сравнительные величины по двум показателям – популярность национальной кухни (определялась по количеству ссылок в поисковой системе Google) и отношение численности населения столицы к самому крупному нестоличному городу. Для Индии были взяты данные по штату Тамилнад (столица Ченнай, бывший Мадрас, второй город Коимбатур). Для Китая – данные по провинции Сычуань (столица Чэнду, второй город Янь).

Кормящая роль столицы, таким образом, глубоко укоренена в национальных традициях. Но не для всех стран и народов. Некоторые регионы обходятся без потока образцов и идей, исходящего из столиц.

Надо заметить, что роль столицы также меняется и в исторической плоскости. Легко обнаружить эпохи, когда общегосударственная зависимость от столичных образов нарастала.

Швейцарец Доменико Трезини был выходцем из страны, в которой столица никогда не играла лидирующей роли. Тем не менее, сотрудничая с царем и первым российским императором Петром, Трезини в 1714 году возглавил разработку первых типовых проектов зданий – сначала для застройки центральной части Санкт-Петербурга, а затем и для всей страны. Типовые проекты были рассчитаны на различные уровни достатка заказчиков. В гравюрах П. Пикара они вручались всем желающим

< Рыцари за Круглым столом. Миниатюра анонимного автора, XIII век / The chivalry at the round table. Miniature by an anonymous author, the 13th century.

^ Типовой (образцовый) проект домов разного типа. Проект А. Леблона под руководством Д. Трезини, 1714 [3] / A typical (model) project for various houses by A. Le Blond under the supervision of D. Trezzini, 1714 (Ozhegov, 1987).

v Вильям-Адольф Бугро. Метрополия, 1883. Народы колоний, как неразумные дети, могут толкаться и даже драться между собой, но все они равно припадают к Матери-метрополии за поддержкой, пропитанием и наукой / William-Adolphe Bouguereau. The Motherland. 1883. Colonial peoples, like unreasonable children, may hustle and even fight, but they equally press themselves to their Motherland for support, nutrition and science.

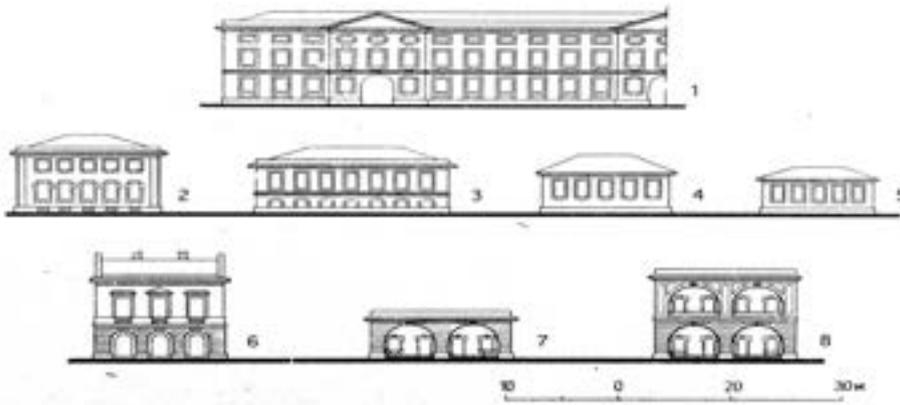
строиться в Петербурге и носили в основном рекомендательный и графический характер, имея при этом очень жесткие требования к размерам самого дома и его привязке на участке. Желаящий построить себе дом нестандартного типа обязан был обратиться за разрешением к самому Трезини [2].

Полвека спустя, в 1766 году, на фоне дальнейшего укрепления централизации и монархии в России, произошла вторая волна распространения образцовых проектов. Автором их на этот раз был русский архитектор А. Квасов. В основу был положен принцип застройки «единою фасадом», который заключался, как и в петровское время, в единстве вертикальных членений, то есть равной высоте венчающего карниза, междуэтажных тяг, цоколей и, следовательно, в близких размерах окон [2].

В следующем, XIX веке роль столицы становится сложнее и как бы раздваивается. Официально Санкт-Петербург продолжает оставаться источником идеальных образцов и нормативов для архитекторов империи. Казенные постройки выдерживаются в едином стиле, совершенно оторванном от контекста – будь то в Вологде, в Тифлисе, в Варшаве или в городах Туркестана.

Но параллельно развивается архитектура, слабо связанная со столичными образцами – в первую очередь, архитектура усадебная. Хотя для усадеб тоже существовали типовые проекты, но придерживаться их было уже совсем не обязательно. Усадебные постройки XIX – начала XX века поражают прихотливым, даже капризным разнообразием.

Семья декабриста С. П. Трубецкого переехала в Иркутск в 1845 году. Лишенные дворянства и прав состояния, эти люди тем не менее оставались по-европейски образованными и культурными. Для одной из своих трех дочерей С. П. Трубецкой выстроил дом усадебного типа на (тогдашней) окраине города. Дом бревенчатый, на цоколе из местного песчаника, построен в типичной для Иркутска технике, но декор имитирует лепнину и резьбу по кирпичу в свободном эклектичном стиле. Таковы же усадьбы и в окрестностях столиц – это постройки, в которых своевольный аристократический дух противостоит казенному единообразию.

^ Типовой проект одно-, двух- и трехэтажного дома, 1770-е годы [3] /
A typical project for one-, two- and three-storey houses, the 1770s (Ozhegov, 1987)

На протяжении XIX века авторитет столицы постепенно снижался. Уже и Москва стала на равных посматривать в сторону северного выскочки. И на окраинах начались все более самостоятельные процессы. И вот в начале нового, XX века империя в первый раз развалилась. На исходе этого же века она развалится еще раз, но этот, первый опыт вызвал огромный прилив энтузиазма.

Казалось бы, русский конструктивизм, вдохновленный революцией, должен был выдвинуть небывало жесткие принципы централизации. И действительно, академик Гинзбург писал в 1928 году: «Для нас не может существовать индивидуального заказа, для нас всякая архитектурная задача есть деталь, частное, превращающееся в определенное целое и из этого планового целого исходящая. У нас нет дома для Иванова, дома для Петрова или для другого, а есть только дом для трудящегося, рабочего, для крестьянина. Перед нами стоит совершенно иная задача — создание социального типа. Наш функциональный анализ задачи приводит к общему решению, которое будет верно и для дома Иванова и для дома Петрова, потому что это будет функционально решенный дом трудящегося. Функционализм архитектуры, приводеющий на Западе к тупику, открывает перед нами новые перспективы — создание социально новой типовой архитектуры» [4].

Однако практическая деятельность русских конструктивистов оказалась в разительном противоречии с их манифестами. Ни одного типового проекта, обязательного для подражания и копирования, так и не было предложено. Мало того, проекты и постройки русского конструктивизма поражают воображение именно своим разнообразием — при полном отсутствии декора и скудных строительных возможностях разоренной страны.

Конструктивисты не смогли (или не захотели) выдвинуть новые образцы, обязательные для подражания и способствующие идеологической централизации. Возможно, именно поэтому конструктивизм был так стремительно свернут и запрещен, а ему на смену был приведен сталинский ампи́р, вполне готовый к тиражированию.

Вместо типовых проектов, образцов для копирования, конструктивисты предлагали метод. Функциональный принцип в его конструктивистском изводе предлагает в каждом конкретном случае, для каждой ситуации — гра-

^ City Plus, OMA, концептуальный образ для инициативы Rebuild by Design. По их собственным словам, «это означает дальнейшее уплотнение и защиту высокоценных, высокоэффективных, высокопотенциальных объектов — городов», 2013 [6] /
‘City Plus’, OMA, concept image for Rebuild by Design initiative. In their own words, ‘[t]his means further densification and defense of high value, high impact, high potential sites—cities’, 2013 (Adams, 2014).

достроительной, климатической, исторической, социальной — находить уникальное решение. Но находить его — по четким, ясным и обязательным правилам. Гений места и уклад жизни людей ставит цель, а конструктивизм указывает средства для ее эффективного достижения в формах, объемах, потоках. Увы, в этой системе нет места для руководящих указаний из столицы.

Колебания между центростремительным следованием образцу и центробежным следованием методу продолжают и дальше. Феномен «стархитекторов» — предельно столичный по своему содержанию. Каждое произведение сэра Нормана Фостера неожиданно, ошеломляюще и поразительно. Из ряда его проектов не получается выловить метод, да его и нет. Есть трансцендентальное озарение, вспышка гения. И — естественно — длинная цепь подражаний и повторов [5].

А вот у Алехандро Аравена метод есть. И он пользуется любым случаем, чтобы этот метод озвучить и рассказать о нем как можно шире. Даже записал лекцию в популярнейшем форуме TED и вывесил ее в открытом доступе. Метод Аравены не так научен и точен, как у Гинзбурга и Леонидова, зато понятен даже чилийскому рыбаку. И премию Притцкера за 2016 год он получил за метод, потому что его постройки выглядят неказисто, глаз ничем особенным не радуют и не поражают. Зато его приемы проектирования позволяют строить в условиях перманентного кризиса и снижают социальную напряженность.

В конце семидесятых годов прошлого века Рем Колхас, уже известный архитектурный критик и теоретик, основал Студию столичной архитектуры (OMA) — вместе с Элиа Зенгелисом и восходящей звездой Захой Хадид. Книжки, статьи, лекции Колхаса, а позже — и проекты OMA настолько широко известны, насколько это вообще может быть. Рем Колхас даже в Сколково поработал несколько лет и стал одним из основателей «Стрелки», бог ему судья. И все его разнообразное творчество складывается в некий апофеоз столичности — не метода, а образца.

Архитектура, как живой организм, развивается в колебательном режиме. Систола сменяет диастолу, как в бьющемся сердце. Периоды «столичности» сменяются «нестолчностью» — от режима всеобщего кормления идеями и образами из центра мы переходим к режиму

< Усадьба Трубецких. Реставрирована в 1960-х годах по проекту Г. Г. Оранской / Trubetsky Manor renovated in the 1980s by G. G. Oranskaya.

самодостаточности, независимости периферии. От подражания столичным образцам (даже самого талантливого и остроумного) происходит движение к диффузному, децентрализованному, порой безымянному творчеству. Как в методе конструктивистов и Аравены, соавторами архитекторов становятся анонимные горожане, достраивающие и перестраивающие исходный проект в соответствии с потоком своей жизни. Архитектор теряет ореол носителя и проводника высшей, столичной истины. Массовое сотворчество размывает и подвергает сомнению священное авторское право. Это неприятно, спору нет. Но, может быть, взамен мы приобретем больше свободы для творчества – если научимся, вместо указаний и предписаний из столиц, различать узор и ритм жизни именно в том месте не-столицы, где мы сами живем и работаем.

Литература

1. Лидин К. Л., Меерович М. Г. Ритуал и разум в кухне. Философия стоицизма в дизайне кухни // Проект Байкал. – 2008. – № 15. – С. 40–43.
2. Станюкович-Денисова Е. Ю. Образцовые проекты в жилом строительстве Петербурга 1730–1760-х гг.: проблема типологии и модификации // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. статей. – СПб. : Профессия, 2011. – Т. 1. – С. 174–179.
3. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. М. : Стройиздат, 1987. – 224 с.
4. Гинзбург М. Я. Конструктивизм в архитектуре // Современная архитектура. – 1928. – № 5. – С. 143–145.
5. Паперный В. Fuck context? – Екатеринбург : TATLIN, 2011. – 120 с.
6. Ross Exo Adams. The Burden of the Present: On the concept of urbanization [электронный ресурс]. – <http://societyandspace.com/material/article-extras/theme-section-a-new-apparatus-technology-government-and-the-resilient-city/ross-exo-adams-the-burden-of-the-present-on-the-concept-of-urbanisation/>

References

- Adams, Ross Exo. (2014, February 11). The Burden of the Present: On the concept of urbanization. Society and Space, Retrieved from <http://societyandspace.org/2014/02/11/the-burden-of-the-present-on-the-concept-of-urbanisation-ross-exo-adams/>
- Ginzburg, M. (1928). Konstruktivism v arkhitekture [Constructivism in Architecture]. The First Conference of Modern Architects Society. *Sovremennaya arkhitektura*, 5, 143-145.

Lidin, K., & Meerovich, M. (2008) Ritual and reason in the kitchen. *Project Baikal*, 2(5), 40-43. DOI: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.5>

Ozhegov, S. (1987). *Tipovoe i povtornoe stroitelstvo v Rossii v XVIII-XIX vekakh* [Typical and repeated construction in Russia in the XVIII-XIX centuries]. Moscow: Stroyizdat.

Paperny, V. (2011). *Fuck context?* Ekaterinburg: TATLIN.

Stanyukovich-Denisova, E. (2011). *Obraztsovye proekty v zhilom stroitel'stve Peterburga 1730-1760-kh gg.: problema tipologii i modifikatsii* [Model projects in the residential construction of St. Petersburg of the 1730s-1760s: the problem of typology and modification]. In *Actual problems of theory and history of art* (Vol.1, pp. 174-179). St Petersburg: Professia

< Гюстав Доре. Замок Камелот. Замок-столица, обитель идеальных рыцарей – высокоценных, высокоэффективных, высокопотенциальных.../ Gustave Doré. Camelot. A Castle and a capital that harbours ideal knights of high value, high impact, high potential...

Рассматриваются особенности российской градостроительной политики, связанные с взаимоотношениями власти, бизнеса и общества. Сделан вывод, что на современном этапе отсутствие культуры достижения договоренности, компромиссов, баланса интересов, нежелание и неспособность понять настроение и потребности разных общественных групп и аудиторий – общее свойство российского бизнеса и российской власти, увлеченных друг другом.

Ключевые слова: градполитика; государственная власть; элита; девелоперский бизнес; общество. /

The article observes peculiarities of Russian town-planning policies connected with the relationship between government, business and society. The author concludes that at the current stage the Russian business and the Russian government, being obsessed with each other, have a common feature that includes indisposition to reach an agreement, a compromise or a balance of interests, as well as unwillingness and inability to understand the mood and the needs of different social groups and audiences.

Keywords: town-planning policy; governmental authorities; elite; development business; society.

О социокультурных предпосылках формирования российского пространства Треугольник и элита /

текст
Андрей Боков
text
Andrei Bokov

Не без оснований принято считать, что содержание и результаты градполитики, как и любой политики, интересуют троих: власть, бизнес и общество. У каждого из участников этого треугольника свой ресурс и свои интересы.

Российская власть делится на государственную и муниципальную. Государственная власть идет с самого верха и доходит до губернаторов, а муниципальная начинается с уровня мэров и распространяется до самого низа. Так получилось, что основной административный ресурс в соответствии с построенной вертикалью – реальная власть в руках государства, его высших уровней, которые мало что оставляют губернаторам, не говоря уже о муниципалах. Однако эти верхние властные эшелоны в соответствии с Градкодексом и уже сложившейся практикой не сильно обеспокоены ни пространственным планированием в целом, ни состоянием населенных мест.

Забота о местах обитания возложена в первую очередь на местные власти, то есть на тех, кто лишен особых возможностей и полномочий. Местные власти, с одной стороны, обязаны проводить политику, с другой стороны, контуры этой политики им неведомы, а инструменты, средства реализации крайне ограничены. На этом фоне уникальным, исключительным выглядит положение столиц, Москвы и Питера, власти которых объединяют полномочия муниципалитетов с возможностями государства. Именно эти власти, их представители становятся активными субъектами градполитики, способными выстроить на своих территориях и реализовать некое видение. Таковым, в частности, был бывший московский мэр, утверждавший «московский стиль», таковым оказывается его преемник, увлеченный тротуарами и открытыми пространствами. К таковым можно отнести и власти Санкт-Петербурга, старающиеся без нужды не разрушать облик и целостность своего города.

Современный российский девелоперский бизнес стратифицирован не менее отчетливо, чем власть. Его устойчивый костяк составляют несколько крупнейших общенациональных или межрегиональных игроков,

практически поделивших, невзирая на законодательство, сферы влияния и права на ресурсы. Они являются прямыми наследниками советского стройкомплекса, унаследовавшими его мощности, технологии и вдобавок имеющими доступ к финансам. Они пользуются расположением банков, и в первую очередь в их интересах работает ипотечное кредитование.

Более того, крупный бизнес успешно подчиняет своему контролю сопутствующие виды деятельности: изыскания, проектирование, функции управления проектом, функции технического заказчика, генподрядчика и т. д. Он оказывает активное воздействие на органы исполнительной власти через неформальные связи и формальное участие в структурах вроде общественных и наблюдательных советов, наконец, активно воздействует на формирование законодательной базы и нормативов, на систему подготовки кадров. Наконец, сам по себе факт практической неразделенности подряда и девелопмента, что выгодно и доступно только крупному российскому бизнесу, – свидетельство его привилегированного положения.

Крупные игроки вполне ясно осознают свои интересы и на их основании выстраивают свое видение окружающего мира, которому на практике противостоять мало кто способен.

Малый и средний бизнес, который в строительстве и девелопменте большинства стран успешно развивается и конкурирует с большим бизнесом, в России неуважаем. Несмотря на заверения и обещания, он не пользуется той поддержкой государства и банков, которая оказывается крупным игрокам. При этом почти половина ежегодно вводимого в стране жилья – это индивидуальное жилищное строительство, то, что к большому бизнесу отношения не имеет. Малый российский бизнес разобщен, слаб, его влияние ограничено, а его видение хотя и отражает взгляды множества частных застройщиков, не в состоянии конкурировать с видением большого бизнеса. Все выстраивается в точном соответствии с лозунгом, принадлежащим одному из недавно самых успешных и прямолинейных российских девелоперов: «У кого нет миллиарда, пусть идет в ж...»

On Socio-Cultural Prerequisites for Formation of Russian Space

The Triangle and the Elite

Третий участник треугольника – российское общество со всеми возникающими внутри него конфигурациями – равноценным партнером бизнеса и власти не является. У общества нет ни финансовых, ни административных ресурсов, оно бедно, неорганизовано и индоктринировано. Оно переполнено зависимыми от государства бюджетниками и зависимыми от большого бизнеса профессионалами. Общество лишено экспертов и адвокатов, способных сформулировать интересы, идеалы и видения и отстаивать их. В итоге общество не представляется полезным партнером ни власти, ни бизнесу, а отсутствие внятно предъявленных им интересов или альтернатив порождает у власти и бизнеса обманчивое ощущение правильности только их представлений и допустимости осуществления любых самых рискованных шагов.

Это ощущение поддерживается регулируемыми и адаптированными ресурсами типа «активного гражданина» и процедурами вроде публичных слушаний. На практике активный гражданин предсказуемо превращается в активного сторонника любых требуемых инициатив, а публичные слушания вырождаются в некие акции, задачей которых становится не защита общественных интересов, не вовлечение общества, а его нейтрализация. Со своей стороны, само общество оказывается заведомо неподготовленным к результативному участию в подобных слушаниях и использованию предлагаемых ресурсов.

Между тем реакция неорганизованных сообществ, исключаемых из диалога, имеет свою специфику, она принимает облик контратак и протестов в связи с вырубкой деревьев, сносом памятников, загрязнением водоемов, строительством домов «под окнами» и т. д. и т. п.

Эти инциденты можно и нужно предупреждать исходя в том числе из того, что хотя поводы для возмущения выглядят вполне конкретно, подлинные мотивы скрыты глубже – там, где складывается и существует видение, картина мира, непонятная, неясная, а потому обществом неразделяемая. Отсутствие культуры достижения договоренности, компромиссов, баланса интересов, нежелание

и неспособность понять настроение и потребности разных общественных групп и аудиторий – общее свойство российского бизнеса и российской власти, увлеченных друг другом.

Власть и бизнес, в первую очередь государственная власть и большой бизнес, тесно связанные формальными и неформальными связями, объединенные в относительно устойчивое и сплоченное образование, которое когда-то было принято называть правящим классом, являются главными авторами реализуемой картины мира. Большой бизнес – основной союзник и наиболее удобный партнер власти, к созданию которого именно властью были приложены немалые усилия.

Тем не менее отношения внутри правящего класса, который для простоты будем называть модным словом «элита», далеко не безоблачны, свидетельство чему – очевидные сложности с организацией сколь-нибудь эффективной системы государственно-частного партнерства. Деньги обе стороны предпочитают тратить независимо, руководствуясь разными принципами и правилами. Гораздо легче внутриэлитное согласие достигается в том, что касается видения, которое, как правило, формируется более сильным партнером элитного альянса.

Москва, имеющая огромный по сравнению с другими российскими городами бюджет, сама является главным застройщиком и усилиями своего мэра выстраивает картину мира, свою версию прекрасного, которой следуют все главные бизнес-партнеры города. Города, лишённые московских возможностей, более зависимые от девелоперского бизнеса, вынуждены мириться с теми представлениями, которые предлагает бизнес. При этом бизнес-версия картины мира отличается от версии властей приблизительно так же, как отличаются покупки, произведенные «за свои», от покупок «за казенные».

Бизнес-версия обычно подвижна, рациональна и расчетлива, версия власти – романтична, оригинальна и тверда.

В провинции различается не столько упадок и энтропия культурных значений, сколько их гибридизация. Провинция оказывается местом селекции нового. Новаторы, как правило, провинциалы. Провинциальные культурные инновации, ассимилированные столичной культурой, могут изнутри покорить ее самое. Поэтому обычно либерализм культурной деятельности столиц сменяется усилением агрессивной консервативности после того, как провинциальные гении и новаторы начинают поднимать голову и выкидывать птенцов из гнезда. Провинциальные кукушата – опасная приманка для жаждущего разнообразия столичного вкуса. Можно говорить теперь о провинциализме вне какой-либо связи с географией, ориентируясь только на топологию самой культуры. Сегодня мы наблюдаем новую неразличимость провинции и центра.

Ключевые слова: провинциализм; культура; центр; периферия; географическая столица; культурная столица; культурные инновации; гибридизация; консерватизм. /

О провинциализме / On Provincialism

текст
Александр Раппапорт
text
Alexander Rappaport

В последнее время термин «провинция» понемногу начинает менять свои коннотативные смыслы. Еще недавно он казался обидным, обозначая место, лишенное не только благ цивилизации и культуры, но и людей, способных оценить эти блага. Совсем забылось, что само по себе слово обозначает «за победу», то есть земли, которые римские генералы получали за победу над варварами. А еще недавно оно обозначало чуть ли не варварство.

Положение меняется с развитием коммуникаций. Особенно Интернета. Теперь жители самых глухих местечек практически имеют в своем распоряжении почти то же, что и люди, живущие в центре Лондона, Москвы или Нью-Йорка. Они читают свежие газеты, скачивают и читают редкие книги, новые фильмы и слушают любую музыку. Общаются в «Скайпе» с друзьями и публикуют свои мысли в блогах, делая их достоянием всего населения планеты. То есть нынешняя провинция обладает всем, о чем и не мечтали жители былых столиц, кроме одного – невыносимо грязного воздуха и утомительного шума. Но и лет тридцать тому назад понятие провинции имело смысл обсуждать, как важную тему.

Тема провинции оказывается существенной и актуальной одновременно во множестве отношений. Например, в искусствоведении или культурологии она важна для изучения периферийных областей больших культурных регионов. Можно говорить о культуре провинций Римской империи, провинциальных районов России, китайских провинций и пр. Не менее важно и самосознание субъекта культуры – признает ли себя человек (художник, писатель или просто обыватель) провинциалом или же он считает себя «столичным», «центральным» человеком.

Тема провинции имеет солидную историю в политологии и политической географии. Здесь она и рождается, откуда она и проникает во все другие сферы, в частности в культуру и искусство. В политическом отношении провинция – дочь империи и империализма, с его центральностью, центристемностью и центробежностью его инициатив. Подлинная центральность и столичность рождена абсолютной монархией, во многом реализо-

вавшей потенции империи, хотя и на малой территории. Таким образом, оппозиция центр – периферия или центр – граница оказывается структурно тождественной оппозиции столица – провинция, и, сопоставляя разные смысловые оттенки этих категориальных оппозиций, нам, возможно, удастся выяснить кое-что новое в смысловом содержании категории «провинция».

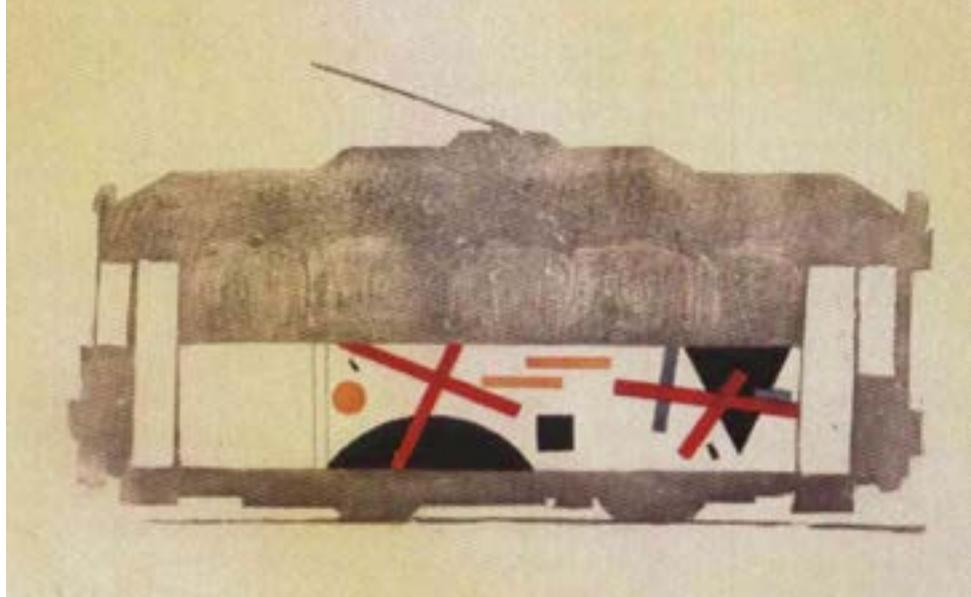
Но можно указать и на метафорические возможности этих категорий. Скажем, периферийное или боковое зрение можно уподобить провинции зрительного поля, а его пятнистость и нечеткость истолковать как соответствующую дезориентированность провинции, хотя, конечно, такая метафора в ценностном смысле и односторонняя и неточная. Ведь сказано поэтом: «Лучше жить в глухой провинции, у моря».

В провинции, увиденной изнутри, однако, мы можем различить не столько упадок и энтропию культурных значений, сколько гибридизацию их, и в этом смысле провинция оказывается местом селекции нового. Новаторы, как правило, как раз провинциалы. С точки зрения, которая различает политическую и культурную действительность, это представляется естественным. В географических центрах империй, часто совпадающих с центрами культуры, имеет место деятельность, направленная на выявление и очистку собственных культурных значений и ценностей. Эта деятельность имеет консервативный характер и может условно быть названа «академической». В провинции нет чистоты академической культурной парадигмы, зато есть случайное смешение культурных значений. Плоды такого смешения дают часто совершенно непредсказуемые, «любовительские» результаты. Однако было бы напрасно ждать их «признания» от провинциалов: последние всецело ориентированы на столичную академичность. Поэтому честолюбивые новаторы, рождающиеся от смешанных браков провинциальной культуры, могут найти признание только в столице, которая лишена комплекса провинциальной неполноценности, досыта пресыщена аутентичными культурными символами и стремится уже не столько к академизму, сколько к новизне, видя в новациях достойный вызов себе. Так же как

Provinces demonstrate not only the decline and entropy of cultural values, but also their hybridization. A province is a place of selection of the new. Innovators are usually provincials. Provincial cultural innovations assimilated by the metropolitan culture can conquer it from within. That is why the liberalism of metropolitan cultural activity is usually replaced by the increased aggressive conservatism after the provincial geniuses and innovators start to raise their heads and throw the fledglings out of their nest.

The provincial cuckoo fledglings are a dangerous attraction for the metropolitan taste longing for diversity. Now it is possible to speak about provincialism independently of geography, merely focusing on the topology of culture itself. A new indistinguishability between a province and a center can be observed today.

Keywords: provincialism; culture; center; periphery; geographical capital; cultural capital; cultural innovations; hybridization; conservatism.

политический империализм стремится завоевать окрестные земли, так и столичная имперская культура готова ассимилировать провинциальные культурные инновации, хотя, конечно, это только часть ее желаний. На деле может выйти нечто прямо противоположное. Провинциальные культурные инновации, будучи ассимилированы столичной культурой, могут изнутри покорить ее самое. Поэтому обычно либерализм культурной деятельности столиц сменяется усилением агрессивной консервативности после того, как провинциальные гении и новаторы начинают поднимать голову и выкидывать птенцов из гнезда. Провинциальные кукушата – опасная приманка для жаждущего разнообразия столичного вкуса.

Метафорика провинции и столицы рождена эпохой малых скоростей и отсутствия средств массовой коммуникации. В настоящее время устойчивые признаки столичности и провинциальности смещены. Париж, говорят, стал в художественном отношении довольно убогой провинцией. В свое время Витебск ни с того ни с сего выскочил в определенных областях на уровень столичности. Москва за последние 20 лет стала более провинциальной. Можно говорить теперь о провинциализме вне какой-либо связи с географией, ориентируясь только на топологию самой культуры.

Авангард, как это следует из вышесказанного, в культурном смысле является типичным феноменом провинции, уже в силу своей пограничности. Конечно, можно в виде остроумной метафоры представить себе переход через границу культуры как действие цезаря и его армии. На деле, конечно, это так только в отношении поддержки культурных инициатив провинциалов столицей и в подготовке почвы к признанию инноваций. Авангард есть явление на границе культуры, осваивающее новые территории для культуры, – это деятельность пионеров, землепроходцев и т. п., отличающаяся от колонизаторов и миссионеров тем, что они не несут академические нормы на периферию, но, напротив, вытесняют академические традиции из центра провинциальными новообразованиями. Однако, существуя в столицах и принимая социальные формы столичного быта, авангард сам становится

явлением типично столичным и, в частности, элитарным. Так обособляются полюса элит – авангардистской и академической. При этом сословно-социальные условия существования элит открывают путь к смешанным бракам: дочери академиков могут интересоваться авангардистскими поисками и даже заключать здесь более или менее прочные браки. Женни Маркс была баронессой. Ротшильд собирает авангардистскую живопись и пр.

Характерный дух провинции – просветительство. История просветительства во Франции представляет в этом смысле скорее аномалию. Ведь просветители – это миссионеры, а поле деятельности миссионеров – провинция.

Провинциализм и революция

Инновации, идущие из провинции, не всегда приводят к революции. Это происходит только тогда, когда в провинции раздаются принципы, разрушающие иерархический строй культурных ценностей столицы. Если система культурных категорий столичной онтологии не способна ассимилировать нововведения на периферии своей системы, то эти нововведения могут стать новыми центрами иерархии значений, что приведет к так называемой смене парадигмы, то есть к культурной революции, в соответствии с концепцией научных революций Куна. История научных и культурных революций, однако, показывает, что судьба послереволюционных культур, как и послереволюционных обществ противоречива. Часто в них побеждают восстановительные процессы, и, во всяком случае частично, наблюдается реставрация прошлых парадигм. Этот процесс сам по себе приводит к общей, абсолютной провинциализации культуры, так как культура центра или центр культуры становится гибридным. Вместе с гибриднойностью он теряет чистоту, принципиальность, единство и т. п. Тотальная революционная программа остается «программой», в соответствии с концепцией И. Лакатоса, в то время как тотальная реальность становится гибридно-провинциальной.

Таким образом, инновации ведут к провинциализации целого. Этим самым мы фиксируем уже двойной про-

винциализм новаторской деятельности. Во-первых, она рождается в провинции и мигрирует в центр, во-вторых, максимальное влияние ее на парадигму центральной культуры в конечном итоге приводят к провинциализации центра как по форме, так и по содержанию. Столичность и центральность требуют известного изоляционизма, активного, агрессивного консерватизма. Либерализм психологически весьма столичен, но по своим последствиям ведет к провинциализации.

Наконец, третий тип провинциального авангардизма – рефлексивное насаждение провинциальности, то есть выдвигание провинциальности на первый план не по содержанию, а по самой форме. Обобщая опыт авангардных новаций, новый авангард уже не верит в провиденциальность своего содержания, но насаждает самую провинциальность в ее откровенной форме. Здесь авангард смыкается с обыденным демократическим подсознанием, известным еще как «культ понятности». Демократическое сознание стремится к просвещению, но тайне уповает на доступность культурного материала, на понятность. Процесс понимания есть как раз аристократический либерализм, уходящий в прошлое вместе с закатом столичности. Нужно различать, таким образом, два типа воинственного непонимания: непонимание, опирающееся на консервативный академизм – когда все, что не соответствует ему, как нечто «варварское», отрицается с порога и даже не доходит до проблемы понимания. И агрессивное непонимание, не имеющее формализованного академизма, непонимание, основанное в большей степени на отрицании непривычного. Важно подчеркнуть, что второй тип непонимания тесно связан с маркированностью непривычного. Если оно маркировано «столичностью» – его принимают хотя бы формально, как эмблему, и есть надежда, что со временем – поймут. Если же на непривычном нет марки «столичности», его просто отбрасывают. Частично авангард стремится поэтому совмещать непривычность с маркированностью «столичности», при этом эксплуатируется идея новизны как заменитель столичности. Это становится возможным тогда, когда пограничность авангарда становится синонимом его столичности. В политическом отношении это соответствует тому, что военные или силы безопасности берут в руки функции гражданской власти.

Иной аспект темы «провинция» заключается в категории «любительского». Любительская деятельность, любительское искусство в частности, является примером «новой провинциальности». Суть любительской деятельности состоит в том, что она не соотносит себя с историей, а только со своими внутренними экзистенциальными ценностями. Если для художника-авангардиста задача состоит в превращении своей экзистенции – путем ее оформления – в новый тип исторических культурных значений, то для художника любителя такой задачи не стоит. Таможенник Руссо и Пироманишвили обозначают собой загадочную вторую границу, за которой вовсе не столица и не авангард, а за которой бесконечная провинция.

Художник-любитель или провинциал живет в мире «окрестности», он существует в окрестностях собственного сознания и моделирует мир, не выходя за эти окрестности. Это тип спокойного эгоцентрика, эго которого, не совпадая ни с какой объективной культурной целостностью, не чувствует никакого ущерба от этого. Таково, однако, сознание только идеального любителя, подлинного любителя, того, который действительно любит свое занятие, а не того, который мнит себя скрытым до поры до времени новатором или вечным учеником некоей академии. Тип сознания, свойственный такому любителю

на самом деле оказывается совершенно новым для классического искусствознания. Категории классического искусствознания историчны, любитель – вне истории, его критерии академичны, а любителю нет дела до академий. Любитель – это уже не фольклорный художник, это нечто совершенно новое: это зерно самодостаточной личности с совершенно неясными перспективами существования. Исходя из материала и форм любительского творчества, можно всегда выяснить, на какие центральные ценности оно ориентировано. Но эта ориентация не означает стремления к прогрессу в данном направлении, в этом все дело, и в этом возможная ошибка при его категоризации. Понимание любительства выходит за рамки категорий и языков и погружается в эмпатию, относительно которой можно что-нибудь сказать только из той же окрестности, в которой оно существует. Грубо говоря, из жизни того же ЖЭКа.

Самое главное – изменение функций категориальной определенности любительского искусства. Для нелюбительского – для профессионального искусства, к которому мы должны отнести академическое и авангардное творчество, категориальная структура является главной. Здесь всякое морфологическое явление категоризовано в статическую (академия) или динамическую (авангард) структуру значений: в космос или в историю. В любительском искусстве материал не отличим от его категориального места, материя от значения, они живут неразрывно, слитно.

Для тех, кто оценивает вещь по ее соответствию требованиям места, то есть категории, все любительские искусство вообще не представляет никакой ценности – это грязь, мусор, хлам, пыль. Противоположная точка зрения состоит в том, что категории не ценятся высоко, так как они произвольны и изменчивы – ценен только сам материальный предмет, каким бы он ни был. С такой позиции ценна всякая вещь, в том числе и мусор, и грязь, и пыль. Был бы предмет – категория найдется.

В социально-психологическом отношении эта позиция соответствует потенциальному достоинству любого человека и априорному отождествлению индивидуума и личности. Здесь действует принцип: раз я существую, значит, я личность. Иными словами, это точный зеркальный вариант декартовского «когитусэргосум»: раз я существую, значит, я мыслю. Декларация прав здесь отождествлена с декларацией способностей. Отсюда также тезис: незаменимых людей нет, каждый способен на все и пр. Отсюда же бюрократическая свобода, которая является абсолютной, ибо бюрократия – как и художественная рефлексия – может подыскать категориальную функцию для любой конкретной морфологии. Дюшан, выставивший в музее писсуар, лишь повторил принцип бюрократического произвола при назначении на посты. Писсуар был назначен на пост Аполлона Бельведерского «дирекцией» выставочного зала.

Однако подобного рода крайности выводят нас за рамки позвольительного употребления термина «провинция». Это уже какая-то иная провинция, ибо здесь центральность получила широкие гражданские права и растеклась по всему пространству бытия. Трудно сказать, в какой мере новая ситуация отходит от оппозиции центр – периферия. Быть может, здесь дело именно в том, что в провинции было легче спрятаться от начальства, чем в столице, что провинция была местом ссылки, что там что-то еще созревало и смешивалось. Что же происходит в новой неразличимости провинции и центра, пока не ясно.

На основе материалов исследований проблем территориального планирования и городского развития, опираясь на собственный опыт научно-проектных работ, связанных с территориальным планированием и градостроительным проектированием, так называемой нестоличной практики, автор статьи приводит примеры этой практики и дает их оценку.

Ключевые слова: проблемы городского развития; стагнация развития малых и средних городов; городские ключевые индикаторы; индекс потребительской уверенности; социальная инфраструктура; природный парк; публичные слушания. /

Basing on the materials of the research in the field of territorial planning and urban development, as well as on his personal research and design experience in territorial and urban planning within the so-called nonmetropolitan practice, the author of the article gives concrete examples of this practice and evaluates them.

Keywords: problems of urban development; stagnation of development of small and medium-sized cities; urban key indicators; index of consumer confidence; social infrastructure; natural park; public hearings.

Так бывает в городах и на просторах России / It Happens in the Cities and All Over Russia

Исследователям российских проблем городского развития и территориального планирования хорошим подспорьем служат разработанные программой ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат) городские и жилищные ключевые индикаторы, включающие более 20 тысяч элементов информации [1]. Авторами представлен в сжатом виде потенциал и обозначены проблемы стабильного развития российских городов.

Среди проблем нестоличных городов особо выделяются стагнация развития малых и средних городов, значительная доля ветхого и аварийного жилья, недостаточность возможностей улучшить жилищные условия для обладателей средних и низких доходов, заторможенность развития малого бизнеса, а также формирования экономических и институциональных условий для инновационного развития, сокращение в структуре местных бюджетов городов и муниципальных образований «условно собственных» доходов. «По данным официальных источников, – утверждает доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета Н. Е. Заборова, – до 98 % муниципальных образований России не могут обеспечивать существующие расходы собственными доходами, муниципальные районы не передают денежные средства на поселенческий уровень» [2].

Нельзя не упомянуть и проблематику всех (включая столичные) городов, особенно остро ощущаемую в нестоличных городах. Это стратификация населения по уровню жизни и доходам, старение населения, недостаточность развития институтов гражданского общества, огромный моральный и физический износ объектов инженерной инфраструктуры. Наконец, это загрязнение атмосферного воздуха выбросами промышленных предприятий, тепловых электростанций, бытовых котельных и автомобильного транспорта. В 2013 году Федеральная служба государственной статистики (Росстат) определила 60 российских городов с наиболее неблагоприятной экологической обстановкой (Топ-60). В первой десятке (помимо четырех столичных городов) Норильск (Красноярский край), Череповец (Вологодская область), Асбест

(Свердловская область), Новокузнецк (Кемеровская область), Ангарск (Иркутская область), Магнитогорск (Челябинская область).

Помимо вышеуказанных проблем, интересны приведенные авторами исследования ООН, динамика показателей оценки изменения экономической ситуации в России, индекса потребительской уверенности, оценок изменения личного материального положения и текущих условий для крупных покупок и сбережений, которые дополнены соответствующими материалами Федеральной службы государственной статистики (рис. 1–4).

Индекс произошедших изменений в экономике России (рис. 1) повысился на один процентный пункт и составил -25 % против -26 % в 3-м квартале 2016 года. Доля респондентов, положительно оценивающих произошедшие изменения в экономической ситуации, по сравнению с 3-м кварталом 2016 года увеличилась до 11 % (в 2016 году – 10 %). В то же время доля отрицательных оценок сократилась до 50 % против 52 % в 3-м квартале 2016 года. Доля нейтральных оценок поднялась до 39 % (в 3-м квартале 2016 года – 38 %).

Индекс потребительской уверенности (рис. 2), отражающий совокупные потребительские ожидания населения, в 4-м квартале 2016 года по сравнению с 3-м кварталом 2016 года повысился на один процентный пункт и составил -18 %. Это обусловлено положительной динамикой в оценках населением произошедших и ожидаемых изменений в экономике России и произошедших изменений в личном материальном положении.

Индекс ожидаемых изменений личного материального положения (рис. 3) в 4-м квартале 2016 года по сравнению с 3-м кварталом 2016-го не изменился и составил (-8%). Доля респондентов, ожидающих улучшения своего материального положения в течение следующих 12 месяцев, увеличилась до 11% (в 3-м квартале 2016 года – 9%). Доля отрицательных оценок составила 23% (в 3-м квартале 2016 года – 22%).

Доля респондентов, положительно оценивающих изменения своего материального положения в течение года, составила 9% (в 3-м квартале 2016 года – 8%). Доля отрицательных оценок сократилась до 39% (в 3-м квартале 2016 года – 40%).

текст

Эдуард Товмасьян /
text

Eduard Tovmasyan

> Рис. 1. Оценка изменений экономической ситуации в России

> Рис. 2. Индекс потребительской уверенности

Оценка населением ожидаемых изменений в личном материальном положении и благоприятности условий для крупных покупок осталась на прежнем уровне. Индекс благоприятности условий для крупных покупок не изменился по сравнению с 3-м кварталом 2016 года и составил -33 %. Индекс благоприятности условий для сбережений снизился на один процентный пункт и составил -42 % против -41 % в 3-м квартале 2016 года (рис. 4).

Таковы отдельные штрихи общей картины формирования в процессе городского развития благоприятной окружающей жилище среды, права на которые закреплены статьями 40 и 42 Конституции России.

Научно-проектная практика автора данной статьи в ЦНИИП градостроительства РААСН, преобразованном ныне в ЦНИИП Минстроя России¹, была связана с территориальным и городским развитием Смоленской и Новосибирской областей, Алтайского края, Республики Алтай и Республики Карелия, Первоуральском Свердловской области, Чайковским Пермского края, Калугой, Саратовом, Орлом, Ярославлем и другими городами.

Случались интересные, с точки зрения автора статьи, примеры нестоличной практики. При проектировании схемы территориального планирования Смоленской области специалистами по транспорту было выявлено отсутствие в целом ряде случаев надежных транспортных взаимосвязей между центрами районов. Соответствующие предложения были включены в Положения о территориальном планировании, которые утвердили в декабре 2007 года. На основе традиционно налаживаемых во всех случаях контактов с местными специалистами, а в данном конкретном случае с замечательной градостроительной службой области, известно, что эти предложения до сих пор не реализованы. Дорожное строительство – одно из самых дорогих видов строительства. Средств в бюджете области едва хватает на ремонт дорог. Вот такая нестоличная практика.

Еще до начала проектирования схемы территориального планирования муниципального образования «Гагаринский район» Смоленской области закрытое акционерное общество «Юнипарк-Гагарин» проявило повышенный интерес к территории этого района, примыкающей к парку и Яузскому и Вазузскому водохранилищам – источникам питьевого водоснабжения столичного региона. Чтобы повысить потенциальную стоимость интересующей территории, ЗАО «Юнипарк-Гагарин» инициировало на территории существующего парка создание Гагаринского природного парка, не подозревая, что этот статус даст массу ограничений санитарно-гигиенического и экологического характера. Одновременно это ЗАО, оформив интересующую ее землю в собственность под строи-

тельство, заказало ООО «Градо-Спецстрой» гламурный² проект курорта. Яркие красочные буклеты должны были привлечь будущих владельцев земельных участков. Торговля участками, не обеспеченными элементами инженерно-транспортной инфраструктуры, началась. Владельцы приобретенных участков были брошены на произвол судьбы.

При разработке Схемы территориального планирования (СТП) муниципального образования «Гагаринский район» Смоленской области в свое время возникла острая проблема формирования социальной инфраструктуры. На администрацию муниципального образования, согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «сбросили» почти всю в прошлом государственную социальную инфраструктуру, а о хотя бы промежуточной государственной бюджетной, пусть и копеечной, поддержке «забыли» [2]. Требования территориально-градостроительного планирования оказались под угрозой невыполнения из-за «урезанного» социально-экономического планирования. Не просто пришлось администрации при контактах с населением. В конечном счете в мае 2010 года СТП была утверждена.

В процессе согласования СТП Кемского муниципального района Республики Карелия (утверждена в ноябре 2012 года) Министерство строительства республики отказало в согласовании по той причине, что в Положениях о территориальном планировании было предложено оснастить канализацией те 60 % школ, которые имели дворовые туалеты. Бюджету муниципального района даже на 20-летний расчетный срок, с точки зрения министерства, это не под силу. На согласительную комиссию вышли с компромиссным предложением: четыре школы оснастить в пределах расчетного срока, а шесть – только спустя 20 лет, но хотя бы оставить эту запись в Положениях. Наглядный пример нестоличного разрыва территориально-градостроительного и социально-экономического планирования. Местные жители констатировали: «Здесь можно только доживать, но не жить».

Своеобразна история с предложением авторского коллектива усилить внешние транспортно-планировочные связи Республики Алтай, в частности, с Китаем. Республика граничит с Казахстаном, Монголией и частично с Китаем. Это предложение возникло в процессе разработки СТП республики (утверждена в ноябре 2012 года) и поначалу было встречено администрацией республики с большой настороженностью (боязнь китайской экспансии).

Обратимся к следующему примеру. Общественное обсуждение генерального плана Ярославля было подготовлено и проведено в соответствии с духом и буквой

1. Пожалуй, в стране трудно найти институт ведомственного подчинения без наименования вида деятельности!

2. Этот термин использовал для такого рода проектов архитектор, урбанист, исследователь А. В. Иванов.

< Рис. 3. Оценка изменений личного материального положения

< Рис. 4. Оценка текущих условий для крупных покупок и сбережений

закона – Градостроительного кодекса РФ. Ярославль в 1-м квартале 2006 года вошел в пятерку российских городов, организовавших публичные слушания генерального плана города.

Основные положения проекта были заранее размещены на официальном сервере мэрии города, опубликованы в газете «Городские новости» и журнале «Губернский город», а также изданы в виде буклета. К общественным слушаниям была подготовлена большая выставка с исследовательскими, проектными материалами и примерами реализации проектов в натуре. Этому событию был посвящен также выпуск цветных тематических страниц «Российской газеты».

Публичные слушания продолжались пять дней: четыре дня – по каждому городскому району, а на пятый – по городу в целом. Председательствовал мэр города, докладывали главный архитектор города и главный архитектор проекта. Слушания прошли очень активно. Администрация города пообещала ни один вопрос жителей не оставить без внимания. В итоге 5 апреля 2006 года с учетом заключения о результатах публичных слушаний муниципалитет города утвердил генеральный план Ярославля. Материалы, связанные с публичными слушаниями, экспонировались в мае 2006 года на выставке Общего собрания Российской академии архитектуры и строительных наук в Санкт-Петербурге и получили одобрение Отделения градостроительства и академии.

Впоследствии авторский коллектив ЦНИИП градостроительства РААСН был отмечен медалью РААСН 2006 года за принятую к реализации лучшую проектную работу в области градостроительства. Но не успели еще, как говорится, высохнуть чернила, фиксирующие утверждение генерального плана Ярославля, как указующий перст губернатора Ярославской области наметил место размещения нового завода металлических конструкций именно на дефицитной территории жилой зоны. И это при том что территории производственных зон, о чем недвусмысленно указано в проекте, используются в городе весьма экстенсивно. Губернатор даже не сомневался, что его мнение единственно верное, а может, находящиеся в ореоле власти советники-помощники подсказали такое решение. Факт остается фактом, других мнений быть не могло. Лишь ЦНИИП градостроительства РААСН, автор генерального плана города, отказался уважить просьбу городских властей, по чьему заказу выполнялась работа, и внести соответствующие изменения в схему градостроительного зонирования территории города. А ведь авторитета губернатора было бы вполне достаточно, чтобы заставить «хозяев» производственной зоны интенсифицировать использование территории, разместить на ней новый завод. Здесь комментарии излишни. Кстати,

в зарубежных законодательных документах, которые наши «законотворители» усердно переносят на российскую практику, есть механизмы серьезных санкций, если «хозяева» территорий используют ее неэффективно. До нас эти механизмы пока не доведены. Встает извечный вопрос: кому это выгодно? Хотя в президентском послании Федеральному Собранию тогдашний президент Д. А. Медведев с удовольствием цитировал П. А. Столыпина: «Сперва гражданин, а потом гражданственность», а не наоборот, и вроде бы соответствующий закон, ставящий гражданина во главу угла, принят, но воз и ныне там. С одной стороны, не мешает знать, на каком уровне цивилизационного развития мы находимся, а с другой – нельзя сбрасывать со счетов исторических фактов и коллизий.

Чтобы обобщить пеструю картину примеров нестоличной практики, автор статьи рекомендует своим читателям обратиться к статье доктора географических наук Н. В. Зубаревич «Социальная дифференциация регионов и городов России» [3], в которой высказано мнение, что растущая концентрация активного и конкурентоспособного населения в крупнейших городах – это приговор вертикали власти. «В постсоветской истории, – пишет Н. В. Зубаревич, – еще не удавалось сочетать институциональные и экономические реформы с эффективной политикой в сфере занятости, развития человеческого капитала, городской среды, повышения мобильности населения».

Литература

1. Состояние городов России 2010 : программа ООН-Хабитат / науч. ред. Т. Д. Белкина. – М. : Науч.-исслед. некоммерч. партнерство «Город – Регион – Семья», 2011. – 142 с.
2. Заборова Е. Н. Городское управление : уч. пособие. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 296 с.
3. Зубаревич Н. В. Социальная дифференциация регионов и городов России [Электронный ресурс]. – <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6849>.

References

- Belkina, T. D. (Scientific ed.). (2011). Sostoyaniye gorodov Riossii 2010: programma OON-Habitat [The state of Russian cities 2010: UN-Habitat Programme]. Moscow: Nauchno-issled. Nekommerch. partnerstvo "Gorod-Region-Semya".
- Zaborova, E. N. (2014). Gorodskoye upravleniye: uch. posobie [Urban management: textbook]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta.
- Zubarevich, N. V. (2012, December 20). Sotsialnaya differentsiatsiya regionov i gorodov Rossii [Social differentiation of the regions and cities of Russia]. Gumanitarnyye tekhnologii. Retrieved from <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6849>.

Обсуждается проблема специфических особенностей нестолических городов, делающих их привлекательными для горожан. Предлагаются варианты формирования городской идентичности и уникальности. Анализируются варианты конструирования городской идентичности Иркутска. Рассматривается связь исторического развития города и его современные проблемы: освоение берегов Ангары, сохранение деревянной архитектуры и архитектурного наследия В. Павлова. Поднимается вопрос о своеобразии городской мифологии.

Ключевые слова: архитектура; город; идентичность; уникальность; Иркутск; Ангара; Владимир Павлов; деревянное зодчество; необрутализм; городская мифология. /

О привлекательности нестолиц / Attractiveness of Non-metropolitan Cities

текст
Марина Ткачева /
text
Marina Tkacheva

13 июня в Иркутском доме архитектора собрался дискуссионный клуб для разговора о нестоличности. Участвовали начальник управления культуры Иркутска Виталий Барышников, журналист Александр Гимельштейн, архитекторы Елена Григорьева и Николай Жуковский, социальный психолог Константин Лидин, культуролог Марина Ткачева, политолог Сергей Шмидт.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА В названии темы – явный парадокс. Каждый региональный центр – столица, иногда – столица огромного региона в своем прошлом (Иркутск, как известно, был административным центром огромной территории, включающей Аляску), Красноярск, став миллионником, начал бороться с другим миллионником, Новосибирском, за титул столицы Сибири. В любом случае эти якобы столицы несравнимы по возможностям со столицей России. Жизненная реальность заключается в том, что у всех городов не только разные возможности, но и разные цели. И все-таки объединяющими целями для всех городов можно считать создание комфортной среды, обеспечение приемлемого качества жизни, успешность в борьбе за человеческий капитал. По всем трем позициям мы проигрываем. Что могут города противопоставить престелям столиц, на что делать ставку?

Хочется поговорить о феноменах Иркутска. Они существуют, о них говорят на разных уровнях власти и в городских сообществах. И в архитектурном цеху Иркутска есть свои феномены, свои идентичности: деревянное зодчество, павловская архитектурная школа, градостроители-шестидесятники. В XXI веке появился 130-й квартал. Это не совсем то, что ожидалось, но явно нечто новое, опирающееся на иркутские традиции и означающее отчетливую перемену в отношении к наследию, и это новое имеет продолжение в проекте Иркутских кварталов.

КОНСТАНТИН ЛИДИН Всегда ли нестоличность – это провинциальность? Насколько это справедливо? И деревянное зодчество, и необрутализм никак нельзя назвать провинциальными, хотя они отчетливо нестоличны и в столице не смогли бы появиться. Но они находятся на совершенно современном уровне мировой архитектуры. Удается ли нащупать эту разницу между нестоличностью и провинциальностью? Но пока у нас в поле зрения Москва, мы ничего толкового сделать не сможем и своего, оригинального создать не сможем тоже.

ЕГ Иркутск – не Москва, но академик Боков характеризует Иркутск 70-х годов XX века как нечто исключительное в архитектуре. Это как раз тот период, когда Москва не принималась в расчет.

НИКОЛАЙ ЖУКОВСКИЙ Исключительность появляется при игнорировании Москвы. А протестные движения оригинальности родить не могут.

АЛЕКСАНДР ГИМЕЛЬШТЕЙН От чего отталкиваться в представлениях о нестоличности и провинциализме? Очень плодотворным может оказаться концепция культурных гнезд, которые вообще не предполагают существование столицы: социogeографически гнездо может находиться везде. В таком случае и проблемы столицы не существует, а есть только проблема концентрации: там, где 50 тысяч архитекторов, шансов на рождение талантов в кратное количество раз больше, чем в местах, где их, например, 500. Но иногда гений возникает вообще в ситуации одиночества: тут не угадаешь. Тогда, может, и постановка вопроса неверна, потому что столичность вообще не имеет значения. Тогда наша неспособность генерировать идеи не имеет отношения к столичности/нестоличности.

МАРИНА ТКАЧЕВА А как определить, хуже мы или не хуже столичности?

НЖ Внедрение изобретенного...

АГ Или признание, хотя бы в пределах профессионального сообщества.

МТ Тогда мы возвращаемся к разговору об элитах. В том смысле, что они могут разобраться в некоем явлении культуры.

НЖ Генераторами идей могут быть люди, не обремененные «элитностью». Они активны, стремятся к самореализации, поэтому уходят в города, а в случае неуспеха – из городов в столицу; это попытка реализовать свои идеи.

АГ Получается, что все «понаехавшие» в столицу – это провинциальные неудачники?

НЖ Мне кажется, что надо заменить термин «депрессивный» на термин «транзитный»: пришли в город – отучились – ушли. Но мы теряем столичность, когда исчезают иркутские вузы. Мы теряем вузы – и теряем свою оригинальность, непохожесть.

СЕРГЕЙ ШМИДТ Мне кажется, что такой черной полосы в высшем образовании, которая началась в нулевые годы,

The discussion focuses on the peculiarities of non-metropolitan cities that attract their citizens. Different alternatives of formation of urban identity and uniqueness are proposed. The proposals for the creation of urban identity in Irkutsk are analyzed. The discussion features the connection between the historical development of the city and its present-day problems: development of the Angara waterfront; preservation of wooden architecture and V. Pavlov's architectural heritage. It brings up an issue of distinctness of city mythology.

Keywords: architecture; city; identity; uniqueness; Irkutsk; Angara; Vladimir Pavlov; wooden architecture; neo=brutalism; city mythology.

Иркутск не переживал никогда. Столичность, на мой взгляд, – это такая иркутская психотравма: мы живем в городе, который болеет тем, что он не столица, а когда-то он ею был. Я могу вспомнить три варианта иркутской столичности: Иркутск – главный город Сибири, в котором счастливо объединились и административные, и купеческие функции. Второй вариант – Иркутск – столица Восточной Сибири. А третий – это когда сознательно или интуитивно мы все вместе выдумали Байкальский регион и сделали Иркутск столицей Байкальского региона. Географы мне когда-то сказали, что Байкальский регион – это весь водосбор Байкала. Тогда и изрядный кусок Монголии сюда войдет. Если трактовать Байкальский регион так, то у Улан-Удэ неплохие шансы на столичность. И если не получится с Байкальским регионом, то придется придумывать что-нибудь еще.

Можем ли мы наполнить понятия столица и провинция более-менее внятным содержанием? В самом предварительном смысле с понятием провинция связаны три характерных черты: отсталость, вторичность и подражательность – копирование, несамостоятельность. На наше счастье, уже несколько десятилетий развивается маркетинг, который делает главный упор на уникальность, правда, такую уникальность, которую можно продвинуть и монетизировать. Тогда задача выглядит простой: найти эту уникальность, продвинуть...

КЛ И продать.

СШ Я думаю, уникальность и есть тот крючок, ухватившись за который можно выйти за рамки дихотомии провинция-столица. Уже неоднократно мы все побывали на дискуссиях и мозговых штурмах, посвященных брендам, уникальности и т.п. Но за последние лет 5-8 новых идей не появилось; мы крутимся в кольце одних и тех же идей: Байкал, деревянная архитектура и кое-что по мелочи, типа омулевой бочки. Осмелюсь предположить, что инвентаризация иркутской уникальности произошла. В сущности, понятие уникальности освобождает от тягот провинциальности.

МТ На худой конец, можно оперировать и штампами.

АГ Есть еще один путь: замещение реальных достижений и уникальности симулякрами.

При всех достижениях современная иркутская литература не может похвастаться действительно значительными

достижениями. Уникальность ее закончилась вместе с Вампиловым и Распутиным уже не несколько лет, а десятилетия назад...

СШ Был у нас шанс на создание уникального театра, но он тоже был потерян.

АГ Кокорин, Шевченко, Вырыпаев...

СШ Предположу, что при этом у нас был шанс поднять театр на уровень новосибирского «Факела», этой безусловной достопримечательности города.

КЛ Может, уникальность Иркутска в том и состоит, что это трамплин? И Вампилов бы тоже здесь не остался, если бы был жив.

МТ Как минимум один фактор есть: публика, которая может творческую оригинальность оценить...

СШ В одном отношении советская цивилизация была более предпочтительна, чем сегодняшняя: она была значительно менее централизована; по моим подсчетам, там можно было насчитать как минимум 15 культурных центров, а включая Ленинград – 16. Сейчас культурная вертикаль намного жестче и мощнее отсасывает творческие силы с периферии.

КЛ Москва сама по себе глубоко провинциальна, и уникальности там значительно меньше, чем подражательности – Нью-Йорку, Парижу и т. п.

ВИТАЛИЙ БАРЫШНИКОВ Но само по себе явление трамплина тоже мало уникально.

КЛ Поражает воображение количество «стартовавших».

НЖ Мне понравилось, что на суждении о трамплине мы призамолчали. Если мы нашли в этом свое место, то есть шанс, что город не исчезнет, а будет всегда.

МТ А мы будем гордиться теми, кто уже уехал.

КЛ Если мы сформируем так, что столица – это города, в которые едут, а провинция – те, из которых едут, то Иркутск получается посередине: из него едут и в него едут, получается такая «проточность» при стабильной численности населения.

АГ «И мы кому-нибудь столица...» Но факт остается фактом: из Улан-Удэ, несмотря на наличие своего университета, едут учиться к нам, а вот из Тайшета или Чуны скорее в Красноярск.

ВБ Не забудем весьма искусно созданный еще в советское время миф: Иркутск – столица декабристов.

Этот посыл отработал на все сто. Если говорить об иностранцах, то и до сих пор самый посещаемый иркутский музей – Музей декабристов. Таким прочным оказался этот продукт эпохи. Кроме того, многие города в советское время были закрытыми, а в Иркутск приезжали и туристы, и зарубежные делегации. Мы как бы дважды теряли свою идентичность: после 1917 года, когда «буржуазность» Иркутска тщательно изживалась строительством заводов и внедрением рабочей прослойки. А второй раз – в конце XX века, уже на наших глазах.

АГ В таких случаях помогает высокомерие, такая компенсация ощущения неполноценности.

ЕГ В нем нет ничего плохого: это ведь «высокая мера»!

СШ Я от многих людей слышал (и мой собственный опыт подтверждает), что никто так не ругает свой город, как иркутяне.

ЕГ Я заметила это лет 10–15 назад; раньше такого не было.

ВБ Я вспомнил одного из писателей, которые состоялись без Союза писателей, Алексея Шаманова (Шманова). Он в своих текстах сделал микс из этнических историй (Ольхон, мистика, шаманизм, древняя тайга) и современного Иркутска. Я подумал, что существует целый кинематограф и литература на основе мифа о Диком Западе. История российской Сибири и Дальнего Востока в советское время получила своих авторов – К. Седых, Г. Маркова, В. Шишкова. А приключенческой литературы было меньше; мы до сих пор вспоминаем роман Жюль Верна «Михаил Строгов».

АГ У нас в Олхе живет Г. Романов, который написал с 2011 года уже 19 «попаданческих» романов (например, серии романов «Спасти Колчака», «Товарищ фюрер» и т. п.), изданных, замечу, «ОЛМА-пресс». Не готов оценивать их качество – не читал, но человек чешет на всю страну бестселлеры, и не из Иркутска даже, – из Олхи!

СШ Существуют некие стандарты для признания города серьезным городом. Например, университет, оперный театр. Мы мало значения придаем тому, что у нас нет своей водки, причем она была, и выпускавший ее комбинат разорился! На байкальской воде делала – и разорились!

КЛ А водку «Байкал» выпускает теперь Ульяновск... Но если вернуться к теме культуры с позиций рынка, то рано или поздно мы приходим все к тому же маркетингу.

То есть столица – это город, который научился продавать свои идеи, а провинция – тот, который этому не научился.

ЕГ Хочу процитировать предисловие академика А. В. Бокова к книге «Владимир Павлов»: «...»иркутский ренессанс" 70-х – ранее никому не известное, экзотическое явление, вдвойне интересное из-за узнаваемости его признаков и родовой принадлежности, из-за несомненной близости самым актуальным настроениям... Все, что сегодня вызывает законную, естественную зависть и тоску, что являет собой лучшее из принадлежащего второй героической эпохе российско-советской архитектуры, – все это было и есть в иркутской архитектуре 70-х: обращенность в будущее (а не в прошлое), значительность размеров и замыслов, сдержанность, строгость, честность, смелость, упрямство и сила».

АГ Но Иркутск этим не гордится и этого не понимает. И вряд ли сегодня можно сказать, что эта традиция 70–80-х годов развивается в Иркутске.

ЕГ Такой мощной линии нет, но есть ученики, которые в отдельных местах эту традицию поддерживают...

КЛ Если говорить об иркутских традициях в архитектуре, то они не оформились как метод. Само существование этой иркутской оригинальной архитектуры было достаточно кратковременным.

ЕГ Конструктивизм и авангард тоже были кратковременными... К тому же мы знаем, что начало иркутской школы можно отсчитывать с 60-х годов, с Воронежского, которого Павлов считал своим учителем в градостроительстве и который был автором весьма перспективных идей культурного центра и «Байкальского луча» – того направления, в котором должен развиваться город.

КЛ Конструктивисты много работали над идейной основой своей архитектуры: писали манифесты, тексты. Этим совершенно не занимались ни Павлов, ни его ученики.

ЕГ Павлов вообще считал, что архитектурной науки нет, есть только описание практики, систематизация стилистических особенностей, характерных для того или иного архитектора или школы.

СШ Из окон Дома архитектора видна почти восстановленная деревянная усадьба. А имеет ли смысл восстановление подобного деревянного, пусть даже и традиционно, дома в трех метрах от хрущевки и современного (хоть и неинтересного) здания суда?

НЖ Я бы сравнил это восстановление с деятельностью врача: все мы знаем, что умрем, но врач борется с болезнью, а хороший врач – до последней возможности.

КЛ Как кандидат технических наук хочу сказать, что дом из кругляка в инженерном отношении действительно шедевр. Хрущевка – чудовищная печка для согревания улицы. Ее еще можно было оправдать и позволить в условиях практически бесплатной энергии. Деревянный дом – это завтрашний день, в том числе и в отношении его пространственных характеристик. Если он окружен крупномерными деревьями, то представляет собой изолированный кусок пространства, такой «пузырек» с собственным микроклиматом.

ЕГ На самом деле в масштабах квартала это вполне органичное строение.

АГ Наглядно представлена деградация градостроительной политики – от деревянной застройки через хрущевки к современным коробкам.

СШ По моим представлениям, соседство деревянных домов с современными, совершенно немотивированное и эклектичное, – тоже уникальная особенность Иркутска. Я такого не видел в других сибирских городах: там все-таки поквартальное сохранение дерева создает более органичный облик застройки.

ВБ Самый вопиющий случай, когда дом, стоящий на своем месте, выглядит абсолютно чужеродным – это улица Декабрьских Событий, 35, возле Гипродора. Там на месте деревянной двухэтажки выстроили 16-этажник, и оставшаяся деревянная застройка смотрится абсурдно.

СШ Я бы использовал термин «точечная деревянная застройка»: когда рядом выстроены без всякой логики башни, подавляющие традиционные усадьбы. Может, это действительно иркутская оригинальность?

НЖ Понятие сложности, о которой ты, по существу, говоришь – это как раз среда, родившаяся из борьбы архитекторов с прочей творческой интеллигенцией в 80-е годы. Художники и писатели заботились о сложности, о среде деревянной архитектуры, где сохранялся не масштаб одного домика, а целой улицы, квартала. Но теперешняя ситуация уже неуправляема. А если мы не можем бороться, нам остается принять и согласиться с тем, что получилось. И тогда красота отдельного дома выглядит, как конфетка, особенно на фоне бетона. И его хочется отреставрировать.

МТ Как церковь Симеона Столпника на Поварской в начале Нового Арбата...

АГ Я недавно был в Новосибирске. Там тоже строят башни, но как-то не так, как-то по-другому, чем у нас.

КЛ Иркутский комплекс – это масштаб 15 x 15 метров. И это уже комплекс: дом и четыре дерева.

ВБ Мне кажется, что мы сегодня не обсуждали одну тему: Иркутск стоит на берегах Ангары. Ангара – не рядовая река; может, в этом и есть наша уникальность? Мои друзья, впервые попавшие в Иркутск, восхищаются не только деревянной застройкой, но и в восторге от Ангары, ее чистоты, прозрачности. Река, на которой стоят четыре ГЭС, и первая – в Иркутске. Несколько лет назад обсуждалась идея о создании музея Ангары или парка Ангары, где были бы представлены все эпохи – от первобытной дикости до сегодняшней технологической ГЭС, которая и сейчас является отнюдь не рядовым сооружением.

Еще Потанин в XIX веке писал, что Иркутск, в отличие от всех других городов России, имеет не выпуклую, а вогнутую набережную. У нас есть еще как минимум еще один участок от старого Ангарского моста до Вечного огня (Цэсовская набережная), который деградировал. И если мы там создадим что-то такое, что было бы аналогично прошлому передовому опыту (я подвожу к проекту мацуевского концертного зала), то, может быть, это изменит отношение к Иркутску и у иркутян, и у гостей? Это должен быть объект такого же класса, как для своего времени павловская архитектура или создание общественных пространств в старом деревянном Иркутске? С другой стороны, мы создадим еще одну часть непрерывной набережной от Ушаковки до плотины.

ЕГ Да, это действительно шанс на обновление, создание новой идентичности, уже третий в сфере градостроительства: дерево, Павлов – и вот он, третий шанс создания идентичности на этом месте. Но боюсь, что из этого проекта ничего не получится; к величайшему сожалению, там правит не высокая архитектура, не здравый смысл, а деньги и квадратные метры.

АГ Да, очень вероятно, что как культурное пространство эта территория будет убита, даже если ее мало-мальски приведут в порядок.

ЕГ У этого места есть «гений»: он виден и понятен. Это памятник архитектуры, который даже могучий соб-

стенник пока не может вывести из реестра. Сложилась такая ситуация, что его представители вынуждены были устроить всероссийский конкурс на это место с международным участием (не без наших усилий). И среди победителей оказались авторы, которые сохраняют памятники, стремятся восстановить Чудотворскую церковь, о которой даже иркутяне забыли, а вот питерцы предложили восстановить. Но судьба этого места по-прежнему не решена. И я думаю, что даже если ее оставят в нынешнем состоянии – это не самый плохой случай. Во что превратился бы Суздаль, если бы он не остался на обочине событий XX века? Иногда получается, что провинция, застой, оторванность от прогрессивных течений для истории оказываются благом. В 80-е годы маленький провинциальный Суздаль попал в Золотое кольцо и сохранился уже навсегда.

ВБ У нас два таких исторических поселения. Верхолениск как был, так и остался поселением с одной улицей вдоль реки и с церковью в качестве доминанты. За последние лет десять только и появилось нового, что пластиковые окна да современные крыши. И Киренск такой же.

ЕГ А Енисейск?

ВБ В Енисейске в преддверии 400-летия города благодаря указу президента 2014 года многое сделано.

СШ Хочу сказать про набережную. 130-й квартал оттянул на себя ресторанный актив, которая захватывала бульвар Гагарина в 90-е годы. Тогда была реальная угроза полного уничтожения набережной как общественного пространства: там появлялись рестораны, линия набережной противозаконно «рубилась» на куски частных территорий. Сейчас набережная полностью изменилась по функциям: это детско-родительское прогулочное место; остров Юность в гораздо лучшем состоянии, чем когда-либо. Если к этому присоединится облагораживание Конного острова, то Иркутск в отношении общественных пространств станет гораздо благополучнее.

АГ Тема Ангары мне кажется недоговоренной и непроговоренной. Для жителей берегов Волги река выступает как мощный культурный фактор, именно жизнь на Волге является фактором идентичности и в городах, и за их пределами. В Иркутске это не так, хотя в отзывах гостей восторженные интонации присутствуют всегда.

ЕГ Действительно, часть правого берега осваивается с той или иной степенью успешности. Но левый берег! Напротив Вечного огня, в самом центре города – пустырь. И далее по левому берегу вниз по течению тоже дикость и заброшенность.

ВБ Иркутск находится в самом начале реки, всего несколько десятков километров от Байкала. У нас есть и первоклассный промышленный объект – первая на Ангарском каскаде ГЭС. На берегах водохранилища органично выглядят и мемориальные объекты (памятник Ленину; возможно, в будущем появится памятник героям соцтруда), и зона отдыха, которую уже начали преобразовывать. Первый поселок ГЭС сам по себе прекрасный образец разумно спланированного жилья. Самое место для создания историй об Ангаре, заселении места...

АГ Организовать плавание в омулевой бочке от Байкала до водохранилища...

ЕГ Выходов к реке в городе недостаточно. А берега Иркутка и малых рек вообще никак не осмыслены...

СШ Психологически город с Ангарой не связаны.

ВБ Большинство жителей вообще не воспринимают реку как отдельную ценность. Но кроме того, неосвоенная тема – путешественники и исследователи в Восточной Сибири. Возникает тема не только трамплина отсюда в центр, но и трамплин для освоения пространства с запада на восток.

АГ Иркутск как фронт – это красиво. Но это тоже история. Какой мы сейчас фронт? Самая середина.

ВБ Осталась только «середина земли». Правда, есть геологический фактор – перелом двух плит.

ЕГ Неплохо быть и серединой Транссиба; его знают все: самая длинная железная дорога в мире...

МТ Мне говорил один историк-методолог, что позиционирование себя как середины – самое бесперспективное дело: все движется, а середина бездеятельна, она стоит.

СШ С середины некуда бежать...

КЛ Но середина – это середина пути, а дорога – это движение в две стороны, как систола и диастола. И движение – центробежное или центростремительное – все равно идет через нас.

ВБ Была идея в 130-м квартале поставить скульптуру вогнутого глобуса с центром в Иркутске: куда ни встанешь – все равно скатишься вниз, к центру.

АГ Есть еще одна проблема – дефицит мифотворчества.

МТ Мне вспоминается история с границей между Европой и Азией: как екатеринбуржцы ее передвинули в свою пользу, чтобы было что показать. Мораль: если даже нет уникальности – давайте создадим ее! Пять лет грамотной работы гарантируют успех.

ЕГ Мифы 130-го квартала и пишутся, и работают.

МТ А мифы о подземельях и купеческих кладах – это даже больше: источник информации для черных копателей. У меня по соседству живет такой.

ЕГ Иркутск – место ссылки, каторги, поселения. Зависела ли его дальнейшая судьба от этого?

АГ Местом каторги он не был никогда. А ссылка, поселение – это место нормализации, возвращения в цивилизацию. Это касается не только декабристов. Есть один успокаивающий момент: Иркутск – один из немногих губернских центров, где не только разрешали поселиться, но и брали бывших каторжан в чиновничью и даже на государственную службу в связи с тем, что вчерашние ссыльнокаторжные были грамотными людьми. Ведь декабристы были лишены дворянского достоинства, но они чувствовали себя дворянами, в их салоны ходили, как к дворянам. Для них Иркутск был местом реабилитации.

ВБ Но тема реки все-таки представляется наиболее интересной.

ЕГ Один из первых Зимников 1999 года был «Город и река», «Проект Байкал» посвятил реке № 7 «Побережье» и № 50 «Берега».

АГ Но в том, что строится, я реки не вижу вообще.

КЛ В лучшем случае – игнорирование, а зачастую – враждебность.

ВБ Мне кажется, что все попытки выйти на эту тему, остаются больше внутрикорпоративным делом архитекторов. Надо все-таки выносить эти проблемы на публичное обсуждение через общественную палату и журналистов. Сюда же подключается и тема благоустройства островов.

КЛ Надо иметь в виду, что острова очень разные.

ВБ Это такая Матёра в центре Иркутска. Мало того, что они разные, но селятся там зачастую без всяких прав.

ЕГ А вместе острова составляют огромную площадь. Когда мы делали проект нового моста, взамен которого построен нынешний мостовой переход – Академический, то запроектировали мост-бульвар и «зацепляли» крупные острова, несколько изгибая линию самого моста. На них мы делали спуски в зеленую зону, прогулочные маршруты. Но это показалось слишком роскошным, и возник нынешний технический переход. А через год в Роттердаме был построен аналог нашего проекта, мост с изгибом. В общем, это относится к упущенным возможностям для развития города. При этом наш проект был победителем, о нем много писали. У нынешнего моста и еще один порок: он идет по насыпи; для того, чтобы восстановить непрерывность набережной, придется долбить проход.

ВБ От этого места до Верхней набережной – огромное пространство, на котором можно реализовать интересные проекты. Такая перспектива вселяет оптимизм.

ЕГ Спасибо за участие, идеи и до новых встреч в дискуссионном клубе «Проекта Байкал».

ЦЕНТР СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

г. Иркутск, ул. Ф. Энгельса 8, оф. 101
Тел: 8 (3952) 484-199
www.prostore.guru

Приглашаем к сотрудничеству архитекторов

КРОВЛИ И ВОДОСТОКИ

- КОМПОЗИТНАЯ ЧЕРЕПИЦА METROTILE (БЕЛЬГИЯ)
- ГИБКАЯ ЧЕРЕПИЦА TEGOLA (ИТАЛИЯ)
- ВОДОСТОЧНАЯ СИСТЕМА AQUASYSTEM (РОССИЯ)

ФАСАДЫ

- ФИБРОЦЕМЕНТНЫЕ ФАСАДЫ KMEW (ЯПОНИЯ)
- ФИБРОЦЕМЕНТНЫЙ САЙДИНГ CEDRAL (БЕЛЬГИЯ)
- ИСКУССТВЕННЫЙ ОБЛИЦОВОЧНЫЙ КАМЕНЬ WHITE HILLS (РОССИЯ)

Провинциальность – болезненное ощущение, которое порождает в людях неуверенность и недовольство собой. В архитектуре провинциализм выражается в бездумном подражании столичным модным тенденциям, в недоверии властей к местным архитекторам, а также в неумении оценить значимость и оригинальность нестоличной архитектуры. В результате утрачивается то ценное, что есть в провинции, а шедевров новой архитектуры не появляется.

Ключевые слова: столица; провинция; провинциализм; мода; неуверенность; недовольство собой. /

Provinciality is a painful feeling that causes uncertainty and dissatisfaction with oneself. In architecture, provincialism is manifested in a thoughtless imitation of the newest metropolitan trends, in distrust in local architects demonstrated by the authorities, as well as in incapability to appreciate the significance and identity of the non-metropolitan architecture. As a result, the province loses its valuable features, while the new architecture does not produce any masterpieces.

Keywords: capital; province; provincialism; fashion; uncertainty; dissatisfaction with oneself.

О провинциальности, жадности и тоске по столичной жизни /

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Нигде так не пекутся о том, чтобы, не дай бог, не отстать от моды, как в глухой провинции.

Георгий Гурджиев

Провинциальность – неизбежное, болезненное ощущение, что где-то есть метрополия и жизнь в ней лучше, богаче и правильнее. Это ощущение порождает недовольство собой и тем местом, где приходится в силу разных обстоятельств жить. Кажется, что физическое перемещение в столицу что-то сразу и навсегда изменит.

«В Москву, в Москву, работать, работать», – без устали повторяли чеховские героини. А дядя Ваня у Антона Павловича даже застрелился от тоски.

Увы, перемещение в пространстве никого и никогда не спасало от чувства собственной неполноценности. Провинциалы, переехав в столицу, тянутся, как правило,

к таким же провинциалам. Спесь и высокомерие столичных жителей – проявление того же самого синдрома провинциальности – ранит их. Страстное желание жить полноценной жизнью и доказать, что они чего-то стоят, иногда выливается у «понаехавших» в гиперактивность, и, казалось бы, успех – вот он, достигнут. Есть квартира, есть деньги, есть даже слава. Но удовлетворения нет, и неуверенность в себе остается. В Москве, добившись успеха, провинциалы повторяют: «В Нью-Йорк, в Нью-Йорк...», а в Нью-Йорке будут грезить Парижем или Лондоном.

Жизнь не в столице провинциалу зачастую видится не настоящей, а следовательно, то, что он там делает, – тоже временное и ненастоящее. Если, не дай бог, человек, страдающий синдромом провинциальности, облечен властью и полон желания сделать у себя в городе все «по-столичному» – это беда. Вот тогда-то появляются такие странные вещи, как «Москва-Сити», стеклянные высотки у городского пруда в Екатеринбурге, безжалостно сносятся деревянные строения XIX века в Иркутске. Местным архитекторам и градостроителям чиновники, страдающие этим синдромом, не верят – приглашают иноземных, и сами с удовольствием ездят в европейские столицы – набраться опыта, ибо ничего слаще нет для провинциала, чем съездить в мировую столицу: «увидеть Париж и умереть».

Чувство неполноценности и неуверенности заставляет владельцев магазинов и кафе в городах, где иностранцев днем с огнем не сыщешь, на вывесках писать огромными буквами по-английски иноземные названия, иногда с ошибками. Неспроста в провинциальной рекламе ключевыми словами являются Европа, Америка, Лондон, Париж: евростиль, евроокна, евроремонт, торговый центр «Европа», ресторан «Лондон», парикмахерская «Париж»...

Люди с болезненным чувством провинциальности опасны. Их жадность жестока и беспощадна, а решения губительны для тех мест, где они правят. Сколько стараниями и трудами страдающих синдромом провинциальности явилось миру памятников жадности: ярко раскрашенные сараи торговых комплексов, высотные стеклянные сооружения в исторических центрах исторических городов, снесенные и обезображенные строения

On Provinciality, Greed and Aspiration for a Metropolitan Life

прошлых веков, застроенные административными и торговыми зданиями скверы, уплотненные точечной застройкой жилые кварталы. Зачем? Затем, что жить в своей провинции провинциалы от власти не собираются. Они здесь хотят только зарабатывать.

А что же патриоты? У них провинциальность тоже неизбывна. Они не верят, что что-то можно сделать для родного города, что их голоса услышат. Правда, в последнее время ситуация меняется. В Екатеринбурге противники строительства в акватории исторического городского пруда церкви с разноцветными куполами и смешными кокошниками устраивают многолюдные акции. Ни один здравомыслящий архитектор не поддерживает идею этого строительства, но власти как бы этого не замечают. Как всегда, «Васька слушает, да ест». У провинциальных чиновников свои соображения и по поводу церковной архитектуры, и по поводу квалификации местных архитекторов. А отстать от столичной моды для них смерти подобно. К тому же они хорошо знают, что большинство населения пассивно (не разбудили бы только электорат в России планами реновации пятиэтажек в столице. А то, неровен час, в Москве гражданское общество родится. А провинция подхватит столичную инициативу).

Гражданского общества пока ни в столице, ни в провинции нет. Активисты, как всегда, поорут-поорут и смирятся. Так что, возможно, храму на воде в Екатеринбурге быть. И ведь все из лучших побуждений. Поговаривают, правда, что не без экономической выгоды этот проект стараются реализовать: застройщикам вырытую землю при строительстве близлежащего жилого комплекса возить далеко не хочется. Проще ею часть пруда засыпать и построить церковь. Будет, как им кажется, модно, оригинально (приколно) и по-столичному.

В 20-х годах XX века на волне революционного энтузиазма Екатеринбург пытались из провинциального захолустного городка превратить в столицу индустриального Урала. Маяковский даже стихи написал:

*Я знаю, город будет,
Я знаю, саду цветсть,
Когда такие люди в стране советской есть.*

И еще:

На наших глазах городище родится из воли Урала, труда и энергии.

Много снесли тогда церквей – настроили клубов. И братья Веснины в Свердловске (Екатеринбурге) экспериментировали, и Моисей Гинзбург жилые дома строил, и Яков Корнфельд, и Леонид Пастернак, и местные архитекторы не отставали. Теперь конструктивизм – лицо города. Правда, этому лицу косметические маски уже не помогут, нужна кардинальная пластическая операция.

Но в провинции всегда было плохо с реставрацией. Сломать и новое построить – это можно. А реставрировать с чувством провинциальной неполноценности и мелочной жадностью очень сложно. Чтобы провести нормальную реставрацию из жилых домов, нужно отселить людей, для клубов искать новую функцию... В общем, мороки много – денег мало. Новое строительство дает большую прибыль, а жадность, как всегда, зашкаливает. Поэтому новое строится, а старое сначала не ремонтируется, потом его становится сложно и дорого реставрировать, потом оно просто разрушается... Вот тогда-то и начинаются вздохи об утраченной идентичности, упреки в провинциальности и... обостряется тоска по столицам.

Городок Чекистов в Екатеринбурге – памятник федерального значения. 16 мая 2017 года там был пожар. Всполошились СМИ. Местные архитекторы и искусствоведы еще раз сказали: нужно реставрировать, иначе ничего не останется от этого памятника. Все с этим согласились, но будет удивительно, если что-нибудь изменится.

Иностранцы приезжают – языком цокают и не понимают, почему нельзя исторические дома отреставрировать, если они такие значимые для города? Не объяснишь ведь, что провинциальный синдром поразил головы, которые должны принимать решения. Поэтому господа любители конструктивизма, поезжайте-ка лучше в столицу. Там недавно историческое здание «Известий» внук Бархина отлично отреставрировал. Правда, и в Москве проблемы все те же – провинциальные. Некоторые говорят, что Москва уже немного на Нью-Йорк похожа. Врут, наверное.

Рассматривается динамика сфер общества, роль культуры в целом, искусства и его отдельных видов в конструировании образа города. Вводится понятие периферности (со ссылкой на Г. Станишева) как особой ситуации в современном мире, возникающей в противовес глобализации и унификации социальных потоков. Ставится вопрос о ресурсах периферного положения для развития социальных систем. Анализируется роль искусства в духовной культуре, его возможностей как системы мировоззрения и практики, способствующих осознанию уникальности положения периферных мест.

Ключевые слова: город; социальная система; социальное пространство; социальные практики; искусство; культура; периферность; социальная динамика; история; мифология; религия; мировоззрение. /

The article reviews the dynamics of the spheres of the society, as well as the role of culture as a whole and of arts in building the image of the city. It introduces the notion of "periphery" (with the reference to G. Stanishev) as a peculiar situation in the modern world, which occurs in opposition to globalization and unification of social flows. The article addresses the question of the resources of the peripheral situation required for development of social systems. The author analyses the role of art in intellectual culture and studies it as a system of world view and practice, which encourages comprehension of the uniqueness of the peripheral places.

Keywords: city; social system; social space; social practices; art; culture; periphery; social dynamics; history; mythology; religion; world view.

^ У Дончакова все просто и взято прямо с земли: кусок дерева, кора, плетень – вот вам и мастерская, вот вам и живая голова...

Между Польшей и Китаем / Between Poland and China

текст
Марина Ткачева /
text
Marina Tkacheva

Сознание не только отражает мир, но и творит его.

Ленин

Название – часть цитаты, взятой из стихотворения Ю. Мориц; однажды я использовала ее в эпиграфе к своей ранней статье об Иркутске «Поиск образа города» [1]. Замечу, что понимать заголовок не следует буквально; очевидно, проще было бы сказать, как это сформулировал Георги Станишев во время интервью и мастер-класса на прошедшем фестивале «Зодчество Восточной Сибири-2017»: «люди периферных систем выбирают между центрами, и это составляет основу их свободы» [2]. Формулировка длинновата для названия, хотя содержательна и концептуальна. В ней содержится как минимум несколько векторов для анализа.

Во-первых, признание некоего города в качестве периферной системы (мне очень понравился этот термин; хочу его ввести хотя бы в личный мыслительный обиход). Не все признают правомерность такой позиции в отношении Иркутска (об этом несколько ниже). Я исхожу из установок, что периферность – не провинциальность, и в этом понятии отсутствуют оценочные оттенки: оно обозначает лишь оппозицию центру, положение которого уже не подвергается сомнению. Напротив, в самом периферном положении (полностью присоединюсь к Г. Станишеву) гораздо больше ресурсов для развития, чем в положении центра.

Во-вторых, это понятие может быть применено и в отношении внутригородских структур, тех систем отношений, которые мы определяем как «культуру», «экономику», «политику» и т.д. При центровом положении одних сфер жизни некоторые другие могут оказаться в статусе периферных, а все процессы, характерные для центральности и периферности, сохраняются. В классической французской социологии XX века этот феномен описал Пьер Бурдьё, дав ему название социального поля и предварительно набросав панораму социального пространства как формирования, самоопределения полей и их взаимодействия [3]. Существенно, что внутри каждого из них кристаллизуются собственные критерии идеального, допустимого, одобряемого. Они вовсе не обязательно ориентированы на успех, измеряемый количеством денег,

получаемых за труд, то есть на чисто экономические и финансовые результаты. В каждом из них постепенно формируются не зависящие от других полей мировоззренческие убеждения, создающие базу для «инерции» – самодвижения поля, которое имеет и свой собственный темп развития.

В-третьих, внутри каждой из сфер тоже обнаруживаются свои центры и периферность: центр власти *contre* периферия («пирамида власти»); «образцовые» школы *contre* аутсайдеры; лидеры архитектурных школ *contre* новички, непрофессионалы, подражатели... В классической для меня работе Рэндалла Коллинза «Социология философий» отношение внутри сообщества философов характеризуется как «область сосредоточения внимания» [4]; это качество автор распространяет и на другие виды интеллектуальной деятельности. Такое использование возможно, кроме того, еще и потому, что социальное мышление ориентировано на феномены значимости, ценности, а не истины, что придает еще больший вес выбору мировоззренческих ориентаций.

В моей давней статье идея была сформулирована так: в Иркутске существует разнонаправленное движение ментальных усилий одновременно в прошлое и в будущее (если считать, что движение в будущее идет через настоящее). Мне кажется, что за десять лет, прошедшие со времен написания той статьи, эти две линии стали даже более отчетливыми. Я по-прежнему уверена, что не столько предметная среда определяет мышление, сколько интеллектуальные установки детерминируют картину городского мира, выбор тех локусов, которые людям представляются системообразующими и которые имеют качества предметности. При этом установки акторам представляются само собой разумеющимися и не нуждающимися в дополнительном обсуждении; в определенном смысле люди воспринимают их как врожденные или всосанные с молоком матери.

Вопрос: что может стать той моделью, тем «предельным отношением» (как выразился историк А. И. Неусыхин), к которому можно логически подвести интуитивные и рационально обоснованные модели видения города и его оригинальности? Замечу, что «предельное отношение» – вовсе не самое статистически многочисленное

явление; так, М. А. Барг и А. И. Неусыхин отмечали, что, например, рабовладение ни в Греции, ни в Риме не были самым распространенным явлением. Присутствие «предельного отношения» означает, что факты, относящиеся к этой категории, считаются наиболее привлекательными, интересными, перспективными, к ним стремятся, тяготеют, берут за образец. Изменчивость – атрибутивная особенность, коренным образом характеризующая жизнь современного города, а «векторность», направленность – неперенное качество любого процесса. Именно эти особенности и фиксирует понятие «предельное отношение».

В сегодняшней информационной, предметной и архитектурной среде Иркутска почти равно значимы несколько установок.

1. Интуиции столичности, сознание того, что мы живем в центре, что город – губернский, источник власти, концентрация идей. Безусловно, присутствие прошлого в разных вариантах подпитывает эти импульсы. Исторически значимой архитектурой являются памятники: храмы, иногда деревянная застройка. Монумены, находящиеся в городе (памятник В. И. Ленину), восстановленные (Александр III на набережной Гагарина) или воздвигнутые в последние годы (памятник Якову Похабову на Нижней набережной; памятник Колчаку; бюст Сперанского на вновь поименованной площади Сперанского, ранее сквере Кирова), «заточенные» на «пафосность» и возвеличивание себя. К очередному Дню города опять были размещены по городу плакаты про «любимый город» с фотографиями двух наиболее прозрачных по символике монументов – Похабова и Александра III. Их устойчивость, неподвижность, прочность создают некую иллюзию «постоянства памяти» и постоянства прошлого. Прочитывается подобная мысль и в тексте Марка Сергеева: «Нас встретит столица таежной Сибири, любимый Иркутск, середина Земли».

Подчеркну, что опора на историю не обязательно связана с сознанием столичности. История богата ресурсами, смыслами, и каждый раз из ее «запасников» извлекается то, что соответствует потребностям данного момента или данного сообщества, или же всем известные факты перечитываются по-новому. В подтверждение могу привести известный афоризм о том, что Россия – страна непредсказуемым прошлым.

В Иркутске есть прецедент подобного рода. Вокруг фигуры адмирала Колчака до сих пор не утихают споры и битвы. Его заслуги как исследователя Сибири и во время Первой мировой войны отмечали не только приверженцы белого движения: о сохранении Черноморского флота (правда, без упоминания фамилии Колчака) писали и советские историки. Литературная обработка «колчаковского сюжета» также происходила и в эмигрантской (И. Шмелев, И. Буниц, А. Куприн), и в советской (Д. Бедный, Н. Асеев, В. Маяковский) литературе. С завидным постоянством они возобновляются в постсоветской литературе и общественном мнении (публикация «Красного колеса» А. Солженицына); тем более, что расширение исторического горизонта, начиная с периода перестройки, стало «хорошим тоном» как ученых-специалистов, так и литераторов нового поколения. Иркутские «страсти по Колчаку», начались, пожалуй, с постановки в Иркутском драмтеатре пьесы Сергея Остроумова «Звезда адмирала» (премьера 1998 г., постановка В. Кокорина). В 2004 г. установлен 4-метровый монумент Колчака. А в июле уже текущего, 2017 года возникло дело, инициированное адвокатом О. Федоровым, о сносе памятника и уничтожении всех упоминаний о Колчаке в городе, начиная с надписи на Иркутском краеведческом музее (бывшее здание ВСОРГО). Напомню, что объявление о предстоящей установке памятника адмиралу вызвало

неоднозначную реакцию горожан: более искушенные в истории говорили о недопустимости его установки, напоминая о многочисленных жестоких расправах, творимых Колчаком в Сибири, а обыватели апеллировали к жалости, покаянию и достоинствах адмирала. Одно время ему приписывалось авторство слов романа «Гори, гори, моя звезда» - из-за созвучности настроения романа и предсмертного тюремного заключения Колчака. 20 июля 2017 г. О. Федорову в иске отказано. Может ли столь противоречивая фигура стать основой идентичности? Нет; именно по причине ее конфликтности. По той же причине уничтоженный уже на моей памяти дом Ипатьева, место расстрела царской семьи, и построенный почти на его месте Храм-на-Крови не стали мейнстримом Екатеринбурга. Поиск идентичности предполагает определенную «одностовольность», негласно принимаемое всеми положительное значение чего-либо; в наших случаях она явно отсутствует.

2. Установка транзитности, неустойчивости, стремление уехать и искать успеха в более перспективных местах, где «больше жизни», «интереснее». Об этой черте городского сознания говорится часто и почти всегда в утвердительной форме. Движение, мобильность так же укоренены в иркутской жизни и мышлении, как и история. Обратимся, например, к значимому событию в городской жизни прошлого – запуску первого трамвайного маршрута. Он шел от железнодорожного вокзала до рынка. И тот, и другой объекты – символы движения, перемещения денег и перемещения в пространстве. Купечество, приносящее в город богатство, тоже было весьма подвижным сословием. Ссылка или реабилитация после лишения в правах – все это потоки людей, изменение их статуса. В советские времена усиление мобильности детерминировано и сибирскими стройками такого масштаба, который требует участия масс людей, охотно срывающихся с насиженных мест в поисках независимости и романтики. Город не пустует, пополняясь приезжими из малых городов, замирающих сел, трудовыми мигрантами, которые приезжают «на передержку» – и оседают на неопределенное время. Ностальгирующие люди поколения моей мамы также не чужды идее перемещения: вспомним песни 60-х. Вот первое, что приходит в голову: «А река бежит, зовет куда-то/ Плывут сибирские девчата/ Навстречу утренней заре/ По Ангаре» (Слова С. Гребенникова, Н. Добронравова).

Мобильность, кроме того, – признак молодости, для которой старые дома – ветхие «деревяшки», музеи – «факультеты ненужных вещей», а столичность олицетворяется новыми объектами, которые если не повторяют, то соотносятся со знаменитыми символами (Биг Бен, Триумфальная арка). Даже такая мелочь, как торговые вывески, впитывают «микс» латиницы и кириллицы («Mesto vstrechi», «Matrionoshka», «MaGISраль»), намекая на «лучшие места на земном шаре» и необходимость для достижения этих мест хотя бы примерно ориентироваться в принятых «там» текстах. В этом же потоке «великого кочевья» находятся родители, отсылающие детей учиться

^ Две ипостаси: кровавый диктатор и прекрасный собою мудрый полководец

в хорошие иногородние вузы, чтобы они уже не возвращались, а «нашли судьбу» подальше от «этого гнилого города».

3. Но есть горожане разных возрастов и сословий, живущие и желающие жить здесь. Они находят ресурсы и режимы оправдания в тех же моментах городской жизни, что и другие категории иркутян. Главной и для этой категории жителей оказывается история. Именно для них особенно актуальны поиски нестолличности, периферности как оригинальности, уникальности города, причины гордиться им и чувствовать свою сопричастность его жизни. Вряд ли могут содействовать этому успехи города в экономической или политической сферах, для которых существуют вполне общезначимые критерии сравнения успехов и достижений.

Но характеристики сферы символического капитала качественно иные. Ее образуют такие области, как религия, мифология, искусство. Даже торговля продуктами символической деятельности (продаваемость – вполне современный процесс: современный по менталитету человек представляет, что «все продается») представляет такое взаимодействие, где действует логика нетоварной экономики, по сути – докапиталистической. Именно поэтому она и находится на периферии сознания. Но это качество делает возможным ее противопоставление современному экономическому порядку вещей и логике экономизма. Как формы мировоззренческой рефлексии, миф, искусство и религия выступают универсальными системами, объединяющими личностное и общезначимое, веру, переживание и знание. Все они укоренены в своей собственной истории и в истории места, что и является основой их авторитетности. Может показаться, что это касается в первую очередь мифа и религии, которые апеллируют к своей древности как признаку аутентичности. Но об автономии эстетической способности, на которой основывается художественная практика, писал еще в XVIII веке И. Кант [5].

В системе видов искусства, в свою очередь, существует своя периферия и свой центр, имеющие исторически изменчивый статус. Гегель в «Эстетике» [6], выделяя три этапа в эволюции идеала (=единства духа и материи, данных в чувственно-воспринимаемой форме), писал, что каждому этапу соответствует свой образцовый вид искусства; остальные виды приобретают подобную ему форму. В Египте «центральной» вид – архитектура; остальные – архитектуроподобны. В античной Греции таким видом является скульптура; начиная со Средневековья – литература. Схема имеет несколько надуманный характер, но для рассмотрения более коротких периодов имеет смысл, ибо позволяет отследить пути и способы влияния искусства-лидера на другие. Если в XIX веке системообразующим видом можно признать литературу, то начиная со второй его половины приоритеты меняются, и пальму первенства перехватывают изобразительные виды, в первую очередь – живопись. В них происходят самые существенные новации. Но статус лидера так же текуч и изменчив, как и положение аутсайдера.

К концу XX века сами изобразительные виды дробятся, а взаимодействие некоторых из них с социальными процессами и приоритетами приобретает драматический характер борьбы за власть над умами, чувствами и деньгами, за право реализации проектов. Распространяется «искусство действия», в котором произведением выступает сам процесс создания (от футуризма до современных форм интервенционализма и акционизма). Живопись, оказываясь на второстепенных ролях в системе современной художественной деятельности, в достаточной мере сохраняет статус «искусства для искусства», в высокой степени ориентируясь на критерии эстетического совершенства и серьезного профессионализма. По-

этому к ней применимы критерии искусства как такового, сформулированные И. Кантом в указанной работе.

Искусство в его концепции – область эстетического вкуса, которая отвечает следующим требованиям.

1. Суждение вкуса, наше представление о красоте, – незаинтересованное, не связанное с практической пользой и самим существованием предмета: «... важно не то, в чем я завишу от существования предмета, а то, что я делаю из этого представления в себе самом... для того, чтобы быть судьей в вопросах вкуса, нельзя ни в малейшей степени быть заинтересованным в существовании вещи» [7]. Если с этой точки зрения рассмотреть ресурсы живописи в жизни современного Иркутска, то именно она может стать способом преодоления символической пустоты, которая наблюдается в сознании и мнении критиков города. Поведение зрителя в отношении произведений изобразительного искусства почти всегда бескорыстно, если они представлены в экспозициях, музейных коллекциях и студиях.

2. Прекрасное в качестве основы и результата суждения вкуса – то, что без всякого логического обоснования доставляет незаинтересованное ВСЕОБЩЕЕ удовольствие; оно притязает на всеобщность просто потому, что человек – это родовое существо [8]. Не потому, что он принадлежит толпе или массе (роду в архаическом смысле), а потому, что он – независимая личность, и это входит в его сущностные характеристики, «само собой разумеется». Первый вывод есть обоснование второго, ибо только тогда человек внутренне свободен как от мнения окружающих (от принуждения), так и от собственных эгоистических устремлений, демонстрируя свободу от узкопрагматического или политического интереса. Сконструированная каждым из создателей и потребителей искусства картина мира оказывается общепригодной, дающей возможность диалога сквозь пространство и время по поводу образа города. Добавлю, что заинтересованность в такой картине мира возникает не только потому, что нам интересен художник, но еще и потому, творчество художника укоренено в самом менталитете сообщества; пусть даже его присутствие незаметно для участников.

3. Признание объекта прекрасным имеет в качестве своей основы его ФОРМАЛЬНУЮ целесообразность, то есть возможность распознавать чувственно воспринимаемые признаки, создающие систему сигналов об его совершенстве [9]. Но любая форма чревата свободой интерпретации содержания: чем более совершенна форма, тем большую свободу интерпретации она допускает. А совершенство формы напрямую зависит от того, что еще Аристотель назвал умением «прекрасно изобразить лицо» в противовес умению просто «изобразить прекрасное лицо». Он писал о профессиональной подготовке живописца, и с ее необходимостью никто не спорит. Таким условием в Иркутске является существование весьма качественной художественной подготовки и значимой в масштабах России художественной школы, ведущей свою историю от основателя художественного училища И. Л. Копылова и его первых учеников. Иркутск остается центром притяжения для художников не только потому, что Байкал и Ольхон – источники вдохновения. Непосредственный контакт с творческими личностями, их мастер-классы и выставки делают Иркутск интересным и востребованным художественным центром: искусство было и остается «концентратом» креативности, столь притягательной не только для молодежи.

Художественное сознание – это и сложная система деятельности, и способ переработки уже существующих смыслов. И чем меньше стоит запретов на пути переосмысления духовных феноменов, тем интереснее получаются результаты.

Однажды во время поездки по Краснодарскому краю друзья завезли меня в станицу Усть-Лабинская, в тамошний краеведческий музей. Мне с гордостью показали какой-то уникальный ткацкий станок, который был сконструирован местным умельцем-непрофессионалом и которым восхищались приехавшие однажды японцы. Посетили мы и филиал музея, устроенный в доме самодельного скульптора И. А. Дончакова. Но это не «академический» музей: это студия детского творчества, место размещения его скульптур, которым не хватило места на площадках и улицах городка. Сюда приносят и привозят всякое старье (чемоданы, старые телефонные аппараты, сумки, необычные тыквы) и где про бывшего хозяина дома И. Дончакова, который украшал город своими работами и поощрял всякое изобретательство, я услышала от дородной тетеньки в шлепанцах. Она с любовью и стихийным талантом рассказчика показывала, как сделана изобретенная И. Дончаковым печная труба; как выглядело бы крыло огромного деревянного орла, если бы хозяин успел его доделать; для чего музею старые чемоданы и какая технология была изобретена для использования коры дерева в оформлении фасадов дома... Конечно, казус Усть-Лабинской возможен только там, где есть такие самородные непрофессиональные таланты, «стягивающие» к себе творческую энергию таких же непрофессионалов, ищущих место приложения своих сил в условиях сравнительно ограниченных предложений работы (скрытая безработица) и малочисленного населения. В свое время В. Л. Глазычев писал, что успешность города в немалой степени зависит от его размеров: чем меньше город и чем больше в нем «накал» креативности, тем больше вероятность повысить его рейтинг за счет осуществления культурных проектов. Иркутск слишком велик и разнокачественен, чтобы воспользоваться ресурсом наивного или непрофессионального искусства: и то, и другое не укоренено в жизни города, имеющего серьезную художественную традицию и опирающуюся на авторитет добротного профессионализма.

Слушая высказывания живописцев, керамистов, графиков, работающих в Иркутске и связанных с его менталитетом, я обнаружила одну особенность, которая, возможно, является достаточно распространенной в настоящее время, но имеет в Восточной Сибири свою оригинальность. Это увлечение языческой культурой, ее символами. Совершенно понятно, что в краю многочисленных памятников первобытной живописи и скульптуры на них невозможно не обратить внимания. Мне кажется, что дело обстоит прямо противоположным образом: интерес к язычеству стал причиной того, что появляются многочисленные подражания писаницам, шаманским символам, воспроизведениям шаманских обрядов, а памятники первобытности становятся местами паломничества или туристического интереса. Декоративно-прикладное, ювелирное искусство, скульптура и живопись не копируют, а творчески перерабатывают этот материал верований и ритуалов коренных народностей Сибири. Особенно явно это чувствуется на Ольхоне. Здесь сначала интуитивно, а потом и вполне целенаправленно стали культивировать мифы, обряды, символы бурятского шаманизма, не отрицая и не запрещая всякую другую мифологию и верования. Так «место силы» становится местом встречи культур. Усиление языческого менталитета ощущается и в установках интеллектуалов относительно Иркутска. Один грамотный художник нынешним летом сказал мне: «Если переводить с бурятского языка название города, то оно значит – город-мужчина, не злой, не агрессивный, но суровый». Я вспомнила об идеологии «сурового героя», сформулированной когда-то К. Лидиным.

Но в мифологии есть и другие ресурсы. На конференциях все чаще предлагаются стратегии конструирования

локальных мифологий и архетипов как пространства воображения, моделью которых может стать «исторически первичная» мифология древности. Она может возникнуть и из необходимости увеличить туристическую привлекательность Иркутска; так уже начинает происходить с созданием «Мифов 130 квартала».

Напоследок свяжу мифы и искусство – не только в том отношении, что миф требует художественной обработки, чтобы стать востребованным. Миф как факт архаического сознания представляет собой форму наиболее абстрактную, «скудно-всеобщую» (по выражению Гегеля), что само по себе дает возможность великого множества интерпретаций и дополнений как в области формального поиска, так и содержательного наполнения мифологических текстов.

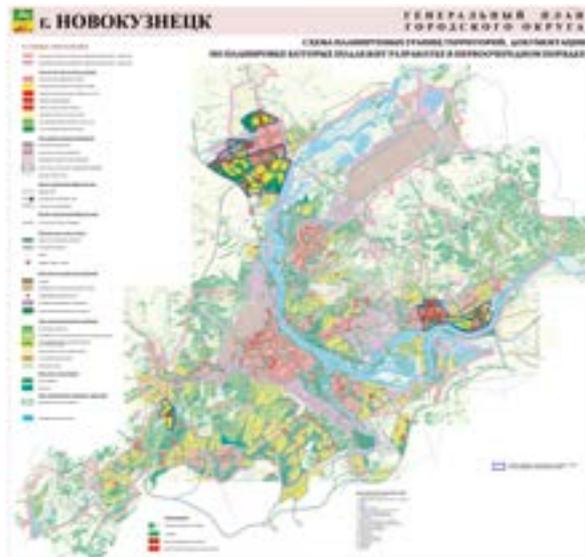
Итак, ресурсы Иркутска как периферного города располагаются в сфере культуры и внушают оптимизм. Но, как в любом современном процессе, без «впрысков» индивидуальной творческой энергии не обойтись. Ни массовые карнавалы, ни даже стихийно возникающие флеш-мобы дефицита концептуальных импульсов для ментального движения в области формирования образа заполнить не смогут. Нужны усилия и придание этим усилиям достаточно ощутимого и лично-авторитетного для общественного мнения уровня.

Литература

1. Ткачева М. Поиск образа города // Проект Байкал. – 2007. – № 13. – С. 26 – 29.
2. Ткачева М. Гость фестиваля – Георги Станишев // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 20-21.
3. Бурдые П. Производство веры. Вклад в экономику символических благ. – В кн.: Социальное пространство: поля и практики. Пер. с фр. / Сост., общ. ред., пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. – С. 177-280.
4. Коллинз Р. Социология философий. / Русский перевод Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 79.
5. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в 6 т. / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Ред. пятого тома В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – С. 100-249.
6. Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика. В 4 т. / Под ред. и с предисл. Мих. Лифшица. – М.: Искусство, 1968. – Т. 1.
7. Кант И. Ук. соч. – С. 205.
8. Кант И. Ук. Соч. – С. 214.
9. Кант И. Ук. соч. – С. 223.

References

- Burdieu, P. (2005). Proizvodstvo very. Vklad v ekonomiku simvolicheskikh blag [The production of belief. Contribution to an economy of symbolic goods]. In N. A. Shmatko (Trans. & ed.), *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices] (pp. 177-280). Saint Petersburg: Aleteia; Moscow: Institut eksperimentalnoi sotsiologii.
- Collins, R (2002). *Sotsiologiya filosofii* [The sociology of philosophies]. (N. S. Rozov & Yu. B. Vertgeim, Trans.). Novosibirsk: Sibirsky khronograf.
- Hegel, G. W. F. (1968). *Estetika. V 4 t.* [Aesthetics. In 4 vols]. M. Lifshits (Ed.). Vol.1. Moscow: Iskusstvo.
- Kant, I. (1966). *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of the ability to judge]. In V. F. Asmus, A. V. Gulyga & T. I. Oizerman (Eds.), *Kant. I. Sochineniya v 6 t.* [Compositions in 6 vols]. Vol.5, V. F. Asmus (Ed.) (pp. 100-249). Moscow: Mysl.
- Tkacheva, M. (2007). *Poisk obraza goroda* [Searching for the image of the city]. *Project Baikal*, 4(13), 26-29. DOI: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.13>
- Tkacheva, M. (2017). *The Festival Guest Georgi Stanishev*. *Project Baikal*, 14(52), 20-21.

Градостроительные возможности

От поиска доходов для закрытия дефицита бюджета к управлению устойчивым пространственно-экономическим развитием города /

текст
Вера Тен /
 text
Vera Ten

Каждый город появляется на карте и развивается по своему сценарию, но проблемы устойчивого развития городских территорий общие для всего мирового пространства.

В основу проектной гипотезы генплана положен умеренно-оптимистический вариант как наиболее вероятный в современной динамике социально-экономической ситуации, предполагающий поэтапное восстановление докризисного типа воспроизводства населения. В технико-экономических показателях генерального плана принимается прогнозная численность населения Новокузнецка на 1-ю очередь 590 тыс. человек, на расчетный срок – 620 тыс. человек, включающая резерв, связанный с трудно предсказуемым характером функционального развития города.

Новокузнецк – город с 400-летней историей – яркий представитель кризисного явления постсоветского пространства, с харизмой индустриального гиганта, который в экономических муках претерпевает перерождение. Городское пространство было заложено в подчинении индустриальной тематики и современные вызовы в развитии территории многопрофильного направления натываются не только на проблемы структурного решения, но и на менталитет городского сообщества.

Принятые документы территориального планирования для перспективного развития городского пространства были разработаны еще по методологии социалистических времен, где не были затронуты системы управления развитием города за счет эффективного использования существующих ресурсов территории.

Предложенные перспективные площадки по расположению территории городского пространства на сельские поселения не обосновывались детальными расчетами по уплотнению городской застройки, экономической диверсификации и преобразования территорий промышленных зон.

Управление и развитие огромного городского пространства, при очень ограниченных бюджетных ресурсах, необходимо выполнять грамотно и экономически выгодно. Объектом оптимизации должны стать решения городской власти относительно пространственно-эко-

номического развития города, предметом оптимизации – параметры решения, факт принятия решения земельно-торговой политики города.

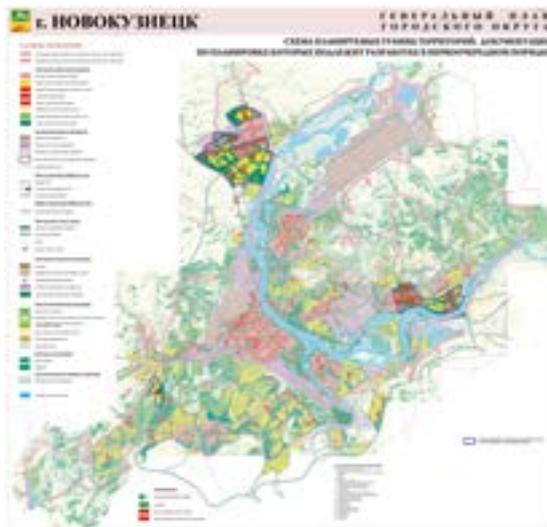
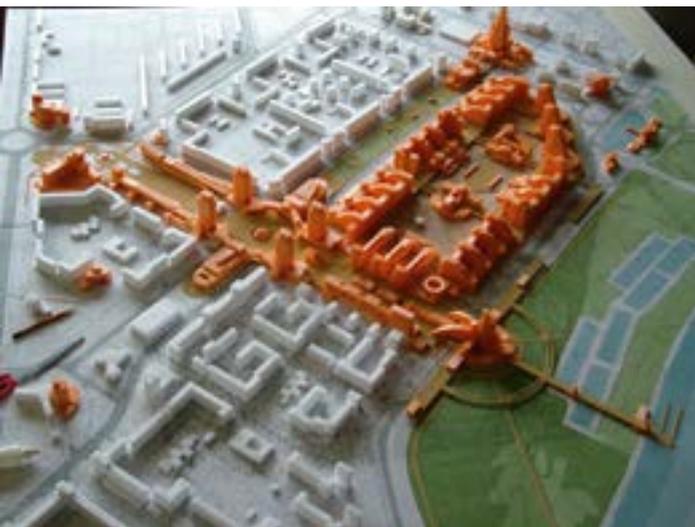
Администрация должна понимать, что, передавая те или иные права на землю, она лишается определенного контроля за развитием территории. Потенциал системы регулирования, определяемый российским законодательством, в настоящий момент существенно недоиспользуется. Полноценное же применение регуляторных инструментов, находящихся в распоряжении городов, – один из ключевых скрытых управленческих ресурсов их пространственно-экономического развития.

При этом пользоваться инструментами правильно – мало, их надо уметь применять в синергии. По мнению авторов исследования развития нескольких городов России (Центр городских исследований (ЦГИ) «Сколково»), именно вдумчивое, комплексное и полноценное владение регуляторным механизмом является основой более устойчивого и прогнозируемого пространственно-экономического развития [1]. Только заложив крепкий нормативный базис, российские города могут начинать использовать более «тонкие», адресные инструменты и политики городского развития.

По результатам анализа выработаны следующие рекомендации для представителей органов муниципальной власти:

- Четко определять цели, приоритеты и принципы пространственно-экономического развития, соподчиняя им регуляторную практику управления земельными ресурсами и типологией застройки и выстраивая слаженно работающую систему регуляторного инструментария.

- Оценивать результаты земельно-имущественной политики с точки зрения как краткосрочных (финансовых), так и долгосрочных (пространственно-экономических) перспектив. Для администраций, имеющих значительный запас неосвоенных земель (чаще всего в результате расширения городских границ за счет территорий, находящихся в государственной собственности), нужно определить главные цели и задачи использования данных участков. Доходы, полученные от продажи земли или сдачи ее в аренду, важно соотносить с потенциаль-

Town-Planning Opportunities

From searching for the revenues needed to close the budget deficit to managing sustainable spatial and economic development of the city

ными рисками от неуправляемой застройки и будущими расходами на содержание нового объекта.

- Использовать все имеющиеся согласно региональному и федеральному законодательству полномочия, касающиеся управления территориями, включая налоговые, финансовые, законодательные инструменты. Для корректного выбора нужного инструмента необходимо правильно оценить все имеющиеся варианты. На текущий момент города не могут это сделать во многом в связи с отраслевым подходом к территориальному развитию.

- Оценивать долгосрочный потенциал налоговой и арендной политики. Несмотря на то что изменение налоговой ставки или введение дополнительного коэффициента при расчете арендной платы за землю влияет прежде всего на бюджет города текущего и следующего года, важно учитывать потенциал этих изменений в долгосрочной перспективе. Формирование того или иного режима налогообложения вместе с практикой землепользования может оказывать влияние на привлекательность территории для определенных, включая интересных для города, пользователей.

- Подбирать и использовать инструменты управления территориальным развитием, опираясь на сложившиеся практики городского развития. Городам важно искать не идеальное решение на все случаи, а подбирать эффективные механизмы.

При этом параметры оценки качества разработанной документации и ее согласованности со стратегическими документами городского развития в российском законодательстве не проработаны.

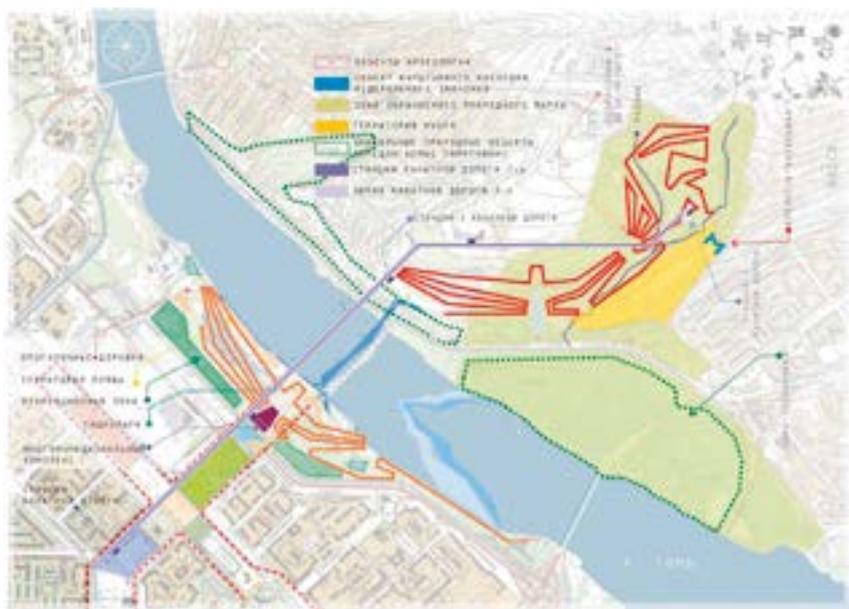
Следовательно, уже на этапе принятия решения о том, какой аукцион объявлять и какой объем прав предоставлять будущему девелоперу, город должен оценивать свои возможности по контролю над развитием земельного участка, понимать, с помощью каких методов его осуществлять, а также какой ценой ему обойдется экстренное изменение направления развития территории.

Генеральные планы быстро устаревают – в условиях стремительно меняющейся конъюнктуры рынков, общегосударственных приоритетов, формирование четких числовых целевых показателей фактически не имеет смысла. Другими проблемами формирования генеральных планов

являются профильность городского управления и низкий уровень экспертизы и технических навыков на местах.

При этом базой и целеполагающим документом должен быть мастер-план или стратегия пространственного развития города. При создании на основе вышеуказанных документов четкого и функционального регуляторного механизма «правила игры» станут конкретными, а неопределенность исчезнет как для города, так и для застройщика. Формирование подобной системы, очевидно, невозможно начать с чистого листа: часть документов уже существует, процессы городского развития уже идут вне зависимости от их наличия и доработанности. Поэтому при формировании регуляторной рамки необходимы рациональный тактический и стратегический подходы.

Тактический подход состоит в использовании тех инструментов, которыми город может владеть без значительных административных затрат в течение года, – внести изменения в ПЗЗ, НГПТ, скорректировать налоговую

и земельную политику. Стратегический подход базируется на определении долгосрочных пространственных и экономических целей развития в мастер-плане или стратегическом документе пространственного развития. Концепции таких документов сейчас уже разрабатывают ряд городов России. После этого основные идеи должны быть постепенно объединены в очередную редакцию или в новый генеральный план города.

Я бы могла согласиться с разработчиками ЦГИ «Сколково», что эффективность управления территорией находится в руках местных органов власти путем качественного регулирования процессов земельно-имущественного значения (рентного управления), но эффективность может начаться только тогда, когда территория самодостаточна и не особо зависит от вышестоящих субсидий и субвенций.

В настоящее время муниципальная власть в области пространственного развития пытается создавать стратегию, но качество разработанной градостроительной документации даже в целом по стране оставляет желать лучшего, а законодательная база строго регулирует взаимоотношения в градостроительной и земельной политике, и все ошибочные решения в области градостроительных документов препятствуют оперативному принятию решений. Для разработки качественной стратегии развития территории опять же необходимо целостное видение всей страны.

Для выхода из монозависимости недостаточно усилий в направлении туристических и тому подобных потенциалов, на чем в данный момент строятся программы особенно малых городов, необходимо развивать крупные кластеры, агломерации, способные обеспечить удовлетворение потребностей людей.

В проекте стратегии развития России говорится о кластерном, агломерационном развитии [2]. Необходимо провести более детальные исследования в первую очередь существующего человеческого потенциала и затем планировать пространственно-экономическое развитие территорий, используя все инструменты и при необходимости изменяя и дополняя их. При этом в основе концепции развития должны быть культурные и нравственные ценности, укрепление семьи, любовь к малой родине.

Последствиями реализации концепции перемещения народонаселения могут стать утрата человеческих ценностей и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала страны. Яркий тому пример – Новокузнецк, который в результате массового перемещения человеческих ресурсов испытывает отток населения в другие регионы.

Для эффективного управления территорией и ее устойчивого развития необходимо иметь качественную стратегию развития всей страны и определенное место каждой территории как общего механизма. Направления этой стратегии должны определять основы развития муниципальных образований или агломераций. Конкретизация в развитии территории уже результат работы команды управленцев на городском уровне. Необходимо и обеспечение определенных финансовых полномочий, а в настоящее время идет активное «перетягивание» человеческого капитала в центральную и южную часть России за счет более высоких показателей уровня жизни. В градостроительном и управленческом аспекте проблемы комплексного и устойчивого развития муниципальных территорий во многом связаны с нехваткой профессионалов на местах, отсутствием возможности закрепления и заинтересованности кадров.

Застройка города советского периода нуждается в оптимальной, экономически просчитанной реновации. Новые реалии диктуют другую систему планировочных решений, а на примере не только нашего города можно отметить, что даже новые кварталы застройки повторяют планировочные решения советских времен.

Этому способствуют не только устаревшие нормативные ограничения, но и стереотип проектировщиков, а главное, оценочный фактор потребителя. Застройщику проектировщики не доводят фактическую эффективность при применении новых планировочных решений. Соглашусь опять с анализом развития и системы управления городских территорий ЦГИ «Сколково», что на уровне принятия решений ни застройщик, ни тем более власть не просчитывают долгосрочные затраты и экономические риски при не эффективном проектном решении. Это касается в первую очередь стратегических документов генплана, ПЗИЗ, ППТ, а в и конкретных объектов. Концепция

развития новых территорий должна быть экономически обоснована, а поскольку потенциал социалистических времен полностью не исчерпан, его необходимо использовать при реновации городских территорий.

Пути решения на конкретном примере Новокузнецка:

1. Определить роль Новокузнецкой агломерации в пространственном развитии России.
2. Провести всесторонний анализ возможностей территории, уделяя первостепенное значение человеческому потенциалу.
3. Разработать стратегию (мастер-план) по кластерному принципу.
4. Откорректировать (разработать) генеральный план и ПЗиЗ.

Это повысит конкурентоспособность нашего города, оптимизирует расходы на содержание инфраструктурных объектов.

При нарушении целостности городской среды город становится некомфортен для проживания, чему способствует точечное развитие территорий города, приоритет автомобиля и получение быстрого дохода от продажи земельных участков.

В настоящее время важно вкладывать ресурсы в самые большие точки – восстанавливать пешеходный каркас, обеспечивать безбарьерность территории, удобство пользования землей, решать экологические проблемы и компенсировать климатический дискомфорт сибирских территорий.

В настоящее время поставлены определенные стратегические задачи для достижения целей комфортности городской среды Новокузнецка.

На Международном форуме «Среда для жизни: Квартира и город» в городе Саратове в мае 2017 года командой форума озвучены конкретные предложения для городов России [3]:

– **Восстановить идентичность.** Каждая территория должна восстановить качество социально значимой ценности, которая формируется вследствие возникновения у людей чувства принадлежности к определенному месту и локальному сообществу, проявляющегося в готовности к действиям на благо данного места и сообщества.

– **Определить индекс качества среды.** Ввести комплексную систему оценки, которая включает качественные и количественные показатели городской среды. Цель индекса – определить ключевые проблемы. Он предназначен для диагностики города и определения рекомендаций для программ развития среды. Объектом анализа выступает городская среда, при этом оценивается именно качество среды, а не качество жизни в городе или устойчивость городского развития.

– **Поставить задачу компактного развития города.** Определить приоритет развития застроенных территорий в городских границах перед освоением новых. Это позволит эффективно использовать земельные ресурсы и расходовать бюджетные средства на развитие транспортной и социальной инфраструктуры. Одним из инструментов компактного развития является мастер-план.

– **Создать комплексную модель общественных пространств города.** Включить три составляющих: пространственную модель для разных видов общественных пространств, событийно-культурную модель (определенные форматы мероприятий для разных аудиторий) и бизнес-модель (как привлекать спонсоров, в каком формате). То есть это пошаговое руководство для администрации.

– Обеспечить комплексное развитие городских территорий. Процесс социальных, экономических и пространственных изменений, основанный на принципах ограничения негативного антропогенного влияния на

окружающую среду и сбережения существующих ресурсов, включая природные ресурсы, здания и сооружения, территории, материальное и нематериальное наследие.

Предложены и инструменты для решения поставленных задач:

1. **Объемно-пространственный регламент** – градостроительный документ нового для России типа. Это комплексный документ, определяющий правила благоустройства и застройки для каждого типа территориальной зоны города. В нем представлены требования к типологиям, плотности и высотности застройки, обеспеченности парковочными местами, озелененным территориям, цветовому решению и элементам зданий: какими могут быть проемы, входные группы и крыши. В первую очередь регламенты помогут сохранить и развить потенциал исторического центра. Городской регламент – это инструмент мэра и девелопера, для строительства современного жилья и развития существующей среды.

2. **Дизайн-код** – более тонкий, по сравнению с предыдущим, инструмент, вносящий порядок в визуальную среду города, регулятор наполнения информацией городского пространства и может выступать инструментом экономического развития.

Во многом с таким решением вопроса на уровне города можно согласиться, в Новокузнецке уже были разработаны новые правила благоустройства и принят дизайн-код для регулирования информационного наполнения городского пространства, но это только часть мер, которые были выполнены для создания комфортной городской среды. Для результативности необходимо внесение изменений в законодательную базу, как на уровне субъекта, так и на уровне страны в целом, а финансовая самодостаточность каждой территории и профессиональная команда управленцев позволят распоряжаться качественно имеющимися ресурсами.

Талантливая образованная молодежь – один из главных ресурсов развития любого города. Но для того, чтобы удержать молодых специалистов в Новокузнецке, необходимо не только создать условия для их профессиональной самореализации, но и предоставить им комфортную городскую среду – дружественные общественные пространства, где можно отдыхать и заниматься спортом. В этом направлении в городе намечены хорошие перспективы, при реализации поставленных задач результат будет ощутим в ближайшее время.

Литература

1. Короткова Е., Мокрушина К., Куричева Е., Журавлев С., Ирбитская И., Гершович А., Мирош Д. Управление пространственно-экономическим развитием города: скрытые ресурсы. М.: Центр городских исследований бизнес-школы «СКОЛКОВО», 2016. 192 с.
2. Развитие городских агломераций России: стратегическое планирование и пространственное развитие: материалы IV Всероссийской конференции. – Новосибирск, 2017.
3. Среда для жизни: квартира и город: материалы Международного форума. – Саратов, 2017.

References

Korotkova, E., Mokrushina, K., Kuricheva, E., Zhuravlev, S., Irbitskaya, I., Gershovich, A., & Mirosh, D. (2016). Urban economic development and spatial planning. Hidden resources. Moscow: The SKOLKOVO Centre for Urban Studies.

Razvitie gorodskikh aglomeratsii Rossii: strategicheskoe planirovanie i prostranstvennoe razvitie [Development of city agglomerations in Russia: strategic planning and spatial development]. (2017). Proceedings from the 4th All-Russian Conference. Novosibirsk.

Sreda dlya zhizni: kvartira i gorod [The environment for living: the flat and the city]. (2017). Proceedings from the International Forum. Saratov.

^ Интерьер в стиле гранж

Обращение к провинциальному дизайну как особой форме проявления исключительности «места» предопределяется актуальностью этого дискурса для сегодняшнего состояния мировой культуры и общих тенденций развития Сибирского региона. Проект «Провинциальный дизайн», будучи частью разработок кафедры дизайна ИРНИТУ, отражает специфику проживания художественно-проектного пространства региона, соответствует современным контекстам и вызовам профессии и может служить специфическим средством формирования имиджа территории. Ключевые слова: провинциальный дизайн; имидж территории; идентичность; брендинг; кафедра дизайна ИРНИТУ. / The use of provincial design as a special form of manifestation of peculiarity of the "place" is determined by its relevancy for today's world culture and common development tendencies of the Siberian region. The Provincial Design Project worked out by the Department of Design of Irkutsk National Research Technical University reflects the peculiarities of the art and design space of the region, corresponds to the current context and challenges of the profession and may serve as specific means of the territorial image formation. Keywords: provincial design; territory image; identity; branding; Department of Design of INRTU.

Провинциальный дизайн: к презентации проекта / Provincial Design: on the Project Presentation

текст
Ольга Железняк /
text
Olga Zheleznyak

Связуя прошлое, настоящее и будущее, «память мира» [1], будучи «деятельной, творческой памятью всего человечества», фиксирует то, что для жизни значимо: «Запоминается то, что нужно, и запоминается постепенно, иногда мучительно трудно...» [2]. Именно такой отбор, деятельный и сущностный, совершают традиционные способы воспроизводства и трансляции культуры. Исторически складываясь, они позволяют воссоздавать общезначимые для социума и культуры нормы-эталоны – «память мира», сохраняют и передают «коды места», систему основных отношений субъекта, группы, отдельных культур с природной (биологической), социальной и культурной средами.

Самоидентификация человека и нации, «места» и территории при этом представляется «перманентным историческим процессом», который во многом обусловливается базовым элементом этнической принадлежности – исторической памятью. В свою очередь, историческая память оказывается определяющим фактором, обеспечивающим становление мифов, обрядов и ритуалов, традиционного искусства и фольклора, актуальных образов культурной идентичности и личной самоидентификации. В соответствии с исследованиями последних лет, культурная память, также как и генетическая, передается по наследству. По мнению Р. Докинза, человек при рождении получает не только гены, но и набор «мемов», являющихся «хранилищем культурных кодов», [3] носителями своеобразного генома культуры. Поэтому принадлежность индивида к какой-либо культуре или этнокультурной группе, непосредственно влияет на формирование ключевых ценностей – «ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом» [4].

Вызовом сегодняшнего дня становятся новые условия, которые требуют поиска иных оснований для самоидентификации, будь то обращение к ценностям индивидуализации, сохранение специфики национальной идентичности и развитие личной самоидентификации, формирование современной цивилизационной идентичности или какая-либо другая парадигма. Призывы отказаться от идеи коллективной (национальной, этнической, конфессиональной и пр.) идентичности в пользу ценно-

стей самосознания отдельного индивидуума представляют собой один из полюсов обсуждения проблем идентичности. Второй полюс дискуссий, напротив, ориентирован на определение новых оснований коллективной идентичности и отвечающих на вновь поднятый вопрос «кто мы?» и соответствующих современным устремлениям различных видов общностей (наций, народов, конфессий, цивилизаций и др.).

В таком контексте обращение к провинциальному дизайну как особой форме проявления исключительности «места» предопределяется не только актуальностью этого дискурса для художественно-проектной культуры Сибирского региона, но и общими тенденциями движения к культурной самоидентификации и одновременно стремлением к встроенности в глобальные процессы мирового развития. Проблемам провинциальной культуры, провинциального дизайна посвящено достаточно много разработок и медиаресурсов. При этом появляются не только циклы работ с традиционным, обыденным представлением о провинции как месте, удаленном от мейнстрима, и потому не имеющим права на самостоятельность и индивидуальность, креативность профессионального мышления и деятельности, но складывается и достаточно актуальный, «трендовый» взгляд на провинцию и провинциальность как на некую перспективу развития территории в современном глобализационном мире. Это также представляется завтрашним днем и возможностью становления профессии в регионах и за счет регионов, пространством и средством создания идентичности, формой проявления своеобразия среды и культуры. Не случайно в связи с этим зарождение интонаций модной провинциальности изысканных стилей гранж или прованс; «собственного голоса», звучащего в дизайне каждой провинции Италии, традиционно являющейся законодательницей дизайн-моды, родоначальницей самых актуальных трендов.

Современная жизнь профессии, учитывающая, с одной стороны, процессы дигитализации художественно-проектной деятельности и апелляции к аутентичности внутри главных течений, с другой – позволяет быть в контексте мировых трендов, использовать все возможности и наиболее прогрессивные тенденции развития, в том числе,

^ Интерпретации провинциальных образов. Работы студентов и преподавателей кафедры дизайна ИРНИТУ (студенты Т. Гаврилова, Я. Бичевина, А. Вернигорова, О. Петухова, Т. Дворцова, М. Демкова, руководители С. В. Мурашова, М. Б. Дагданова)

например, технологическую доступность производства дизайн-изделий малыми партиями в различных, достаточно удаленных и малодоступных местах. Творчество и креативность – ключевые критерии и обязательные условия профессиональной деятельности дизайнера – также приобретают интонации провинциальной аутентичности как один из способов проявления идентичности и оригинальности, основа индивидуализации изделий/объектов дизайна, источник формирования их самобытности.

Особое значение дискурс провинциального дизайна приобретает в ситуации актуализации идей брендинга территорий, когда дизайн становится неременной формой и средством создания индивидуальных образов города. Каждый город при этом должен вернуться к своей средовой уникальности, для повышения качества среды/жизни, формирования условий, соответствующих кодам территории/«места», заложенным в носителях этих кодов – мемах, генах культурной памяти.

Проект «Провинциальный дизайн» является частью научно-проектной и методической разработки кафедры дизайна Иркутского национального исследовательского технического университета, получил высокую оценку на профессиональных форумах и рекомендован к дальнейшему развитию и публикациям. В рамках проекта проводится исследование, на основании которого планируется подготовить издание «Энциклопедия провинциального дизайна», сконструировать информационную структуру, отражающую содержание энциклопедии, развивающую медийный формат проекта и создающую творческое пространство для жизни профессии в регионе¹. Этот проект дает возможность рассказать об уникальности дизайна в Иркутске и регионе, потенциальных возможностях и перспективах.

Проект строится вокруг идеи «Информационного пространства» со всей его многоплановостью, склонностью к постоянным трансформациям и динамике. Он предполагает создание особой медиасреды, которая существует не только в рамках исторической хронологии, но и в режиме реального времени, отображает происходящую действительность, предусматривает формат диалога, отказываясь от одностороннего взгляда на вещи.

Целью проекта является построение пространства, комфортного для творческих поисков, которое позволит дизайну развиваться. На момент запуска проекта не существовало единого сильного ресурса, структурирующего всю информацию о провинциальном дизайне и его специфике, о людях, его создающих, объектах и принципах, истории, событиях и планах; равно как отсутствовали региональные печатные или онлайн-издания, освещающие эти вопросы, и реальные оргструктуры, способные инициировать процессы самосознания и самоидентификации, формирования пространства творческой коммуникации (выставок, событий, акций, конкурсов и пр.) и т. п. Предлагается рассматривать провинциальный дизайн как особую сферу жизнедеятельности, стремящуюся в том числе к созданию полноценного ресурса, к действиям, активизирующим творчество. В каком-то смысле этот проект похож на коллекционера, который собирает не просто объекты художественно-проектной деятельности, а события, взгляды и истории.

Представляемый проект включает «Энциклопедию провинциального дизайна» со следующими разделами: «Ресурсы идентификации», «История становления иркутского дизайна», «Персоналии», «Экотренд», «Школы дизайна в Иркутске» и др.; медиаресурс различного тематического наполнения («Иркутский эксклюзив», «Биржа труда», «Галерея», «Форум» и пр.) и серию акций, погружающих проект в реалии жизни города и региона. На сегодняшний день авторами собран обширный материал, проведен обстоятельный анализ и разработан целый ряд проектов. Концепция выстроена на интерпретациях ключевых сюжетов, так или иначе связанных с образами провинции, которые сами по себе составляют оригинальные авторские находки.

Проект «Провинциальный дизайн» является частью процесса осмысления региональной специфики территории, эйдоса «места». Идентификация при этом определяется «как совокупность различных качеств и характеристик, способных выделить территорию среди множества других и облегчить процесс ее распознавания, сделать ее уникальной... Понятие «идентификация города» связано с выделением особенных черт и различий, присущих данной территории» [5]. Одна из основных

1. Первое обсуждение идей такого проекта состоялось в рамках дипломной работы Л. Дурасовой (руководители О. Е. Желзняк, О. А. Игнатьева).

задач формулируется как намерение выявить грани идентичности «места», для чего необходимо соединить историю и современность «места», традицию и новые технологии, постигнув особую специфику того и другого, изучить и различить локальное и транснациональное и превратить особенности «местного» дизайна в актуальный бренд. Кроме того, предполагается определить отличительные черты самого понятия «провинциальный дизайн» (и/или «дизайн в провинции») и показать это на примере Иркутска и региона в целом. Продолжением сюжета идентификации территории и интерпретации его сквозь призму профессионального постижения реалий места и особенностей Сибирского региона можно считать размышления о Байкале как о системе образов-симуляций и реальном объекте; опыты формирования брендов Байкала и Иркутска, различные трактовки имиджа и отдельных его составляющих.

Конкурентная борьба между регионами, соперничающими на внутреннем рынке территорий и на международном рынке геопродуктов, «актуализирует проблемы разработки научно обоснованных стратегий развития хозяйства и стратегий формирования инвестиционной привлекательности города. Они должны учитывать ресурсный потенциал и многообразную внешнюю среду, определяющие интенсивность конкуренции на рынке геопродуктов» [6]. Конкурентоспособность региона (провинции) также зависит от его способности обеспечить высокий уровень жизни населения и возможности реализовать имеющийся в регионе потенциал (производственный, трудовой, инновационный, ресурсно-сырьевой, культурный и др.). Кроме того, для территорий, обладающих аналогичными конкурентными преимуществами, повышается принципиальная значимость факторов и средств, обеспечивающих формирование положительного образа территории/«места» в сознании потребителей (как жителей города/региона, так и гостей территории).

Немаловажным критерием, влияющим на создание позитивного имиджа, становится уровень организации комфортной среды обитания и гармоничности сосуществования человека с окружающей природой, для чего все шире внедряются новые методологии проектирования, порождаемые дизайном инновации, современные технологии, материалы и конструкции.

Задачей профессионалов в такой ситуации становится проявление и удержание «эйдоса места», выделение «кода» конкретного пространства, служащего специфической формой идентификации «места». В практике современного проектирования и строительства, вероятно, можно отметить несколько вариантов распознавания и выражения «эйдоса места» (как раскрытия иррационального и/или «проявления непроявленного»), возрождения его (места-территории) иррационального, внутреннего образа. С одной стороны, это прямое воссоздание объекта на его прежнем месте, в его прежнем виде, что традиционно относится к сакральным зданиям-комплексам или объектам, играющим важную историко-культурную роль, т. е. объектам-памятникам, имеющим «эмблематичное» значение-миссию для данного места и всей культуры в целом. «Эмблематичность», знаковость здания/среды обычно демонстрируют соответствие архитектурного объекта/среды «коду пространства», фактически материализуя «эйдос места» и/или его виртуальный образ. Следующим возможным способом «проявления» и/или фиксации «эйдоса места» является «пробуждение» мифологии, «кода места» через опосредованное восстановление ведущей идеи-образа, иррационального назначения места. Иногда это может выражаться в апелляции к структуре предшествующих объектов, сыгравших важную роль в сложении мифологии места, или к отдельным знакам и элементам формы (с раскрытием идеи образа через

формальные символы и приемы, как, например, образы утраченной церкви стали прочитываться в силуэте построенного на этом месте жилого комплекса в Иркутске). Также возрождение мифов и идеалов места происходит через обращение к историко-культурному контексту и возобновление присущих территории, место-пространству процессов функционирования и проживания [7].

Тема брендинга территории, поиска образных идентификаций и дизайн-кодов пространства становится достаточно актуальной и для иркутского региона [8]. Одними из первых наиболее масштабных попыток обсуждения базовых характеристик образа как основы имиджа Иркутска и региона предприняты в рамках подготовки к VI Байкальскому экономическому форуму на сессиях стратегического форума «Философия развития Иркутска». В ходе третьей сессии, а также в докладах, посвященных формированию градостроительной среды, обсуждались наиболее традиционные образы – тема декабристов, деревянной архитектуры, чистой воды, центра науки и культуры и пр. и, конечно, Байкал².

Учитывая, что идеалом современного развивающегося города, обладающего жизнепригодной средой с высоким качеством жизни, является город, в котором «места» освоены и означены и который представляет собой своеобразный «конгломерат» субкультур, первостепенное значение приобретает органичное сосуществование в рамках общих правил и норм при сохранении и культивировании собственного имиджа и идентичности. Поэтому в проектах кафедры город интерпретируется как пространство культурной идентичности, где имидж выступает специфической формой концентрации идентифицирующего содержания. Сосредоточивая в себе основные свойства объекта любой сложности, пространства идентификации выстраиваются на идеалах становления местной мифологии, корпоративной философии и культуры и опираются на разработку комплекса средств, позволяющих отождествлять объект, организацию или предприятие с декларируемыми ценностями [9]. Формируемый имидж служит одним из факторов повышения инвестиционной привлекательности и «ракручивания» положительной репутации места, средством создания жизнепригодной среды.

Для эффективного формирования систем имиджевой идентификации существенная роль отводится дизайну, в том числе особым дизайн-кодам среды и культуры, отражающим специфику места. При этом нередко внимание привлекается с помощью запоминающегося визуального образа, что становится действенным маркетинговым инструментом при соблюдении единого стиля, привлекательности, четкости и запоминаемости корпоративного дизайна [10]. Бренды и позитивные имиджи отдельных компаний и корпораций складываются в общий образ «места», формируя положительную репутацию территории. Попыткам создать такие целостные образы, значимые для Иркутска и области и их позиционирования на российском рынке товаров и услуг, а также средствам идентификации «места» через проявление свойств провинциальной культуры, посвящены работы кафедры «Дизайн» ИРНИТУ.

Разработка и использование региональной айдентики, будучи атрибутом стратегии развития территорий, вольно или невольно превращается в средство проектирования идеологии совершенствования жизни региона, основу создания виртуальных образов и формирования ожиданий потребителей. Дихотомия «универсальное – индивидуальное» является ключевой темой в процессе проектирования и подготовки специалистов и не только работает на раскрытие способности к вариантному поиску как части креативного / художественно-проектного мышления, но и помогает выстроить понимание индивидуального,

2. См.: <http://irkorgnews.ru/avtorskie-kolonki-mihail-dronov/figa-v-karmanah-kak-obraz-osyazaemogo-buduschego>; <http://www.pribaikal.ru/architecture-magazine.html>.

исключительного (например, проект «Абсолют» – единая форма и множество авторских интерпретаций; или разнообразие цветовых решений как способ различного прочтения содержания и образа объекта).

Формирование имиджевых систем, объектов и знаков места в разработках кафедры «Дизайн» включает трактовку города и его среды как специфически организованной образной системы, построенной на органичном единении самобытности региональной культуры и современных трендов в дизайне. Создаваемые образы, различные формы и типы городских знаковых объектов порождаются «местом» (например, проекты «Остановки», «Рекреационная зона ИРГТУ», «Фотолюбитель» и др.) либо становятся результатом внедрения авторских концепций идентификации среды (проекты «Эм и Жо», «Скамейки-знаки», «Семейные ценности» и др.). Наряду с этим система городских знаков и образов проектируется как особая форма визуальных коммуникаций в городе, создающая средствами дизайна «сообщения» разной степени сложности и назначения. Дизайнер при этом выступает «визуальным интерпретатором», переводчиком информации на язык образов, форм и символов [11].

Важным основанием становления позитивного имиджа является экологическая компонента, чрезвычайно актуальная в ситуации, обращающей нас к необходимости повышения качества среды и обязательного учета региональных особенностей жизни территории, раскрытия проектными средствами самобытности виртуального и материального пространств идентификации.

В рамках подобного осознания реальности, проявления специфики места, служащих фундаментом построения имиджа территории и его «первопричиной», кафедрой «Дизайн» выполняется проект «Провинциальный дизайн. Экологический тренд», в котором объект исследования трактуется в качестве составляющей традиционной и художественно-проектной культур региона, способа создания художественно-привлекательной и природосообразной среды, систем жизнедеятельности и жизнеобеспечения города, средства повышения уровня жизни и особой формы идентификации и индивидуализации. Обращение к экологической составляющей регионального дизайна для выделения и фиксации исключительности «места» не случайно в контексте общего интереса к уникальности провинциальных трендов и приоритетов, отдаваемых «зеленому дизайну», в том числе в Сибирском регионе.

Опыт разного рода исследований показывает, что наиболее существенная роль при выявлении приоритетных образов, рассматриваемых в качестве основы для формирования имиджа Иркутска и территории в целом, отводится Байкалу, нередко поглощающему все иные публичные представления об Иркутской области и Иркутске. Именно с ним прежде всего ассоциируется Иркутск для людей, живущих за пределами территории, с ним соотносится и общее название территории – Байкальский регион.

Обсуждая Байкал как ключевой образ и территорию, требующую специального внимания, наряду с экологическими проблемами, вероятно, следует говорить также о культурной многослойности и субкультурной множественности, которые порождают разные «чувствования» территорий и формы отражения этих «переживаний». При этом важно учитывать различия местного и глобального восприятия.

Осознание Байкала как символа территории влечет за собой пристальное внимание к репрезентативным материалам, проектированию образно-символических составляющих имиджа и общей идеологии формируемого бренда, с одной стороны, и к процессам эксплуатации, к контролю за ходом и процедурами брендинга,

внедрения имиджа – с другой. Столь значимая роль превращает Байкал в своеобразный «иконный образ» для территории, отсылающий к чему-то большему, «к некой реальности... иной размерности» [12]. И одной из составляющих этой идеологии, интерпретирующей Байкал в качестве «иконографического образа», может служить «Иконография Байкала».

Для создания такой иконографии (и иконологии) Байкала должны быть исследованы, прописаны (а в отдельных случаях и «порождены») требования, «каноны» проживания места, его мифы, правила поведения и пр., которые включают своеобразный язык/код и сценографию его использования, правила считывания образов и дешифровки смыслов.

В рамках экологического тренда кафедрой проводятся исследования материальной составляющей иконографии – того, что «дано природой» территории, на основании которых составляются своеобразные карты-таблицы природных ресурсов территории, включающих полезные ископаемые, флору и фауну региона, природно-климатические факторы и др.

Как уникальная территория, Байкал обладает удивительной энергетикой и природно-климатическим комплексом, а также является своеобразным «музеем живых древностей» [13], привлекая тем самым многочисленных исследователей, приверженцев природосообразного образа жизни и просто любителей природы и ценителей естественной красоты, стремящихся провести встречи со своими единомышленниками на берегах Байкала. Еще более исключительной и мистической, притягательной как для местного населения, стремящегося к самопознанию, возвращению к истокам, так и для представителей различных духовных школ, исследователей и творческих людей делают территорию обычаи и ритуалы, мифы и легенды Байкала, его древняя история. Но всех их объединяет одно – творчество и особая привязанность к месту, освященность духом Байкала. Именно место становится ключевым фактором и персонажем этих мероприятий. Большинство подобных проектов сегодня превращается в события, знаковые не только для региона, но и для России в целом, а в отдельных случаях приобретает международный статус. Как культурный феномен, праздники и зрелища, предстают важной ступенью на пути осознания культурной многогранности «места», служат способом консолидации жителей и ориентированы на проявление образов идентичности территории и фрагментов среды, на создание корпоративных имиджей. Исследование особенностей формирования праздничной культуры и ее идеологии, процессы освоения и проектного использования местной специфики обусловлены разнообразием типов существующих праздников (религиозных, светских, корпоративных, семейных, детских и пр.) и характером провинциальной самобытности, этнокультурным колоритом, нашедшими отражения в дизайне праздничного оформления среды, в системах и образах визуальной идентификации.

Проект «Провинциальный дизайн» существует уже несколько лет как живой организм, который постоянно развивается, пополняется новыми материалами и разделами, соответствуя современным контекстам и вызовам профессии, трансформируется и мутирует. Примером тому служат появление в медиапространстве нового ресурса «KD», адресованного студентам и молодым дизайнерам, а также монографии «Дизайн сегодня: из виртуального пространства к предметно-средовой реальности. Школа дизайна в Иркутске» [14], посвященных кафедре дизайна ИРНИТУ, особенностям региональной жизни профессии, общекультурным и профессиональным трендам сегодняшнего дня.

Литература

1. Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1973.
2. Лихачев Д. С. Пролог – будущее : статьи и очерки. – Л. : Наука, 1987.
3. Меметика [Электронный ресурс]. – <http://scientificrus.ru/articles/new-extraordinary-science> (дата обращения 17.10.2014).
4. Садохин А. П. Культурная идентичность в межкультурной коммуникации // Искусство и цивилизационная идентичность. Опыт функционального анализа кризисных ситуаций в искусстве и социуме. – Москва, 2007.
5. Жердева О. В. Роль маркетинга в идентификации территорий [Электронный ресурс]. – <http://www.mavriz.ru/articles/2006/2/4071.html> (дата обращения 17.10.2014)
6. Мещеряков Т. В. Имидж города как стратегический фактор эффективного маркетинга территории // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 2 (30). – С. 109–120.
7. Железняк О. Е., Корелина М. В., Мурашова С. В. Дизайн сегодня: из виртуального пространства к предметно-средовой реальности. Школа дизайна в Иркутске : монография. – Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2017. – 281 с
8. Железняк О. Байкал как имидж территории. Иконография Байкала // Проект Байкал. – 2013. – № 37–38. – С. 98–111.
9. Железняк О. Е., Мурашова С. В., Корелина М. В. Дизайн: имидж города и жизнеспособность урбанизированных территорий // Вестн. ИрГТУ. – 2013. – № 11 (82). – С. 160–169.
10. Многообразие проблем имиджологии [Электронный ресурс]. – <http://evartist.narod.ru/text9/22.htm> (дата обращения 13.01.2015).
11. Железняк О., Мурашова С., Дейкун В. Идентичность в пространстве современной культуры. Знаки места. Формы городской идентификации // Современная архитектура. – 2012. – № 3. – С. 138–143.
12. Ваняна С. С. Архитектура и иконография. Архитектурный символизм в зеркале классической методологии : автореф. дис. ... докт. искусств. – М., 2007. – 48 с
13. О Байкале [Электронный ресурс] // Вокруг Байкала : сайт о турист. ресурсах. – <http://nerpa-baikal.ru/%d0%bb1%d0%b0%d0%b9%d0%ba%d0%b0%d0%bb/#more-33> (дата обращения 20.06.2013).
14. Железняк О. Е., Корелина М. В., Мурашова С. В. Дизайн сегодня: из виртуального пространства к предметно-средовой реальности. Школа дизайна в Иркутске : монография. – Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2017. – 281 с.

Эскизный проект архитектурной подсветки «130 квартал» / Schematic Design for Architectural Illumination of the 130 Quarter

 ИНФОРМ-ТЕХНОЛОГИИ

Компания «Информ-Технологии» уже 20 лет занимается архитектурной подсветкой. За это время мы накопили большой опыт. Наше предложение по подсветке 130-го квартала предполагает унификацию подсветки всего комплекса зданий с учетом максимальной скрытности светового оборудования (широко распространенная на рынке светотехника зачастую плохо согласуется по стилю с малоэтажной аутентичной архитектурой), приведение к одному цветовому стилю, в том числе и по цветовой температуре, насколько это возможно в существующих условиях

На данный момент подсветка выполнена арендаторами не всегда удачно, несогласованна по цвету и яркости, большая часть зданий не подсвечена и ночью исчезает из общей картины.

При проведении работ по проектированию и монтажу архитектурно-декоративной подсветки группы зданий в 130-м квартале рекомендуем выполнять следующие условия:

- Световые приборы (прожектора, светильники) должны быть максимально спрятаны в элементах фасада, чтобы днем не портить внешний вид зданий
- Стараться располагать световые приборы таким образом, чтобы яркий источник света (спираль лампы, светодиоды) не попал в поле зрения наблю-

дателя (по принципу «свет из ниоткуда»). Деревянные здания желательно подсвечивать теплым светом.

- Стараться избегать попадания света в окна зданий
- Предусматривать защиту световых приборов от падения сосулек, засыпания снегом
- Красить в цвет фасада всю видимую крепежную и электро-монтажную арматуру
- Использовать светодиодные световые приборы в целях энергосбережения и пожарной безопасности.
- При проектировании подсветки выявлять архитектурные особенности фасадов
- Учитывать влияние «паразитного» освещения (уличных фонарей, вывесок и т. д.)
- Стараться проектировать подсветку в одном стиле, учитывая индивидуальные особенности зданий. Желательно использовать одинаковые световые приборы
- В процессе проектирования обязательно проводить натурное моделирование (пробные подсветки)

Рекомендации по праздничной иллюминации:

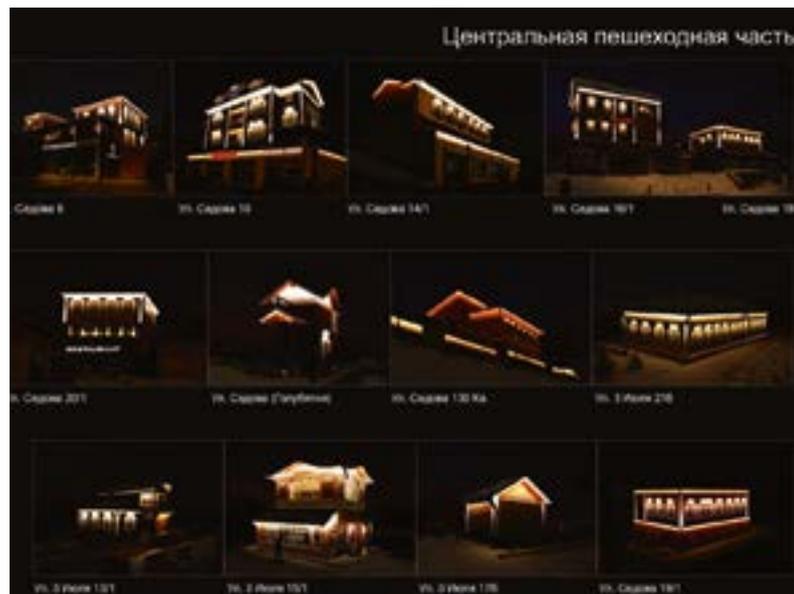
- Праздничную иллюминацию желательно выполнить многоцветовой, легко монтируемой и быстроразъемной
- Во избежание хаотичности лучше использовать не более

двух-трех типов оборудования, двух-трех оттенков

- Желательно использовать оборудование с «плавающими» динамическими эффектами, чтоб избежать эффекта мельтешения.
- Стараться проектировать все в одном стиле

И главное, помимо классической подсветки, есть предложение связать весь комплекс зданий в единую светодинамическую схему. Вся светотехника, установленная на зданиях, будет подключена по протоколу DMX512, что позволит управлять каждым элементом отдельно, как для одного конкретного здания, так

и для всего комплекса. Это даст возможность запускать анимацию по предварительно прописанным сценариям в заданное время, и в качестве эксклюзивного предложения оснастить дополнительным функционалом в виде выносной консоли, с помощью которой каждый желающий в игровой форме сможет управлять подсветкой зданий. Это же решение будет работать «как праздничная подсветка». Для нее же возможны дополнительные опции в виде музыкальной аудиоподдержки (автоматической привязки к исполняемому музыкальному файлу). Аналогов этого решения в нашем городе нет.

Природа – главный козырь регионов в борьбе за человеческий капитал. Неповторимы и уникальны Мана и Столбы в Красноярском крае, всей стране известны Шерегеш в Горной Шории и Телецкое озеро на Алтае, жители Бурятии и Иркутской области любили и возвращаются снова и снова в Тункинскую долину, в Аршан, Жемчуг, Нилову пустынь. И, конечно, Байкал – мировая знаменитость, бесценное хранилище пресной воды, прекрасный и волшебный магнит. Десятки, сотни тысяч людей паломничают к местам силы, некоторые уже и жить не могут без таких посещений. И замирают восхищенно перед лицом вечного нашего учителя – Природы.

Елена Григорьева

места силы / places of strength

Nature is the ace of trumps used by regions in the struggle for human capital assets. The unique Mana and Stolby in the Krasnoyarsk region, widely famous Sheregesh in the Mountain Shoria and Teletskoe Lake in Altai, as well as Tunka valley, Arshan, Zhemchug and Nilova Pustyn frequented by people from Buryatia and the Irkutsk region. And, certainly, Baikal, a world-famous priceless reservoir of fresh water and a magic attractor. Hundreds of thousands of people go on pilgrimages to the places of strength, not knowing how to do without such visits. They come there to stand still in the face of our eternal teacher, Nature.

Елена Григорьева

> Первый лед на Байкале.
Фото Алисы Дружиной

v Байкал. Радуга
начинается. Фото Инны
Дружиной

> Эффект зеркала. Фото Алисы Дружининой

В беседе затрагиваются вопросы, связанные с динамикой озера Байкал, эффективностью его современного изучения. Рассматривается проблема загрязнения озера, его экологии. Подчеркивается экономический аспект в формировании отношения к Байкалу. Обсуждаются роль Иркутска для сохранения озера. Ставится вопрос о миссии города, его современном состоянии и перспективах развития.

Ключевые слова: Байкал; Иркутск; экология; природная динамика; экономика будущего; научные исследования Байкала; социальная ответственность; разнообразие природного и культурного ландшафта. /

The discussion touches upon the issues connected with the dynamics of Lake Baikal and the efficiency of the current research on the lake, as well as the pollution problem and the ecology of the lake. It outlines the economical aspect in the formation of attitude toward Baikal. The participants of the discussion speak about the role of Irkutsk in preservation of the lake, the mission of Irkutsk, its current state and future development.

Keywords: Baikal; Irkutsk; ecology; natural dynamics; economy of the future; research on Baikal; social responsibility; diversity of natural and cultural landscapes.

Город в тени озера? / Is the City in the Shadow of the Lake?

20 апреля в Иркутском Доме архитектора состоялась беседа географа Владимира Каганского¹ с членами редколлегии журнала «Проект Байкал» Константином Лидиным и Мариной Ткачевой. Беседе предшествовало пленарное заседание четвертой Всероссийской конференции «Экологический риск», проводимой в Институте географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. На следующий день, 21 апреля, в рамках конференции Владимиром Каганским была прочитана и обсуждалась лекция «Байкал как глобальная культурная проблема». Ее материалы органично дополняют материалы беседы, содержание которой мы предлагаем вниманию читателя.

По теме семинара и беседы опубликованы следующие материалы: «Байкал – культурная проблема, интеллектуальный вызов» [1], «Россия проваливает экзамен на Байкале» [2], видео доклада на конференции «Экологический риск» в Институте географии СО РАН [3].

МАРИНА ТКАЧЕВА Вчера в перерыве конференции «Экологический риск – 2017» мы говорили об Иркутске как зоне ответственности за Байкал и столичных амбициях города.

КОНСТАНТИН ЛИДИН В России три объекта, которые видны с космической высоты: Петербург, Москва и Транссиб, который включает в себя, среди других, Байкал. У нас был номер, посвященный отношению города и озера. Взаимоотношения, прямо скажем, неоднозначные. Притом про Иркутск мало кто слышал; про Байкал слышали все. Во всех путеводителях Россия предстает пустыней, где есть два мировых города и бескрайняя степь, которая упирается в Байкал. Не пора ли нам назваться, к примеру, «Прибайкальск» и полностью посвятить себя Байкалу?

ВЛАДИМИР КАГАНСКИЙ Все-таки не степь, а тайга; не мировой город, а мировые локусы, локусы мировой событийности. Один, явно, – «уходящая натура»; этонефтегазовый район Северо-Западной Сибири: в перспективе цена на энергию падает, падает и цена на опресненную воду. А вот чистая, «живая» вода байкальского уровня, которую производит экосистема – такой ресурс, цена на который постоянно растет. Таким образом, это и в чисто экономическом смысле главный ресурс России. Есть еще и огромное пространство, которое надо удерживать, что-

бы обеспечивать связь между этими точками, а также население, которое, по словам «либеральных» экономистов, «надо кормить». Поскольку считается, что хозяин озера – город, то, по умолчанию, считается, что Иркутск должен его контролировать. Есть и еще одно обстоятельство.

В мире очень мало университетских городов, которые бы находились в столь разнообразном природно-ландшафтном окружении, как Иркутск. В сопоставимом масштабе можно говорить только о Южной Европе (Швейцарии, например). Возникает задача: работать с этим разнообразием, перерабатывать его научно, культурно... С другой стороны, ничего более вредного для великого озера, чем крупный город в непосредственной близости, быть не может. Тем более, что в Иркутске в советское время разместили огромное количество промышленных предприятий. Те, кто думал о будущем экологическом вреде промышленности для Байкала, находились «на обочине» тогдашней науки и реально повлиять на политику и экономику не могли.

МТ Фильм Герасимова «У озера»...

ВК Если представить, что главное направление – работа с разнообразием, то для функции культурного контроля над этим разнообразием такой большой город не нужен.

КЛ Что Вы подразумеваете под словом «контроль»? На севере Иркутской области есть места, для которых даже карты нет.

ВК Есть некое место, которое следует охватить, осветить, узнать и понять интеллектуальными силами города. Описание эндемиков, природных комплексов, всего ландшафта – природного, культурного и т.д.

КЛ Но мы ведь даже этого не можем! Каждый год открываются совершенно новые разновидности всех живых существ.

ВК Казалось бы, это должно было стать миссией города. Но для этого никакая промышленность не нужна, хотя она исторически возникла.

КЛ Она, по сути, уже погибла.

ВК Может, это и хорошо, но в советском изводе европейской цивилизации отсутствует культура уборки мусора, рекультивации: вся страна сегодня – сочетание строительства нового и небурных агрессивных

1. Владимир Леопольдович Каганский – российский географ и ученый в области общей и теоретической географии, теории классификации, ландшафта, экологии и культуры России, общей и географической лимологии. Участник междисциплинарных исследований, путешественник, методолог (более 300 работ). Кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела физической географии и проблем природопользования Института географии РАН.

2. Борис Борисович Родоман – доктор географических наук, основоположник нового направления теоретической географии, отражающего уникальные особенности России, автор концепции поляризованной биосферы, крупный авторитет в области междисциплинарных исследований. Работает в теоретической географии, моделировании российского культурного ландшафта, экологии человека, рекреационной географии. Автор журнала «Проект Байкал».

руин. Самое сильное профессиональное впечатление моего коллеги Б. Б. Родомана², которым он специально поделился – полноценный национальный парк в Гонконге, который был создан на рекультивированных землях. Таким образом, промышленная функция и функция сторожа Байкала – вещи несовместимые.

КЛ Можно ли сказать, что миссия Иркутска – зафиксировать разнообразие экосистемы Байкала на случай его гибели и попытки реставрации через некоторое время?

ВК Думаю, что да, хотя и не только. Нигде опыта ремонта таких экосистем нет. Озерные экосистемы проходят закономерный цикл превращения в болото, а этот процесс на Байкале в силу разных причин (молодая земная кора, рифтовая зона с землетрясениями и т.п.) не происходит. Но было установлено также, что любая экосистема необратимо эволюционирует, и эта эволюция зависит от эволюции видов. В Байкале эволюция происходит чрезвычайно быстро, и вряд ли будет возможно восстановить эти виды после их гибели.

МТ Но можно сделать функционально подобные?

ВК Так и произошло на Великих Озерах в Северной Америке. Да, там можно купаться, при очистке воду можно пить. Но природное качество воды не было восстановлено. И никто не стремился воссоздать разнообразие и качество ландшафтов.

КЛ Более-менее реставрирован Рейн.

ВК Но вода в Рейне все равно не будет иметь тех кондиций, которые имеет вода Байкала. В Русском географическом обществе посчитали с некоторой условностью: если остановить всю хозяйственную деятельность в регионе, а у истока Ангары изымать и продавать 5 % ее годового стока, то оценки годового потока составят несколько сот миллиардов долларов.

МТ А Селенга, впадающая в Байкал, которую мы не можем контролировать?

ВК Степень ее загрязнения неизвестна. Трудность в том, что основные факторы находятся вне зоны контроля Иркутска. Байкал – глобальный объект, и применительно к нему нужны глобальные решения. Получается, что Иркутск не может делать даже то небольшое, что хочет.

С другой стороны, существует миссия охвата разнообразия и вписывания в это разнообразие. Я не был в

Иркутске с 2007 г. И ужаснулся тому, что увидел. Есть определенная логика городской застройки: если есть сопка определенной формы и она застраивается, почему на ней должны стоять четыре одинаковых здания, да еще и не сориентированных по рельефу? Почему не построить уникальный жилой комплекс? Почему не создать уникальный комплекс набережной? Такое несоответствие я наблюдал практически везде. Если когда-нибудь кому-то придет в голову приводить город в порядок, все построенное придется снести и строить заново, потому что ворота Байкала выглядят совершенно безобразно. Это означает не то, что городское сообщество плохое; это означает, что его просто нет. Это ситуация всеобщая в пост- или уже нео-советской России. Остатки городского сообщества есть в очень маленьких городах и в Петербурге и ведут они сугубо арьергардные бои.

По многим признакам, в последние 30–40 лет происходит вхождение в новую эпоху, главной ценностью которой становится, в том числе, разнообразие. Я привожу эту черту в качестве различия постмодернизма как карикатуры и эпохи постмодерна: хроноцентризм замещается хороцентризмом; научные парадигмы не разрушаются, а взаимно дополняются и сосуществуют и многое другое³. Если это так, то ценность вашей территории значительно возрастает: это не просто водоем с чистой водой, а один из глобальных сгустков ландшафтного разнообразия. Остров Ольхон имеет площадь примерно 700 кв. км. На нем представлены ландшафты примерно как на миллионе кв. км. Если на окружающих территориях аналоги ольхонских ландшафтов погибнут, то здесь останутся те экосистемы, которые при определенных условиях будут сами распространяться. Важно сохранять не виды, а экосистемы.

КЛ Почему мы радуемся разнообразию природных экосистем и не радуемся разнообразию систем, созданных человеком, даже если они нам и не нравятся?

ВК Природное разнообразие дано нам либо в виде ландшафтов и/или в виде экосистем, как разнообразие их компонентов. Для таких систем характерны определенные закономерности, которые воспринимаются непосредственно как красота, гармоничность. Ваши

3. См.: Каганский В. Л. Постмодерн. Ландшафт. Россия [Электронный ресурс] // Лабиринт. 2016. № 1, 2. <http://istina.msu.ru/publications/article/44366577>; Чебанов С. В. Значение биологического разнообразия для типологического поворота XX века // Сб. трудов Зоологического музея МГУ. Т. 54. С. 629–654.

разноцветные башни на сопках такими свойствами не обладают.

КЛ Но это всего лишь мнение...

ВК Очень существенно, что в сообществах элементы могут быть похожи, но не тождественны. Тождественность – это либо аномалия, либо результат искусственной деятельности. К примеру, в традиционной деревенской архитектуре много сходного, но не тождественного.

КЛ Мне кажется, что в ваших рассуждениях много субъективного. Я, например, не вижу разницы между двумя птицами одного породы. Для некоторых нет разницы между птицами вообще. А жильцы узнают свой дом, пусть даже и стандартный, типовой.

ВК Конечно, можно установить различие методом обживания либо экспертизы на основании неясных, но безошибочных критериев. Не хотелось бы, чтобы экспертизу приравнивали к субъективности. Ценность разнообразия устанавливается не для набора фрагментов, не штук, не куч мусора, а разнообразия, организованного во вмещающих целостностях.

КЛ Мы попадаем в поле частых дискуссий между строителями и архитекторами: с точки зрения строителя деревянное здание, при всей своей индивидуальности, никакой ценности не представляет. Для строителя важны квадратные метры, благоустроенность, норма прибыли. Основная проблема даже не в том, что они по-разному подходят к ценности разнообразия. Они похожи на жителей разных миров, как Марса и Венеры. Мы – не архитекторы и не строители, нам нужно, чтобы они договорились.

ВК Вы имеете в виду разграничение сферы полномочий или взаимопонимание?

МТ Но одно без другого не существует.

КЛ А главное – как сформулировать и осуществить их применительно к Байкалу?

ВК С точки зрения шаманистов то, что происходит на Байкале – чистой воды святотатство и надругательство. С точки зрения жителей Ольхона – чем больше туристов, тем лучше они будут жить. Мои коллеги часто говорят, что поезд уже ушел, что мы наблюдаем умирание... Я изучаю литературу по Байкалу около года и до сих пор не могу сказать, по каким параметрам уже перейдена красная черта и перейдена ли вообще. Оказывается, это почти никому неинтересно.

КЛ Главное – чтобы люди следовали установленным правилам и запретам, чтобы убедить в этом людей, говорящих на другом языке. И тут мы возвращаемся к теме ответственности.

ВК Моя жена Галина Лютикова – культуролог, участник междисциплинарных конференций, и она считает, что Байкал отдельно спасать не нужно: если нормализуется культурная ситуация, восстановятся культурные и социальные сообщества, то в процессе этого восстановления проблема решится сама. Я тоже считаю, что это проблема не локальная, а глобальная. Но это не означает, что делать ничего не нужно: мы находимся перед реальной угрозой китайской экспансии; для китайцев Байкал – это чужое, поэтому к нему возможно варварское отношение.

С другой стороны, очень важно, что появился слой молодых богатых людей, ориентированных на ценность креативных ландшафтов, сформировавших очень индивидуальные и высокие требования к среде. Если мы хотим продавать Байкал – давайте продавать его этой группе. Уже тысячи людей внесли огромные деньги за разовое приключение – возможность полететь в космос. Число людей, готовых заплатить за эксклюзивное общение с Байкалом, думается, во много раз превышает число желающих полета в космос. С этой точки зрения, количество туристов должно быть сокращено. «Демократическая» идея жителей Иркутска и Прибайкалья относительно

доступности Байкала для них, потому что они тут живут, должна быть признана вредной. Таким образом, стратегия доступности/недоступности Байкала должна строиться на радикальном пересмотре прав человека: нельзя на Байкале осуществить свободу перемещения. При всеобщей доступности Байкала его ценность уменьшится либо он просто будет уничтожен.

МТ Вы связываете ценность Байкала с отсутствием свободы перемещения на его территории?

ВК Да. Скупаются же участки земли для застройки и жизни в одиночестве в безлюдных северных регионах Европы и Канады.

КЛ На Байкале происходит то же самое: очень богатые люди скупают прибрежные участки, чтобы построить дом и жить одним.

ВК В какой-то момент времени часть населения России окажется неконкурентоспособной на международном рынке труда. В таком случае продажа питьевой воды Байкала даст возможность прокормить этих «лишних» людей. А для продажи питьевой воды нужно только решение. Какова роль Иркутска в этом случае? – Провозгласить новую идею Байкала.

КЛ Среди кого ее провозгласить?

ВК Вы же сами сказали, что Иркутск мало кто знает. Если в России есть три точки и Иркутск – самый крупный город вблизи Байкала, то Иркутск мог бы стать третьей столицей России. Такой идеи в сознании россиян нет. Даже идеи относительно Иркутска как столицы Байкальской России – и то нет.

КЛ Вопрос в том, кто и как такую идею воспримет. Кроме того, несоизмеримо больший ущерб Байкалу наносит массовая вырубка лесов, образующих тот самый водосборник, который очищает воду, поступающую в Байкал. Эта вырубка даже из космоса заметна. Насколько поможет тотальный запрет на туризм в зоне Байкала? Не обманываем ли мы сами себя относительно вреда туризма?

ВК Не знаю. У меня есть способ поставить вопрос. Получать ответы – задача скорее ваша как ответственных жителей края, чем моя.

МТ В начале любой стратегии находится исследование. Однако сотни имеющихся конкретных исследований Байкала не сводятся в цельную картину. Кроме того, люди, их проводящие, не обладают властной волей.

КЛ Исследования не образуют цельной картины. Они настолько разрозненные, что возникает вопрос: а ЗАЧЕМ они такие разрозненные? Создается небезосновательное впечатление, что исследователи тщательно избегают связанного представления об объекте.

ВК Теперь я попробую задать вопрос. Итак, ситуация полностью непонятная. Кто и какой ущерб наносит Байкалу – непонятно. Хорошо или плохо, что мы ускоряем естественные процессы, что мы проводим эвтрофикацию – непонятно. При этом людям надо жить в Иркутске, они живут в Иркутске. Как обустроить пространство Иркутска в условиях этой совершеннейшей неопределенности? Видимо, желательно сделать это так, чтобы людям это нравилось и чтобы они в результате не деградировали.

КЛ Как разыскать смысл во всем, что происходит? Как писал Виктор Франкл, человек может вынести почти все, если событие для него имеет смысл.

ВК Может быть, проблема состоит в том, чтобы его транслировать? Для отдельных людей ценность Байкала и его сохранение имеют смысл. Но это единицы, и их позиция не транслируема. Для многих бурят (и не только), которым становится известна фраза Далай-ламы из недавнего интервью – «Как бы я хотел прогуляться один по берегу Байкала» – становится воодушевляющей. Для меня по-прежнему большой вопрос, как должен быть обустроен город, главная функция которого – обеспе-

чивать доступ к Байкалу, быть воротами Байкала? Благо ли это для города или это его унижает? Как совместить полноценную жизнь и то, что город – пересадочная станция и зарабатывает на этом? С другой стороны, обилие трудностей и проблем – это тоже ресурс.

МТ На самом деле людей, которые занимаются «нацеленностью» города на Байкал, в Иркутске не так уж и много. По самым оптимистичным подсчетам, тысяча-полторы.

ВК Это очень много.

КЛ Дело в том, что они не знают, что делать, выхватывают мелкие проблемы. А поскольку люди довольно умные, они понимают, что занимаются мелочами.

МТ Ведут «сумеречную» деятельность...

ВК Если их деятельность хоть в какой-то мере осмысленная, то на нее можно наложить другую осмысленную деятельность. Недавно я давал интервью экологам и в ответ на вопрос, какая группа может помочь привлечению людей к экологической деятельности и борьбе с загрязнением среды, сказал: «Старые монархии Европы, которые будут давать титулы людям, жертвующим крупные суммы на экологические цели. Поскольку ценность титулов опять возрастает». Я говорю о том, что нужны какие-то непривычные ходы, относящиеся к другой области, стратегии непрямого действия. И для Иркутска в том числе.

КЛ Для таких стратегий надо чувствовать цель еще точнее и определеннее. А цель непонятна: каким бы мы хотели видеть Байкал в результате этой деятельности? Каким он был 50 000 лет назад?

ВК Я не знаю. Мне кажется, что метафорика «чистой природы» содержит огромное количество смыслового мусора. У экологов есть благие намерения и порывы, при этом содержательно их риторика весьма неопределенна. И тут ничего не поделаешь; эта сфера такова. Получается, что один из парадоксов, связанных с Байкалом, – какими бы ни были цели – убрать мусор не только в мышлении, но и в целеполагании на основе ценностей.

КЛ Но цель нельзя вычислить, ее можно только поставить...

МТ И пережить...

ВК Либо трансформировать некую ситуацию проживания в ценность. Боюсь, что вердикт о степени чистоты и загрязнения Байкала будет сделан не экологами, а чем-то вроде военного совета.

МТ Я слышала суждение весьма квалифицированного специалиста, всю жизнь живущего на Байкале и изучающего его, что все разговоры о загрязнении Байкала в результате техногенной деятельности несостоятельны, ибо Байкал – такая мощная экосистема, которая сама себя чистит.

ВК Давайте говорить о несомненных фактах. Первое, Байкал – мощнейшая, сложная экосистема экосистем. Второе, уже доказано, что экосистемы способны к очень быстрой эволюции. Третье, эволюция характеризуется невероятной непредсказуемостью. Может быть, на Байкале все нормально. И он эволюционирует естественным образом. Куда? Все разговоры о том, что надо сохранить определенное состояние – это абсурд, ибо статического состояния просто нет!

КЛ Как же тогда ставить цель? Есть на Байкале практически полностью закрытые территории – Ушканьи острова, например.

ВК Но есть и течения, и атмосферные потоки, которые разносят микроорганизмы и семена. А во время кризиса даже малые воздействия могут оказаться решающими.

КЛ Бифуркационные точки.

ВК С другой стороны, если жители Иркутска – сообщество, а сообщество может эволюционировать, то воз-

можно допустить, что какое-то сверхмалое воздействие может привести к значимым событиям, хотя пока нигде ни к чему не приводит. В 2000-е годы города росли и прорывались на больших деньгах. Сейчас все это закончилось.

МТ С этим и связаны практики нестоличности: не прорываться в «макушку» рейтинга городов по общим критериям, а организовать свой мир, в котором чувствуется дистанция между столичными способами и стратегиями деятельности и своими собственными тактиками, которые всегда характеризуют «слабых» участников процесса.

ВК Нестоличность – отнюдь не периферийность. Это, скорее, инаковость, провинциальность. Не забудем, что Иркутск находится в первой дюжине городов хотя бы по числу академических институтов, театров и т.д. И среди прочих отличий – изучение Байкала. Но когда я занимался предварительным изучением материалов по Байкалу, я обнаружил, что подразделений, которые формально, на своем сайте, в описании своей миссии имели бы целью выработку цельной картины Байкала, просто нет. У меня как человека, занимающегося культурным пространством России, ситуация очень схожая: те объекты, которые я изучаю, чрезвычайно разнородны и несводимы к одному основанию. Здесь необходим какой-то совершенно иной, новый подход, постаналитическая стратегия. Нельзя же бросить всю российскую науку на изучение только Байкала, тем более, что процессы в науке идут чрезвычайно медленно, а на Байкале чрезвычайно быстро.

КЛ Мы опять упираемся в смысл слова «изучать»: ведь пойманные рыбки и птицы, превращенные в чучела, не означают, что мы их изучили.

ВК К сожалению, институт экспертизы, которая могла бы выработать критерии изученности и изучаемости, деградирует. Эксперты стремятся стать, кроме всего прочего, публичными фигурами и теряют профессионализм.

КЛ Я встречал мнение, что по мере компрометации позитивистской науки в ее «трещинах» начинает прорезываться некая постнаука, подобно тому, как в XIV веке сквозь богословие начала прорезываться позитивная наука.

ВК Давайте считать, что Байкал – это испытание, посланное Иркутску, России, миру. Всякое даровое благо – огромное искушение.

КЛ И при этом достался он малой кровью: Иркутск был построен как форт, полтора столетия поддерживался в боеспособном состоянии, и на него так ни разу никто и не напал.

Вернемся к научной точке зрения. Чтобы осознать такую сложную систему, как Байкал, нам нужна принципиально новая наука.

ВК Я думаю, что все основные концепции уже есть.

КЛ Но ведь еще в советские времена были попытки смоделировать жизнь Байкала. Одна из первых мощных вычислительных машин стратегического значения в качестве «хобби» была ориентирована на моделирование Байкала. Но даже приблизительно ничего не получилось.

ВК Есть крупные исследовательские работы по частным вопросам, но есть и крупные опубликованные обобщающие концепции (теория классификации, теоретические биология и археология, концепции эволюции экосистем, теоретическая география нашего с Борисом Родоманом извода и еще...), которые, к сожалению, не привлекают внимания, не попадают в мейнстрим. Нет «моды» на использование больших концепций. Причем эти концепции полностью совместимы друг с другом: например, концепция культурного ландшафта, культуры, жизни, в том числе и жизни современного российского общества...

КЛ Аналогия с развитием позитивной науки бросается в глаза: в XIII-XV веках наука тоже развивалась в виде

разрозненных концепций, а общей картины мира не возникло. И пока математическая, геометрическая основа не выработала свой ресурс, пока не произошел декартов прорыв к алгебре, качественных изменений в картине мира не возникло.

ВК Да, я вижу, что прорастает новая картина мира, но я не вижу, чтобы кто-то объявил об этом вслух.

КЛ Но пока мы скромничаем, эту картину мира создают чиновники. «Высшей формой существования материи» в ней является документ. А производство документов – высшая форма деятельности.

ВК Это не тема нашей беседы.

МТ Но весьма актуальная и имеющая непосредственное влияние на жизнь.

ВК Неблагоприятной была такая ситуация, что в период распада СССР в одних областях были перспективные заделы (в экономике, образовании), а в других не было (судебная система). Один из рецензентов моей книги написал, что надо пытаться работать в горизонте вечности. Тогда работы будут всегда востребованы. Но когда

эта минута настанет – нам не дано знать. И над Байкалом надо думать «в горизонте вечности», иначе ничего не получится. Давайте закончим разговор моей любимой историей. Есть классический тест на определение возраста ребенка с горькими и сладкими конфетами: сейчас сладкую, а потом много горьких или сейчас горькую, а потом много сладких. 4-5-летний ребенок и высшие обезьяны выбирают горькую конфету сейчас, а потом много сладких. Современное российское «общество» выбирает сладкую конфету сейчас, а потом меня не интересует. В этой парадигме работать не стоит, а жить – тем более...

Литература

1. Балла-Гертман О. Владимир Каганский: «Байкал – культурная проблема, интеллектуальный вызов» // Частный корреспондент [Электронный ресурс]. – http://www.chaskor.ru/article/vladimir_kaganskij_bajkal_-_kulturnaya_problema_intellektualnyj_vyzov_41446
2. Россия проваливает экзамен на Байкале // Восточно-Сибирская правда. 31.01.2017 [Электронный ресурс]. – <http://www.vsp.ru/2017/01/31/567674/>
3. Видео доклада Владимира Каганского «Байкал как глобальная культурная проблема» на конференции «Экологический риск», Институт географии СО РАН, Иркутск, 21 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. – <https://yadi.sk/i/j12Ld89f3HFxzH>; <https://yadi.sk/i/MyGc-2Xu3HscXz>; <https://yadi.sk/i/cSnyMZr3HscbX>

References

Balla-Gertman, O. (2017, January 30). Vladimir Kagansky: "Baikal – kulturnaya problema, intellektualnyi vyzov" [Vladimir Kagansky: "Baikal is a cultural problem and an intellectual challenge"]. Chastnyi correspondent. Retrieved from http://www.chaskor.ru/article/vladimir_kaganskij_bajkal_-_kulturnaya_problema_intellektualnyj_vyzov_41446

Kagansky, V. (2017, April 21). Baikal kak globalnaya kulturnaya problema [Baikal as a global cultural problem]. Proceedings from Ecological Risk Conference. Institute of Geography SB RAS. Retrieved from <https://yadi.sk/i/j12Ld89f3HFxzH>; <https://yadi.sk/i/MyGc-2Xu3HscXz>; <https://yadi.sk/i/cSnyMZr3HscbX>

Lisovskaya, O. (2017, January 31). Vladimir Kagansky: "Rossiya provalivaet ekzamen na Baikale" [Vladimir Kagansky: "Russia is failing the examination at Baikal"]. Retrieved from <http://www.vsp.ru/2017/01/31/567674/>

текст
Наталья Еремеева /
 text
Natalia Ereemeeva

Организаторы конкурса
 благотворительный фонд
 «Подари Планете Жизнь»
 администрация Хужир-
 ского муниципального
 образования Ольхонского
 района Иркутской области
 (заказчик)

Состав экспертного жюри

Екатерина Протасова, глав-
 ный архитектор Иркутской
 области

Анжелика Алсаткина,
 художник-дизайнер

Зоригто Батуев, настоятель
 Усть-Ордынского дацана

Наталья Бенчарова, член
 совета местного самоуп-
 равления п. Хужир

Андрей Большаков, доктор
 архитектуры, профессор

Светлана Вершинина, кан-
 дидат биологических наук

Сергей Демков, член прав-
 ления ИРО СА России

Наталья Еремеева, дирек-
 тор благотворительного
 фонда «Подари Планете
 Жизнь»

Ренат Ильясов, юрист

Александр Костров, доктор
 исторических наук

Андрей Красильников,
 главный архитектор
 Сибирской лаборатории
 урбанистики

Вера Маланова, глава
 администрации Хужирско-
 го МО

Даши Намдаков, скульптор
 Григорий Огдонов, зам.
 главы администрации
 Хужирского МО

Евгения Пуляевская, зав.
 кафедрой архитектуры
 и градостроительства
 ИРНИИТУ

Евгений Стрелец, директор
 пивоварни «Хейнекен
 Байкал»

Андрей Тыхеев, мэр
 Ольхонского района
 Иркутской области

Валентин Хагдаев, ви-
 це-президент ассоциации
 шаманов бурятского
 народа «Боо-Мургэл»,
 председатель совета шама-
 нов Ольхонского района

Ярослав Шиллер, ис-
 полнительный директор
 торговой сети «Слата»

Андрей Шолохов, предсе-
 датель Иркутского отде-
 ления Союза дизайнеров
 России

Иркутская региональная
 организация Союза архи-
 текторов России

Рассказывается о проведении конкурса проектов обустройства территории мыса Бурхан в Ольхонском районе Иркутской области. Особенность конкурса в том, что его участникам предлагалось не только проявить себя с профессиональной стороны, но и продемонстрировать экологическое видение: проект должен включать в себя решения по сохранению и восстановлению природы мыса Бурхан, распределению туристических потоков с целью снижения антропогенной нагрузки на территорию с учетом этнических и религиозных особенностей территории.

Ключевые слова: Байкал; Ольхон; место силы; дизайн-концепция; уникальная природная территория; восстановление ландшафта. / **The article tells about the ideas competition for development of the Burkhan Cape territory in Olkhon district, the Irkutsk region. The peculiarity of this competition is that the participants were invited to demonstrate not only their professional skills, but also their ecological point of view: the project should include the solutions for preservation and revitalization of the nature of Burkhan Cape, as well as the arrangement of tourist flows aimed at decreasing anthropogenic load on the territory with due regard to the ethnic and religious peculiarities of the territory.**

Keywords: Baikal; Olkhon; the place of strength; concept design; unique natural territory; revitalization of the landscape.

«Мыс Бурхан» Конкурс концепций обустройства парка природы и прилегающих территорий /

Идея проведения конкурса по созданию дизайн-концепции обустройства уникальной природной территории, сакрального места и ансамбля историко-культурного наследия «Мыс Бурхан» (Байкал, о. Ольхон) родилась летом 2016 года. К проведению конкурса побудило плачевное состояние мыса и прилегающих территорий. Из-за популярности места и роста туристического потока нарушена экосистема территории, усилилась деградация ландшафта: вытоптанная, заезженная земля стала напоминать асфальт...

В экспертный совет конкурса согласился войти всемирно известный скульптор Даши Намдаков, который назвал проект площадкой возможностей. Для получения финансовой поддержки подали заявку на конкурс общественных инициатив «Губернское собрание», который проводит Управление по связям с общественностью и национальным отношениям аппарата губернатора Иркутской области, и проект был поддержан. Это была первая победа. Далее – поиск инвестиций, партнеров, формирование призового фонда. Мы нашли партнеров и среди государственных учреждений (областная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского, ИРНИТУ), и среди коммерческих организаций, которые были заинтересованы в поддержке важного проекта (торговая сеть «Слата», АС «Байкал ТВ», транспортная компания «ТурАвто», турбаза

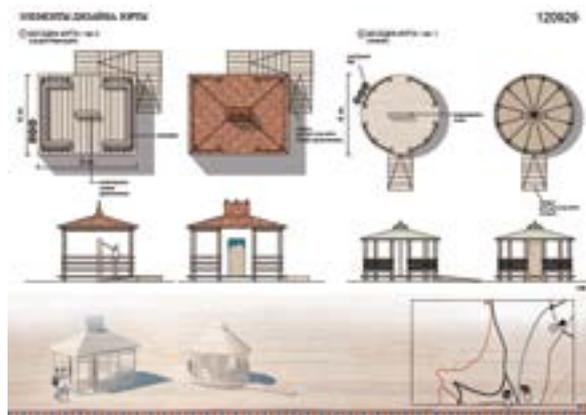
«Усадьба Бенчарова», группа компаний En+Group). Глава администрации Хужирского муниципального образования В. С. Маланова и мэр Ольхонского района А. А. Тыхеев активно поддержали идею проведения конкурса.

Поскольку конкурс профессиональный, в первую очередь было предложено партнерство ИРО Союза дизайнеров и Союза архитекторов России.

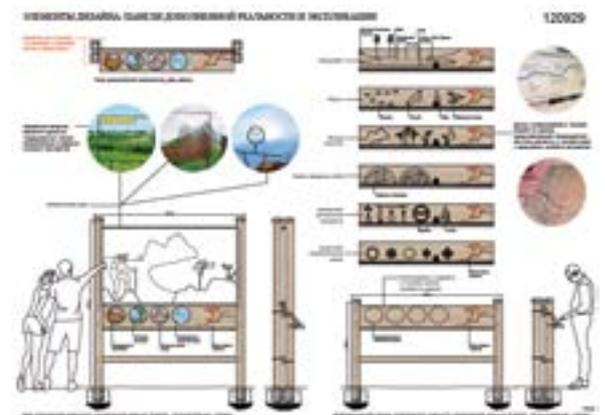
Проект стартовал 1 января 2017 года как Всероссийский конкурс концепций обустройства парка природы «Мыс Бурхан» и прилегающих территорий, однако в нем принимали участие и зарубежные специалисты. Всего в конкурсе участвовало более 120 человек из Санкт-Петербурга, Хабаровска, Томска, Сочи, Брянска, Казани, Новосибирска, Красноярска, Якутска, Рязани, Киргизии, Украины, Германии, Израиля, США, Италии.

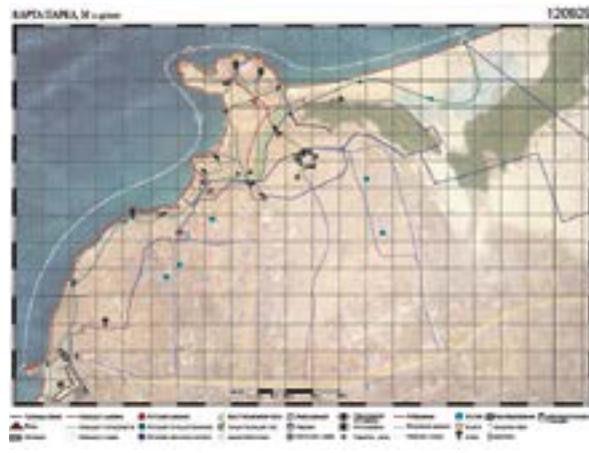
Особенность конкурса в том, что его главным организатором стал благотворительный фонд, который занимается экологическими проектами, а «Мыс Бурхан» – это конкурс для архитекторов и дизайнеров. И именно этот факт сделал конкурс особо интересным, бросающим вызов как профессионалам-практикам, так и научному профессиональному сообществу.

Основной целью конкурса было выявление решений, способствующих не только сохранению, но и восстановлению природы с гармонично и бережно вписанными

^ 1-е место

< 1-е место

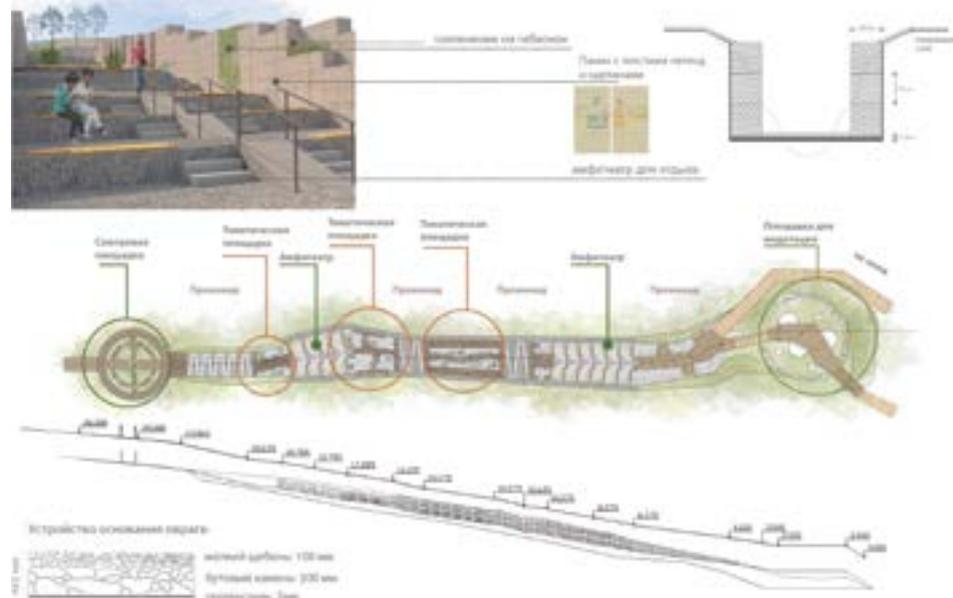
The Ideas Competition for Development of the Burkhan Cape Natural Park and the Adjoining Territories

в нее элементами обустройства. В соответствии с этим задачи конкурса были сформулированы таким образом:

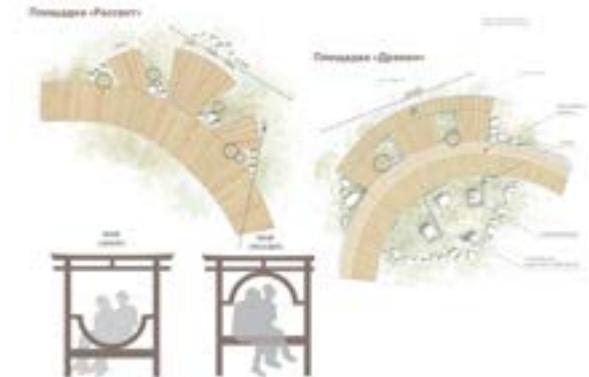
1. Разработка концепции обустройства парка природы «Мыс Бурхан», прилегающей территории и последующей ее реализации с учетом сохранения и восстановления природного ландшафта, уменьшения антропогенной нагрузки.
2. Создание условий для сохранения историко-культурной значимости территории парка природы «Мыс

ПРОЕКТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ПРЕОБРАЗОВАНИЮ ОВРАГА 890991

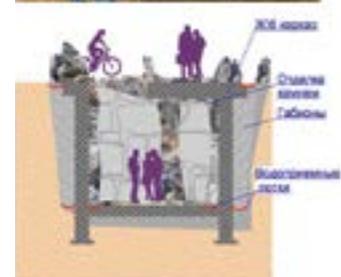
«Летящий Оськонок» - пешеходный променад на месте оврага, включающий тематические площадки, амфитеатр и приспособленный для передвижения маломобильных категорий граждан с сопровождающими.

ВЛАДИСТРОЙСТВО ПЛОЩАДИ 890991

^ 2-е место

Бурхан» в соответствии с традициями народов, населяющих о.Ольхон.

3. Развитие прилегающей территории как центра туристической деятельности на о. Ольхон. Благоустройство территорий в соответствии с функциональным назначением земель.

4. Популяризация идеи цивилизованного обустройства природных территорий.

5. Использование материалов конкурса для разработки регламентов обустройства прибрежных зон оз. Байкал.

6. Создание системы информирования гостей острова о существующих правилах пребывания в культовых местах, особо охраняемых природных территориях с возможностью тиражирования данной системы.

7. Привлечение экспертного сообщества, практикующих архитекторов, дизайнеров, студентов профильных учебных заведений для выработки оптимальной идеи обустройства указанной территории.

8. Установление эффективного взаимодействия образовательных, муниципальных, производственных, коммерческих, культурных учреждений города, страны.

В России известны примеры проектов, когда перед архитекторами ставилась задача, требующая более широкого взгляда на проблему обустройства, экологического мировоззрения (проект на Алтае, Столбы в Красноярске). Что касается прибайкальской и забайкальской территории, то такого опыта здесь не было. Конкурс «Мыс Бурхан» – это уникальный пример комплексного подхода к проектированию.

Особенность нашего конкурса еще и в том, что объект проектирования – памятник природы, ансамбль историко-культурного и археологического наследия, соответственно, никакой материальной выгоды от реализации проекта быть не может. Однако выгода есть, ведь мыс Бурхан – это визитная карточка острова Ольхон. Если набрать в интернете слова «Байкал», «Ольхон», «места силы России», то фотографии скалы Шаманки появляются в верхних строчках рейтинга. А это значит, что осуществление проекта «Мыс Бурхан» выгодно местным жителям и

бизнесу. Есть надежда, что после нашего конкурса изменится отношение к особым местам, к природе.

В рамках проекта состоялась научно-практическая конференция с участием профессионалов и общественности, целью которой было донести мысль о том, что прибайкальская территория имеет особый колорит, традиции, и главной достопримечательностью этого места должна остаться уникальная природа. Идея проведения конференции понравилась преподавателям технического университета, и в следующем году планируется подобное мероприятие, но уже с участием иностранных специалистов в области популярного на Западе экологического проектирования.

При подведении итогов 1-го тура, выяснилось, что некоторые конкурсанты не поняли сути техзадания – его эконправленности. Такие проекты были сразу отринуты, ведь главной задачей конкурса было отобрать проекты, гармонично сочетающие архитектурные элементы, не только вписывающиеся в общую картину, но и способствующие восстановлению ландшафта. Эта задача не только архитектурная, она требует еще и экологического мышления. Проблема не только в том, что верхний слой почвы вытопан людьми, но и в развитии оврагов, разрушающих остров. И все это надо было отразить в проектах.

На конкурс поступило 40 заявок из России и зарубежья. Все они были закодированы под шестизначными номерами и опубликованы на сайте <https://burkhan-project.ru>. Это гарантировало полную непредвзятость в работе экспертов.

Во 2-й тур вышли десять проектов. Все победители 1-го тура в качестве поощрения и для знакомства с территорией проекта побывали на Ольхоне. В итоге во время 2-го тура многие проекты были значительно доработаны в направлении их экологичности.

Победителей было выбрать не просто. С одной стороны, работы были высокого качества, с другой – ни один из проектов, по мнению экспертов, не выполнял условия техзадания на 100 %. Несмотря на то что итоговому заседанию экспертного совета был представлен готовый рей-

< в 3-е место

тинг проектов (он составлялся на основании оценок 20 экспертов), дискуссия была жаркой: кроме соответствия пунктам техзадания, проекты рассматривались и с позиции их реализации, и по учету потребностей туристов с ограниченными возможностями, и по выдержанности стиля. В итоге обсуждения определилась тройка лидеров.

Первое место занял проект 120929 «Три души Ольхона». Авторы – А. Кучерова (Москва), С. Ромео (Милан, Италия). Предложено несколько сценариев для туристов с ограниченными возможностями, грамотное зонирование, создание новых и нужных объектов, мощная навигационно-информационная система, «мягкое соприкосновение» новых инфраструктурных объектов с природой, стильный дизайн всей навигационной и интерактивной системы.

Второе место занял проект 890991 «Туризм как ключ к сохранению природы». Автор – Т. Данилова (Иркутск). Интересны решения по остановке роста оврагов и органичная дизайн-концепция.

Третье место занял проект 666933 «Конкурс Мыс Бурхан». Авторы – В. Акулов, С. Смольков (Иркутск). Заслуживают внимания идеи о точках притяжения, грамотное зонирование и проект создания уникальных дорожек, которые могут стать «родными» на мысе.

Проект 997745 «Концепция обустройства парка природы мыс Бурхан» получил диплом особого образца, установленный экспертным советом за профессиональное исполнение и неординарные предложения. Авторы – Р. Шаргин, О. Филиппова, А. Пилипенко (Иркутск). Проект 758768 «Концепция развития мыса Бурхан» получил народное признание. Авторы – Е. Килина, Е. Петросян, Н. Попкова, К. Камалова (Красноярск).

Конкурс завершен. Теперь начинается другой этап – поиск инвестиций под реализацию проекта. Мы надеемся на помощь правительства Иркутской области, на поддержку грантами на федеральном уровне, а также на помощь местных предпринимателей, которые получат дивиденды от реализации проекта «Мыс Бурхан».

> Входная лестница с мостом через ручей соединяет автобусную остановку с дорогой на Столбы

На столбовой дороге / On the Way to Stolby

текст
Ольга Смирнова /
text
Olga Smirnova

На Столбы я хожу много лет. Ходила еще тогда, когда там было мусорно. Я брала с собой пакет и подбирала мусор, сколько могла. Позже узнала, что настоящие столбисты, избачи (то есть те, кто ходит в избы, разбросанные по заповеднику), не только так же, как я, подбирают мусор, но и в складчину нанимают грузовики для его вывоза. Они же развязывают все вязочки-челома, которые посетители стараются по азиатской привычке повязать на деревья. «Чтобы не создавать традицию», – объяснили мне. А еще среди столбистов, рассказывают, есть одна женщина-химик, которая реактивами смывает надписи на скалах.

Но был у меня какой-то период, когда я на Столбы не ходила, в другие места ездила. И после нескольких таких лет, прихожу туда и удивляюсь. Все чисто, и понаделаны малые формы. Спросила знакомую смотрительницу (она же по совместительству преподавательница живописи в изостудии для детей): дескать, что такое случилось?

v Медитативная беседка на дороге к Столбам

– Деньги нам выделили для развития туризма, – отвечает.

– А кто все эти лестницы, беседки вам делал?

– Сами. Всё сами.

«Ну не может такого быть, – думаю. – Это я, наверное, вопрос некорректный задала. Тут же явно проектировал профессиональный дизайнер. Как в природу всё вписано замечательно».

Стала расспрашивать коллег. Оказалось – да, проектировала одна из наших архитектурных мастерских. «А2» называется. И даже автора мне назвали – Антон Кулаковский. Позвонила я ему разузнать, что и как. Оказалось, что замысел был еще больше.

– Комплексно хотелось, – говорит. – Мы и от «Роева ручья» (это наш парк флоры и фауны – благоустроенный зоопарк, иначе говоря) лестницы сделали, чтобы пройти красиво оттуда на Столбы можно было, и визит-центр на входе задумали. Многое не получилось. Вот беседка примерно в километре от входа и лестница на входе – это по нашим проектам, а уж дальше Владимир сам все начал делать.

– Кто такой?

– Да фирма «Рубидом».

– Беседка ваша мне очень нравится, и другим тоже.

Там люди, вижу, рано утром занимаются кто гимнастикой, кто в каких-то единоборствах тренируется, кто медитирует. Я ее для себя так и называю «медитативной беседкой». И лестница у вас замечательная вышла, очень хорошо в пейзаж вписана, каждый раз люблюсь. Невесты на ней фотографируются даже зимой.

«Вот можем же, если дать нам возможность», – думала я про нас, архитекторов, в очередной раз идя на рассвете по дороге на Столбы. Потому что теперь-то при такой красоте и чистоте я на Столбы хожу с гораздо большим удовольствием. Самый шик для меня – это уйти туда раньше всех остальных и вернуться так же. Чтоб уж совсем наедине с ними. Ведь там не только красота деревьев, гор и скал, там живность всякая встречается. Мелкие, так те прямо с рук, бывает, едят, вцепившись в палец маленькими коготками. Это поползни, синицы,

< Она украшает пейзаж и зимой

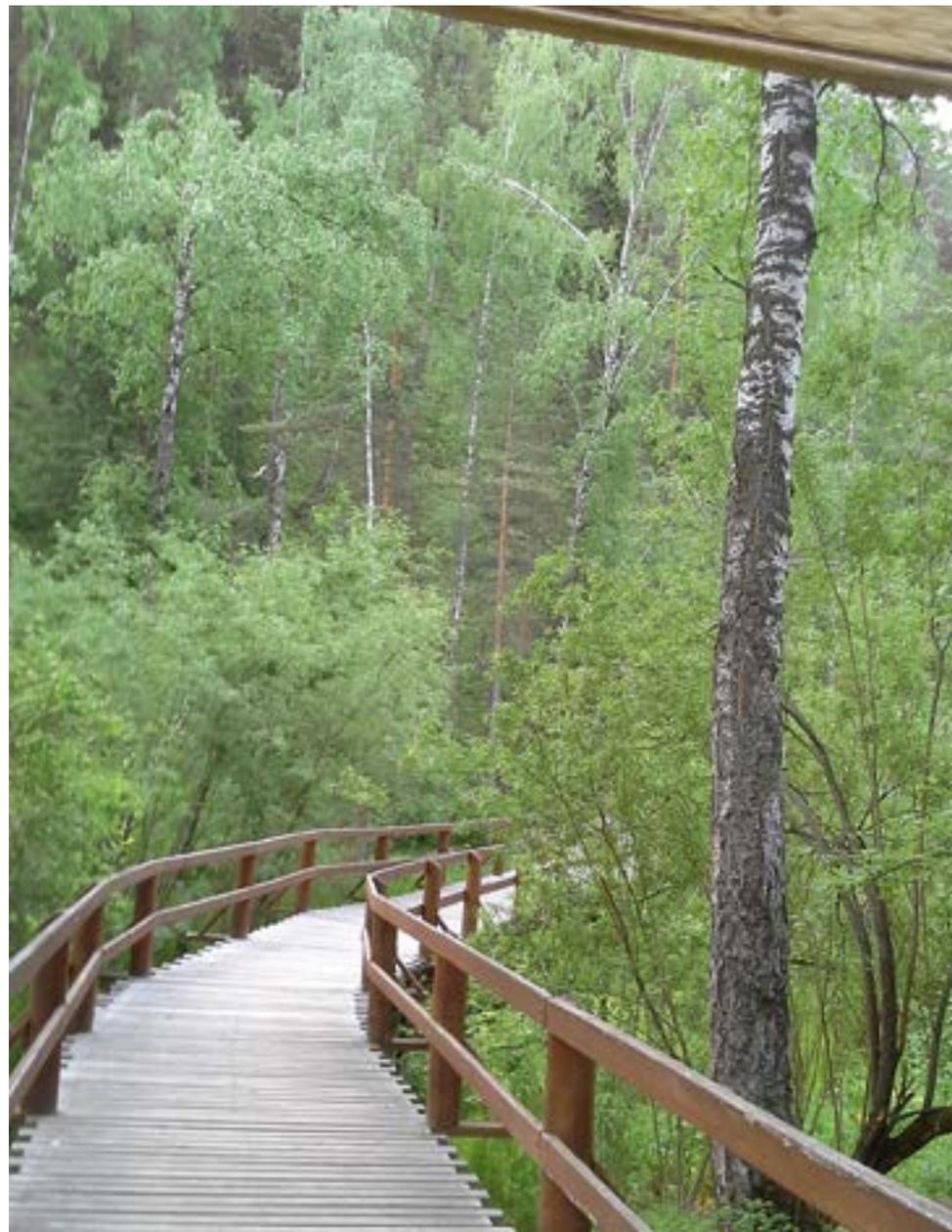
v Начало экотропы у кордона Лалетино

бурундучки. Белок много. Встречала дичь и покрупнее. Пара уток ко мне даже привыкла, соболёк был знакомый. А однажды мне дорогу перешла юная росомаха. Но уйти и вернуться в уединении все-таки получается редко. Потому что таких чудиков все больше становится. Они, как и я, идут, глазают по сторонам, птиц слушают, здороваются с каждым встречным. Улыбаются.

Чуть припозднишься – появляются другие. Я их называю «кони», «лоси» и «щебетушки». «Кони» – это спортсмены, которые выбежали на раннюю тренировку. Они огромными ногами мчатся мимо, обдавая жаром своей силы. Взгляды их устремлены куда-то внутрь. Они только ради чистого воздуха здесь, ничего другого не замечают от своей скорости. «Неужели и я такая была, когда спортом занималась? – каждый раз удивляюсь я. – И вот так же ничего вокруг не замечала?» И вспоминаю, что да, такой и была. Так что этих я, мне кажется, понимаю. «Лоси» – те же бегуны, но помедленнее. Они будут бежать дольше, изнурительнее, но сейчас еще успевают переговариваться на бегу. Такой я тоже бывала когда-то. Они тоже мало что замечают вокруг. Смотрят только вперед, их цель еще далеко. «Щебетушки» – это обычно женщины. Они идут и, задыхаясь, рассказывают друг дружке о своей городской жизни. Смотрят тоже только вперед, хоть и не так сосредоточенно. И такой я бывала. Поэтому стараюсь их теперь не осуждать, хотя они мне сильно мешают. Они, я знаю, тоже мало видят вокруг. Но меня они, обычно, замечают и даже порой здороваются.

Но вот ежели припозднишься с возвращением, особенно в выходной, то навстречу пойдет «вал». Людей навстречу тебе по дороге идет столько, что это напоминает мне демонстрацию. С некоторым отличием: эти люди все смотрят вниз. Я даже однажды решила установить статистику, принесла ей в жертву созерцание красоты.

И обнаружила, что из ста человек, шедших мне навстречу, которых я посчитала, только четверо смотрели не вниз. При этом одна девушка восторженно смотрела на своего спутника, который что-то рассказывал, глядя в асфальт под ногами, так что не знаю, стоит ли ее включать в исключения. И только трое – двое парней и

^ Теперь к первому столбу можно пройти над землей, не задевая корней сосен

одна девушка, шедшие вместе, смотрели вперед и вверх куда-то на гору, улыбаясь чему-то, на что указывал им рукой один из них. «Может, и они увидели марала», – подумала я, вспомнив, как однажды мне его примерно там же показал мой приятель-геолог.

И вот этот факт, что большинству жителей города не хочется смотреть по сторонам, даже когда дорога под ногами комфортная, а вокруг такая красота, я совершенно не понимаю. Даже представить себе не могу причину этого явления. А ведь я – человек, посвятивший десятки лет проектированию удобств и приключений для пешеходного движения. Мне же казалось, что я всю психологию пешехода уже изучила. Но выходит, что нет. И меня это очень смущает.

Иногда в своем непонимании я думаю, что, может быть, потому, что люди в массе своей не хотят смотреть на красоту, даже когда она сплошняком вокруг них, и позволено обществом безнаказанно строить в городе здания безо всякой архитектуры и пилить каждый год деревья, массово умерщвляя их?

Но если это так, то что делать?

< Экологическая тропа со стороны каменного карьера

Горожане погружены в городскую среду. Городская среда формируется в «зазорах» между людьми. Социум и город не просто связаны между собой, они образуют единое целое, как аверс и реверс монеты. Мысль, на первый взгляд, тривиальная. Но это еще как посмотреть!

Иркутские социологи Михаил Рожанский и Елена Коркина, идеологи проекта ГОРОД ИНАЧЕ, представляют читателям ПБ взгляд молодых жителей на свой родной город, выраженный в рассуждениях и фотографиях. Вопреки банальному представлению о современной молодежи, эти её представители не зациклены на своих гаджетах, а вполне успешно используют их для свежего взгляда на окружающую среду. Интересно, что проект привлек и начинающих архитекторов, причем именно тех, кто имеет опыт соучаствующего проектирования. Получилась интереснейшая попытка настроиться в резонанс с пульсом города, с тем общим ритмом образов, который делает город и его жителей единым целым.

Елена Григорьева

Город иначе / the city otherwise

The citizens are surrounded by urban environment. It develops in the “clearances” between people. The society and the city are not just interrelated, they form a single whole, like the obverse and the reverse of the coin. At first glance, this thought seems to be trivial, but it depends.

Irkutsk sociologists Mikhail Rozhansky and Elena Korkina, the ideologists of The City Otherwise Project, show the readers of PB how young citizens view their city. These views are expressed in their reflections and photos. Against common beliefs about modern youth, these young people are not obsessed with their gadgets. They use them quite well to take a fresh look at the environment. It should be noted that the project has attracted, among others, starting architects, especially those who have experience in participatory design. It is an interesting attempt to get in tune with the pulse of the city, with the common rhythm of images, which makes the city and its inhabitants a single whole.

Elena Grigoryeva

The City Otherwise (From Rus. Gorod Inache) is a research project focused on modern Irkutsk. The offline part of the project includes lectures, courses, workshops and other events concerning Irkutsk. The online one is the website gorodinache.org consisting of two sections: "Research" and "Impression". The first section presents social and art research publications on the daily life, citizens' practice, Irkutsk landmarks etc. The second one contains impressions of Irkutsk.

The goals of the project are:

- to develop the interest toward modern Irkutsk and to support the willingness to understand its nature;
- to make the life in the city brighter on a self-sustainable basis;
- to form a community willing to work on new collaborative city projects.

At the initial stage (working out the concept, the first research and impressions, development of the website), the

project was international. We collaborated with the German non-governmental organization Froh! specializing in adult education. In September 2016 we organized a two-week workshop, where we worked on photos, digital layout, texts etc. From the beginning of 2017, the Irkutsk team has been working on the project independently.

Our authors are those who are interested in Irkutsk, or rather in a certain issue related to Irkutsk. The first 18 works were elaborated by 20 authors from Irkutsk and Germany. All of them were selected on a competitive basis. At this moment we are working on a new research together with all interested people, as usual, regardless of age, profession, research background or place of residence. The main thing is their willingness to search for new solutions and forms together with the project team.

Keywords: Irkutsk; social research; local community; daily life; media; city projects; participation.

Город иначе/ The City Otherwise

текст
Елена Коркина /
text
Elena Korkina

«Город иначе» – это исследовательский проект, посвященный современному Иркутску. В офлайне это лекции, курсы, семинары и другие мероприятия, связанные с Иркутском. В Сети – это сайт gorodinache.org, состоящий из двух рубрик – «Исследования» и «Впечатления». В первой публикуются социальные и художественные исследования города о повседневности, практиках горожан, значимых местах и т. д., во второй – впечатления от соприкосновения с Иркутском.

Цели проекта – развить интерес к современному Иркутску и поддержать стремление понять, как он устроен; сделать жизнь в городе более яркой за счет собственных ресурсов иркутян; сформировать сообщество людей, готовых работать над новыми коллективными городскими проектами.

Изначально (работа над концепцией, первыми исследованиями и впечатлениями, создание сайта) проект был международным. Мы реализовывали его совместно с немецкой НКО Froh! Ребята занимаются образованием

взрослых, поэтому в сентябре прошлого года мы провели в Иркутске двухнедельный семинар по работе с фотографиями, электронной версткой, текстами и т. д. С начала 2017 года иркутская команда реализует проект самостоятельно.

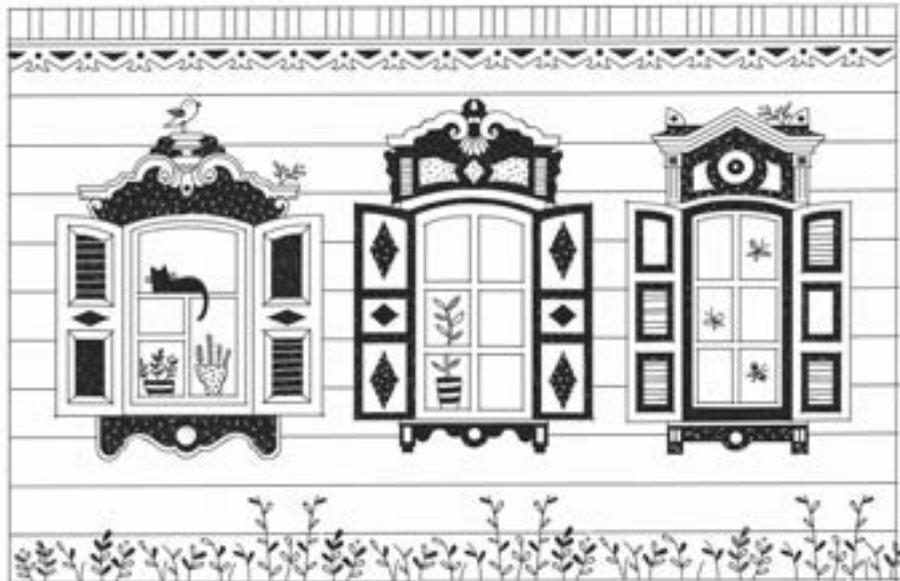
Наши авторы – люди заинтересованные Иркутском, точнее, какой-то конкретной темой или проблемой, связанной с ним. Первые 18 работ – дело рук 20 авторов из Иркутска и Германии. Все они были отобраны по конкурсу. Сейчас мы работаем над новыми исследованиями со всеми желающими, по-прежнему – независимо от возраста, профессии, исследовательского бэкграунда и места жительства. Главное – желание и готовность вместе искать новые смыслы и формы вместе с командой проекта.

Ключевые слова: Иркутск; социальные исследования; местное сообщество; повседневная жизнь; медиа; городские проекты; партиципация.

«За ставнями» – это истории тех, кто осознанно выбрал жизнь и работу в деревянных домах, расположенных в центре города.

> Схема массивов деревянной застройки в центре Иркутска

За ставнями / Behind the Shutters

«А вы сами стали бы жить в таких условиях?» – без этого риторического вопроса не обходится ни одна дискуссия об иркутских «деревяшках». Принято считать, что деревянные дома – это неблагоустроенные, полуразвалившиеся обгорелые здания с «удобствами» на улице. Это представление, а также желание застройщиков осваивать исторический центр и невозможность не только отреставрировать все памятники деревянного зодчества, но и поддерживать их в приличном состоянии лежат на одной чаше весов. На другой – уверенность архитекторов, искусствоведов и историков в уникальности деревянного наследия Иркутска и мнение значительной части иркутян, что именно «деревяшки» создают самобытность города.

Полемика о деревянном Иркутске ведется уже несколько десятилетий и давно напоминает сотрясение воздуха. Тем временем ситуация меняется: одни деревянные дома сгорают, разбираются и исчезают, другие начинают жить новой жизнью. Их снимают под офисы небольшие компании, ремонтируют, чтобы открыть кафе или магазин, реставрируют и устраивают мастерские. В этом случае риторический вопрос «А вы сами стали бы здесь жить?» можно превратить в другой: «В чем особенность жизни и работы в деревянном доме, дает ли это какие-то возможности и какие возникают трудности?»

Эта статья – о трех семьях, проживающих или работающих в деревянных домах. Первая история достаточно распространенная: семья живет в деревянном доме в центре города и не собирается ни менять, ни продавать свою квартиру. Вторая посвящена одному из первых домов, который сначала был жилим, а затем вместил в себя семейное предприятие. Третья связана с мечтой многих архитекторов, художников, ремесленников – иметь просторную мастерскую в центре города.

История первая. В этом доме семья Гольдбергов живет больше ста лет. Сегодня его обитатели – наш собеседник Григорий Александрович, его жена и семьи обеих дочерей. До революции дом был частью усадьбы из двух домов, которая принадлежала известному иркутскому купцу Кузнецу, и сдавался внаем.

«В 1916 году мой дедушка женился на моей бабушке (будущей, конечно), они сняли здесь комнаты». Григорий Александрович предполагает, что дому больше ста лет:

«Бабушка рассказывала: в девятьсот шестнадцатом они сюда заехали – он был после капремонта». В двадцатые годы оба дома были плотно заселены. На втором этаже проживает семья Гольдбергов, а первый разделен на несколько квартир. Во втором доме усадьбы еще шесть квартир, одна из которых до сих пор коммунальная.

Один из главных плюсов деревянного дома – возможность обустроить его на свой вкус. Дом отапливался русской печкой, она занимала большое пространство на кухне. С появлением центрального отопления необходимость в ней отпала, и она была разобрана. На освободившемся пространстве появилась темная комната и холодильник, было выделено место под душ, совмещенный с туалетом.

Пространство небольшой кухни разделено на две части – саму кухню и рабочий уголок Григория Александровича с различными инструментами. «Я тут изменил кое-что. Вот здесь, например, должен был быть не стол, а раковина, но нам нужен был стол. Вот здесь тоже надо было такую вот иметь штучку (шкаф-пенал. – Прим. авт.). То есть я приспособил все под свою кухню. Вот этого (уголка с инструментами) тоже не было, но это для моих лаков, красок...» – поясняет он.

В гостиной-столовой громоздкая мебель была переделана в антресоли под потолок. Старинный шкаф стоит

текст
Анастасия Репина
рисунки
Анна Моисеева /
text
Anastasia Repina
pictures
Anna Moiseeva

^ Братья Гольдберг первые в Иркутске открыли гараж по обслуживанию автомобилей

^ Братья Гольдберг сконструировали первый в Иркутске самоходный баркас, переставив на него двигатель от опять же пегово в городе автомобиля. Его они выкупили в связи с поломкой.

в квартире с момента заселения, но остальное пришлось убрать. «Почему? Потому что они громадные были, занимали очень много места. Вот тут был большущий... буфет его называли, так вот от этого буфета я только дверки использовал для антресолей. А так он выступал и занимал место – метров пять-шесть, наверное».

Из квартиры имеется выход на остекленную веранду. «Терраса, как ее называла бабушка, до ремонта снаружи вся была покрыта резьбой. У нас в 76–77 годах был капремонт – убрали печки и всю резьбу». Весной на террасе выращивают рассаду, а летом иногда ночуют. Несколько лет назад возникла идея достроить мансардный этаж для увеличения жилой площади, но необходимого разрешения получить не удалось.

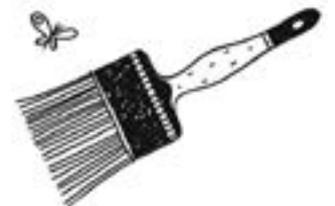
Со временем деревянные окна были заменены на пластиковые. «Окна современные. Я их поменял лет семь или восемь назад. Сам ставил! Если бы ставила организация, двенадцать с лишним тыщ стоило бы каждое окно. Я говорю: «А если я буду их выкупать и сам ставить?» «Тогда пять сто». То есть я сэконоил довольно приличную сумму. Ну, это не за раз конечно, это было последовательно... Окнам-то было столько же лет, сколько самому дому, поэтому я их все заменил».

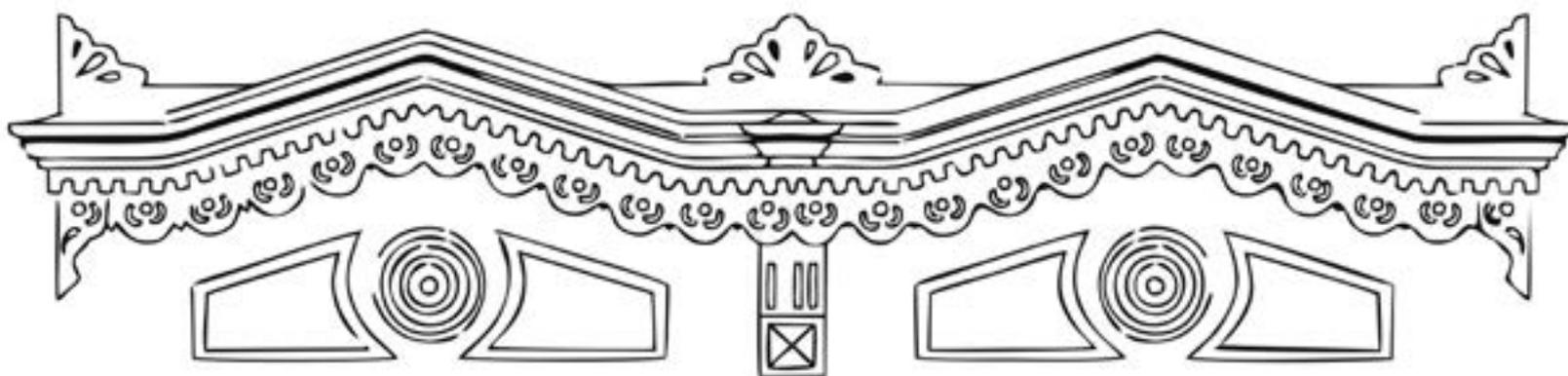
Живя в деревянном доме, можно почувствовать себя хозяином не только в квартире, но и во дворе. Двор усадьбы имеет два выезда – с деревянными воротами на

улицу и с коваными – в соседний двор. Два дома, расположенные в усадьбе, имели свой двор с хозяйственными постройками. Со временем постройки были снесены. При строительстве многоэтажного дома по соседству деревянный забор с воротами был восстановлен, а территория двора благоустроена. Сейчас двор закрыт, им пользуются только жители – как автостоянкой. Свободного места от машин остается немного, но зимой Гольдберги заливают горку для детей.

Для Гольдбергов эта квартира стала настоящим семейным домом, а пару лет назад старшая дочь, уже со своей семьей, приобрела квартиру по соседству. Теперь Гольдберги вместе с дочерьми занимают весь второй этаж.

История вторая. Кафе «У бабули» находится в самом центре города и занимает одну из трех квартир в небольшом одноэтажном доме. В 1987 году Александра Николаевна Седых продала дом в Усолье-Сибирском и переехала вслед за дочерью в Иркутск. Она купила однокомнатную квартиру в деревянном доме рядом с клиникой, в которую устроилась на работу. Дочь с детьми жила в другом районе, но затем переехала к маме. В девятых нужно было как-то зарабатывать, и женщины стали выпекать пирожки и продавать их в ближайших офисах. Затем к пирожкам добавились обеды, со временем спрос вырос и обеды уже не разносили по офисам, а продавали прямо из дома. А в 2001 году семья переехала, к квартире

был сделан пристрой и открылось кафе. Сейчас в кафе трудится три семьи, дети и взрослые проводят здесь большую часть дня.

Сложностей с коммуникациям, по словам Ольги (внучки), не возникло: «Отопление здесь уже было. Горячую, холодную воду подвели. Начали с кухни, поставили раковину, вытяжку... Сами все, все своими руками сделали. Потихоньку, шаг за шагом получалось кафе».

Статус объекта культурного наследия осложняет процесс ремонта, в котором дом нуждается постоянно.

Любовь Геннадьевна: «Все упирается в «архитектуру»: с ними сложно решить вопросы. Не то что они не дают... Допустим, мы без их разрешения козырек поменяли. Он был полуразвалившийся, очень тяжелый, сильно давил на косяк. Поменяли – нас оштрафовали. Потому что ты приходишь к ним и говоришь: «Мне надо поменять козырек». Они тебе предлагают ряд фирм, и ты только через эти фирмы поменять можешь. А у них цены, естественно... Дешевле штраф заплатить. Все затраты все равно на мои плечи ложатся. Мы же подписываем с ними договор, что я несу ответственность за памятник, за его ремонт – за все-все-все. Если вы даете такую ответственность нести, то давайте и право выбора. Если я могу что-то своими силами сделать, то дайте возможность. Не надо такие условия выдвигать, штрафовать лишний раз. Понимаю, да – свой бизнес. Но он не несет нам доходы миллионные».

Кроме обновленного фасада, в этом году у дома появились цветники, через два года планируется капитальный ремонт, а летом 2017-го должна открыться летняя терраса.

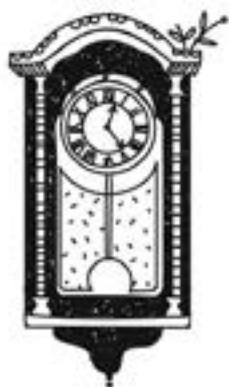
При всех сложностях, связанных с особенностями деревянного дома, он имеет много положительного. «Сейчас мы живем в квартире, а мама с бабушкой и брат – в домах. Это совсем разные вещи. Заходишь в деревянный – там дышится свободно, легко. Даже к брату приезжаю – спать хорошо, комфортно, уютно. Голова не болит, как говорится. С утра встаешь выспавшийся. Да и свой, без соседей. Тут-то столько соседей! Там бренчат, там гремят... Тяжело», – говорит Ольга.

История третья. Дом искусств и ремесел находится в «Иркутской слободе» (130-й квартал) на месте, где раньше была усадьба купца Сапожникова. Сегодня дом принадлежит семье Штанько во главе с нашим собеседником – Евгением Александровичем. В цокольном этаже расположена мастерская, в которой делают деревянную мебель и элементы декора, на первом этаже сувенирная лавка, в ней расположились произведения местных мастеров, на третьем галерея и большой стол для дружеских посиделок, творческих встреч и мастер-классов. «Планировка дома подсказала эту разбивку по функциональным зонам. В принципе, нам это все очень легло в душу, наверное, так можно сказать. Именно дом подсказал, что сделать, как сделать».

в Пианино, на котором играла мама Григория Александровича, было передано в Музей города Иркутска

^ Буфет Гольдбергов, как и другую старую громоздкую мебель, со временем пришлось убрать

В новом доме мастерская находится только четыре года, до этого на протяжении 16 лет семье приходилось арендовать помещения в разных районах города. Для Штанько дом стал постоянным местом размещения мастерской, избавив от кочевничества, бремени оплаты аренды и необходимости налаживать производство каждый раз на новом месте.

Дом был восстановлен из небольших, пригодных для использования частей когда-то существовавшей усадьбы. «Дому этому не повезло: он горел со всех четырех сторон. Внешне это был дом да дом. Начали его разбирать – одна сторона сгорела, бревен живых нет, другая, третья, четвертая. Северная сторона просто сгнила. У нас, по бревнам если говорить, старых, наверное, процентов 10–15 всего лишь осталось. На состоянии сказалось и то, что он стоял 200 лет без фундамента. Никто большие фундаменты не ставил – на «стульчиках» стоял, то есть на лиственничных бревнах».

«Цоколя не было. Когда мы дом разобрали и увезли для сборки, сделали цоколь и дом готовый стали собирать на нем. Планировку мы сохранили первоначальную. До революции пристрой сдавался в наем, поэтому было три крыльца. Мы их сохранили. После революции здесь было шесть квартир, шесть жильцов, были поставлены перегородки – они были удалены».

Удобное расположение мастерской привлекает художников. Дом не только функцией, но и особой атмосферой выделяется в 130-м квартале. «Художники и дизайнеры любят сюда приходиться: дом притягивает. И у него есть такое свойство – уходить отсюда не хочется. Беседы получаются очень долгими всегда. Приходит заказчик на 5–10 минут, у него много дел, но он в конце концов выключает телефон. В принципе-то мы ему не нужны для продолжения беседы, просто ему комфортно здесь находиться, он остановился, он расслабился, он отдыхает. Бывшие жильцы дома приходят иногда в гости, чтобы посмотреть, как он сейчас живет».

В доме не прекращается работа, хозяева постоянно обустривают его и прилегающую территорию, открывая для себя новые возможности. «Мы можем привнести в дом что-то новое. Например, у нас необычные печные трубы: мы поставили на них призмы стеклянные – и

как бы свет в космос, вид на звезды. Слуховое окошко красиво обыграли. Дом подарил совершенно неожиданно еще один этаж. Это будет чилаут (зона отдыха), мансарда. При купце Сапожникове, при других обитателях этого дома это был просто заброшенный чердак, а на самом деле это достаточно большое помещение – в полный рост свободно можно ходить. Это будет приобретение для дома. У нас в планах и скульптуры поставить авторские (мы уже присмотрели), и озеленение сделать – это все необходимо. Ну и столько уголков еще в самом доме, которые нужно декорировать, благоустраивать, наводить уют, обживать. Очень много планов. И приятно, что мы даем этому дому жить в новом качестве».

Со временем семья переехала жить в деревянный дом за городом. «Мы жили в панельных квартирах в городе. Потом построили дом, переночевали первую ночь – и остались. Переехали туда и там живем. Причем у нас были попытки приехать в город, в нашу квартиру, но уже не смогли. Это свойство человека. Дерево – это природный объект, человек – природный объект и дом – природный объект. То есть хорошая гармония. Приятно жить».

Герои всех трех историй с особым чувством относятся к своим домам. Они готовы к постоянному уходу за домом, а взамен получают бонусы – как вполне понятные жителям многоэтажек (использование двора, отсутствие множества соседей), так и те, которые для посторонних звучат почти мистически («лучше спится, дышится»). Для тех, кто выбрал деревянный дом для жизни или работы, плюсы перевешивают минусы. Одна семья живет в своем доме уже сто лет и не собирается менять его. Для двух других деревянные дома стали площадками для семейного дела, но отдохнуть от рабочего дня они уезжают не в панельные квартиры, а в купленные в пригородах деревянные дома.

Даже ограничения, связанные со статусом объекта культурного наследия, воспринимаются всего лишь как бюрократические помехи для поддержания жизни своего дома. Ключевое слово здесь «свой». Речь не столько о собственности (квартиры в многоэтажках тоже приватизированы), сколько об индивидуальности дома и индивидуальности хозяев: в деревянных домах это тесно связано.

< Лестница с мозаикой у железнодорожного лица

Сломать, убрать, оставить? / To Demolish, to Remove or to Leave as It Is?

Уличные арт-объекты – часть городской самобытности. Некоторые из них созданы по личной инициативе горожан, а не по заказу властей или бизнес-структур. Такие объекты всегда высказывание автора о том, какой он хочет видеть городскую среду. Это попытка эстетического преобразования, а часто и расстановка смысловых акцентов. Высказывание может быть принято и поддержано горожанами, а может натолкнуться на противодействие. Я попыталась проследить судьбы нескольких иркутских арт-объектов, чтобы увидеть что помогает, а что мешает им быть принятыми городом.

Счастливые лестницы

Частные инициативы в городской среде не единичны, но приживаются они не всегда. Одна из счастливых историй – украшенная керамической мозаикой лестница, ведущая от железнодорожного лица к Глазковскому мосту. Автору – тогда еще студентке политеха Елене Носовой – хотелось, чтобы она была в центре города, но такие лестницы обычно требуют серьезной реставрации, а значит, немалых средств. Среди вариантов был 130-й квартал, но отпугнул процесс согласования с собственником, тем более у некоторых лестниц не один, а два хозяина. В итоге работа началась на левом берегу.

В 2013-м о лестнице писали почти все городские СМИ, ее украшение вызвало дружное одобрение в Сети. Недовольны были разве прохожие, да и то во время монтажа, когда проход по лестнице был затруднен. Но главное доказательство того, что город работу принял, – сегодняшнее состояние отделки: она изменилась незначительно. Мозаика повреждена лишь на нижней ступеньке. Видимо, во время зимней борьбы со льдом.

Чем объяснить сохранность? Елена использовала материалы, устойчивые к морозам и механическому воздействию, в том числе намеренному, а для узора выбрала неброскую растительную тематику и приглушенные цвета, которые органично сочетаются с пространством.

Другую лестницу, в микрорайоне Университетском, летом 2016 года украсил художник Сергей Пнёв. Полтора месяца жители наблюдали, как группа энтузиастов расписывала стены пешеходной зоны, именуемой Бродвеем. Художественное решение было разработано к празднованию 355-летия города. В проект вошла роспись нескольких стен, обрамляющих лестничные порталы. Сергей подготовил эскизы, заручился поддержкой ТОС «Университетский», добился утверждения проекта.

Идея задействовать еще и саму лестницу – расписать ступени – родилась спонтанно, уже в процессе работы,

текст

Оксана Попова
фото

Оксана Попова,
Сергей Пнёв,
Полина Заславская,
Елена Носова /
text

Oksana Popova
photos

Oksana Popova,
Sergey Pnev,
Polina Zaslavskaya,
Elena Nosova

^ Университетский – до

^ Университетский – после

- > Виолончель, 2011
- > Виолончель, 2016

v Стул, 2012

v Стул, 2016

благо краски было с запасом. Прохожие, в том числе дети, предлагали свою помощь и с охотой брались за кисть. Сергей говорит, что получил огромное удовольствие от работы. Он готов предложить новые проекты и опять для конкретной городской среды.

Борьба высказываний

Хрестоматийный случай отторжения объекта – неоднократные нападения на скульптуру Ильи Ставского «Виолончель», установленную в 2011 году у Дома быта. Виолончель наделяла сквер, где часто играют уличные музыканты, дополнительным смыслом, отделявшим место от торговой улицы. Как раз смысл и подвергался нападению: ломали детали скульптуры, которые подчеркивали изящество и хрупкость искусства (смычок, деку, струны). Интересно, что скульптура приглашала к взаимодействию, игре. Игра оказалась разрушительной. После первой поломки скульптор восстановил работу, но затем устал бороться с вандалами и композицию убрали.

В 2012 году напротив Театра кукол «Аистенок» появилась скульптура «Королевский стул». Это работа еще одной выпускницы политеха – Виктории Водяскиной. Стул

^ Дракон, 2009

^ Сквер Юрия Ножикова, 2016

прижился, он вовлекал детей в игру (нужно были найти ключики, спрятанные в деталях стула и в руке короля). В театре его тоже полюбили.

Композиция ждала своего разрушителя 2,5 года. Пьяный мужчина изрубил ножки стула топором. На защиту выбежала работница театра и успела отвоевать скульптуру. Затем стул демонтировали и отдали на реставрацию. После восстановления театр хотел вернуть полюбившуюся скульптуру на прежнее место, но Виктория не решилась: «Если сломали, может, с ним что-то не так, и он опять кому-то не понравится?»

О неопределенном будущем скульптуры услышал иркутянин Сергей Попов и решил принять участие в ее судьбе. Так стул оказался на территории городской больницы № 1, рядом со студией Сергея. На новом месте композиция снова оказалась в зоне риска – слишком близко к дороге. Так было определено третье место – неподалеку от станции переливания крови. Там, под охраной, стул надеются установить в этом году и таким образом спасти его от возможных покушений. При этом доступ будет ограниченным не только для вандалов. А на месте, для которого скульптура была задумана, опять пустота.

Между берегом Ушаковки и домами по улице Поленова прячется целая коллекция объектов, среди которых скамейка-зонтик, урна с мышкой, гигантская радужная лавка. Все они созданы для взаимодействия – посидеть, потрогать, покрутить. Хранитель этого разнообразия – Светлана Ткаченко, она живет в доме по соседству.

При сдаче дома, в 2010 году, на этом месте был пустырь. Жители сбросились на песочницу и скамейки, на берегу поставили уличные тренажеры. Тогда Светлана Ткаченко была директором управляющей компании. Вскоре тренажеры были сломаны и выброшены в реку. Их вытащили, отремонтировали, поставили вновь, но уже во дворах. История повторялась несколько раз. Сейчас один из тренажеров снова на реставрации. Поломанными оказываются и другие объекты.

Но старые ремонтируются, а новые – появляются. Тем самым Светлана и ее помощники отстаивают свое высказывание, пытаются закрепить за пространством свои смыслы – дружелюбие, уют, безопасность. В борьбе с вандализмом Светлана даже находит повод для

оптимизма: в прошлом году одну из игрушек пришлось восстанавливать шесть раз, а в этом – всего два. Иногда подростками из других дворов и районов, приступающих к разрушению, удается поговорить и избежать поломки. И снова в помощь – видеонаблюдение.

Корова и дракон: разные судьбы

В центре Иркутска много пустот, их регулярно пытаются заполнить. В сквере у стоматологического центра на улице Ленина попытка удалась. И хотя некоторые смеются над скульптурным винегретом (обезьяны, символизирующие буддистский принцип недеяния зла, Биг-Бен, роденовский «Мыслитель»), это не мешает пациентам и прохожим отдыхать. На небольшом участке земли всегда чисто, комфортно, безопасно и довольно тихо, несмотря на то что в нескольких метрах шумят главные улицы города.

На скульптуры не покушаются. Возможно, из-за того, что это частная территория, а может быть, потому что они стали своими: в социальных сетях регулярно появляются

v Набережная Ушаковки, 2016

> Сквер у стомцентра,
2016

фотографии иркутян и туристов в обнимку с кем-то из обитателей сквера, да и местные «философские» скульптуры не вызывают заметной активности и у любителей идеологических разоблачений.

Зато Дракон, живший в сквере на углу улиц Горького и Сухэ-Батора, был изгнан. До его появления сквер пустовал. Вера Кондратьева, профессиональный кузнец, сделала городу подарок, имея в виду, что это восточный символ удачи, богатства и процветания. Совсем рядом располагался офис компании, которую организовали Вера с мужем, и Союз кузнецов, поэтому за драконом следили, подкрашивали, высаживали вокруг цветы.

Вскоре в Драконе нашли другие смыслы. Одни воспринимали его как рекламу японского ресторана через дорогу (кстати, он исчез вслед за драконом). Другие считали, что скульптура установлена в честь мэра, родившегося в год Дракона. Третьи высказывались категорически против неправославного символа и предлагали его демонтировать либо установить рядом скульптуру Георгия Победоносца. Пока взрослые высказывались, быть или не быть Дракону, дети с удовольствием играли с ним. Но, в отличие от скульптур в сквере у клиники, он не устоял.

Может быть, потому, что находился в открытом пространстве, у всех на глазах. А может, поселился слишком близко к центральной площади города, несущей административные смыслы. Когда к городским властям обратились с предложением разместить на месте дракона сквер памяти первого губернатора Иркутской области Юрия Ножикова, предложение было принято: в центре города более уместна память об исторических лицах, чем мифи-

ческое существо. Дракона демонтировали, хотя мнение горожан не было так однозначно. Сайт Irk.ru предложил своим читателям вместе выбрать новую площадку для него. Большинство комментаторов было за то, чтобы отреставрировать скульптуру и оставить на своем месте, а для губернаторского сквера найти другое место.

Но место пришлось искать Дракону. Сейчас он, отреставрированный, расположился на территории больницы восстановительного лечения РЖД на Байкальском тракте. Рядом – центр тибетской медицины. Мифический и практический Восток теперь дополняют друг друга. В центре Иркутска, географически близкого к великим восточным культурам, символы Востока пока вызывают слишком много раздражения.

Законы выживания

Почему одним арт-объектам удается выжить, а другие исчезают? Значительно больше шансов на продолжительную жизнь у инициатив, удачно вписанных в среду: они не раздражают, выглядят гармонично. Неприметность защищает от вандалов: чем ярче объект, чем больше выдающихся объемных деталей, чем отчетливее заявленный смысл, тем больше риск, что город (хулиганы-разрушители или идейно несогласные) его не примет. Здесь может помочь упорство создателей в восстановлении разрушенного, хотя иногда кажется, что эффективнее работает не убеждение, а контроль: объекты защищает закрытая территория и камеры наблюдения.

Значит ли это, что у свежего взгляда художника или любого другого горожанина нет перспектив без заборов и охраны? Шансов будет заметно больше, если автор заразит других желанием украсить город или привнести новые смыслы и если эти смыслы будут понятны и приняты горожанами как свои. Когда иркутяне станут не просто адресатами или наблюдателями изменений, но их соавторами, им будет небезразлична их судьба.

Конечно, даже принятая, как Дракон, работа, может оказаться менее значимой, чем контекст – устойчивые связи и привычные свойства выбранного места. Но пока есть частные инициативы, всегда остается шанс убедить, сделать пространство привлекательным и переопределить его смыслы.

Свой чужой двор / Our Unfamiliar Backyard

Мое путешествие по дворам пришлось на август. Прекрасное время: тепло, солнышко, каникулы, во дворах должна кипеть жизнь. Я стараюсь сделать исследование, поэтому, хотя мне и проще говорить визуальными образами, ставлю перед собой несколько вопросов. Какие они – современные дворы? Чем похожи, чем отличаются? Исчезают или трансформируются? Зависят ли от того, в каком районе живут?

Первый двор, в который я попала, находится в современном жилом комплексе и ему не больше года. Он холодный. Бетонный. Безликий. Нет, у него есть лицо, но оно мне не понравилось. Там было все – лавочки, волейбольная и баскетбольная площадки, качели, что-то еще для ребятни. Не было только ребятни. Мне даже стало жаль одинокого мальчишку, запертого на ключ в этом пространстве для спортивных игр. Видно было, как ему скучно среди этих фонарей с нарисованной у основания травкой. Ему было неуютно, и мне тоже. Это не мой двор. Идем дальше.

В этом старом дворе нет ничего особенного. Из всех украшений – самодельный грибок из пенька и покрашенного красной краской старого тазика. Но именно туда хочется вернуться осенью, чтобы посмотреть на ковер из разноцветных листьев, а зимой – полюбоваться графикой

деревьев и ступеней старой лестницы. Моим глазам здесь хорошо.

А вот сюрприз. Очень живописная дорожка вдруг привела в Питер. Те же арочные переходы, гулкие шаги по асфальту, эхом отдающиеся в разных сторонах двора, голуби, и местный кот прячется под машиной. Я и забыла, что в Иркутске есть такой двор-переход с особой атмосферой. Задержалась надолго: очень фотографично, я бы даже сказала – кинематографично.

Дворы деревянных и малоэтажных каменных домов особенные: здесь чувствуется жизнь. Видно, что для их жителей двор – это не просто территория, по которой приходишь к своему дому. Это их пространство, и к чужим оно относится даже враждебно. Мне показалось, что, чем ближе к центру район, тем враждебнее двор. И я его понимаю: слишком много посторонних – как людей, так и машин – пытаются в него проникнуть. Вот он и отгораживается всеми способами – цепями, картонками, заборами, прячет своих обитателей от посторонних глаз.

Дворы хрущевки. Мне они ближе и понятнее. Наверное, потому, что в таком дворе прошло мое детство. Но они тоже разные. Этот уютный, а тот – нет. Почему один двор находит эмоциональный отклик в моей душе, а другой нет? Не знаю. Может быть, все дело в качелях?

текст

Светлана Бандурка
фото автора /
text and photos
Svetlana Bandurka

Старые, скрипучие, железные. И небо над ними вот-вот перевернется. Я их помню, это из детства. Это из моей жизни. Или песочница-грибок – от нее тоже теплеет на душе.

Именно в таких дворах есть свои тети Сони, бабы Веры, дяди Коли, которые делают двор индивидуальным. Потому что только у дяди Коли голубятня, у тети Сони – семь сосенок и георгины, а у бабы Веры уже 15 лет цветет роза и тапинамбур в старых резиновых колесах. Когда уйдет поколение советских энтузиастов, дворы осиротеют. Валентина Николаевна, с которой я познакомилась во время прогулок, сказала: «Из своих только я осталась, остальные – квартиранты».

Еще дворы умеют разговаривать. Вроде бы безлюдно, но мы видим, что Маша любит Сашу, Варя обиделась, а дворник Фарид тоскует по родине. Так двор говорит с нами, приоткрывает дверь в свою жизнь.

И конечно, во дворах живут машины. Чем новее и выше дом, тем больше машин живет в его дворе. Что может предложить такой двор своим жителям? Только парковку да небольшое пространство в центре с однотипными горками и песочницами для дошколят, гордо именуемое детскими площадками. А может, больше ничего и не надо? Может, это уже пережиток прошлого – все эти в форточку: «Вовочка, пора домой!», «Костя, сбегай за кефиром!», «Палыч, как на счет партии в домино?»

Мир меняется, меняются и дворы. А может, когда-нибудь, зайдя в любой двор, снова можно будет посидеть с книжкой из дворовой библиотеки и увидеть на доске новостей, что у Кати и Миши из 35-й квартиры родился сын, а у Петра Ивановича из 7-й послезавтра юбилей.

Тихо, почти пустынно. Лето – это отпуск для дворов. Но это сегодня, а завтра в этом дворе, может, будет кипеть жизнь и все будет по-другому. Там, где мне было грустно, станет весело, и наоборот.

Выходит, что никакого исследования у меня не получилось. Но я поняла, чтобы узнать, жив ли двор, надо в нем жить. Надо видеть его утром, вечером, днем и ночью, зимой и летом. Только тогда можно понять, какой он, именно этот двор. Потому что другой двор – это другая жизнь. И, да, пусть качели останутся, даже скрипучие. Если я слышу их скрип, значит, двор жив.

Иркутские тропы / Irkutsk Paths

текст
Нина Морозова
 фото автора /
 text and photos
Nina Morozova

> Рис. 1

Люди ходят по городу. Спешат по своим делам или просто гуляют. Они выбирают маршрут. И этот маршрут далеко не всегда проходит по вымощенным плиткой тротуарам или отсыпанным гравием дорожкам. Логика архитектора, нарисовавшего на плане круг, может не совпадать с логикой горожанина, спешащего на работу или домой. Предписанный маршрут не обязательно является самым удобным или самым коротким. И тогда появляется параллельная сеть дорожек и троп, отражающая реальный сценарий жизни горожан.

Почему люди выбирают неофициальные тропинки? Самое простое объяснение – так они экономят время и силы. Часто даже не задумываясь, они срезают углы и идут напрямик к намеченной цели. Бывает, «экономия» составляет всего шаг или два. И это выглядит смешным и даже нелепым, но не все так просто, как кажется на первый взгляд.

Как-то в социальной сети «ВКонтакте» обновили видеокаталог и, чтобы привлечь к нему внимание пользователей, сделали так, чтобы он открывался при переходе во вкладку «Мои видеозаписи». В результате добраться до списка своих роликов можно было только через видеокаталог и один дополнительный клик. Казалось бы, один клик. Но что тут началось!

Недовольных была масса. Мне самой страшно не понравилось нововведение, которое нарушало логику интерфейса: все остальные вкладки вели туда, куда и должны вести. «Мои аудиозаписи» – к списку аудиозаписей, «Моих друзей» давали доступ к списку друзей, а «Мои группы» – к группам. И только путь к видео стал длиннее на один шаг. Избежать этого шага было невозможно, что тоже очень раздражало. Многочисленные обращения в техподдержку вынудили «ВКонтакте» пойти на уступку – добавить в видеокаталог полосу прокрутки с видеозапи-

> Рис. 2, 3

^ Рис. 4

^ Рис. 5

сями пользователей, но это была лишь полумера. В итоге перестала пользоваться этим разделом и перешла на другой видеохостинг.

Что-то похожее, но в больших масштабах происходит и с официальными дорожками: если они проложены по неудобному для горожан маршруту, то могут очень быстро зарости травой и стать частью природного ландшафта. Как, например, лестница к главному входу одного из корпусов Иркутского государственного университета (рис. 2).

Возможно, композиционно это решение и было оправдано, но жизнь распорядилась иначе: студенты выбрали более короткий путь от остановки общественного транспорта до места учебы. Классика жанра – вытопанные углы на пересечении официальных дорожек. Было бы даже странно, если бы их не было. И дело тут не в экономии, а в естественности движения (рис. 3, 4).

А что заставляет горожан протоптывать дорожки параллельно официальным? За возникновением таких тропинок чувствуется вполне осознанный выбор (рис. 5).

Возможно, кто-то просто не хочет идти рядом с дорогой и дышать выхлопными газами, кто-то избегает других пешеходов, выгуливая собаку, кому-то эти же пешеходы мешают делать пробежку. В любом случае, когда городская среда не соответствует запросам горожан, они сами начинают ее менять, утверждая свое право на выбор.

Как видите, за одним шагом, как и за одним кликом, может скрываться целая история, живое отношение к окружающему миру и подчас довольно непростые решения. И в данном исследовании я попыталась понять, что стоит за направлениями, которые выбирают люди, протоптывая тропинки, как взаимодействуют официальные дорожки и «народные», что происходит с тропинками с течением времени и как реагирует на них город.

Сквер Кирова (рис. 6)

В самом центре Иркутска, в сквере имени Кирова, от пешеходного перехода к фонтану тянется даже не тропинка, а широкая дорога, протоптанная сотнями, если не тысячами ног жителей города. Кажется, она существовала всегда. Люди всегда шли от остановки «Иняз» через сквер в сторону цирка и к улице Карла Маркса. Тем

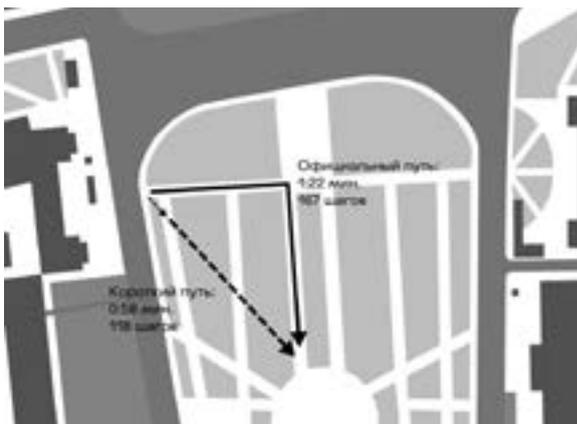

< Рис. 7

не менее в 2007 году, когда сквер реконструировали, эту дорогу «не заметили». Возможно, не захотели нарушать симметрию, видимую только с высоты птичьего полета, или понадеялись на сознательность граждан. Так или иначе дорога продолжает существовать и, кажется, только становится шире (рис. 7).

А после реконструкции к ней добавилась еще одна тропинка, срезающая угол в том же направлении (рис. 8).

Таких тропинок в городе много. Взять хотя бы небольшой сквер по улице Чкалова. Или площадь перед цирком.

< Рис. 6

^ Рис. 9, 10

Они были благоустроены совсем недавно, но горожане уже успели внести свои коррективы в их планировку (рис. 9, 10).

Доставшаяся в наследство от советской архитектуры ортогональная планировка до сих пор господствует в иркутских парках и скверах. Логика такой планировки настолько оторвана от ежедневной действительности горожан, что создается впечатление, что она существует в параллельной реальности. Стоит ли удивляться тому, что люди отказываются ходить так, как предписано?

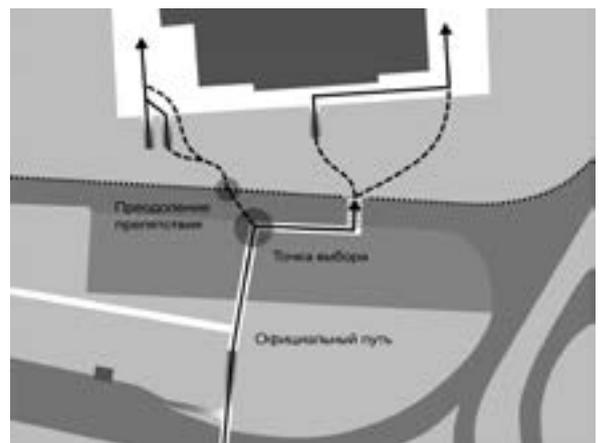

Академическая (рис. 11)

Город меняется. И меняет привычный сценарий жизни своих жителей. Пространство города застраивается, благоустраивается, присваивается или остается «диким». Ломаются старые маршруты, создаются новые. Жители города адаптируются к переменам и адаптируют перемены к себе.

Еще двадцать лет назад между Академгородком и Студгородком ничего не было. Однако с началом строительства нового моста через Ангару в конце 90-х ситуация начала стремительно меняться. Кроме транспортной развязки и дороги, связавшей Академический мост с микрорайонами Первомайским и Университетским, на вчерашних пустырях появились новое здание библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского и Ледовый дворец. Жителям Академгородка, привыкшим пешком добираться со станции Академическая до дома, пришлось строить новый маршрут.

Маршрут этот начинается со станции, проходит по виадукту над объездной дорогой Первомайский – Университетский, далее – по асфальтированной дорожке и упирается в старую дорогу, соединяющую улицы Лермонтова и Старокузьмихинскую. С противоположной стороны вдоль дороги тянется металлическое ограждение, в тридцати метрах справа расположен пешеходный переход.

> Рис. 8
> Рис. 11

< Рис. 14, 15

За дорогой и ограждением на холме, поросшем бурьяном, стоит недостроенный Ледовый дворец (рис. 12).

И перед пешеходом встает выбор: обойти дворец справа, по пешеходному переходу, или слева... Пойдите, ведь там же забор! Но ничто не остановит человека на пути к намеченной цели.

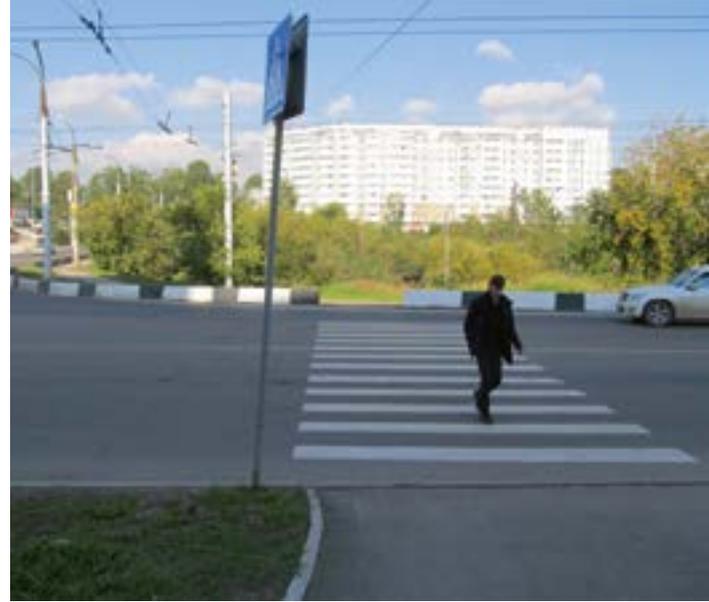
В настойчивом желании пройти выбранным маршрутом жители города бывают довольно изобретательны: поскольку неофициальный путь стал для многих привычным, кто-то даже положил камни с обеих сторон ограждения, чтобы было удобнее через него перебираться (рис. 13).

На этом испытания не заканчиваются: территория вокруг Ледового дворца благоустроена лишь частично, пассажирам электрички (и не только им) приходится самостоятельно прокладывать дорожки к лестницам с северной стороны дворца (рис. 14. 15).

Конечно, рано или поздно к лестницам подведут дорожки, старую автомобильную дорогу, возможно, закроют, а ограждение уберут. Нам остается только надеяться, что при этом будут учтены «пожелания» горожан и новая среда будет более дружелюбной к своим жителям.

< Рис. 12, 13

^ Рис. 19, 20

> Рис. 16

Юбилейный (Рис. 16–18)

Похожая ситуация была в микрорайоне Юбилейном. В начале 90-х годов прошлого века новый участок улицы Захарова связал Юбилейный с Приморским. По нему пустили новый маршрут троллейбуса. Жители Юбилейного тоже начали пользоваться новой дорогой – с остановок «Мухиной» и «Захарова» проще уехать, а рядом расположена спортивная школа, чуть дальше – музыкальная и

Дом детского творчества, а также пляж Якоби. Вот только вдоль нового участка дороги с обеих сторон установили бетонное ограждение, которое на несколько метров заходило на объездную дорогу вокруг Юбилейного. И, как и в случае с Академической, жителям микрорайона не оставалось ничего другого, как перебираться через ограждение. Это продолжалось несколько лет, пока кому-то в голову не пришла светлая мысль убрать один из блоков ограждения. Спустя еще несколько лет напротив проема установили пешеходный переход, а дорожку до остановки «Мухиной» с правой стороны дороги заасфальтировали (Рис. 19, 20).

История на этом не закончилась. В начале 2015 года на въезде в микрорайон, слева от улицы Захарова, был открыт торгово-развлекательный центр «Юбилейный». Строители заранее позаботились об удобстве потенциальных посетителей центра: были перенесены остановочные пункты и пешеходный переход. Немного просчитались с шириной тротуара, ведущего к пешеходному переходу – с кем не бывает. Зато быстро исправились (Рис. 21).

Но жизнь не стоит на месте. Ситуация продолжает развиваться. В начале ноября в торгово-развлекательном центре открывается новый фитнес-клуб, вход в который расположен в торце здания. Будут ли посетители

> Рис. 17, 18

^ Рис. 21

^ Рис. 22

фитнес-клуба дисциплинированно придерживаться официального маршрута или попробуют сократить путь – покажет время. Нам остается только наблюдать.

...

На Западе существует такая практика: в новом сквере сначала засеивают газон и ждут, когда появятся тропинки, проложенные жителями близлежащих домов: от дома к остановке общественного транспорта, от аптеки к магазину и так далее. «Официальные» дорожки прокладывают уже по ним. У нас эта практика тоже потихоньку приживается: «народные» тропинки были благоустроены в Студгородке, а та самая, альтернативная, студенческая, тропинка у госуниверситета стала лестницей (Рис. 22, 23).

В рисунке «народных» троп есть своя логика и эстетика. Они могут многое рассказать о горожанах, их повседневной жизни. Возможно, о тропинках не стоит думать как о проблеме, которую нужно непременно решать. Большую «тропинку» в сквере Кирова, конечно, нужно облагородить, а вот маленькую между ограждением и светофором я бы оставила – как «пасхалку» для внимательного пешехода, как часть культурного кода нашего города. То же можно сказать и о других «народных» тропинках. И еще, возможно, решение о том, придавать им официальный статус или нет, должны принимать сами жители. Единственное, чего не стоит делать по отношению к неофициальным дорожкам, – это игнорировать их.

^ Рис. 23

Город как детская площадка / The City as a Playground

текст

Светлана Хаирова
фото автора /
text and photos
Svetlana Khairova

Мы стояли на улице Герцена и махали машинистам проезжавших поездов. Мы спустились к лодочной станции, поглазели на лодки, пообщались со сварливой собакой. Дети бросали камни в реку, а потом залезали на песчано-каменную кучу и слезали с нее. К машине вернулись прямо через рельсы, нашли во дворах недостроенный корабль, а потом снова махали машинистам. Я думала: «Детям не нужны искусственно созданные игровые площадки. Город – одна сплошная площадка. Не нужно развлекать детей специально, нужно просто запустить их в город – и они найдут, чем заняться».

Права ли я? Интересен ли детям город и что именно им в нем интересно? Лично и через родителей я расспросила 26 детей в возрасте от 6 до 12 лет. В 6 лет дети уже достаточно независимы от родителей, способны проявлять интерес к миру, а после 12 уже слишком самостоятельны, их отношения с городом обусловлены скорее подростковыми стремлениями, чем интересом к месту обитания.

Я задавала детям вопросы: что интересно им в городе, какие у них любимые места, где они любят бывать и куда (и почему) они повели бы гостя – ребенка одного с ними возраста, который ни разу не был в Иркутске, чтобы пока-

зать город? Последний вопрос позволяет узнать об интересах ребенка, которые он по какой-то причине не готов признать как свои, и получить более объемную картинку за счет взгляда под иным углом. Надо сделать поправку на то, что опрос я проводила летом, поэтому в основном дети называли места, которые посещают в теплое время года. Также важно, что я беседовала с теми, кто входит в мой круг общения, и это, несомненно, повлияло на результаты. И все же обнаруженные тенденции в целом можно распространить на всех иркутских детей, независимо от уровня достатка их семей. Итак, что интересно детям в городе?

Набережные

«Средняя» набережная. Она же бульвар Гагарина, она же «набережная, где Александр». Средняя потому, что есть Верхняя и Нижняя. Пожалуй, эта часть набережной – одно из любимых детских мест в Иркутске. Здесь прямая ровная дорожка, по которой хорошо катиться на велике, роликах или самокате да и просто бегать тоже отлично. Здесь можно спуститься к воде и побросать камни в Ангару.

«Любимое место – набережная, там много батуты и развлечений» (Соня, 8 лет); «Любимое место – набережная, потому что там можно покататься на велике, посмотреть на рыбок и рыбаков» (Настя, 7 лет); «Я бы повел гостя на набережную, где памятник императору русскому Александру Третьему, потому что там красиво и я люблю там гулять, бегать и смотреть на реку» (Артем, 8 лет).

Дети часто называют Вечный огонь, когда имеют в виду Нижнюю набережную. Его название им, видимо, проще запомнить. Здесь тоже катаются на велосипедах и роликах, дети помладше любят детскую площадку с качелями, горкой и батутами: «Я хочу по всей набережной на велике прокатиться, по Нижней и той, где памятник» (Дима, 8 лет); «Любимое место – Нижняя набережная, потому что там красиво, есть ребята и площадка игровая, а еще там можно кататься на велосипеде» (Артем, 8 лет).

Торговый центр «Модный квартал» и 130-й квартал
Совершенно не детское, казалось бы, место, очень популярно у ребят 10–12 лет, особенно у девочек.

Объясняется это, видимо, тем, что в их возрасте хочется почувствовать себя взрослыми, а ходить по магазинам и в кафе – это как раз признак взрослости. Мальчишки отмечают возможность сходить в музеи – «Экспериментарий», планетарий, «Детский музей».

«Я люблю бывать в «Модном квартале»: там весело, можно пошариться по магазинам, погулять, сходить в кино» (Лиза, 12 лет); «Мне нравится 130-й квартал – музеи, рестораны, покататься на велосипеде там можно или на роликах, можно сходить в кино. Еще люблю заходить в магазины и прыгаю там на батуте, он до 12 лет» (Стас, 12 лет).

Фонтаны

Младших фонтаны привлекают возможностью намочнуть целиком или частями. Те, кто постарше, ценят еще и красоту струящейся воды и обстановку. Лидер – фонтан из земли возле музея истории Иркутска. Когда трое мальчишек восьми лет, страшно голодные после прогулки по старым иркутским улочкам и направившиеся в сторону кафе, оказались неподалеку от этого фонтана, желание сходить к нему пересилило голод.

«Мое любимое место – фонтан из земли. Я бы хотел, чтобы больше таких фонтанов было в городе. Я люблю в нем купаться» (Максим, 8 лет); «Мне нравится фонтан из земли: там весело и мокро» (Ревекка, 8 лет); «Мне нравится фонтан возле цирка, потому что там мостик, и можно с него сверху смотреть на фонтан» (Аня, 8 лет); «Мое любимое место – фонтаны возле танка. Мне нравится смотреть на фонтаны, они красивые. Мне нравится мочить в них руки и кидать монетки» (Максим, 8 лет).

Танк на Советской, военные машины возле Дома офицеров на Карла Маркса

Эти совершенно не детские по смыслу места в числе лидеров в ребячьих списках любимых мест: там можно лазить. О том, зачем в городе танк и военные машины, они даже не задумываются.

– Тимур, – спросила я своего семилетнего сына, – где интересней лазить: во дворе или на танке?

– На танке! Во дворе вообще скучно!

«Я бы повела гостя по нашей улице, Советской. На ней есть танк, по нему можно лазить» (Настя, 8 лет).

Зоопарки

Зоопарк – любимое место только у девочек. Возможно, в любви к животным проявляется материнский инстинкт. Они любят ходить и в контактный зоопарк, где можно с толком распорядиться принесенной с собой морковкой, и в классический возле кукольного театра. К зоопаркам можно приравнять ипподром, потому что дети ходят туда скорее для общения с животными, и зоомагазин, куда я сама вожу детей и где можно встретить необычайной раскраски птиц и удивительной пушистости морских свинок.

«Мне очень нравится в контактном зоопарке в Ботаническом саду. Там можно погладить, покормить животных. Там очень красиво, есть где погулять и пофотографироваться. А еще люблю ходить на ипподром, там тоже можно покормить лошадей и покататься» (Вика, 8 лет).

Иркутск для гостей

Я спрашивала детей, куда они повели бы гостя, чтобы показать Иркутск. Оказалось, что ребятам важно показать городскую самобытность. Они называли места, которые считают уникальными, существующими только в Иркутске. Еще одно общее стремление – показать город с высоты. Это тоже имеет отношение к специфичности, ведь каждая планировка уникальна, а вид с высоты дает представление о городе в целом.

Шестилетняя Ксения как-то сказала маме, что для герба Иркутск лучше бы подошла речка, потому что в Иркутске это самое главное: «Гостя я повела бы в планетарий, в экспериментарий и нерпинарий, потому что магазины и кафе в других городах есть, а таких мест – нет».

«Я повел бы гостя к бабру в 130-й квартал. Почему? Ну, потому что это символ Иркутска» (Тимур, 7 лет); «Я повел бы гостя на плотину ГЭС, на какие-нибудь два самых высоких здания в городе, с них будет весь город видно» (Артемий, 9 лет); «Друга сводил бы на Пик любви, так как там красивый вид и весь город видно» (Максим, 8 лет); «Если бы ко мне в гости приехала подруга или друг, я бы обязательно с ними сходила в нерпинарий, потому что нигде нет нерпинариев, только дельфинарии. А нерпочки такие красивые и умные» (Вика, 8 лет); «Гостя повел бы в Лимнологический музей в Листвянке, потому

что там интересно рассказывают про Байкал (а Иркутск рядом с Ангарой – единственной рекой, которая вытекает из Байкала, поэтому это важно показать гостю). Еще пошел бы в музей истории Иркутска: там рассказывают, как создавался Иркутск, как все было раньше. Еще отвел бы гостя в центр города, где рынок и магазины, чтобы гость знал, где что купить» (Артем, 8 лет).

Детские ответы на вопросы о том, что им интересно и где они любят бывать, меня озадачили. Я ожидала услышать что-то вроде «мне нравится просто ходить по улицам и везде заглядывать». Мне казалось, природное детское любопытство поведет их в закоулки, в подвалы и на крыши, высматривать и выспрашивать. Я была уверена, что все дети – исследователи по природе своей. Оказалось, что интересом к городу, к его исследованию, так же как и любым другим интересом, вовсе не обязан обладать каждый. Одному нравится кататься на велосипеде, другому – на роликах, третьему – рассматривать червячков в микроскоп, а четвертому – исследовать пространство вокруг себя.

Обычно дети не исследуют город. Иногда они его не замечают (двор, где можно гулять с друзьями, настолько соответствует их интересам, что большего и не надо: все важное до определенного возраста сосредоточено здесь). Чаще всего просто используют, чтобы удовлет-

ворить свои потребности – в движении, в красоте, в общении. Дети потребляют город. С одной стороны, они копируют родителей, с другой – действуют в заданных ими границах. Часто ли мы, взрослые, просто бродим по городу, любопытствуя, узнавая его и радуясь ему? Иногда нам просто некогда гулять, а чаще сила привычки не позволяет сойти с проторенных троп.

Мы всюду ездим на машине: так проще транспортировать ребенка из точки А в точку Б и обратно. Удивительно, но общественный транспорт все чаще воспринимается и родителями, и детьми не как способ перемещения по городу, а как развлечение. Наконец, мы боимся за детей, и в массе своей они лишены свободного гуляния, в процессе которого и можно узнать город, освоить его и присвоить.

«Мои дети, когда видят трамвай, просят на нем прокатиться. Это для них аттракцион» (Ольга, мама девятилетнего Артема и одиннадцатилетней Алины); «Мы все время на машине. Я поняла, что мы совсем не гуляем по городу. Мне кажется, моя дочь даже не знает, что такое улица – где у нее начало, где конец» (Ольга, мама шестилетней Ани); «Мы сами оставляем детей дома и идем по делам, не показываем им ничего, ходим по одной дороге, не думаем о том, чтобы выйти за рамки. Это даже не нехватка времени, это какая-то зашоренность. Я осознаю это уже какое-то время. Осознание – это хорошо, значит, будем что-то менять» (Наталья, мама десятилетней Олеси); «Милана затруднилась ответить, куда повела бы гостя! Она говорит: «Ты же всегда придумываешь, куда пойти». Я озадачена прямо. Надо дать ей больше свободы выбора в этом деле...» (Анастасия, мама восьмилетней Миланы).

Все современные дети рано или поздно научатся пользоваться общественным транспортом и запомнят названия нужных им улиц. Иначе просто не может быть. Возможно, им встретятся друзья, учителя, книги, которые пробудят в них интерес к городу, его улицам, домам, традициям. Но родители могут уже сегодня спросить своего ребенка о том, что ему интересно в городе. Вполне вероятно, его ответ удивит, позволит чуть-чуть лучше узнать ребенка, заставит задуматься, а может быть, разбудит интерес к городу у самих родителей.

объект номера / object of the issue
Культурно-развлекательный комплекс в Улан-Удэ /
The Cultural and Entertainment Complex in Ulan-Ude

IMAX

КУЛЬТУРНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В УЛАН-УДЭ

Участок, отведенный под строительство комплекса, располагается в юго-восточной части парка «Юбилейный» в Октябрьском районе столицы Бурятии Улан-Удэ. Площадь отведенного участка под застройку составляет 0,7176 га. С южной стороны участок примыкает к улице Жердева, с северной – к парку «Юбилейный», с запада располагалось уже существовавшее здание торгово-развлекательного комплекса, с востока находится улица Краснофлотская. Форма и расположение участка обусловили конфигурацию и повлияли на внешний вид нового здания. Объем здания представляет собой параллелепипед с выступающим эллипсоидной формы в плане элементом. Трехэтажный переход соединяет старое здание с новым, что позволяет оптимально эксплуатировать здания в комплексе.

Габариты здания приняты исходя из градостроительных условий застраиваемой площадки в соответствии с принятыми архитектурными, инженерными и технологическими решениями. Имеет размеры в осях по створу ул. Жердева 102,45 м, со стороны ул. Краснофлотской – 33,3 м. Здание 5-этажное. Высота здания по фронту ул. Жердева от планировочной отметки земли по отметке парапета кровли – 26,26 м. Высота по фронту ул. Краснофлотской от планировочной отметки земли по отметке парапета составляет 28 м. При размещении на участке здания решался целый ряд градостроительных задач, в том числе формиро-

вание застройки улиц Жердева и Краснофлотской, формирование комплекса зданий культурно-развлекательного центра, создание комфортной городской среды на прилегающей территории.

Здание запроектировано в современном стиле. Угол здания на пересечении улиц Жердева и Краснофлотской акцентирован объемом, имеющим в плане эллипс. Фасад по улице Жердева концентрирует внимание посетителя на входном узле, решенном в виде портала и выделенным наружными стенами под углами в разных плоскостях. Эти современные композиционные приемы в построении фасадов подчеркивают отдельные части здания и создают запоминающийся образ.

Функциональное назначение – современный культурно-развлекательный центр с концентрацией разноплановых форм отдыха и торговых площадей, таких как кинотеатр, игровая зона, зоны аттракционов, быстрого питания, массажные услуги. Центр позиционируется как лучшее место one-stop-shopping для удовлетворения повседневных потребностей семей с детьми.

Технико-экономические показатели

Общая площадь.....	20 703,97 м ²
Полезная площадь.....	219 052,32 м ²
Расчетная площадь.....	216 068,57 м ²
Площадь застройки	4 109,58 м ²
Строительный объем	
выше отметки 0 –	90 930,27,
ниже отметки 0 –	13 396,36
Площадь участка	7 176 м ²

КОММЕНТАРИЙ АРХИТЕКТОРА

АЛЕКСАНДР МАРЕНИЧ, архитектор

На месте, предназначенном под строительство комплекса, несколько лет стояло недостроенное здание отеля с рестораном и кафе, которое так и не было введено в эксплуатацию. Когда заказчик, который также владеет рядом стоящим торгово-развлекательным центром, выкупил здание с земельным участком, было решено построить здесь что-то новое и современное.

Изначально теплый переход между новым и старым центрами задумывался в один уровень (этаж), но при проектировании решили сделать его многоярусным (трехуровневым). Это продиктовано соображениями удобства и привлекательности: с одного уровня можно попасть на два в новом здании.

Архитектурный акцент комплекса планировался ближе к центру всей композиции из двух зданий, т. е. ближе к переходу, но при разработке решено было перенести его на перекресток ул. Жердева и ул. Краснофлотской, что выглядит более выразительно. Яркий штрих – в осях 6 и 7 входной узел был

решен в виде портала, где часть наружных стен стремится под углом в разных плоскостях ко входу. Что же касается главного входа на пересечении улиц, то тут было сделано несколько разных по стилистике и объему эскизов. В итоге запроектирован объем в форме эллипса в плане. Постарались создать эффект парения этого объема в воздухе, что было непросто при сейсмичности территории 8 баллов.

Все эти композиционные приемы построения фасадов, подчеркивающие отдельные части здания, придают уникальность и эстетическую привлекательность архитектурному

облику комплекса, создают его запоминающийся образ.

В комплексе расположено семь кинозалов, в том числе зал формата IMAX, на момент открытия центра единственный от Урала до Владивостока, который был не переоборудован, а специально спроектирован под этот формат. Проектирование и строительство зала происходило с непосредственным участием представителей IMAX.

Р. С. Некоторые горожане считают, что по своей стилистике комплекс напоминает шлем из киносаги «Звездные войны».

заказчик

ИП Сергей Рогов

авторский коллектив

Александр Астраханцев
Владислав Бальбуров
Алдар Галсанов
Виктор Гусяков
Дмитрий Гусяков
Светлана Зандраева
Александр Каптеров
Николай Космаков
Александр Маренич
Анастасия Нигматулина
Людмила Полуэктова
Роман Пузаков
Марина Семихватская
Валентина Шараева
Ксения Шуμιлина
Цырен Ябжанов

КОММЕНТАРИЙ ДИРЕКТОРА

ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА КРАСНОЯРСКАЯ,
директор ООО ПАО «Сибалюкс»

Что собой представляет алюминиевый композит? Это тонкие листы алюминия, соединенные между собой компаундом или вставкой, которые обеспечивают жесткость панели, ее толщину, габаритные размеры и огнестойкость с точки зрения безопасного применения на фасаде. Лицевая часть этой панели (лицевой алюминий) окрашена, причем окрашена она может быть в любые цвета. В последнее время стали применяться различного рода фактуры, имитирующие дерево, камень, имеющие покрытие спарклинг, хамелеоны, 3D-покрытие и т. д. Все это позволяет нам реализовывать любые цветовые решения, которые выбраны архитектором или заказчиком.

Другое замечательно качество алюминиевого композита – формообразование. С помощью этого материала мы можем реализовать любую форму фасада – с четкими,

графичными или завальцованными и плавными формами. Еще одно его преимущество – это скорость монтажа. Применение навесных вентилируемых фасадов, в которых используют композитные материалы, позволило ускорить строительство и ввод в эксплуатацию объектов. Если сравнить скорость возведения зданий, у которых по проекту кирпичная кладка той толщины, которая положена в Сибири, и объектов с вентилируемым фасадом, – разница просто колоссальная. Кроме того, вентилируемый фасад из композитных панелей позволяет производить монтаж круглогодично, исключая периоды, когда температура опускается ниже -30 градусов.

Любое, даже самое неприглядное здание можно превратить в объект, который будет эксплуатироваться еще долгие годы. Применение алюминиевого композита обеспечивает безремонтную эксплуатацию фасада здания в течение 25 лет, а это удешевляет его эксплуатацию, что выгодно и для собственника, и для инвесторов. Поэтому композит все шире применяется в отделке фасадов зданий.

Еще одно важнейшее качество композита – его огнестойкость. При возгорании фасада наш материал не загорается и не поддерживает горение (в отличие от дешевых материалов, которые не разрешено использовать на фасадах), поскольку соответствует всем необходимым нормативам и выдерживает огневые нагрузки.

На территории промышленно-логистического парка Новосибирска в 2014 году был построен и введен в эксплуатацию первый корпус завода «Сибалюкс», второй корпус начал функционировать в 2016 году. При проектировании завода мы учли весь наш опыт, накопленный с 2010 года, когда производство из Китая было перенесено в Тюмень.

На заводе «Сибалюкс» осуществляется полный цикл производства. Самое современное оборудование в России позволяет полностью автоматизировать процесс изготовления продукции, которая находится под постоянным контролем специалистов и технологов. Контрольные датчики на основных узлах линий и система видеонаблюдения минимизируют производственный брак. Инновационные инженерные решения позволяют снизить себестоимость производства.

Сократить сроки производства также помогает собственная линия по окрашиванию, которая способна окрашивать до 50 тыс. квадратных метров алюминия в сутки. Производительность двух линий, изготавливающих композитные панели, составляет 9 тыс. квадратных метров огнестойкого фасадного материала в сутки, который соответствует всем действующим требованиям и нормам.

Постоянный контроль выпускаемой на заводе продукции состоит из двух этапов – контроль на линии, проходящий по определенным техническим регламентам, и кон-

троль в лаборатории. Проверяется алюминий, поступающей на завод, эмали, а также компаунд или гранулы, из которых делается вставка. Определяется теплота сгорания материала: чем она ниже, тем он более огнестойкий.

Контроль готовой продукции осуществляется по многим параметрам: проверяется лакокрасочное покрытие, затем сам композит на адгезию, определяется теплота сгорания вставки уже в готовом изделии.

Наши представители в России работают в Хабаровске, Владивостоке, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Санкт-Петербурге. Мы планируем расширять свою сеть: в этом году откроется еще как минимум три представительств. Продажи нашего материала происходят по всей стране – это позволяет нам устойчиво работать. Кроме того, сейчас курс доллара делает очень привлекательными цены на внешнем рынке, туда мы тоже поставляем материал.

Архитекторы сегодня перестают быть просто проектировщиками – они становятся полноправными участниками рынка, предлагая наиболее интересные решения для инвестора, для заказчика, чтобы их объект стал продаваемым и был интересен покупателю квартиры, арендатору, компании, которая будет эксплуатировать здание. И вот здесь они начинают использовать максимальное количество возможностей композита.

Столицы собирают созвездия ярких и творческих людей, притягивая их с обширных окрестностей. Чеховские сестры стремились в Москву, а д'Артаньян – в Париж. Евтushenko, Шукшин и Гайдай достигли вершин, переехав в столицу. Вампилов, Распутин и Астафьев пришли к мировой известности, вроде бы и не покидая родных мест, но все-таки приобщившись к столичной круговерти.

Профессия архитектор в этом отношении существенно отличается от литературы и кинематографа. Различно равно яркие и самобытны судьбы мастеров, реализовавшихся вдали от столицы. Иркутские «варяги»-шестьдесятники Воронежский, Бух, Павлов по-разному выстроили свои отношения с географией – кто приехал из столичных городов всего на несколько лет, но самых ярких, насыщенных, содержательных лет своей творческой жизни. Кто остался в «нестолицах» надолго, навсегда

В этом блоке - отдельные примеры реализации личности в далеких от столиц городах – Хабаровске, Иркутске, Братске, Красноярске, Кемерово и Анжеро-Судженске.

Елена Григорьева
Константин Лидин

Нестолличные звезды / non-metropolitan stars

Capitals gather constellations of bright and creative people, attracting them from the peripheries. Tchekhov's sisters were anxious to get to Moscow, d'Artagnan – to Paris. Evtushenko, Shukshin and Gaidai ascended to the climax of their glory, having moved to the capital. Vampilov, Rasputin and Astafiev became internationally famous without leaving their home grounds, but having joined in the metropolitan whirl.

In this regard, the architectural profession differs greatly from the literary and cinematographic ones. The destinies of the masters who fulfilled themselves far from the capital are different but equally bright and unique. The Irkutsk "Vangians" of the sixtieth – Voronezhsky, Bukh and Pavlov – built up their relations with geography in a different way: someone came from the capitals just for a few years that became the brightest, the most fruitful and the most interesting years of his creative life. But someone stayed in the non-metropolitan city for a long time and even forever.

This subsection contains certain examples of self-fulfillment in the cities distant from the capitals: Khabarovsk, Irkutsk, Bratsk, Krasnoyarsk, Kemerovo and Anzhero-Sudzhensk.

Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin

> Вячеслав Воронежский

В шестидесятые годы прошлого века в Иркутске сложилась архитектурная школа высокого международного уровня. Ее возглавили молодые мастера, выпускники столичных вузов. Их деятельность принесла яркие плоды, но и вызвала неоднозначную реакцию других нестоличных «звезд» – писателей и журналистов, выросших в Иркутске.

Ключевые слова: архитектура; история; Иркутск; В. А. Павлов; В. Ф. Бух; В. Г. Распутин. /

In the 1960s an architectural school of high international level was established in Irkutsk. It was headed by young specialists, graduates from capital universities. Their activity was very fruitful, but it also drew a mixed reaction among other non-metropolitan "stars" – writers and journalists, who had grown up in Irkutsk.

Keywords: architecture; history; Irkutsk; V. A. Pavlov; V. F. Bukh; V. G. Rasputin.

Такие разные звезды / Such Different Stars

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Откуда берутся нестоличные «звезды»? Казалось бы, ответ очевиден – вырастают в нестоличной среде, в глубинке, в провинции... Затем, уже достигнув «звездного» статуса, уезжают в столицы, или не уезжают, а остаются в своем городе, превращая уже этот город в «маленькую столицу».

Но есть и еще один вариант развития событий – когда будущая «звезда» приезжает из столицы в периферийный город, и там живет и развивается. В истории Иркутска такое происходило не однажды.

В самом конце пятидесятых годов в СССР случилась мощная волна, толкнувшая молодых, амбициозных и талантливых людей уезжать из столичных городов на периферию. Будущих шестидесятников вела сложная смесь мотивов – романтика дальних дорог, и пафос культурного освоения провинции, и возможности воплощения личных творческих идей, и, наверное, много чего еще. Вот так и получилось, что на иркутской земле встретились такие разные люди – москвич В.С. Воронежский, ленинградец В.А. Павлов и киевлянин В.Ф. Бух, все трое – столичные жители и выпускники столичных вузов.

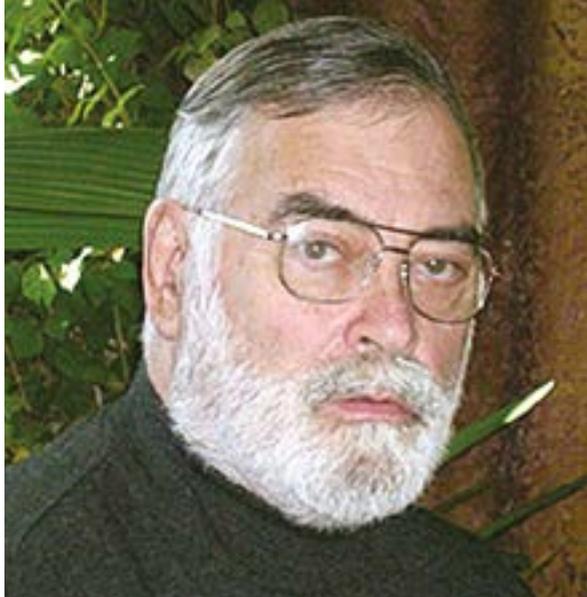
Их иркутские судьбы сложились по-разному. Градостроительный талант В.С. Воронежского проявился в нескольких крупномасштабных проектах. Иркутский период в работе столичного выпускника продлился десять лет, хотя первоначально предполагалось, что он отработает в провинции только положенные по распределению три года. К 1970 году архитектор по ряду личных причин уехал из Иркутска, оставив городу несколько идей, настолько блестящих и дальновидных, что некоторые из них только сейчас начинают приближаться к реализации. Наиболее ярким примером может служить проект «Байкальского луча» (наш журнал писал об этом проекте неоднократно, см., например, Лидин К., Меерович М. Предчувствие полицентричности. О «несоветском» проекте иркутских архитекторов 1970-х гг. // Проект Байкал. № 9. 2006. С. 20-23).

В.А. Павлов прожил в Иркутске почти четверть века, достиг немалых постов и многочисленных наград, основал архитектурный факультет в Иркутском политехническом институте... И, главное, – построил несколько зданий, составивших славу Иркутска как столицы оригинального, уникального явления, сибирского неорубинизма. Творчеству В. А. Павлова посвящен специальный выпуск «Проекта Байкал» – № 26). Но и Павлов в конце концов уехал из города.

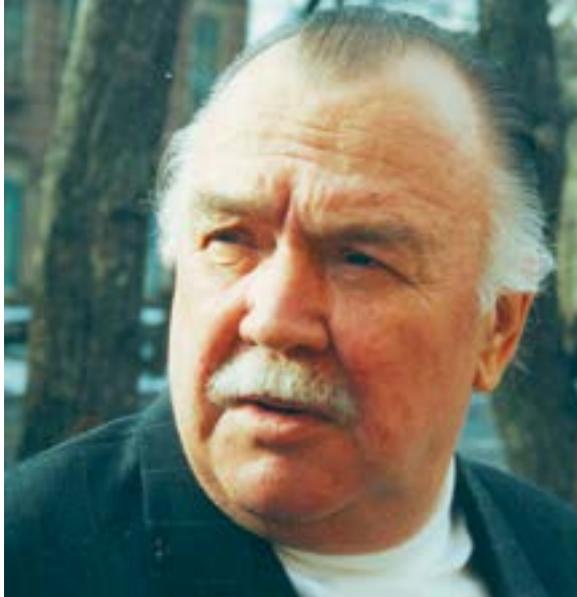
В. Ф. Бух прожил в Иркутске долгую, яркую и плодотворную жизнь. Успел сделать немало – например, стал одним из основателей журнала «Проект Байкал» и первые, самые трудные несколько лет был его главным редактором. И, наверное, успел бы сделать еще больше. Но в конце 80-х вскоре после отъезда В. А. Павлова, ушел с поста главного архитектора города. А через двадцать лет – после сноса недостроенного «Дома на ногах», Владимир Федорович полностью отошел от дел. То, как город обошелся с наследием В.А. Павлова, оказалось слишком тяжелым переживанием.

В биографии столичных архитекторов, ставших иркутскими, большую роль сыграли другие нестоличные «звезды». Тяжелый, разрушительный и отнюдь не эстетичный конфликт получился у архитекторов с литераторами, уроженцами иркутской земли – в первую очередь, с В. Г. Распутиним.

^ Владимир Павлов

^ Владимир Бух

Передо мной – пожелтевший, ломкий лист газеты «Восточно-Сибирская правда» за 1982 год. (Преловская. Б. «Лица необщим выраженьем». Память Сибири // Восточно-Сибирская правда, № 148 (18648), 26.07.1982, С.2). Материалы круглого стола по теме охраны историко-культурных памятников центра Иркутска. Участники: председатель Иркутской организации Союза архитекторов РСФСР, член центрального правления СА РСФСР В. А. Павлов, главный архитектор города В. Ф. Бух, ответственный секретарь областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) и бывший мэр города Н. Ф. Салацкий, лауреат Государственной премии СССР, писатель В. Г. Распутин, поэт, председатель секции пропаганды областного отделения ВООПИК М. Д. Сергеев, председатель секции архитектуры областного отделения ВООПИК В.Т. Щербин и просто житель города, ветеран ВОВ И. В. Рябов, чье письмо в редакцию и послужило поводом для круглого стола.

Разговор идет сложный, умный и удивительно современнейший – о судьбах деревянных зданий в историческом центре Иркутска, об опасности типовой массовой застройки, о документах, регулирующих охрану памятников и об экономической ситуации вокруг этой охраны.

И вдруг, резким диссонансом звучит высказывание: «Да, по улице Хаптурина и около Троицкой церкви в свое время по незнанию или по недосмотру была допущена ошибка. Но где же были архитекторы? Они-то первые должны были профессионально оценить эти памятники. Но сегодня они оправдывают свои же ошибки чужими подписями. Как будто они посторонние люди, не живут в нашем городе, не ходят по его улицам, не дышат его воздухом. А ведь для каждого из нас и в домике Кирова и в Троицкой церкви, и в уничтоженном уже «горбатом» доме - выражение народной памяти. Для нас это связь с теми поколениями, которые жили здесь в прошлом и позапрошлом веках. А вы рассуждаете с точки зрения профессионала, а не как житель города».

И дальше: «...нельзя живое тело старого города резать геометрическими линиями проспектов и магистралей, т.к. эти линии не соответствуют сути русского характера». Вот так, за весь русский характер.

Недоброе, несправедливое и, честно сказать, не слишком умное мнение высказывает один из талантливейших граждан Иркутска и России, гордость отечественной литературы. И добро бы архитекторы хоть как-то высказывали свое пренебрежение к Иркутску, свое столичное высокомерие. Все их заботы – о том, чтобы сохранить и приумножить архитектурное своеобразие и славу города. Но нет, они все равно остаются для литераторов опасными чужаками: «...для нас, иркутян, очень важно, кто застраивает этот город: люди, которые смотрят на него, как на строительную площадку, на полигон, где проверяются их идеи, или патриоты этого города».

Резкость и безапелляционность высказываний В. Г. Распутина пытается смягчить М.Д. Сергеев, известный иркутский поэт и общественный деятель. Но трудно ему достичь равновесия, когда против – мнение настолько авторитетное.

В последующие годы слава В.Г. Распутина быстро росла, а позиция его становилась все более непримиримой. К нему присоединились и другие иркутские литераторы (назовем лишь главного редактора популярнейшей молодежной газеты «Советская молодежь» А.М. Шастина). Кончилось это противостояние только с отъездом обиженного и разочарованного В. А. Павлова из Иркутска.

Смутное и тяжкое недоумение оставляет эта история в душе. Неужто и сибирских просторов мало, чтобы такие яркие, своеобразные нестоличные «звезды» нашли себе достаточно места для творчества?

< Николай Кузьмин

Николай Кузьмин. К 100-летию со дня рождения. Сборник статей и материалов. — Москва, 2005. С. 18.

Анализируется созданный Николаем Кузьминым для сибирских шахтеров Анжеро-Судженска проект дома-коммуны как попытка реализации большевистского антропологического эксперимента. Выявляются его главные особенности: обобществление быта, лишение жителей личного пространства, переосмысление роли архитектора в новом социалистическом строе. Подчеркивается соединение в проекте элементов утопии с подробно разработанными функциональными решениями. Показана роль Николая Кузьмина в развитии сибирского конструктивизма на фоне утраты памяти о нем в современной истории Анжеро-Судженска.

Ключевые слова: Николай Кузьмин; Анжеро-Судженск; дом-коммуна; конструктивизм; авангард; утопия. /

Пространство нового начала: сибирская утопия Николая Кузьмина /

текст

Кинга Нендза-Щикони-
овска /

text
Kinga Nędza-Sikoniowska

Среди многих домов-коммун, проектированных в СССР на рубеже 20–30 годов XX века, один заслуживает особого внимания, так как олицетворяет собой идеи большевистской перестройки быта и пространства. Характерно, что проект, о котором идет речь, появился не в Москве, а в Сибири и предназначен был не для членов партии, чекистов, чиновников или художников, а для кузбасских шахтеров. Его создал не столичный архитектор, а томский студент Николай Кузьмин (1905–1985) [1].

Жилье – орудие революции

Для первого поколения зодчих, выросших в социалистической России, архитектура уже не являлась лишь искусством или техническим умением. Кузьмин так определял ее роль: «Имея дело с определенными производственно-бытовыми процессами, порождающими общественную психологию и идеологию, архитектура должна быть наукой, тесно связанной прежде всего с общественно-политическими дисциплинами» [2, с. 14].

Уверенность в значимости социальной миссии архитектора появилась у томского студента как ответ на назревший жилищный кризис. Кузьмин был потрясен условиями жизни сибирских шахтеров, которые наблюдал во время студенческих практик, в том числе в Анжерке и Судженке (1924–1927). Он отмечал пьянство, жестокость по отношению к женщинам, побои, нецензурную речь даже маленьких детей. Решение этих проблем Кузьмин видел в создании дома-коммуны, спроектированного специально для работников шахты № 5/7 в Анжеро-Судженске¹ и их семей – всего для 5 140 человек [2, с. 14–16]. Кузьмин не только предложил яркое архитектурное решение – он спланировал, как коренным образом перестроить жизнь этого кузбасского поселка. Хотя проект не был реализован, он стал известным благодаря публицистической деятельности молодого автора и бурным дискуссиям, которые спровоцировал.

Кузьмин считал, что для решения социальных и нравственных проблем недостаточно только улучшить условия жизни. В статье «О рабочем жилищном строительстве» [4] он остро критикует советскую жилищную программу, сфокусированную лишь на повышении показателей жилищной площади. Такой подход можно было объяснить в первые

послевоенные и послереволюционные годы, оставившие страну в плачевном состоянии. Но через десять лет надо было срочно приступить к строительству настоящего социалистического жилья, не только обеспечивающего людей кровлей, но и формирующего новый быт. Эгоизм, жадность, домашнее насилие и пьянство, рабство женщины и эксплуатация другого человека – все эти черты буржуазного образа жизни остались, несмотря на смену политического строя. Только коллективизм быта мог воспитать в человеке солидарность к другим и уважение к себе, считал архитектор.

Пространство радикализма

Проект Кузьмина предполагает максимальную коллективизацию жизни рабочих и ее унификацию. Будущие жители его дома-коммуны делятся на группы по возрасту и состоянию здоровья, но всегда обедают (принимают пищу?) вместе. Заработанные деньги общие; у человека нет его собственной, личной одежды: сдавая очередной комплект в прачечную, он получает взамен точно такой же, как у всех других. Функциональность проекта должен обеспечивать разработанный архитектором четкий график действий будущих жильцов: от ежедневных, с точностью до минуты рассчитанных часов утреннего подъема, гимнастики, завтрака и т. д., до расписанной по периодам всей жизни (от рождения, через ясли, школу, работу и старость) [2, с. 14–16]. Проект предполагал отрицание традиционного института семьи: когда Кузьмин пишет про пары, он последовательно использует термин «бывшие муж и жена»; дети в его проекте спят отдельно от родителей.

При дословном прочтении проект являлся бы символом тоталитарных устремлений большевистской страны. Однако радикализм анжеро-судженского проекта заключался не только в полном обобществлении быта или в попытках управлять поведением людей, не только в отрицании традиционного института семьи. Подобные решения мы находим и в других проектах советского авангарда, например, у М. Барща и В. Владимировой [5, с. 358–360]. Но только Кузьмин бескомпромиссно лишает жильцов личного пространства. Все помещения разделены лишь функционально и никогда – по принципу соб-

1. Анжеро-Судженск образовался в 1928 году из соединения двух шахтерских поселков – Анжерки и Судженки, с конца XIX века обеспечивающих углем Транссибирскую магистраль. Город с 1931 года [3].

The communal house designed for Siberian miners of Anzhero-Sudzhensk by Nikolai Kuzmin is viewed as a proposal related to realization of the Bolshevik anthropological experiment that contemplated socialization of households, reinterpretation of the role of architects in the new Social system and deprivation of inhabitants of private space. The project combined utopian proposals with elaborate functional solutions. The article observes the role of Nikolai Kuzmin in the history of the Soviet Constructivism in the absence of memory of him in today's history of Anzhero-Sudzhensk.

Keywords: Nikolai Kuzmin; Anzhero-Sudzhensk; communal house; Constructivism; avant-garde; Utopia.

A Space of New Beginning: Nikolai Kuzmin's Siberian Utopia

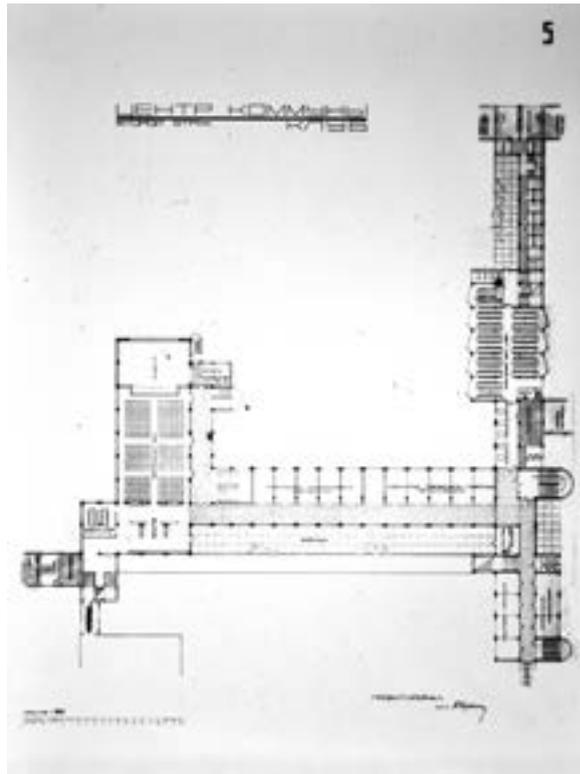
ственности. «В доме-коммуне рабочие спят в спальнях, а живут в культурном центре, – объясняет автор. – Спальни предназначены только для сна» [2, с. 16]. Если хочешь почитать – иди в читальный зал. Отдельные комнаты предназначены для совершения полового акта («двуспальные кабины») [6]. В разных помещениях спят дети, взрослые или старики, отдельно холостые и пары, а также беременные женщины. Даже кровать, по существу, не принадлежит человеку, так как он меняет ее с возрастом и статусом.

Кузьмин позволял себе острую критику советских архитекторов – всех тех, кто проектировал якобы дома-коммуны, но сохранял в них принцип собственной, отдельной комнаты для человека или семьи. По его мнению, нельзя назвать домом-коммуной здание лишь потому, что в нем есть общая столовая и общий туалет в коридоре. Это насмешка над социалистической идеей обобществления быта. А ведь по такому принципу реализованы самые известные проекты, например, дом-коммуна в бывшем Хавско-Шаболовском переулке (ныне ул. Лестева) в Москве (1928–1929). В нем даже «коммунальная часть» (общезитие) состояла из индивидуальных жилых ячеек². Да и сами авторы многих домов-коммун признавали, что их предложения – это лишь «переходный тип» жилья³.

Интересно сравнить принципы Кузьмина с фактически реализовавшейся в СССР коллективизацией быта – коммунальными квартирами. Реальность оказалась идеалом наизусть: пространство комнаты использовалось как многофункциональное, его приватный характер упорно защищался жильцами. «В коммунальных квартирах не было гостиных и спален, а были комнаты, приспособленные на все случаи жизни» – напоминает Светлана Бойм [9, с. 162].

Все-таки утопия

В архитектурном и организационном отношении проект Кузьмина вполне реалистичен: подробно разработанный, с обоснованными смелыми решениями (механический гардероб на 3 000 человек), технически он мог быть осуществлен. Более того, Кузьмин приводил подробные расчеты строительства дома-коммуны, доказывая, что обойдется он не дороже обычных заводских поселков.

Утопией, однако, являлась вписанная в проект программа перестройки быта, то есть социальный и антропологический эксперимент. Знатки вполне закономерно обращают на это внимание [10, с. 56]. Именно в соединении дерзкой утопии с осязаемой вероятностью ее исполнения мы находим и причину возмущения современников, и волнение, которое до сегодняшнего дня проект вызывает у исследователей советского авангарда. Тем более, что и сам Кузьмин не считал свое предложение ни архитектурной, ни социальной утопией: если подойти к нему разумно, всем вместе; если не будет растерянности на местах, боязни и робости, а большую часть упорного, ту-

< Н. Кузьмин, Второй этаж. Центр коммуны – клуб Н. Кузьмин, Дипломный проект «Дом-коммуна для Анжеро-Судженских горняков», руководитель К. Лыгин, Томск 1928-1929, копия документа в архиве Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина, № 2201. Л. 6.

2. Авторы проекта – Г. Вольфензон, С. Леонтович, А. Барулин [5, с. 324–326].

3. Речь шла о зданиях, «стимулирующих переход на более высокую форму социального-бытового уклада, но не декретирующих этот переход» [7, с. 68]. Известными площадями этого подхода были дом Наркомфина в Москве (М. Гинзбург, И. Милинис, С. Прохоров, 1928–1930), за Уралом – свердловский дом Уралоблсовета (М. Гинзбург, А. Пастернак, С. Прохоров, 1930–1933) [5, с. 360–367; 8].

^ Н. Кузьмин, «двухспальные кабины»
 Н. Кузьмин, Дипломный проект «Дом-коммуна для Анжеро-Судженских горняков», руководитель К. Лыгин, Томск 1928-1929, копия документа в архиве Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина, № 2201. Л. 6.

> Н. Кузьмин, «График жизни»
 Н. Кузьмин, Дипломный проект «Дом-коммуна для Анжеро-Судженских горняков», руководитель К. Лыгин, Томск 1928-1929, копия документа в архиве Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина, № 2201. Л. 3.

ного отрицательного отношения к новому строительству, к созданию нового быта, разумно выдвигаемому новыми условиями и потребностями жизни, то эта задача будет разрешена блестяще [4, с. 83].

Проект Кузьмина так и не был реализован: скоро власть окончательно отвергает идею полного обобществления быта. Начинаются прямые нападки на архитектора, иногда со стороны его недавних коллег и покровителей из ОСА. Но репрессированным Кузьмин не был: он прожил почти до 80 лет и до конца жизни не считал свой проект утопическим. В одном из писем дочь архитектора пишет: «...отец свои работы утопиями не считал. Просто сейчас "не время" (как он говорил) для реализации этих идей. Он был идеалист, который жил в своем мире и мире работы со студентами. Ни он к власти, ни власть к нему (особенно местная) не имели никакого отношения» [11].

Провал анжеро-судженского проекта не был делом случая; он закономерно вырос из самого корня философии архитектора – идеализированной картины советского строя. В статьях томского студента находим телеологическое убеждение в диалектическом развитии общества, в классовом детерминизме и в правильности интерпретации коммунистической партией истории и будущего. Он построил свой проект, исходя именно из этих моделей – идеального человека, идеальной пролетарской партии и развивающейся в определенном направлении действительности. Но как партия, так и действительность оказались далеко не столь идеальными, не вписались в его замысел. Будущий житель дома-коммуны тоже в эту схему не уложился бы.

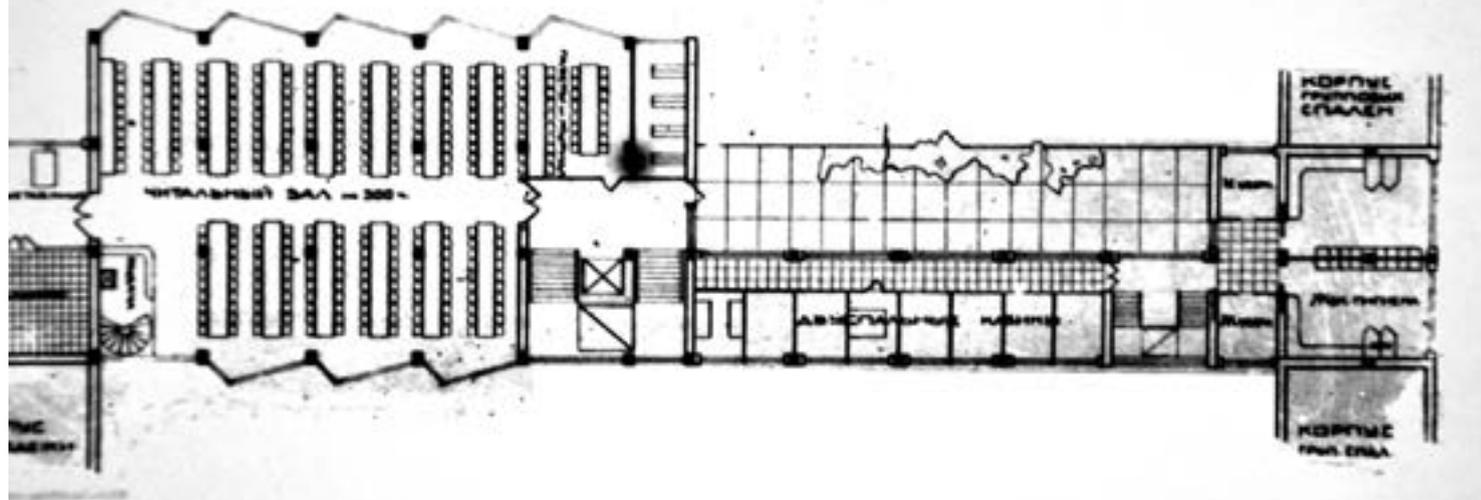
Анжеро-Судженск: 88 лет спустя

Несмотря на то, что именно благодаря проекту Кузьмина имя Анжеро-Судженска приобрело известность, сегодня город не обращается к его наследию как части своей истории. Нет упоминания о нем даже в местном краеведческом музее или немногих популярных изданиях про город [3, 12]. Этот факт нельзя объяснить лишь тем, что проект осуществлен не был: подобные идеи не меньше, чем существующие объекты, имеют культурный, социальный и туристический потенциал. Почему тогда идеи Кузьмина не стали действенным фактором конструирования анжеро-судженской городской идентичности?

В своей дипломной работе томский студент хотел решить задачу целостной перестройки быта анжеро-судженских горнорабочих. Он спроектировал ансамбль, который являлся, по сути, отдельным квазигородом, самостоятельно обеспечивающим не только жилищные, но также культурные, образовательные, санитарные и т. д. нужды местного населения. Проект являлся воплощением идеи дома-коммуны, но также и ответом на нехватку культурно-социальной инфраструктуры в существующих обоих поселках (потом они стали одним городом). Но в градостроительном плане дом-коммуна никак с ними связан не был. С местным социальным ландшафтом его связывал только выход со стороны шахты. Жильцам дома-коммуны нечего было искать в Анжеро-Судженске, а шахтеры города, если бы они не переселились в кузьминскую утопию, вряд ли смогли бы пользоваться прелестью его спортзалов, планетария или столовых, так как все здесь было рассчитано до одного человека, одного рубля и одной минуты.

Любой проект дома-коммуны должен был составлять отдельное автономное целое, но есть довольно много проектов того периода, вписанных в городское пространство. Примером может быть планировка Кузнецка братьями Александром и Леонидом Весниными с 1930 года [13]. Коммуны Весниных – это не изолированные элементы, а неотделимая часть соцгорода, его базовая структура. Кузьмин не учитывал окружения, он планировал автаркическую единицу. Кузьминский проект больше напоминает современные «закрытые районы», отгороженные от мира заборами, вахтерами и пропусками. Как заметил Селим Хан-Магомедов, проект Кузьмина «создавался как самостоятельный поселок, как некая сжатая до предела модель города» [5, с. 133].

Кузьмин не предложил проект целостного развития Анжеро-Судженска: он хотел создать рядом с уже существующим свой город, город-конкурента. Его проект не выростал из истории и структуры места и не хотел влиять на нее. Он должен был стать отречением от прошлого, новым началом, городом, построенным на пустом месте. Возможно, в этом и кроется одна из причин, по которой новаторским идеям Кузьмина нет места в памяти города Анжеро-Судженска.

Литература

1. Баландин С. «Небезызвестный» и «хрестоматийный на десятилетия пример вопиющего искажения идеи» в дипломном проекте // Николай Кузьмин. К 100-летию со дня рождения : сб. статей и материалов. – М., 2005. – С. 41–111.
2. Кузьмин Н. Проблема научной организации быта // Современная архитектура. – 1930. – № 3. – С. 14–16.
3. Поздняков Г. История города Анжеро-Судженска. – Анжеро-Судженск, 2003.
4. Кузьмин В. [Н]. О рабочем жилищном строительстве // Современная архитектура. – 1928. – № 3. С. 82–83.
5. Хан-Магомедов С. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. Кн. 2: Социальные проблемы. – М. : Стройиздат, 2001.
6. Кузьмин Н. Второй этаж. Центр коммуны – клуб : дипломный проект «Дом-коммуна для Анжеро-Судженских горняков», руководитель К. Лыгин, Томск, 1928–1929 : копия документа в архиве Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина, № 2201. Л. 6.
7. Гинзбург М. Жилище. – М. : Госстройиздат, 1934.
8. Жилой комплекс «Дом Уралоблсовета» / ред. Л. Токменинова. – Екатеринбург : Татлин, 2015.
9. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. – М. : НЛО, 2002.
10. Невзгодин И. Музыка будущего : дипломный проект дома-коммуны Н. С. Кузьмина // Проект Сибирь. – 2005. – № 23. – С. 52–56.
11. Переписка с дочерью архитектора Ксенией Николаевной Кузьминой от 18.04.2016.
12. Чуйкова А., Славнова Г. Выставка «Ажеро-Судженск в летописи Кузбасса». Анжеро-Судженский городской краеведческий музей.
13. Веснин А., Веснин Л. Проект планировки города Кузнецка // Современная архитектура. – 1930 – № 3. – С. 7–9.

References

Balandin, S. (2005). "Nebezyzvestnyi" i "khrestomatiinyi na desyatiletia primer vopiyushchego iskazheniya idei" v diplomnom proekte [A "Well-known example set for centuries ahead of how ideas were blatantly misrepresented" in a graduation project]. In Nikolai Kuzmin. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Sbornik statei i materialov (pp. 41-111). Moscow.

Boym, S. (2002). *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoi zhizni* [Common places: Mythologies of everyday life]. Moscow: NLO.

Chuiikova, A. & Slavnova, G. (n.d.). *Anzhero-Sudzhensk v letopisi Kuzbassa* [Anzhero-Sudzhensk in the chronicle of Kuzbass] [Exhibition]. Anzhero-Sudzhensk city museum of local lore.

Correspondence with the daughter of the architect Ksenia Nikolaevna Kuzmina (2016, April 4).

Ginzburg, M. (1934). *Zhilishche* [Dwelling]. Moscow: Gosstroizdat.

Khan-Magomedov, S. (2001). *Arkhitektura sovetskogo avangarda: v 2 kn: Kn. 2: Sotsyalnye problemy* [Architecture of the Soviet avant-garde: in 2 books. Book 2: Social problems]. Moscow: Stroizdat.

Kuzmin, V. [recte: N.]. (1928). *O rabochem zhilishchnom stroitelstve* [On the workers' housing development]. *Sovremennaya arkhitektura*, 3, 82-83.

Kuzmin, N. (1928-1929). *Vtoroi etazh. Tsentr kommuny-klub* [The second floor. The club as the center of the commune]. The communal house for miners in Anzhero-Sudzhensk (Graduation project, K. Lygin, Supervisor). Tomsk. The copy retrieved from the archive of S. N. Balandin Museum of History of Architecture of Siberia, No 2201, fol. 6.

Kuzmin, N. (1930). *Problema nauchnoi organizatsii byta* [The problem of the scientific organization of households]. *Sovremennaya arkhitektura*, 3, 14-16.

Nevezgodin, I. (2005). *Muzyka budushchego – diplomnyi proekt doma-kommuny N. S. Kuzmina* [Music of the future: the graduation project for the communal house by N. S. Kuzmin]. *Project Sibir*, 23, 52-56.

Pozdnyakov, G. (2003). *Istoriya goroda Anzhero-Sudzhenska* [The history of the city of Anzhero-Sudzhensk]. Anzhero-Sudzhensk.

Tokmeninova, L. (Ed.). (2015). *Zhiloi kompleks "Dom Uralobsovet"* [Residential complex "Uralobsovet House"]. Yekaterinburg: Tatlin.

Vesnin, A. & Vesnin, L. (1930). *Proekt planirovki goroda Kuznetska* [Planning design of the city of Kuznetsk]. *Sovremennaya arkhitektura*, 3, 7-9.

История промышленного и градостроительного развития Кемерово связана с уникальным экспериментом по созданию в начале 1920-х годов промышленной колонии иностранных рабочих – Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Особую ценность представляют здания, построенные по проектам работавшего в АИК голландского архитектора-функционалиста Йоханнеса ван Лохема. В статье рассказывается о сохранившихся на территории Кемеровского рудника уникальных объектах совместного российско-голландского наследия, которые находятся под угрозой исчезновения.
Ключевые слова: АИК «Кузбасс»; Йоханнес ван Лохем; «Современное движение»; российско-голландское архитектурное наследие; реставрация. /

The history of the industrial and urban development of Kemerovo is connected with a unique experiment in the establishment of the autonomous industrial colony of foreign workers "Kuzbass" in the early 1920s. The buildings designed by the Dutch functionalist architect Johannes van Loghem, who worked in the autonomous industrial colony, are of special value. The article tells about the unique Russian-Dutch heritage sites on the territory of the Kemerovo mine, which are currently in danger.

Keywords: the autonomous industrial colony "Kuzbass"; Johannes van Loghem; "Modern Movement"; Russian-Dutch architectural heritage; restoration.

< Рис. 1. Йоханнес Бернардуc ван Лохем

Голландская архитектура в Сибири

Удастся ли вдохнуть новую жизнь в наследие архитектора ван Лохема в Кемерове?

текст

Ирина Захарова /

text

Irina Zakharova

Предыстория. Копикуз

Кемерово (до 1932 года Щегловск, с 1943-го – центр Кемеровской области) получил статус города в 1918 году. Городская черта со временем объединила семь исторических поселений конца XVII – начала XVIII века, находившихся на левом и правом берегах реки Томи. Самые первые градостроительные работы на территории нынешнего Кемерово были связаны с промышленной деятельностью Копикуза – акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей и металлургических заводов, получившего в концессию часть кабинетских земель Алтайского горного округа в 1912 году. По замыслу учредителей Копикуза Кузнецкий бассейн должен был стать для Урала и Сибири таким же мощным топливно-металлургическим комплексом, каким стал для Европейской России Донецкий бассейн.

Копикузом были проведены фундаментальные геологические исследования, заложены угольные шахты на правом берегу реки Томи, построена ширококолейная железная дорога, обеспечившая выход кузнецкого угля и кокса на Транссибирскую магистраль. В 1915 году Копикуз начал строительство первого в Сибири коксохимического завода. Для его возведения, в связи с технологическими особенностями производства, требовалась ровная площадка и доступ к воде. Единственная площадка, пригодная для постройки коксовых печей, находилась напротив правобережных угольных шахт Кемеровского рудника, на пологом левом берегу Томи, вниз по течению от села Щеглово. Так Кемеровский рудник и коксохимзавод, связанные перекинутой через реку грузовой канатной дорогой, стали градообразующими производственными комплексами, рядом с которыми как на правом, так и на левом берегу Томи начали строиться колонии-поселки для рабочих и служащих.

Благодаря принятым Копикузом планировочным решениям по размещению промышленности и жилья, все последующее градостроительное развитие Кемерово происходило одновременно на левом и правом берегу, несмотря на длительное отсутствие между ними постоянной транспортной связи (до постройки в 1952 году автомобильного моста).

Рабочая колония в Сибири. АИК «Кузбасс»

Национализированные после революции предприятия

Копикуза в 1922–1927 годах стали базой для создания уникальной промышленной колонии иностранных рабочих – Автономной индустриальной колонии (АИК) «Кузбасс».

Договор о создании колонии был подписан в декабре 1921 года между Советом труда и обороны (СТО) и инициативной группой, состоявшей из голландца С. Рутгерса и американцев Г. С. Кальверта и Б. Хейвуда, которые были делегатами проходивших весной того же года в Москве III конгресса Коминтерна и I конгресса Профинтерна. СТО предоставил колонии для эксплуатации северную часть Кузнецкого бассейна с Кемеровским и рядом мелких рудников, а также недостроенные коксовые печи и химзавод. Председателем правления АИК «Кузбасс» был утвержден голландский коммунист, инженер-гидротехник Себастьян Рутгерс [1].

С января 1922-го по декабрь 1923 года в Кузбасс прибыло 566 иностранных колонистов (355 мужчин, 109 женщин и 102 ребенка). Колонисты привезли с собой современное горношахтное оборудование, в том числе и первые в бассейне врубовые машины. Основную часть рабочих колонии составляли советские граждане. Всего в 1922–1927 годах в АИК работало свыше 700 иностранцев более 30 национальностей и около 5 тыс. русских из разных губерний России [2].

Сфера деятельности колонии постоянно расширялась. К 1925 году в управлении АИК «Кузбасс» находились почти все основные промышленные районы Кузбасса. Приток большого количества рабочих стал причиной острейшего жилищного кризиса на предприятиях колонии. В связи с введением правительства СССР в конце 1925 года льгот для госпредприятий, строящих рабочие жилища, АИК разрабатывает программу жилищного строительства. Для реализации большого объема проектных работ С. Рутгерс пригласил на должность архитектора при правлении АИК известного голландского архитектора Йоханнеса ван Лохема (1881–1940).

«Культурный большевик»

Йоханнес Бернардуc ван Лохем – нидерландский архитектор, градостроитель и дизайнер мебели – родился в 19 октября 1881 года в старинном городе Харлеме в семье преуспевающего предпринимателя, который выращивал

^ Рис. 3. Бетонная деревня в Амстердаме. Жилые дома, построенные по проекту Й. Б. ван Лохема. 1924 (реновация – 1987 год)

^ Рис. 4. План застройки рабочего поселка на химзаводе. Подлинный чертеж Й. Б. ван Лохема. 1926. Из фондов музея «Красная Горка»

The Dutch Architecture in Siberia

Is It Possible to Revitalize the Heritage of the Architect Van Loghem in Kemerovo?

^ Рис.2. Йоханнес Бернхардус ван Лохем (крайний слева) и его сотрудники. Около 1920 года

^ Рис. 5. Архитектор Й. Б. ван Лохем. Школа Кемеровского рудника. 1927. Из фондов музея «Красная Горка»

и продавал луковицы тюльпанов. Изучал архитектуру в Высшей технической школе в Дельфте (сейчас Дельфтский технический университет). Получив диплом инженера, основал частную архитектурную практику в родном Харлеме.

Первые проекты ван Лохема выполнены в традиционном стиле (собственный дом архитектора, частные виллы), но уже к 1916 году в его работах проявляется влияние новаторской архитектуры, в частности знаменитого американского архитектора Фрэнка Ллойда Райта, основоположника философии «органической архитектуры», согласно которой основной проектирования зданий должна быть гармония между человеком и его окружением. Интерьеры особняков были так же важны для ван Лохема, как удобная планировка и красивые фасады, и проектировались как единое целое. Для некоторых зданий архитектор проектировал не только внутреннее убранство, но и всю мебель.

Ван Лохем входил также в группу редакторов «Строительного еженедельника» (Bouwkundig Weekblad), редактировал знаменитый архитектурно-художественный журнал «Перемены» (Wendingen), в котором печатались

в Рис. 6. Работы по устройству железобетонного каркаса школы Кемеровского рудника. 1927. Из фондов музея «Красная Горка»

все крупные голландские архитекторы и художники. В 1919 году он стал одним из основателей Союза революционно-социалистических интеллектуалов. В своем голландском архитектурном бюро ван Лохем вводил коллективистские методы организации труда и оплаты проектных работ, в связи с чем позднее голландский архитектор Альберт Букен называл его «культурным большевиком» [3].

До приезда в СССР архитектором было спроектировано и построено около 25 частных домов, возведенных большей частью в Харлеме, и несколько комплексов экономичных жилых зданий в рамках государственной программы по строительству социального жилья для рабочих [4]. Среди проектов жилых комплексов, разработанных ван Лохемом, особое место занимает экспериментальная застройка района Бетонной деревни (Betondorp) в Амстердаме. Этим проектом завершился переход в творчестве архитектора от традиционализма к новому стилю функциональной архитектуры. Большой опыт архитектора по строительству массового «минимального жилища» для рабочих стал, по-видимому, причиной того, что он был приглашен основателем Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» Себастьяном Рутгерсом на работу в СССР.

«Голландский период» в строительстве АИК

С марта 1926 года по январь 1927-го и с мая по сентябрь 1927 года ван Лохем руководил архитектурным отделом в стройбюро Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». В числе работников стройбюро, кроме ван Лохема, было еще несколько голландцев: заведующий Антон Струйк, его заместитель Дирк Шермерхорн, инженер Кеес Нибург и несколько конструкторов. Уже в октябре 1926 года комиссия Сибирской рабоче-крестьянской инспекции, проверявшая ход строительства в АИК, отмечала: «Руководящий стройработами персонал состоит из заграничных, главным образом голландских инженеров, проводивших в строительстве голландскую архитектуру. <...> все проекты, в особенности по жилищному строительству, производились иностранными инженерами, только что прибывшими из-за границы» [5].

За очень короткий период работы ван Лохема в стройбюро было разработано не менее 20 типовых проектов

^ Рис. 7. Первомайская демонстрация на Кемруднике около школы и домов-«колбас». 1931. Из фондов музея «Красная Горка»

^ Рис. 8. Торжественная линейка во дворе школы. 1950-е. Из фондов музея «Красная Горка»

жилых домов для застройки поселков при предприятиях АИК. «Голландский период» был уникальным по разнообразию применявшихся типов проектов: например, в 1926–1927 годах было построено 180 жилых домов, отличавшихся по социальному назначению и уровню комфорта (дома для рабочих, служащих, инженерно-технических работников), типологии (индивидуальные, блокированные, коммунальные), материалу (деревянные, кирпичные, «полукирпичные») [6].

Объектами деятельности АИК были коксохимзавод и станция Кемерово на левом берегу и деревня Кемерово с Кемеровским рудником на правом берегу Томи. Общая площадь территории, отведенной под проектирование поселков, составляла 1000 га на обоих берегах реки. На левом берегу между железнодорожной станцией и коксохимическим заводом ван Лохем разработал проект рабочего поселка Новая колония, частично осуществленный в натуре.

Но основное гражданское строительство было развернуто на правом берегу, в поселке Кемрудника. Ван Лохем стал первым профессиональным архитектором, который занимался планировкой территории Кемеровского рудника. Из-за отсутствия топографической съемки и недостатка времени для детальной разработки проекта поселка, архитектор уже весной 1926 года, практически сразу после своего приезда, приступил к разбивке улиц и площадей прямо на местности.

На выделенной под застройку территории, рядом с существовавшей рыночной площадью, архитектор запланировал общественный центр поселка с рабочим клубом, театром и кооперативным магазином. Главным зданием в застройке центральной площади должна была стать школа Кемеровского рудника, возводившаяся как часть ансамбля застройки жилого квартала для рабочих. Внутриквартальная улица, застроенная протяженными одноэтажными блокированными домами, вела к квадратному школьному двору. Каждая квартира имела по два выхода: из жилой комнаты – в сторону общественного сквера, из кухни – в сторону жилой улицы. По замыслу архитектора эта улица должна была стать зеленым бульваром, с маленькими индивидуальными голландскими садиками перед входами в дома.

< Рис. 9. Архитектор В. М. Дудок. Школа Oganjeschool в Хилверсуме, Нидерланды. 1922 [7]

v Рис. 10. Школа Кемрудника. Современное состояние. Фото автора

^ Рис. 13. Дома для рабочих Кемеровского рудника, так называемые дома-колбасы. 1927. Из фондов музея «Красная Горка»

v Рис. 11. Школа Кемеровского рудника. Современное состояние. Фото автора

Школа

Здание школы, расположенное на углу квартала, доминировало в окружающей одноэтажной застройке. Ступенчатая композиция здания построена на сочетании разновысотных объемов, сгруппированных вокруг угловой водонапорной башни, которая предназначалась для обслуживания водопроводной сети всего поселка. Двадцатиметровая бревенчатая башня и примыкающие к ней под прямым углом срубы второго этажа опираются на протяженные одноэтажные кирпичные крылья, в которых находились классные комнаты. Главный вход – с внутреннего угла здания, со стороны двора, заглублен под нависающим углом башни, опирающимся на бетонный столб. К торцу одного из крыльев примыкал высокий объем рекреационного (спортивного) зала. Выразительный силуэт здания подчеркнут лаконичным цветовым решением, построенным на контрасте темной, почти черной древесины и белых оштукатуренных кирпичных стен, ритмически разделенных огромными окнами с квадратным рисунком переплетов.

Школа-семилетка проектировалась в соответствии с утвержденными в 1925 году нормами Наркомпроса и была рассчитана на 400 учащихся, с классами по 40 человек. Кроме вестибюля, классных комнат, учительской и уникального для того времени спортивного зала, в школе предусматривались кухня с отдельным входом, сторожка и собственная котельная в подвале.

Внутренняя планировка здания проста и рациональна. Широкие входные двери ведут через тамбур в центральный холл с лестницей на второй этаж. К холлу примыкают коридоры с выходящими в них дверями классных комнат. Классы освещаются большими, почти во всю стену окнами двухметровой высоты, ориентированными на юго-запад и юго-восток, что позволяло обеспечить максимальную продолжительность естественного освещения для всех классных помещений.

По всей длине школьных коридоров напротив входов в классы должны были располагаться туалетные кабинки, под которыми в подвале были предусмотрены железобетонные резервуары. Во время достройки школы, уже после отъезда архитектора из Кемерово, по требованию окружного отдела народного образования были увеличены оконные проемы в коридорах и запрещено устройство

^ Рис. 14. Жилые дома в районе Белой деревни в Роттердаме во время сноса в 1989 году [8]

туалетов внутри здания из-за их «негигиеничности». Детям приходилось пользоваться дощатыми туалетами во дворе школы.

Объемно-пространственная композиция кемеровской школы имеет аналоги в школьном строительстве Голландии начала 1920-х годов, в частности в постройках Виллема Маринуса Дудока, яркого представителя Амстердамской школы. Обращает на себя внимание сходство применявшихся композиционных решений с акцентированием угловой башни и низкими распластанными крыльями. Планировочная структура школьных зданий Дудока, с односторонним расположением рекреационных коридоров, выделенными в отдельные объемы спортивными залами, также напоминает планировку кемеровской школы. Особенно близко по композиционному решению возведенное в 1922 году здание *Oranjeschool*, в котором высота ступенчатых объемов боковых крыльев нарастает к угловой башне [7].

Уникальность здания школы Кемеровского рудника состоит также в разнообразии материалов, использованных в качестве несущих и ограждающих конструкций: стены первого этажа выполнены из кирпича, башня и крылья второго этажа – из дерева, подвал – из монолитного железобетона. Но самое неожиданное в конструктивном решении здания – железобетонный рамный каркас, спрятанный внутри деревянного сруба башни и предназначенный для поддержки бака для воды. Бак диаметром шесть и высотой пять метров (общим весом более 150

тонн) размещался на железобетонной квадратной плите, опирающейся на четыре колонны, которые проходят через всю башню, от подвала до чердака. По контуру опорной плиты был выполнен невысокий бортик, а на плиту насыпана песчаная подушка для равномерной передачи нагрузки от бака на каркас. С этой же целью архитектор применил красивое нестандартное инженерное решение при конструировании колонн, наклонив их под углом в 45 градусов внутрь башни и сделав поддерживающие плиту разгружающие консоли. Конструктивно внутренний каркас башни не связан со срубом: между бревенчатыми стенами и бортиками плиты оставлен зазор, обеспечивающий независимую работу железобетонных и деревянных конструкций.

Массовая жилая застройка

Блокированные жилые дома для рабочих, построенные в одном квартале со школой, также являются наиболее интересными из типовых проектов ван Лохема. В них нашли отражение принципы формировавшегося в этот период нового стиля мировой архитектуры, получившего название Современного движения, в развитии которого Голландии принадлежит ведущая роль. Принципиально новое для того времени решение проблемы массовой жилой застройки было основано на опыте, приобретенном архитектором еще в Голландии, столкнувшейся с подобными проблемами в 1910–1920-х годах. Стремительный рост городского населения в результате индустриальной революции и острый жилищный кризис привели к принятию в Голландии в начале 1920-х годов переходной политики в области «народного» строительства дешевого жилья, рассчитанного максимум на 25-летний срок службы. Главным требованием, предъявлявшимся к такой застройке, была экономичность объемно-планировочных и конструктивных решений, при этом обязательным принципом было обеспечение минимальных для существования удобств. В рамках этой политики было осуществлено строительство нескольких жилых комплексов, в котором участвовал и ван Лохем.

Свое стремление усовершенствовать жилищные условия масс многие голландские архитекторы того времени связывали со стандартизацией и применением блокированных жилых домов, в которых одинаковые ячей-

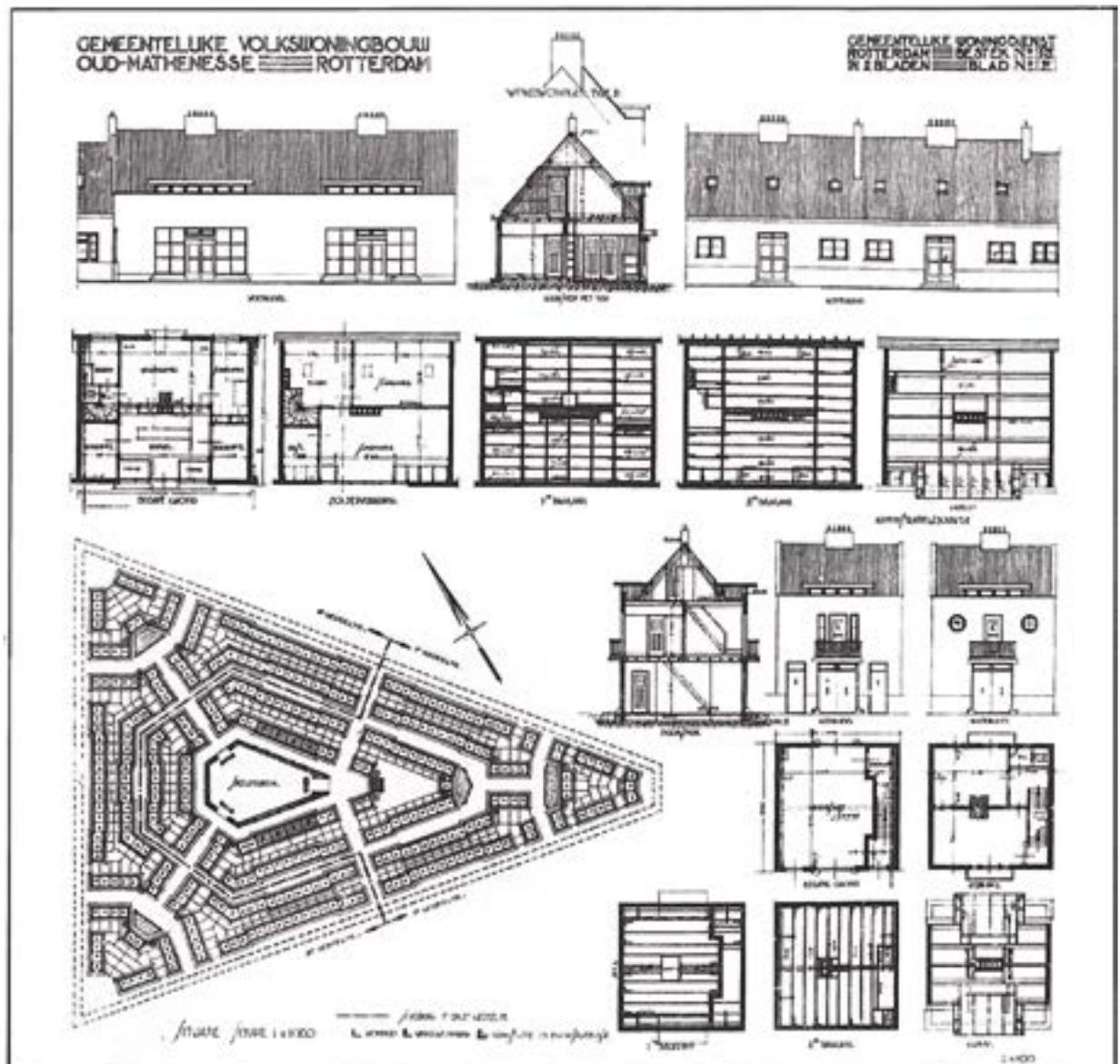
< Рис. 12. Бетонный каркас водонепроницаемой башни школы. Фото автора

ки-фрагменты многократно повторяются, образуя протяженные фасады. Применение блокированных домов вполне соответствовало духу голландского градостроительства, когда для экономии городского пространства частные дома строятся «плечом к плечу», образуя единый фасад. Однако воплощение традиционного для Голландии принципа застройки в новых условиях требовало использования стандартизированных решений. Стандартизация, по мнению одного из лидеров Современного движения, основателя группы «Де стиль» Якоба Ауда, позволяет создать новую красоту, тесно смыкающуюся с красотой современного изобразительного искусства. Возможность попеременной группировки одинаковых деталей – оконных рам и дверей – или целых домов делает архитектуру «искусством пропорций». В идеологическом смысле стандартизация при массовой застройке означала подчинение индивидуального общественному и поэтому соответствовала советским идеологическим установкам. В соответствии с этими эстетическими и социальными

принципами по проекту Й. ван Лохема на Кемеровском руднике строятся блокированные жилые дома, состоящие из стандартных квартир на одну семью с отдельными входами. Квартиры должны были обеспечиваться минимальными санитарными удобствами (водопроводом, канализацией, электричеством), но при этом каждая семья имела небольшой земельный участок.

В стройбюро АИК под руководством ван Лохема было разработано несколько типов блокированных домов. Тип «А», предназначенный для рабочих, состоял из однокомнатных жилых ячеек с кухней, передней и туалетом, общей площадью 34 кв. м и высотой комнат 2,5 м. Каждая жилая ячейка имела два выхода на противоположные стороны фасада. Именно по этому проекту и были построены дома на 22, 24 и 12 квартир в квартале рядом со школой. Эти дома получили у местных жителей ироничное название «колбасы». Застройка рабочего квартала на Кемеровском руднике типологически, планировочно и композиционно была очень близка к застройке квартала

> Рис. 15. Я. Ауд. Проект застройки района Белой деревни в Роттердаме. 1922 [8]

< Рис. 16. Дома для служащих Кемеровского рудника. 1927. Из фондов музея «Красная Горка»

Белая Деревня (Witte Dorp) в Роттердаме, построенного по проекту Я. Ауда в 1922–1924 годах, то есть за два года до приезда ван Лохема в Кемерово (квартал был снесен в 1989 году) [8].

Более высоким уровнем комфорта отличались мансардные дома типа «С» для служащих Кемеровского рудника, состоявшие из четырех двухуровневых пятикомнатных квартир. Для инженерно-технических работников предназначался тип «Д»: так называемый полукирпичный (со вторым деревянным этажом), на две квартиры повышенной комфортности. Несколько таких домов сохранилось до сих пор.

Для Йоханнеса ван Лохема, приверженца функционализма в архитектуре, важную роль играли не только художественные цели, но и технические и экономические аспекты архитектуры. Он пытался прийти к новой эстетике, используя в своих проектах новейшую технологию и новые строительные материалы. И здесь архитектору опять помог опыт строительства в Голландии, в частности участие в 1922–1924 годах в застройке района Бетонной деревни в Амстердаме, где им впервые использовалась оригинальная предельно облегченная конструктивная стеновая система. Тонкие трехслойные каркасные стены жилых домов были выполнены из монолитного шлакобетона толщиной всего семь сантиметров в несъемной сборной опалубке с двух сторон. Опалубка состояла из пемзобетонных панелей пятисантиметровой толщины, которые оштукатуривались с помощью цементной пушки [9].

Вероятно, по аналогии с Бетонной деревней, на Кемеровском руднике ван Лохем также предложил использовать облегченную систему трехслойных наружных стен – кладку Герарда, известную в России, но в Сибири до этого не использовавшуюся. Только роль опалубки здесь выполняли тонкие кирпичные стенки, а шлакобетон заменяла теплоизоляционная засыпка (смесь шлака, извести, опилок и креозота). Для возведения таких стен в колонии было налажено производство кирпича «американского» стандарта (200 100 50 мм). Оштукатуривание кирпичных стен позволяло имитировать ровную бетонную поверхность. Конструктивные новшества были применены и в несущей конструкции крыши, с экономической системой висячих стропил, которая также встречается во многих постройках ван Лохема в Голландии.

Градостроительные, объемно-планировочные и конструктивные идеи ван Лохема оказали большое влияние на застройку шахтерских городов Кузбасса. Многие жилые дома строились или достраивались по его типовым проектам уже после того, как архитектор покинул СССР, а АИК «Кузбасс» прекратила свое существование. Тип блокированного жилого дома применялся в застройке Кемерова до 1960-х годов и вновь вернулся в XXI веке, но уже в виде современных таунхаусов.

Современное состояние

Здание школы Кемеровского рудника использовалось по своему первоначальному назначению до середины 1960-х годов, затем в нем находились административные учреждения. Памятник претерпел ряд существенных утрат и реконструкций: в 1960-е и 1990-е годы после демонтажа водяного бака была значительно (более чем на 5 м) уменьшена высота водонапорной башни, утрачены в результате пожара блок спортивного зала, изменены и размеры большинства оконных проемов, часть из них заложена. Первоначальный облик здания искажен возведенными в разное время дисгармоничными пристройками, изменена внутренняя планировка, утрачены первоначальные интерьеры. В последние годы здание не используется и находится в неудовлетворительном состоянии.

Работы по сохранению совместного российско-голландского архитектурного наследия были инициированы голландской стороной в начале 2000-х годов. В течение нескольких лет волонтерами – студентами КузГТУ под руководством архитектора И. Захаровой – проводились архитектурные обмеры, обследование технического состояния и графическая реконструкция внешнего облика некоторых зданий. Оригинальные чертежи ван Лохема по этим объектам не сохранились, поэтому представлялось важным задокументировать современное состояние памятников, чтобы обеспечить возможность их будущей реставрации или воссоздания. В работе участвовали и голландские студенты из Технического университета Делфта (при поддержке нидерландского Фонда по изучению памятников архитектуры STAG). По итогам этих исследований в 2006 году здание школы Кемеровского рудника было внесено в список культурного наследия Нидерландов.

> Рис. 17. Дома для служащих Кемеровского рудника. Современное состояние. Фото автора

дов за рубежом. В 2007 году школа, дома-«колбасы», дома для специалистов и инженерно-технических работников Кемеровского рудника получили статус объектов культурного наследия регионального значения [10]. Практически одновременно дома-«колбасы» оказались под угрозой уничтожения, поскольку были включены городской администрацией в программу сноса ветхого жилья. И хотя органам охраны памятников удалось остановить бульдозеры, дома, из которых были выселены жильцы, стали очень быстро разрушаться, и неизвестно, удастся ли когда-нибудь вдохнуть в них новую жизнь.

В 2011 году томским институтом «Сибспецпроект-реставрация» по заказу администрации Кемерово разработан проект реставрации здания школы Кемеровского рудника, с приспособлением для размещения в нем школы современного танца. Результатом реализации проекта должно было стать сохранение памятника на основе нового социально значимого функционального использования, с последующим поэтапным обновлением окружающей территории. Однако вскоре произошла смена администрации, а новые городские власти, как и частные инвесторы, интереса к проекту не проявили. В глазах не только чиновников, но и многих местных архитекторов эти здания не имеют никакой ценности. Уникальное российско-голландское архитектурное наследие оказалось не нужным никому, кроме небольшого числа энтузиастов.

В настоящее время здания-памятники находятся на территории малоэтажной застройки бывшего Кемеровского рудника, которая подверглась деградации, утратила свои центральные функции и развивается без разработанного плана. Долгое время, примерно до 1950-х годов, центр Кемеровского рудника оставался наиболее благоустроенным и престижным районом города, здесь жили специалисты и руководители угольной промышленности высокого ранга. С началом в 1950-х годах интенсивной застройки левобережного общегородского центра район выполнял функции центра правобережной части города вплоть до 1980-х годов.

Постепенно, по мере закрытия угледобывающих предприятий, район пришел в упадок. Образовались пустыри на месте утраченных деревянных зданий: жилых домов, конторы Кемерудника, пожарного депо, рабочего кооперативного магазина, построенного по проекту ван Лохема.

Пришла в ветхое состояние жилая застройка периода АИК «Кузбасс», которая была рассчитана на 20–25-летний срок эксплуатации. Существующие пустоты в застройке стали заполняться зданиями и сооружениями, не соответствующими первоначальному функциональному назначению территории. Застройка велась бессистемно. Из-за большой площади подработанных территорий, подверженных просадкам, дальнейшее развитие района не предусматривалось ни в одном из генеральных планов города Кемерово.

Состояние района можно оценить как неудовлетворительное из-за ветхости жилья и отсутствия инженерных сетей: канализации, центрального отопления, в некоторых домах до сих пор отсутствует водопровод. Однако район обладает большим потенциалом развития, имеет благоприятное расположение в общей планировочной структуре города, хорошую транспортную и пешеходную доступность от левобережного центра, фактически являясь транспортно-распределительным узлом правобережной части города. Исторический район Красной Горки в 2011 году получил статус достопримечательного места. Здесь находится интенсивно развивающийся историко-культурный музей «Красная Горка», основное направление работы которого – изучение и популяризация истории Копикуза и АИК «Кузбасс». Реставрация школы и жилых домов Кемеровского рудника, в случае успешного ее осуществления, могла бы стать началом масштабного проекта по возрождению всего исторического района Кемерово на базе сохранения «молодого» архитектурного наследия.

Литература

1. Галкина Л. Ю. Автономная индустриальная колония «Кузбасс». – Кемерово, 2011. – 208 с.
2. Волкова З. Ф. Голландский период в жилищном строительстве Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» // Красная Горка : краевед. изд. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – Вып. 2. – С. 66–75.
3. Невзгодин И. Йохан ван Лохем: два года голландского новаторства в Сибири // Проект Сибирь. – 1999. – № 3.
4. Art Encyclopedia: Johannes Bernardus van Loghem [Электронный ресурс]. – <http://www.answers.com/topic/loghem-johannes-bernardus-van-1>

5. ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 147. Л. 34.
6. ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 2. Д. 182. Л. 132.
7. Scholen van W. M. Dudok in Hilversum [Электронный ресурс]. – <http://www.tgooi.info/dudok/scholen.php>
8. Барбьери У. Разборка домов в зоне современной застройки: «Витте Дорп» Ауда в Роттердаме // Domus. – 1989. – № 5. – С. 16.
9. Eggink R. A. J. B. van Loghem: Architect van een optimistische generatie. – Delft : Technische Universiteit Delft, 1998.
10. Постановление Коллегии администрации Кемеровской области от 20 декабря 2007 г. № 358.

References

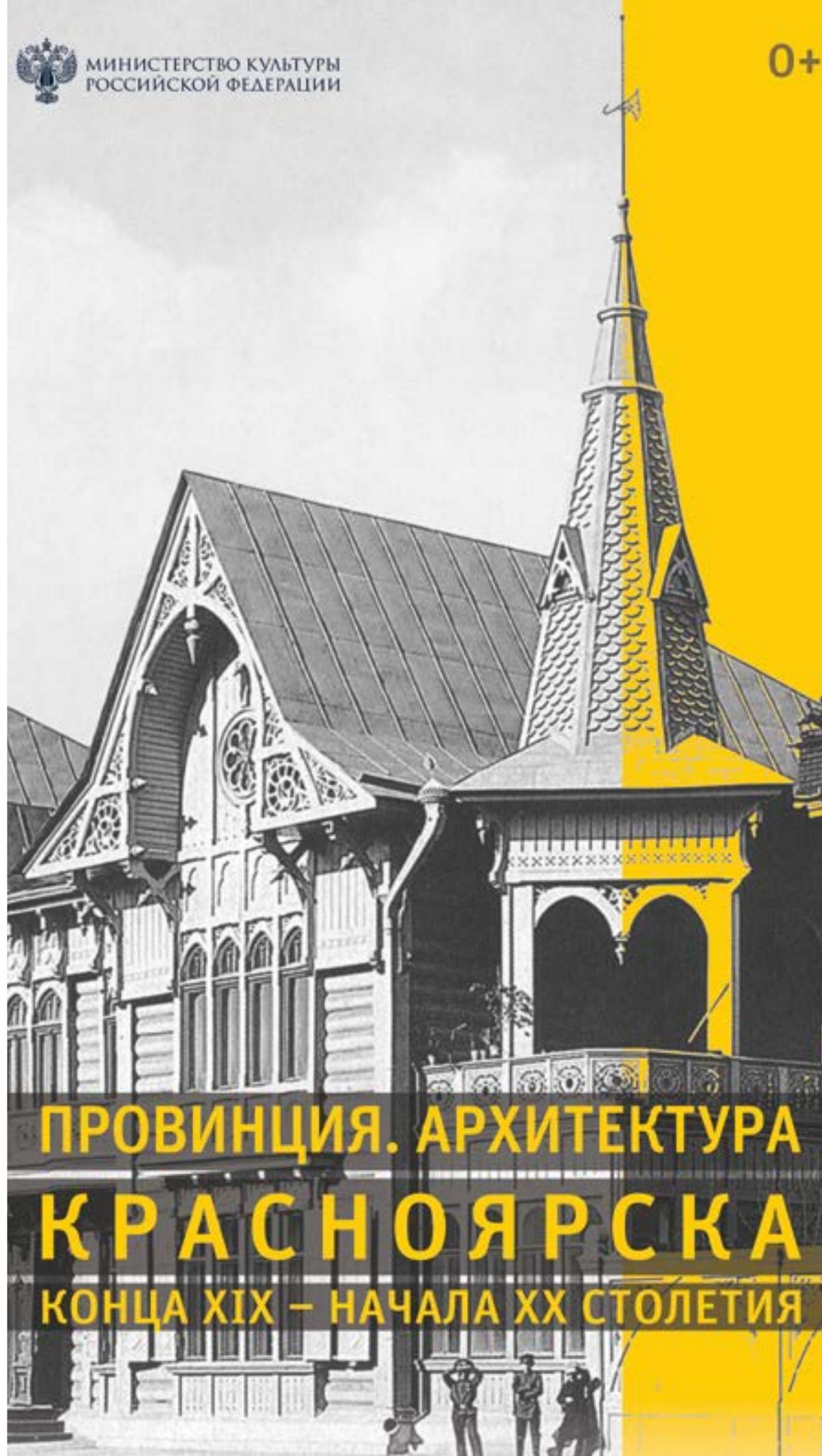
Art Encyclopedia: Johannes Bernardus van Loghem. Retrieved from: <http://www.answers.com/topic/loghem-johannes-bernardus-van-1>
 Barbieri, U. (1989). Razborka domov v zone sovremennoi zastroyki: "Witte Dorp" Auda in Rotterdam [Demolition of houses in the current development area: "Witte Dorp" Oude in Rotterdam]. Domus, 5, 16.
 Bylaw of the Board of the Kemerovo Oblast Administration. (2007, December 20). No358.

Eggink, R. A. (1998). J.B. van Loghem: Architect van een optimistische generatie. Delft: Technische Universiteit Delft.
 GAKO [State Archive of Kemerovo Oblast], fond R-80, inventory 1, file 147, fol. 34.
 GAKO [State Archive of Kemerovo Oblast], fond R-80, inventory 2, file 182, fol. 132.
 Galkina, L. Yu. (2011). Avtonomnaya industrialnaya koloniya "Kuzbass" [The autonomous industrial colony "Kuzbass"]. Kemerovo.
 Nevzgodin, I. (1999). Johannes van Loghem: dva goda gollandskogo novatorstva v Sibiri [Johannes van Loghem: two years of Dutch innovation in Siberia]. Project Siberia, 3.
 Scholen van W. M. Dudok in Hilversum. Retrieved from: <http://www.tgooi.info/dudok/scholen.php>.
 Volkova, Z. F. (2001). Gollandskii period v zhilishchnom stroitelstve Avtonomnoi industrialnoi kolonii "Kuzbass" [The Dutch period in the housing development of the autonomous industrial colony "Kuzbass"]. Krasnaya Gorka: kraeved. izd. Issue 2 (pp.66-75). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

в Рис. 18. Дом для инженерно-технических работников Кемеровского рудника. 1990-е. Из фондов музея «Красная Горка»

Выставка в МУАР / Exhibition at the Museum of Architecture «Province. Architecture of Krasnoyarsk of the Late 19th – Early 20th Centuries»

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

0+

**ПРОВИНЦИЯ. АРХИТЕКТУРА
КРАСНОЯРСКА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ**

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА КРАСНОЯРСКА XIX НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Основоположники формирования архитектурного облика Красноярска начала XX века

Дриженко Сергей Георгиевич
(1876–1946)
Известный красноярский архитектор

Соколовский Владимир Александрович
(1874–1959)
Российский, советский инженер-архитектор

Чернышев Леонид Александрович
(1875–1932)
Художник, архитектор, общественный деятель

Жилой дом усадьбы Архитектора Л. А. Чернышева

Здание электротравы «Художественный» 1915 г. Архитектор С. Г. Дриженко

Сохранение архитектурного наследия Красноярска.

Здание общества попечения народного образования. Архитектор С. Г. Дриженко

Дом М. Х. Зельмановича. 1912 г. Архитектор В. А. Соколовский. Скульптор А. Г. Попов

Здание купеческого общества. 1908–1910 гг. Архитектор Л. А. Чернышев

Здание купеческого общества. 1908–1910 гг. Архитектор Л. А. Чернышев

Здание городской лечебницы Общества врачей. Архитектор В. А. Соколовский.

Здание городской лечебницы Общества врачей. Архитектор В. А. Соколовский.

20 апреля в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева (МУАР) в Москве открылась выставка об архитектуре и истории Красноярска. Выставка «Провинция. Архитектура Красноярска конца XIX – начала XX столетия» – это уникальная возможность познакомиться москвичей и гостей столицы с архитектурой замечательного сибирского города.

Деревянный острог, основанный в 1628 году на берегах могучей сибирской реки Енисей, небольшой уездный город, с 1822 года – центр Енисейской губернии, а затем – столица Красноярского края. В XIX – начале XX века Красноярск в силу исторических причин и особенностей социально-экономического развития играл ведущую роль среди городов Приенисейского края.

Красноярск – старинный сибирский город, дитя первоначального освоения пространства Сибири русскими в самом начале XVII века. Красноярская архитектура, как

и во многих других провинциях, сформирована различными методами – повторениями и заимствованиями, интерпретациями и авторскими проектными идеями.

Архитектурное наследие города составляет достаточно широкий круг памятников, представляющих основные стилевые направления архитектуры конца XIX – начала XX века – классицизм, эклектику, модерн.

Экспозиция выставки включает в себя три раздела: история формирования архитектурного облика Красноярска конца XIX – начала XX века; основоположники формирования архитектурного облика города начала XX века (знакомство с архитектурным наследием С. Г. Дриженко, Л. А. Чернышева, В. А. Соколовского, получивших образование в учебных заведениях Санкт-Петербурга и Москвы); сохранение архитектурного наследия Красноярска (представлены работы красноярских архитекторов).

текст

Ольга Успенская / text

Olga Uspenskaya

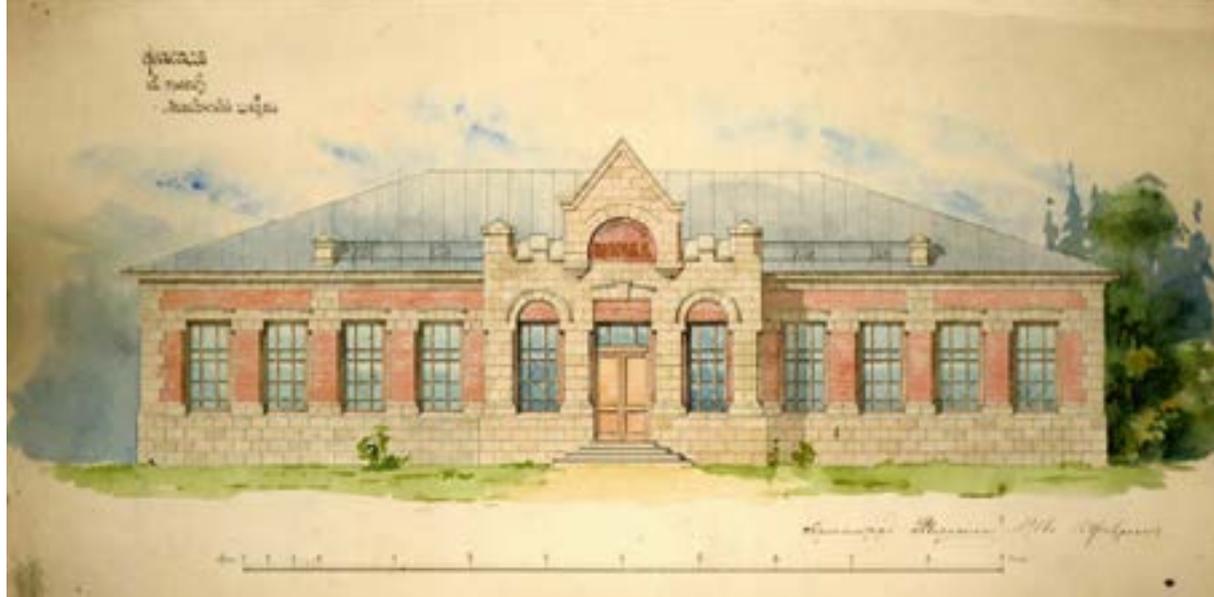
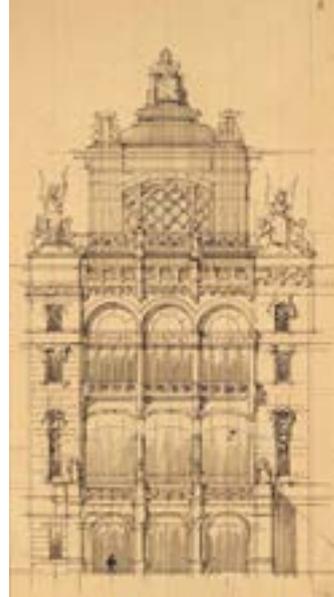
Фонды: Красноярский краевой краеведческий музей; Государственный архив Красноярского края; Красноярская краевая научная библиотека.

Дизайн экспозиции: Никита и Надежда Карюк.

Исследования (участники): Мария Меркулова, кандидат архитектуры, доцент СФУ; Александр Слабуха, кандидат архитектуры, профессор СФУ; Ольга Успенская, архитектор, преподаватель Института архитектуры и дизайна СФУ; Эльвира Успенская, архитектор-дизайнер.

Проекты (участники): проектная мастерская «А2», Борис Шаталов; Проектное бюро архитектора Сергея Бальцера; Проектное бюро архитектора Андрея Ратушняка; Красноярская региональная организация СА России; Институт архитектуры и дизайна СФУ, Сергей Герасченко, директор; Сибирский федеральный университет, Ирина Крылова, главный архитектор.

Пространство красноярской архитектурной провинции XIX и начала XX века (предисловие к буклету для выставки) / The Space of Krasnoyarsk Architectural Province of the XIXth and Early XXth Centuries (Introduction to an Exhibition Booklet)

текст
Александр Слабуха /
text
Alexander Slabukha

Россия – страна провинций. Как и любая российская архитектурная территориальная область, красноярская – обладает типичными и уникальными качествами. В чем суть и где истоки этих качеств?

Ее типичность – в принадлежности к отлаженной системе, единой стране. Ее уникальность – в природе, первопричине. Красноярск – старый сибирский город, дитя первоначального освоения пространства Сибири русскими в самом начале XVII века, стратегический узел принципиальных векторов перемещений – водного меридиана реки Енисей и сухопутной параллели Транссибирской дороги.

Красноярская архитектура, как и во многих других провинциях, сформирована различными методами – повторениями и заимствованиями, творческими интерпретациями и авторскими проектными идеями...

Как и любой исторической территории, которая заселяется, приспосабливается и наполняется в удобство жизни, предметному пространству Приенисейской Сибири свойственна двойственность творческих традиций – в самостоятельном (народном) зодчестве и профессиональной архитектуре.

Истоки таких традиций известны.

Во-первых, корни народной строительной культуры – в опыте мастеров, зодчих, сформированном и обогащенном строительной культурой многих переселенных в Сибирь народов из западно-российских губерний, северо-западных и восточно-европейских стран.

Во-вторых, источники профессионального инженерного искусства и архитектуры – в принятой, в основном с учреждением в 1824 году Енисейской губернии, и устоявшейся структуре организации архитектурной деятельности и методов проектирования, как и во всей Российской империи, а также в системе профессиональных знаний, полученных в столичных учебных заведениях, и творческом потенциале архитекторов – гражданских инженеров, художников архитектуры. Известные красноярские зодчие конца XIX и начала XX века А. А. Фольбаум, С. Г. Дриженко, Л. А. Чернышёв, В. А. Соколовский, по сути, сформировали архитектурное пространство Красноярска и других исторических приенисейских городов.

Выдающийся красноярский исследователь В. П. Косованов (1872–1938) на начало 1920-х годов установил четыре главные формы заселения пространств Сибири – вольнонародное переселение, колонизация по частной инициативе, правительственная принудительная и правительственная добровольная. И в этом – вся история отношений Сибири (пространства), государства и людей. В ней – суть и истоки многих качеств пространства приенисейской архитектурной провинции и XIX, и XX века, когда зарождалась и формировалась профессиональная архитектура Красноярска.

Показано, что ведущее значение в формировании архитектуры Красноярска 1800–1850-х годов принадлежит классицизму. В наибольшей степени стилевые нормы классицизма проявились в облике каменных и деревянных жилых зданий, возводившихся в соответствии с образцовыми проектами, в центральных городских кварталах. Сделан вывод о том, что гражданская архитектура Красноярска до конца 1850-х годов продолжала развиваться в рамках стилиевой системы классицизма, проявление новых тенденций было незначительным.
 Ключевые слова: Енисейская губерния; классицизм; регулярный план; ордерная архитектура; эклектика; влияние классицизма. /

The article tells how Classicism played the leading role in formation of Krasnoyarsk architecture of the 1800-1850s. The stylistic standards of Classicism were mostly demonstrated in stone and wooden houses built according to the model projects in downtown neighborhoods. The author concludes that the civil architecture of Krasnoyarsk developed until the 1850s within the frameworks of the Classicism stylistic system, while new tendencies occurred very rarely.
 Keywords: Yenisei governorate; Classicism; regular plan; order architecture; eclectics; influence of Classicism

Классицизм – основа формирования архитектуры Красноярска 1800–1850-х годов / Classicism as the Basis for Formation of Krasnoyarsk Architecture of the 1800-1850s

Деревянный острог, основанный в 1628 году на берегу Енисея, небольшой уездный город, с 1822 года центр Енисейской губернии, а затем Красноярского края – этапы развития Красноярска.

В XIX – начале XX века Красноярск в силу исторических причин и особенностей социально-экономического развития играл ведущую роль среди городов Приенисейского края. Архитектурное наследие города составляет достаточно широкий круг памятников, представляющих основные стилевые направления архитектуры XIX – начала XX века – классицизм, эклектику, модерн.

Красноярский острог был основан в 1628 году в ходе освоения территории Восточной Сибири. Выбор места для строительства острога, удобного с оборонительной точки зрения, уникального по своим природно-ландшафтным характеристикам, определил направление его дальнейшего развития (по мере превращения из военной крепости в постоянное городское поселение). Планировочное развитие Красноярска происходило на основе регулярной структуры, сложившейся в последней четверти XVIII века, когда город включился в общероссийский процесс преобразования городов. После пожара 1773 года, уничтожившего старые острожные укрепления и почти всю городскую застройку, город застраивался по регулярному плану, составленному присланным из Тобольска геодезистом П. Моисеевым.

Ключевое место в архитектурно-пространственной структуре Красноярска сформировавшейся к концу XVIII века, занимали каменные храмы, формировавшие силуэт города.

Важной вехой в архитектурной истории города стал 1822 год. В этом году по административной реформе Сибири Красноярск был назначен центром вновь учрежденной Енисейской губернии. В этом же году начало свою деятельность строительное отделение при губернском управлении, в штат которого были включены специалисты-архитекторы, которые ведали исполнением «высочайше утвержденного» в 1828 году генерального плана Красноярска, занимались реализацией «образцовых» проектов, а также самостоятельным проектированием.

Новый план города, разработанный архитектором В. И. Гесте, стал основой для внедрения в городскую за-

стройку стилевых норм классицизма. Немногочисленные общественные здания, построенные в 1800–1850-х годах, не сложились в предусмотренные планом городские ансамбли. В наибольшей степени стилевые нормы классицизма проявились в облике каменных и деревянных жилых зданий, возводившихся в соответствии с образцовыми проектами, в центральных городских кварталах, по фронту главных улиц и площадей.

1830-е годы были определенным рубежом в истории русской архитектуры, за которым последовал распад классицизма и становление эклектического направления, призванного учитывать разнообразие вкусов и художественных предпочтений заказчиков. На начальном этапе развития эклектики основным источником заимствований оставалась ордерная архитектура, при этом происходит смена масштабных и композиционных предпочтений.

Гражданская архитектура Красноярска до конца 1850-х годов продолжала развиваться в рамках стилиевой системы классицизма. Проявление новых тенденций было незначительным, без радикального изменения устоявшихся приемов и форм.

Становление эклектики в архитектуре Красноярска 1860–1890-х годов

Спад в хозяйственной жизни в городе и по всей Енисейской губернии к 50-м годам XIX века (после перемещения центров золотодобычи далее на восток) сказался и на архитектурно-строительной деятельности в Красноярске, состояние застоя в которой продолжалось вплоть до 1880-х годов.

^ Гостиный двор на Старобазарной площади в Красноярске. 1857–1863. Фото из альбома «Великий путь. Виды Сибири и Великой сибирской железной дороги» (1899)

< Городской театр. 1873. Не сохранился

текст
Мария Меркулова /
 text
María Merkulova

^ Ордерная эклектика. Мужская гимназия, архитектор П.Х. Климов. 1889–1892

^ Ордерная эклектика. Торговый дом И. Г. Гадалова (ул. Мира, 88 ул. Кирова, 30), архитекторы В. А. Шкалин, С. В. Нюхалов, М. Ю. Арнольд. 1879–1884

К немногим общественным зданиям, построенным в 1860–1870-х годах, относились Гостиный двор (1857–1863) и первое стационарное здание городского театра, чей облик принадлежал эпохе уходящего классицизма.

Общероссийские реформы 1860–1870-х годов, массовое переселение в Сибирь постепенно вывели Красноярск из состояния застоя. В городе заметно оживилась строительная деятельность. Расширилась типология общественных зданий, характерная для дореформенного периода. К наиболее заметным явлениям, внесшим существенные изменения в архитектурный облик центра города, стало строительство торговых домов и зданий учебных заведений. Их крупные протяженные объемы задали новый масштаб городской застройки, наметили тенденцию к формированию сплошной фасадной застройки улиц.

Стилевое развитие архитектуры Красноярска 1860–1890-х годов не сопровождалось отрицанием классицизма. Изучение немногочисленного ряда общественных зданий и массовой застройки дает основание говорить об устойчивости стилистики классицизма, композиционные приемы и декоративные особенности которого сохраняют свое значение на протяжении всего периода. Долго сохраняются классицистические влияния в архитектуре общественных зданий.

Ордерная эклектика, использующая композиционные приемы и декоративные особенности классицизма (фронтальность, симметрично-осевое построение фасадов, детали), определила облик мужской гимназии, торгового дома И. Г. Гадалова, дома с магазином Н. И. Кузнецовой. Фасады некоторых зданий были выполнены из лицевого кирпича.

Обращение ко многим историческим стилям, являющееся отличительной чертой эклектики, не характерно для архитектуры Красноярска второй половины XIX века. Особенности социального заказа, экономические соображения, ограниченные материальные возможности отодвинули на второй план поиски новых выразительных композиционно-пространственных и стилистических средств, обусловили отказ от сложной декорации фасадов. В многообразии существующих направлений эклектики экономичный и рациональный «кирпичный

стиль», в котором строились торговые здания, учебные и лечебные заведения, жилые дома, здания производственного назначения, оказался наиболее востребованным. В Красноярске строительство первых зданий в кирпичном стиле связано с именем М. Ю. Арнольда, который был хорошо знаком с И. С. Китнером – одним из убежденных проводников «кирпичного» стиля.

Постройки в русском стиле, в котором традиции народного деревянного зодчества были переосмыслены профессиональными архитекторами, появились в деревянной жилой застройке Красноярска лишь в конце XIX века. Декоративное убранство некоторых из них свидетельствует о знакомстве заказчиков и мастеров-плотников с «фольклорным» («крестьянским») вариантом русского стиля, пропагандировавшимся с 1870-х годов журналом «Мотивы русской архитектуры». Публиковавшиеся в журнале детальные рисунки резного декора использовались при оформлении фасадов жилых домов, при сооружении малых архитектурных форм. Щедро украшенные деревянным резным кружевом беседки были сооружены на набережной Енисея и на Гремячем ключе в пригороде Красноярска, где находились дачи многих зажиточных горожан.

Многообразие стилевых направлений в архитектуре Красноярска 1900–1910-х годов

С началом строительства Транссибирской железнодорожной магистрали в жизни Красноярска начались значительные перемены. Современники отмечали, что стальные рельсы «вывели край из экономической спячки». Развитие промышленного производства и торгово-предпринимательской деятельности, усиление переселенческого движения способствовали росту населения города, стимулировали в 1910-х годах строительный подъем, наивысший за всю историю города. В эти годы Красноярск переживал настоящий строительный бум. Повсеместно возводились новые или перестраивались старые дома. На центральных улицах за короткий срок появилось большое количество разнообразных по назначению и внешнему облику зданий. Это богатые особняки, многоквартирные доходные дома, гостиницы, магазины, торговые дома, новые для Красноярска здания культурно-просветитель-

ского и зрелищного назначения – краеведческий музей, Дом просвещения, Народный дом-театр, театр-клуб при железнодорожных мастерских, кинотеатры.

Значительные преобразования затронули архитектурно-пространственную среду центральной части Красноярска. На смену патриархальной по своей сути деревянной усадебной застройке приходит застройка городского масштаба – плотная, отличающаяся большей высотой, ориентированная на строительство преимущественно каменных зданий.

1900–1910-е годы занимают особое место в процессе стилевого развития архитектуры Красноярска, в котором большое значение приобретает индивидуальная, авторская профессиональная деятельность.

Ведущими архитекторами, работавшими в Красноярске с начала XX века, были В. А. Соколовский, Л. А. Чернышёв, С. Г. Дриженко, получившие образование в учебных заведениях Санкт-Петербурга и Москвы. Эти архитекторы выполняли проекты городских общественных зданий, работали по частным заказам представителей привилегированной части общества (купцов, промышленников, высокопоставленных чиновников, врачей, адвокатов) не только Красноярска, но и других городов губернии.

^ Архиерейский дом

^ Духовная семинария

Обреченные на архитектуру / Destined for Architecture

текст и фото объектов
Виктория Астраханцева /
text and photos of the sites
Victoria Astrakhtantseva

В конце 80-х на Форуме северных городов в канадском Су-Сен-Мари мне посчастливилось встретиться (во второй раз в жизни) со своей бабушкой Арменуи Бальян, ее сестрой и дядей, специально приехавших на встречу со мной из Америки. Узнав, что моя дочь тоже будет архитектором, она заявила, что это закономерно, и кое-что рассказала о династии архитекторов Бальян, учившихся и работавших в нескольких странах Европы. Пообещала, как только переведут на английский огромный биографический фолиант, она мне его подарит. В роду было девять архитекторов – пять поколений. Приблизительно в 1764 году первый архитектор из рода Мерамеджи Бали Калфа по приглашению султана приехал из Армении в Стамбул для проектирования дворца. С 1995 года я бережно храню эту теперь уже семейную реликвию.

Спустя годы невольно задумываешься, на что тобой потрачены 49 лет в архитектуре, 25 из которых – в собственной мастерской? Нужно ли искать оправдание тому, что в годы великихстроек (и совсем других дворцов) мы примчались из теплых краев в Сибирь для самоутверждения в профессии. При такой родословной вопрос становится не просто риторическим...

Согласитесь, заманчиво поместить свою мастерскую в последовательно запроектированном тобой сначала жилком районе в центре города, потом микрорайоне и здесь же в индивидуальном 14-этажном доме, что и состоялось в 1992 году. Поначалу казалось, что только сама буду заниматься проектами, потом примкнула дочь, а позже и внучка. Но сроки, объемы, ситуация были разными. Коллектив вырос до нескольких работавших в разное время специалистов: А. Поддубный, М. Мочалов, Ю. Коробко, И. Бусурманова, С. Баублис, М. Ульянов, Е. Нестерова, Н. Шуляк и др., в иркутском представительстве – И. Дружинина, А. Курачицкий.

Первые собственные установки – профессионализм, приоритет архитектуры, право выбора заказов, желательно на свое усмотрение, и обязательно – режим творческой свободы! Я ведь только что оставила пост главного архитектора города (1988–1992 годы), а, как говорят, счастье человека где-то между свободой и дисциплиной. Еще мечталось работать в любом диапазоне, да так и складывалось. Мы, выпускники конца шестидесятых, становились архитекторами широкого профиля, без узкой специализации.

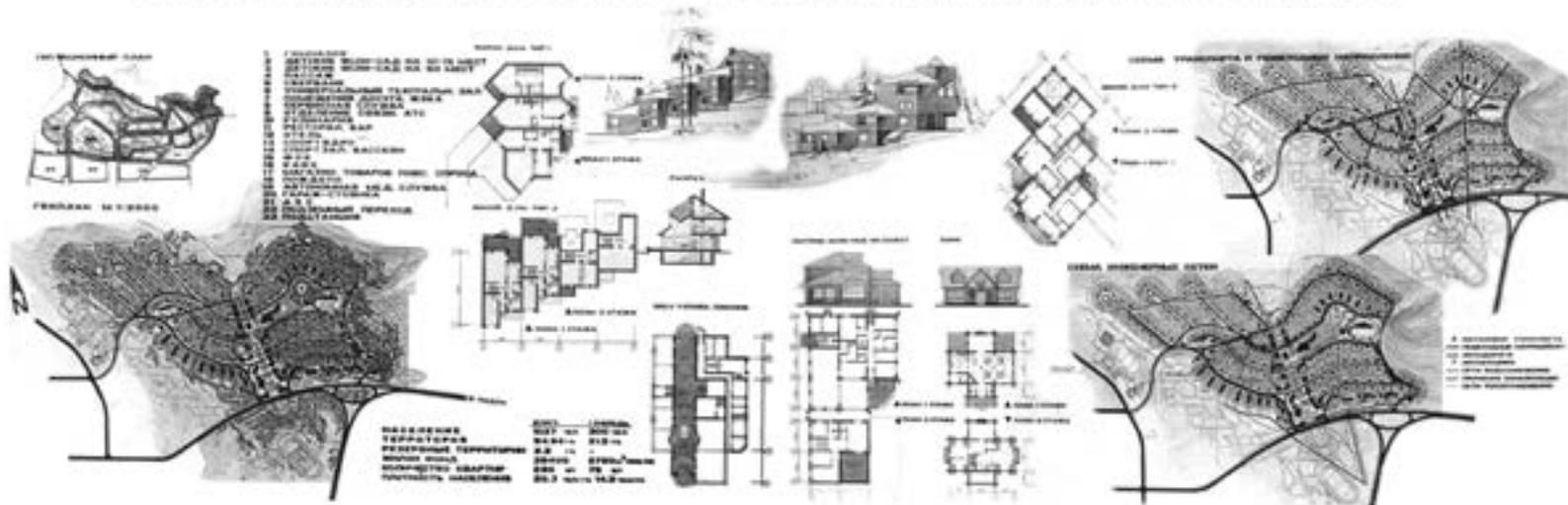
В мастерской было запроектировано несколько микрорайонов, рекреационная зона спорта и отдыха «Гора Пихтовая», парки, площади, бульвары, скверы, дачные и оздоровительные комплексы. Из недавних работ – Концепция пространственного развития города Иркутска. Были и проекты зданий административно-делового, культурно-массового, социального, медицинского назначения, коттеджи, интерьеры, памятники. Театр, банки, гостиничные комплексы, офисные здания, турагентства... И все это – десятки квадратных метров планшетов, конкурсы, фестивали, широкая география.

Микрорайон № 37 – первый проект в мастерской. Это было настоящее удовольствие – работа с грамотным заказчиком (русско-канадская фирма «Браскана», с влиятельным зарубежным спонсором). Специфический участок, на сложном рельефе, не имеющий традиционного прямоугольного контура и завершающий композицию перспективного планировочного района Пихтового. Особенность – применение новых широкой палитры типов жилья, многофункциональных комплексов обслуживания, в том числе детских, каких теперь множество.

в Микрорайон 25А
в Центральном жилом
районе. Братск. 2008.
Победитель городского
конкурса.
Автор В. Астраханцева,
при участии Ю. Коробко

Проект микрорайона № 37 с высокоплотной малоэтажной застройкой в г. Братске.

^ Микрорайон № 37 в жилом районе Пихтовом, Братск. Заказчик ТД «Браскана». 1992–1993.
Автор-руководитель В. Астраханцева, при участии А. Мочаловой, ГИП – С. Мохов

Часто все, что «впервые», вызывает сильные эмоции. Мы пережили «шаткий», но определяющий период начала перестройки. Еще не освоен компьютер, работа в старых параметрах, ручная графика. И тем не менее результат был радующий.

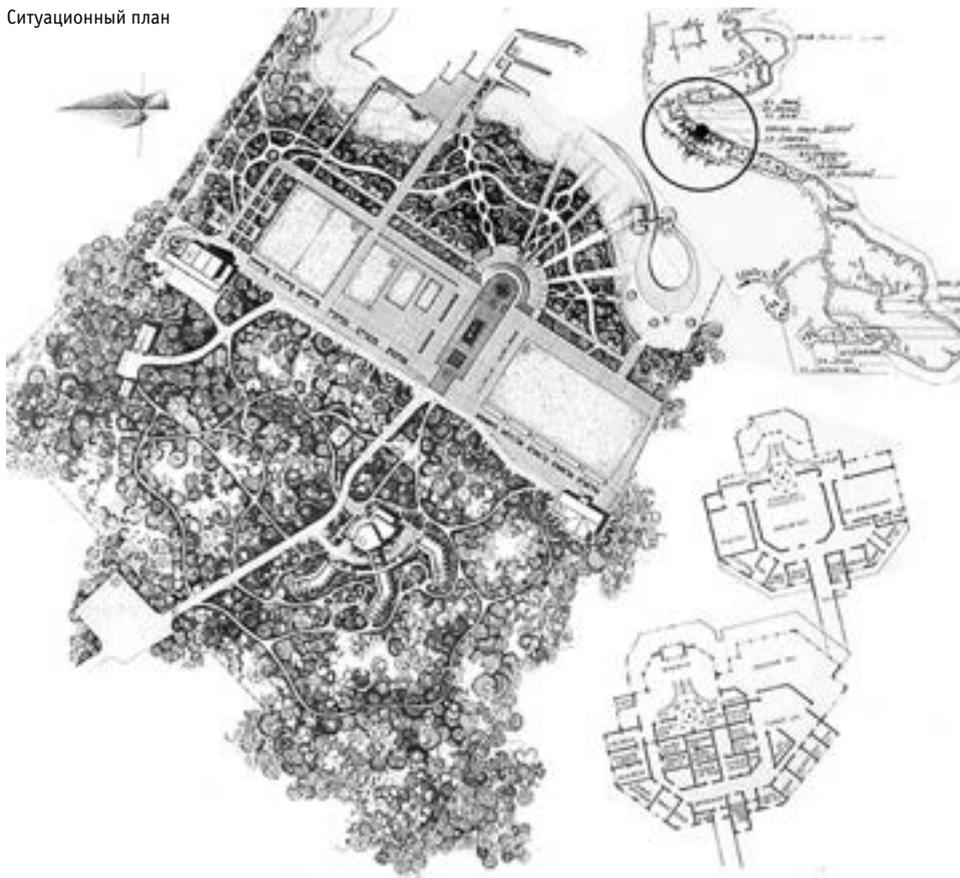
Случались и другие примеры. Реконструкция пионерлагеря «Дружба» в Братске под спортивно-оздоровительный комплекс отдыха на водохранилище (от концепции до «рабочки»). Объект, как было сказано, получился, однако изначально реальные проблемы с инженерией побудили меня привлечь опытных специалистов, проектировавших еще БГЭС, настоящих технарей. Увы, но крупный заказчик от известной энергетической структуры применил прием 90-х – не до конца рассчитался с нашим золотым фондом!

Помню, как я, будучи тогда во всех ролях – ГАП, автор, директор, понимая меру ответственности, переживала за людей – «киных уж нет, а те далече...». Это был первый опыт, развенчивающий безмятежность творческого существования, теперь уже и в новой ипостаси, когда процветала иезуитская формула: «Цель оправдывает средства». Соглашусь, что опыт – это и количество утраченных иллюзий.

Микрорайон № 25А в центре, городской конкурс (2007 год). И опять с широким освещением в СМИ. Актуальная, нужная городу, но, как часто бывает с планировочными работами, при разрыве хотя бы одного звена в цепи многих задач неизбежна их «размазанность» во времени. Как итог – устаревание или долгострой. Допускаю, что это просто «карусель» по освоению средств на проектирование, такая вынужденная мера, ведь Братск не «потянул» эту площадку до сих пор. Отчасти, похожая ситуация случилась и с микрорайоном Zet.

Братский драматический театр. Реконструкция здания кинотеатра. Одна строчка в названии, а сколько за этим стоит. Изучение театральной специфики, учет инженерных особенностей, «коробку» превратить в театр... и самое сложное – выбор стилистики. Определяющим стал отзыв Владимира Федоровича Буха, чье мнение для меня неоспоримо: «Архитекторы... правильно отреагировали на ожидания братчан. Курс на классические реминисценции выдержан последовательно и на наилучшем из возможных качественном уровне» (ПБ № 1).

Ситуационный план

Конечно, дороги воспоминания об открытии театра, резонанс в городе, получении наград за объект. Одной из таких стало выступление на этой сцене моей сестры – профессиональной певицы. Сбылась моя когда-то фантазия! Страница, которой дорожу (золотой диплом «ЗВС-2004»).

Юг области. В г. Байкальске, с его великолепной природой, выполняли концептуальную работу – 4-звездочный отель для горнолыжников. Известная личность – братчанка, увлекающаяся этим спортом, переехала туда

^ Спортивно-оздоровительный комплекс отдыха «Дружба» в Братске. 1993. автор В. Астраханцева, при участии В. Стефанишина, Ю. Коробко, ГИП – Л. Орлова

^ Братский драматический театр. Автор-руководитель В. Астраханцева, при участии М. Ульянова, Ю. Коробко. 2003. Диплом I степени на фестивале «ЗВС-2002» за проект «Зрительный зал Братского драмтеатра» в разделе «Интерьеры». Золотой диплом «Реконструкция Братского драматического театра» на фестивале «ЗВС-2004» в разделе «Постройки». Лауреат премии губернатора Иркутской области в области культуры и искусства в 2006 году

с большими своими планами... Мы понимали, что многое впервые было и для состоятельных людей (тогда их называли по-другому).

Еще один любопытный эпизод – работа над многоярусным атриумом здания управления АК «АЛРОСа», г. Мирный, Якутия (2005 год). Специфика проектирования в районе вечной мерзлоты, кимберлитовая трубка... Новые места и разнообразие работ в этих краях нас по-настоящему увлекали.

Наше деловое сотрудничество с заказчиками частенько перерастало в многолетнее, почти дружеское. Так, в течение десятилетий мы последовательно реконструировали различные помещения, и не только гостиничного комплекса «Тайга» в Братске. Помнится, процесс порой начинался с выбора вариантов, которые было бы нелегко скопировать, что широко процветало в те годы по неумолимым законам рынка. Ставка делалась на натуральные, дорогостоящие материалы. Это предопределило претенциозность и образность. Своего рода – яркая примета времени.

Случалось, каждая новая работа, как маленькое открытие, просто спасала.

Братская и частично Усть-Илимская ГЭС. Наверняка никто, как и мы, не отказался поработать бы над преобразованием на этих уникальных объектах: инте-

рьерах пульта управления, административных помещений, конференц-зале, музеях, фасадах их комплексов, благоустройстве территорий. Новаторскими назвали наши предложения по размещению объемных архитектурно-дизайнерских символов на теле Усть-Илимской платины.

Особая ценность нашей профессии – в диапазоне задач, которые побуждают погружаться в новые для тебя сферы деятельности.

Буквально делали открытия при работе над дизайн-проектом планетария в 130-м квартале Иркутска, над отдельными помещениями. Сразу впечатлили старинные карты звездного неба, с указанием авторов! Предложили нанести их графическое изображение на все поверхности стен и потолков 4-этажного утилитарного коридора и холлов (из которых попадаешь на этажи с административными помещениями, к астроному, в музей, и др.), традиционно ведущих на самый верх, в обсерваторию, таким образом, превратив их в информационно-познавательное пространство. В зале обсерватории – специальная отделка, мебель и, главное, уникальный старинный телескоп.

Мастерская «Аллегро» стала победителем конкурса на проект 9–11-этажного 4-секционного индивидуального жилого дома с встроенным соцкультбытом (ул. Советская,

> Дизайн-проект интерьеров отдельных помещений многофункционального здания музея, ресторана, планетария. Иркутск, квартал № 130. 2011. Авторы В. Астраханцева, И. Дружинина, визуализация – А. Курачицкий. Автор объекта – руководитель Е. И. Григорьева, коллектив ООО «Студия 7»

Братск, 2006–2007 годы). В архиве сохранился и трогательный благодарственный отзыв от заказчика ООО «Актив-Групп» о нас – победителях еще одного закрытого конкурса на административное здание 3-й очереди комплекса административных зданий по ул. Октябрьской Революции в Иркутске (2011 год). Вот уж по-настоящему многофункциональный объект. поэтажные офисы, банк, гостиницы, ресторан, банкетные залы, кафе, бутики, парковки. Как всегда, за месяц – от основных конструкций здания до расстановки оборудования, мебели, укрупненных смет. Зато нас очень похвалили – симулируем радость.

Довольно распространено у заказчиков использовать чьи-то конкурсные идеи, а разработку отдать на сторону, нарушив свои же условия. Должна признаться, что мы с удовольствием выполняли бы эти первые, самые творческие стадии проектирования, но порой больно смотреть на результат чье-то «прочтения».

Близость Байкала, выраженный рельеф, стесненный участок стали основой проекта (для семейного бизнеса) гостевого дома на берегу Байкала в Бурятии. Структура здания ступенчатая, из каждого номера – прекрасный вид. Активно применены дерево и камень. Для придания лёгкости – пластичная со стеклянными фронтонами кровля. Предусмотрены помещения для полного автономного обслуживания, питания, отдыха, в том числе блок для проживания семьи (серебряный диплом «ЗВС-2010»).

Ключевые установки незаурядного заказчика – священнослужителя – предопределили стилистику застройки сибирской усадьбы в пос. Байкал (2014–2015 годы). Осложняющие условия – сохранение части конструкций старого дома, строительство на срезе огромной скалы, рельеф под 40 %, учет особенностей грунта. Символическую крестообразную форму дому в плане придал новый поперечный объем, «парящий» консолью над нижним строением, максимально раскрывающийся окнами на панораму Байкала.

Подробное освещение проекта реконструкции здания ЦК КПСС с ДПП под отделение № 2413 Байкальского банка Сбербанка РФ в Братске (2004–2006 годы) в ПБ № 25 избавляет меня от описания. Может быть, расскажу только о том, как все начиналось (2004 год).

Звонок – и на пороге, заслонив амбразуру двери в мастерскую, появились нетипичной для Сибири внешне-

сти брюнетистые, импозантные мужчины – представители фирмы ОАО «Энергоплан» Любляны – директор зарубежных проектов Анте Левай, архитектор Игор Винтар и управляющая банком в Братске Е. А. Пивоварчик. Левай с порога удивленно произнес с акцентом: «Я думал, вы внушительных размеров дама, а вы... автор!» Неформальное начало, аромат кофе и даже фрукты посредственного вида и качества, купленные наспех в соседней лавке («зато без химии», как было замечено гостями), все же задали хорошее настроение. По результатам встречи родился протокол с ключевыми целями и задачами. Институт «Гипродорнии» выиграл тендер. Мое участие в их команде было определено позже.

Это я о том, что невозможно описать деятельность мастерской коротко, но полно, вычленив массу сопут-

< ^ Братское отделение № 2413 Байкальского банка Сбербанка России. Реконструкция. 2009.

Авторы:
руководитель С. Демков,
архитекторы
Н. Шерстова,
В. Астраханцева,
С. Ставцев,
гл. конструктор
Г. Сироткина,
ГИП Н. Нагаева.

Авторы объекта
– руководитель
В. Астраханцева,
М. Мочалов и коллектив
филиала института
«Иркутскгражданпроект»

^ Гостиничный комплекс «Тайга», Братск. Реконструкция. Автор В. Астраханцева, при участии С. Баублис (ресторан), Ю. Коробко. Витражи – Арт-студия «Сон весны»

ствовавших событий, встреч, эпизодов, судьбоносных случайностей. Возможно, именно этот «фон» и есть наша специфика. Всегда мастерская была местом неформального общения, в том числе, когда здесь проходили официальные мероприятия БОСАР, БОАИИ СРО, фестиваля «Фрешь». Незабываемы встречи с гостями – не единожды с президентом РААСН А. Г. Рочеговым (1995 год), академиками Ю. П. Бочаровым и В. П. Постновым с командой; конечно, с иркутянами – В. Исаковым, Н. Кузаковым, Е. Григорьевой, А. Колесниковым, В. Стегаило, И. Козаком, С. Демковым, Н. Шерстовой, А. Красильниковым и др. Посещал нас мэр и другие гости из Су-Сент-Мари, члены делегаций из Южной Кореи, Словении, США. О своих друзьях, местных гостей, художниках, фотографах, артистах... я уж и не говорю.

Все эти дорогие, радующие «мелочи жизни», как показывает время, дарили контакты на десятилетия, дружбу, атмосферу, в которой было легко дышать.

В благодарность сотрудникам мастерской должна упомянуть о ряде наград. Мы стали их получать с появлением фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» (2001, 2002, 2004, 2008, 2010, 2011) в Иркутске, организованного по инициативе Е. И. Григорьевой в 2001 году, «Золотая капитель» (2005, 2009) в Новосибирске, «Зодчество Восточной Сибири – 2014» в Красноярске. В их числе пять золотых, четыре серебряных, пять бронзовых диплома, специальные, поощрительные и др. «Аллегро» – победитель различных городских (2006–2007, 2007–2008) и частных конкурсов (2011, 2015) Братска, Иркутска.

> Гостевой дом на берегу Байкала. 2009. Авторский коллектив: архитекторы В. Астраханцева, И. Дружинина, конструктор И. Макеев, визуализация – Н. Шуляк. Серебряный диплом XI Межрегионального фестиваля «ЗВС-2011», раздел «Проекты»

^ Усадьба на рельефе в пос. Байкал. Реконструкция.
Автор И. Дружинина, визуализация – А. Курачицкий

^ Благоустройство территории частного дома. Иркутск.
Автор И. Дружинина.
Золотой диплом Международного архитектурного фестиваля «ЗВС-2008»

Коллектив мастерской получил грамоту XII Международного фестиваля «Зодчество-2004» Москва, почетные грамоты мэра Братска – 2003, мэра Иркутска – 2016. Благодарственные письма администрации Братска – 2014, 2015, благодарственное письмо Городской думы Братска (2016).

Вряд ли коллегам будет интересен дальнейший рассказ о буднях проектировщика в нашей сфере услуг, пусть даже и за четверть века. А может быть, моя любительская лирика скажет о чем-то большем? Решаюсь...

Аромат архитектуры

Аромат профессии – особый,
тысячи оттенков, все не счесть,
Научиться отличать их чтобы,
говорят, пуд соли надо съесть.
Им наполнена большая мастерская
или закуточек небольшой,
Частная, не частная, любая,
жизнь, в которой провели с тобой.

Запах деревянного каркаса
старого подрамника в углу.
Треснул ватман, он стоит напрасно,
выбросить его? Нет, не могу.
И не важно, что теперь смешными,
кажутся «каракули» на нем.
Что ни говори, они родные,
в них мгновенья жизни узнаем.

Бесшабашность, тайные порывы,
ночи за проектом, ревность, злость,
Получалось или шло с надрывом,
так уж в нашем деле повелось.
Четкий контур плана на ГОЗНАКЕ
с качеством заметным на просвет,
В конкурсной интеллигентной «драке»
каждый новый возникал проект.

Дух или душок, и это было.
Разочарований череда.
Все забыла, всем и все простила,
даже, показалось, навсегда.
Нет, сидит там, глубоко и больно,
Правда, поутихла боль теперь,
Все ж, бывает, вспомнится невольно,
а захлопнуть хочется ту дверь.

Ароматы, запах вспоминаю:
пахнет мамочкина «Красная Москва»,
Я архитектуру постигаю,
что ее, познав едва-едва...
Нравится упорствовать ночами,
лишь под утро падать на кровать,
С красными счастливыми глазами
с чертежом на кафедру бежать...
Запах общежития знакомый
невозможно спутать ни с каким,
С ним сюжеты возникают снова
милых сердцу и смешных картин.
Руки в краске я не замечаю,
в акварели щеки, нос, планшет.
Светская профессия – не знаю?
Сколько сил и сколько нужно лет,
Чтобы к ней приблизиться немного,
опыт обрести и право быть,
Чтобы осознать свою дорогу,
о себе достойно заявить.
Силуэт склонившейся фигуры
в антураже будней и ночей...
Хрупкость – не про нас, в архитектуре
нежность – только «с милым в шалаше».

Ароматы новые с годами
нас сопровождают, в том резон.
Чувствую нюансы, их меняя,
например, на терпкий Poison.
Позже был Jadore, Chanel, Fa, Gucci –
всё приметы лет, они со мной.
Радость или творческие муки,
с ними суть профессии такой.

Стала я с годами осторожней
и, пожалуй, реже их менять.
Новый запах – вряд ли он возможней,
полутон – сумею распознать.
Удивить, порадовать – сложнее,
обмануться – вовсе не могу.
Вкусы обновить свои точнее,
но не так, как прежде, на бегу...

Пусть флюиды прошлых лет чудесных
кружат ароматом надо мной,
Жду еще проектов интересных,
и пока не снится мне покой.

2014

< Рис. 1. Б. А. Малиновский

На основе архивных материалов и анализа сохранившихся построек в статье воссоздается творческая деятельность одного из видных дальневосточных архитекторов начала XX века военного инженера Б. А. Малиновского. Выявлены его архитектурные и инженерные произведения, постройки преимущественно в стиле неоклассицизма, показан вклад архитектора в развитие застройки Хабаровска. Прослежены принципы его проектирования, отмечен широкий типологический диапазон построек. Обращается внимание на вклад Малиновского в подготовку инженерных кадров на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы.

Ключевые слова: Дальний Восток; Городской дом; дом Такеучи; русский стиль. /

Based on archival materials and the analysis of surviving buildings, the article recreates the creative activity of one of the prominent Far Eastern architects of the early 20th century, the military engineer B.A. Malinovsky. In the article his architectural and engineering works built mainly in the style of neoclassicism are identified, and the contribution of the architect to the development of Khabarovsk is shown. The principles of its design are traced, and a wide typological range of buildings is noted. The article pays attention to other important aspects of Malinovsky's creative activity, in particular, his contribution to the training of engineering personnel in the Far East in the 1920s-1930s. Keywords: The Far East; city house; Takeuchi house; Russian style.

Военный инженер Малиновский: творческая деятельность в Хабаровске /

ТЕКСТ
Николай Крадин /
text
Nikolay Kradin

> Рис. 1-а. Поручик Малиновский (в центре)

годы сталинских репрессий. Это был чрезвычайно интересный человек, талантливый архитектор и незаурядный музыкант, высокообразованная интеллигентная личность [1–4].

Родился Малиновский 31 января 1876 года в семье потомственных дворян Московской губернии, получил прекрасное военное образование. В детстве он обучался в 4-м Московском кадетском корпусе, затем окончил в Петербурге Александровское военное училище и Николаевскую инженерную академию. Собственно военная служба его началась после поступления из кадетского корпуса в 3-е военное Александровское училище в 1892 году юнкером рядового звания. Через год он становится унтер-офицером, затем младшим портупей-юнкером, а по окончании курса наук произведен в подпоручики 4-го Гренадерского Несвижского имени Баркляя де Толли полка, где он обязан был отслужить три года за воспитание в училище. Назначение подпоручик Малиновский получил в состав охотничьей команды, из которой еще до истечения трехлетнего срока службы, в июле 1897 года, отправился «для держания предварительного испытания при штабе 6-й саперной бригады на предмет допущения к держанию вступительного экзамена в Николаевскую инженерную академию». Предварительные испытания Малиновский успешно выдержал, поэтому в августе того же года отправился в академию на приемные экзамены, которые тоже сдал успешно, однако принят не был в связи с отсутствием вакансии. Пришлось поручику возвращаться к месту службы, а через год – снова те же испытания, предварительные при штабе и приемные в академии. И вновь – отсутствие вакансии. Прямо рок какой-то. И только вмешательство крупного военного чина в лице заместителя военного министра Барсова помогло Малиновскому поступить «сверхштатным обучающимся офицером в младший класс академии». Далее все пошло гладко: через год его переводят в старший класс академии и с разрешения военного министра зачисляют в число штатных обучающихся офицеров.

По истечении двух лет Малиновский переводится на дополнительный курс обучения, но уже с определенными преимуществами, а именно: с правом получения годового жалования, с правом ношения академического знака и с

Исследование творческой деятельности дальневосточных архитекторов позволяет выявить среди большого количества имен лишь немногих, кто оставил после себя заметный след постройками, ставшими со временем памятниками архитектуры и составляющими ныне историческое лицо города. Среди этих имен следует прежде всего назвать Бориса Андреевича Малиновского (рис. 1), который проработал на Дальнем Востоке более 35 лет и уже в преклонном возрасте умер в Московской области в 1950-е годы. Он пережил на Дальнем Востоке годы революции и Гражданской войны, его не захлестнула волна эмиграции, он остался живым в 1930-е – жестокие

< Рис. 2. Кадетский корпус в Хабаровске. Открытка

The Military Engineer Malinovsky's Creative Activity in Khabarovsk

правами, если будет состоять на действительной службе в строевых частях, на получение всех полагающихся по штату преимуществ. В мае 1901 года Б. А. Малиновский успешно окончил дополнительный курс академии и «за отличные успехи в науках произведен в штабс-капитаны с переводом в военные инженеры». Согласно существовавшим в то время правилам, после окончания академии выпускник ее обязан был прослужить в корпусе военных инженеров или же в частях инженерных войск четыре с половиной года – срок обучения в академии. Кроме того, Малиновский имел право быть допущенным к преподаванию в пажеском корпусе и в военных училищах фортификации, не подвергаясь дополнительному испытанию (аттестации) по этой дисциплине.

Служба – дело подневольное, а потому и отправился Малиновский из Санкт-Петербурга на Дальний Восток, в распоряжение начальника инженеров Приамурского военного округа. Далекий и долгий был путь из столицы в Хабаровск, куда он прибыл в октябре 1901 года. В семье потомков Бориса Андреевича до сих пор сохранилась легенда о том, как на торжественном построении выпускников академии их посетил государь император. Подходя к каждому выпускнику, он обязательно с ним разговаривал, интересовался успехами. У Малиновского спросил: «Куда служить направляешься?» Тот ответил, что на Дальний Восток. Государь на это ответил: «Ну и дурак», потому как очень недолюбливал эту далекую российскую окраину. Занимаясь исследованиями о деятельности Б. А. Малиновского на Дальнем Востоке, мне довелось познакомиться, а затем вести переписку и общение с его родственниками в Москве. От них и удалось узнать истинную причину его отъезда на Дальний Восток. Оказывается, Малиновский еще в молодости был женат в Москве, но брак оказался неудачным. Развод бывшая супруга длительное время ему не давала, якобы требуя компенсацию в 20 тысяч золотом. Таких денег, естественно, у Малиновского не было. Так что его отъезд после окончания академии на Дальний Восток был не подневольным, а вполне осознанным и добровольным.

Сразу же по прибытии в Хабаровск его зачислили в штат окружного инженерного управления, а в июне 1902 года перевели в штат обер-офицеров Амурской инже-

нерной дистанции с назначением членом строительной комиссии. Служба Малиновского в Хабаровске была связана со строительством военных объектов: он занимался постройкой казарменных помещений для двух стрелковых полков в Хабаровске, а также зданий (комплекса) Хабаровского кадетского корпуса (рис. 2). Однако гораздо более плодотворной архитектурно-строительная деятельность Малиновского как архитектора оказалась после его увольнения в запас в июне 1906 года.

В 1910-м его производят в подполковники с увольнением из запаса в отставку и зачислением в саперное ополчение, а спустя два года приказом по гражданскому ведомству переводят на государственную службу по ведомству МВД с назначением на должность архитектора при приамурском генерал-губернаторе. Направляя министру внутренних дел документы об этом назначении, генерал-губернатор Н. И. Гондатти отмечал, что Малиновский «по своим служебным и нравственным качествам, а равно как опытный строитель, является вполне желательным кандидатом для занятия означенной должности». Он «мне лично известен с хорошей стороны и пользуется репутацией... безупречного в нравственном и служебном отношении человека», резюмировал главный начальник края. Именно авторитет Малиновского, его высокая квалификация и практический опыт позволили ему еще в 1906 году занять вакантную должность городского архитектора по приглашению Хабаровской городской думы. Будучи городским архитектором, а затем городским инженером (с 1908 года), он руководил строительством многих престижных зданий, а также осуществлением инженерных проектов. Не чужды были Малиновскому и теоретические исследования. Так, в 1912 году в Общественном собрании он прочитал собственный доклад-исследование на тему «О постройке подводных тоннелей», причем значительная часть доклада посвящалась возможному строительству тоннеля под Амуром. Следует сказать, что в то время эта идея обсуждалась как серьезная альтернатива мосту. Кстати, в настоящее время такой тоннель существует и успешно эксплуатируется. Вполне возможно, что какие-то идеи Малиновского по строительству этого тоннеля могли быть использованы на практике. Известна также и его работа «О фильтрации

^ Рис. 3. М. Д. Малиновская

^ Рис. 4-а. Семья Малиновских

воды» (1914), опубликованная в виде брошюры. Как видим, интересы Малиновского были намного шире чисто архитектурных: он с успехом занимался инженерными проблемами, теоретическими и художественными вопросами в самых разных областях творчества.

В 1910–1913 годы Б. А. Малиновский особенно много строит, отдавая предпочтение модерну и ампиру. Ярким примером этой стилистики являются несколько сохранившихся особняков в центральной части Хабаровска. Среди них дом Пахоруковой на улице Волочаевской, 159, и дом Языковых, в котором Малиновский жил вместе со своей женой (рис. 3, 4) Марией Дмитриевной Языковой (Кавказская, 22), а также загородные особняки братьев Богдановых. Сюда же можно отнести и павильон, выполненный им для фирмы И. Я. Чурина на Приамурской выставке 1913 года, посвященной 300-летию дома Романовых. До сих пор сохранившиеся в Хабаровске построй-

v Рис. 4. Дом Малиновских на ул. Кавказской

ки Б. А. Малиновского свидетельствуют о незаурядном мастерстве этого архитектора, чрезвычайно много сделавшего для развития зодчества в этом городе и в целом на Дальнем Востоке. О талантливости Бориса Андреевича говорят и такие факты – он прекрасно играл на скрипке и великолепно исполнял русские романсы. Постоянный участник культурных мероприятий, Б. А. Малиновский часто выступал в зале Военного собрания с исполнением романсов и сольных номеров игрой на скрипке, являлся активным участником литературно-музыкально-драматического кружка любителей.

Одной из самых ярких архитектурных достопримечательностей Хабаровска по праву считается дом городского самоуправления (Городской дом), хорошо известный в советский период как Дворец пионеров (рис. 5). Вот уже более ста лет дом этот украшает главную улицу города. Идея строительства своего собственного Городского дома возникла у отцов города еще в 1897 году, однако прошло еще более десяти лет, чтобы она воплотилась в камне. Зимой 1906-го городская управа обратилась в Санкт-Петербургское общество архитекторов с просьбой организовать конкурс на составление проекта, и уже в начале весны 1907 года на конкурс были представлены 11 проектов. Любопытно, что условиями конкурса оговаривались определенные ограничения. Например, такое: в конкурсе могли участвовать только лица, постоянно проживающие в России. Одним из условий было также пожелание заказчика отдать предпочтение при разработке проектов русскому стилю. Кроме того, проектировщики должны были выдерживать условия конкурса относительно площади и набора помещений, а также кубатуры здания. За этим, как впоследствии оказалось, очень строго и жестко следило авторитетное жюри. При рассмотрении проектов сложилась довольно пикантная ситуация: оказалось, что лучшие проекты премировать нельзя. Именно авторы этих проектов пренебрегли условиями конкурса, намного превысив объем здания. В результате за бортом конкурса оказались пять проектов, а это почти половина участников.

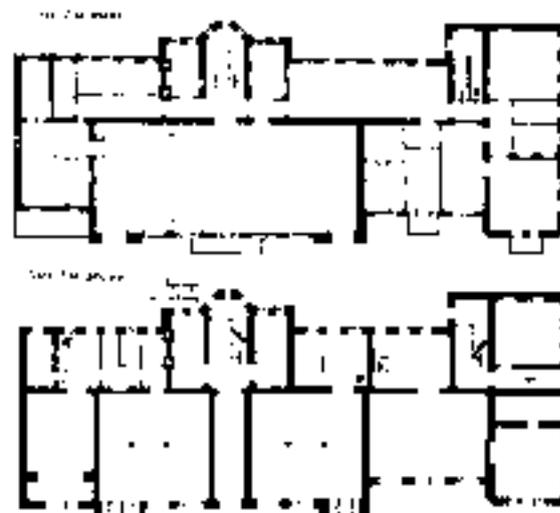
После длительных дебатов и обсуждений три премированных проекта в июне 1907 года по просьбе городского головы рассматривали местные зодчие. Под председа-

тельством генерала Д. А. Языкова архитекторы Б. А. Малиновский, Ю. З. Колмачевский, В. Г. Мооро, М. Е. Редько, А. Н. Аристов, Н. В. Зуев и другие (всего 11 человек) закрытым голосованием по 10-балльной системе определяли лучший проект. Учитывались художественные и технические достоинства проектов и особенно их применимость к местным условиям. Оказалось, что более всего этим качествам удовлетворяет проект, удостоенный на конкурсе второй премии. Им оказался проект гражданского инженера П. В. Бартошевича, получивший более всего баллов по всем трем показателям.

Все дальнейшие работы по строительству Городского дома осуществлял военный инженер Б. А. Малиновский. Построенный в русском стиле, Городской дом отражает все художественные достоинства и черты этого стилистического явления. Необычайно выразительный силуэт зданию придают высокая крыша с металлическим декоративным гребнем по коньку и стройные четырехгранные шатры, венчающие угловую башню и фланговые ризалиты основного объема здания. Сочные и разнообразные элементы декора на двух уличных фасадах складываются в пластически насыщенную композицию, в которой каждая часть, каждая деталь выразительна и самоценна. Другого подобного здания в городе нет (рис. 6). Может быть, лишь каменный вокзал, снесенный в 1960-е годы, обладал подобными же качествами, являясь примером того же русского стиля. Будучи лучшим зданием в городе, Городской дом был связан со многими выдающимися личностями. В июне 1913 года перед жителями Хабаровска в нем выступал с концертами всемирно известный артист Императорской Санкт-Петербургской оперы бас Лев Михайлович Сибиряков, брат не менее известного мецената, русского золотопромышленника и исследователя Сибири А. М. Сибирякова. И в том же, 1913 году, но уже осенью, здесь выступал, рассказывая о своих путешествиях, Фрицьоф Нансен, тоже всемирно известный полярный исследователь и писатель. Выступал в этом здании в 1923 году и «всероссийский староста» М. И. Калинин, о чем свидетельствует мемориальная доска на главном фасаде.

В автобиографии, составленной в 1933 году, Б. А. Малиновский перечисляет свои многочисленные работы, выполненные не только в Хабаровске, но и в Артеме, на

^ Рис. 6. Городской дом. Современный вид

< Рис. 6а. Городской дом. Планы 1 и 2 этажей

^ Рис. 6б. Деталь в межоконном простенке Городского дома

v Рис. 5. Городской дом в Хабаровске. Открытка

> Рис. 8. Особняк Богдановых в Рафаиловке

Сучане и Тавричанке в Приморье. Значительную часть среди работ занимали чисто инженерные проекты, связанные с оснащением водопроводом зданий, поселков и городов. В декабре 1920 года он представил проект разработки залежей каменного угля около Базы флотилии, позднее выступал на собраниях промышленного кружка с докладами «Жилищный кризис у нас и за границей», «Проблема железобетона на Дальнем Востоке». После отъезда в начале 1930-х годов из Хабаровска Малиновский преподавал во Владивостоке в Горном институте и на строительном факультете Политехнического института (позднее ДВПИ) строительную механику и курс промышленного проектирования. Учитывая большую потребность в инженерных кадрах для Дальнего Востока после Гражданской войны, он со всей энергией включился в новую для себя педагогическую деятельность. Много лет спустя выпускники строительного факультета, его бывшие студенты 1930-х годов, вспоминали, что Б. А. Малиновский все время находился в окружении молодежи, консультировал их и утром, и днем, и вечером. В доме Малиновских в Хабаровске и в их квартире во Владивостоке постоянно находились друзья его сыновей, которых Борис Андреевич тоже приобщил к своей профессии. Мастерскую, расположенную на верхнем этаже их собственного дома на улице Кавказской в Хабаровске, Малиновские в шутку называли трестом «Дальмалинстрой». На сохранившихся

> Рис. 7. Малиновские в домашней мастерской

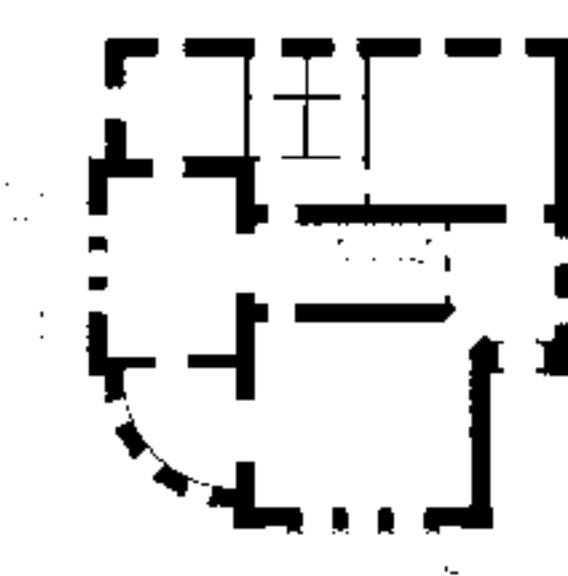
фотографиях того времени можно видеть интерьер этой мастерской и Б. А. Малиновского с детьми за работой (рис. 7).

Проектированием многочисленных особняков для состоятельных горожан Б. А. Малиновский занимался в свободное от служебных занятий время, видимо, поэтому он их и не включил в списки своих работ. Это не только городские, но и загородные особняки. Среди данного типа сооружений особое место занимают постройки для братьев Богдановых в Рафаиловке (в прибрежной части Хабаровска), где они имели крупный винокуренный завод. В ходе строительства комплекса заводских зданий Богдановы построили недалеко от завода, на юго-западном склоне одного из холмов, летний дом, сохранившийся до настоящего времени и известной ныне как дача Богдановых. Дом этот они строили для себя с целью постоянного наблюдения за строительством завода, а потом он стал местом отдыха их семьи в летнее время (рис. 8). Кроме того, здесь имелось несколько деревянных летних домов, построенных ими для сдачи в наем в летнее время горожанам.

Летний дом Богдановых расположен примерно в километре к западу от винокуренного завода и ориентирован главными своими фасадами на Амур. Почти квадратный в плане одноэтажный кирпичный дом, оштукатуренными стенами и подвальным этажом выглядит компактным, уютным, сильно напоминающим особняк небольшой дворянской усадьбы. Какие прекрасные виды открывались с площадки перед домом на Амур и окрестности, можно себе представить. Это место и сейчас еще не потеряло своей привлекательности. В самом деле, дом этот вполне мог бы украсить своей оригинальной архитектурой в стиле позднего классицизма (ампир) центральную улицу города. Обращенный 4-колонным портиком в сторону Амура, он великолепно связан с окружающей природной средой, прежде всего с рельефом. Связь эта осуществлена посредством устройства роскошного двустороннего пандуса с северо-западной стороны и крыльца главного портика. В доме, к сожалению, имеются существенные утраты: давно нет декоративной лепнины, некогда украшавшей фронтоны портика, исчезли фризы и аттики боковых фасадов, ионические капители и каннелюры колонн

^ Рис. 9. Дом Пахоруковых

^ Рис. 9а. Дом Пахоруковых. План 2 этажа

^ Рис. 9б. Маскарон

главного портика. Кроме того, существенно изменена планировка дома в основном и подвальном этажах, утрачены печи, убранство интерьеров основных помещений, заложены целый ряд проемов. К сожалению, последняя реконструкция 1990-х годов всего лишь сохранила дом от дальнейшего разрушения, но не привела его в первоначальный вид.

Среди нескольких построек, выполненных по проектам Малиновского в Хабаровске, наибольший интерес представляет особняк Пахоруковых (рис. 9), ставший одним из лучших архитектурных памятников в городе. Построенный в 1912 году, он сочетает в себе одновременно признаки и композиционные приемы модерна и ампира. Присутствуют в архитектуре особняка и элементы псевдорусского стиля, например в островерхой вальмовой крыше с гребнем по коньку над центральным объемом, обращенным к улице. Здание отличают этакая стерильность, изящность и вместе с тем импозантность. Кроме двухэтажного каменного дома, на участке находились и другие постройки, в частности сарай, конюшня, каретник. Дом-особняк имеет два основных и подваль-

ный этаж, предназначенный для хозяйственных нужд. Стены здания кирпичные, оштукатуренные. Сложный по конфигурации план состоит из нескольких прямоугольных помещений. В восточный внутренний угол плана вставлено помещение с планом в четверть окружности. Причем это помещение имелось лишь на первом этаже, а на втором – лоджия, огражденная колоннадой дорического ордера. К сожалению, позднее вместо колоннады появилась стена с окнами зеркального остекления, правда, в процессе недавней реконструкции колоннаду восстановили, но чуждое изначально виду остекление сохранилось. На старых фотографиях с изображением первоначального вида дома Пахоруковых можно видеть все детали и элементы некоторых конструкций особняка, исчезнувшие позднее. Эти фотографии интересны еще и тем, что на них имеются автограф и надписи, сделанные автором проекта Б. А. Малиновским. Примечательно, что барельефные скульптурные детали (маскароны) и декоративные элементы растительного орнамента на фасадах и в интерьерах выполнены М. Д. Языковой, женой Малиновского (рис. 10).

v Рис. 10а. Угловая башенка дома Такеучи

v 10б. Декоративный элемент-монограмма

^ Рис. 10. Дом Такеучи в панораме центральной улицы города

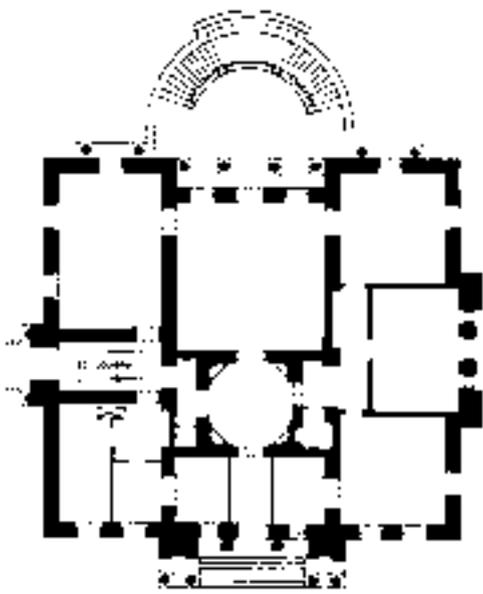

> Рис. 11. Дом Ступиных

Не менее интересен как пример неоклассицизма и особняк Ступиных, расположенный на ул. Пушкина, построенный Малиновским в 1912 году (рис. 11). В композиции этого особняка присутствуют все основные элементы, упорядочивающие и подчиняющие модерн классицизму. Обращают на себя внимание симметричные композиции основного и боковых фасадов, четко выраженная ось симметрии в виде портика на парадном уличном фасаде и роскошная полукруглая терраса с двухмаршевой лестницей (к сожалению, утрачена) на северо-восточном фасаде. Парадный фасад дома имеет трехчастную структуру композиции, в центре его находится портик, завершенный плоским перекрытием, представляющим собой открытую террасу-балкон с выходом на нее из мезонина. Возвышающийся над средней частью здания мезонин увенчан двускатной крышей. Торцев мезонина прорезан глубокой полуциркульной аркой проема и завершен разорванным фронтоном. Композиция осевого портика также состоит из трех частей – две пары выступающих на правом и левом флангах дорических колонн и еще одна пара широко расставленных колонн, фланкирующих вход в заглубленной центральной части фасада. Интересно, что в особняке ни один из фасадов не повторяется: каждый имеет свою оригинальную композицию. Кроме главного фасада, большой художественной выразительностью обладают садовый (задний) и боковой (юго-восточный) фасады. На юго-восточном фасаде едва ли не главную композиционную роль выполняет крупная по размерам и слегка заглубленная в толщу осевого ризалита арка с полуциркульным проемом окна наверху и широким, прямоугольной формы окном, разделенным на три части двумя пилястрами. Покоящийся на пилястрах антаблемент отделяет полукруглое и прямоугольное окна друг от друга. В 1920-е здание использовалось как Дом ребенка, а в настоящее время – Дворец бракосочетаний.

В истории России 1913-й год занимал особое место: в этот год исполнилось 300 лет царствования дома Романовых. По всей России дата эта торжественно отмечалась. Здесь, на Дальнем Востоке, по инициативе губернатора Приамурского края Н. Л. Гондатти в честь этого знаменательного события была организована грандиозная выставка Приамурского края. По идее ее

строителей выставка предоставляла публике возможность «осмотреться кругом и подвести итоги тому, что дает Приамурский край, что он имеет и чего ему недостает». Всякая выставка подобного рода – это не только выставка товаров, продукции, научных достижений, это еще и смотр архитектуры. Как правило, архитектура павильонов – почти всегда новое слово, отражение последних достижений в области строительного искусства. Не стала исключением в этом плане и Приамурская выставка в Хабаровске. Исполнительное бюро персонально пригласило известных инженеров и архитекторов, поручив каждому из них разработать проекты всех основных павильонов, которых насчитывалось более сорока. Частные павильоны и павильоны фирм разрабатывались непосредственно по заказам самих участников. Можно сказать, что практически все хабаровские архитекторы в той или иной мере были заняты этой важной работой. Среди них Ю. С. Пороховщиков (архитектор выставки), Б. А. Малиновский, М. М. Осколков, А. Н. Аристов, А. К. Левтеев и другие. Архитектор Б. А. Малиновский, являвшийся председателем и комиссаром архитектурно-строительной комиссии выставки, лично разработал проекты дипломов на звание почетного и действительного членов выставки, а также свидетельства на медали. Он же стал и автором нескольких павильонов. С ним, надо полагать, согласовывались решения по размещению тех или иных павильонов, а также общей планировочной композиции всей выставочной территории. Большое внимание уделялось и главному уличному фасаду-панораме выставочного комплекса, где размещались входные башнеобразные ворота, кассы, различные киоски и прочие вспомогательные элементы. Уже от главного входа можно было видеть башнеобразные объемы с шатрами, шпилями и другими выразительными формами завершений. Еще более величественный вид открывался перед посетителями, когда они, пройдя через арки входов, видели перед собой главный павильон – самое крупное сооружение выставки. Площадь перед ним горела яркими красками причудливых по рисунку цветочных клумб и зеленых газонов. Главный павильон со сложным по конфигурации планом занимал центральное положение на площади по оси входа. Веерообразно по отношению к нему и сзади от него

размещались шесть крупных и наиболее выразительных павильонов, создавая своеобразный архитектурный фон главному выставочному зданию.

Не менее интересными, чем главные сооружения, выглядели павильоны торговых фирм. Вот как описывал обозреватель выставки их архитектуру: «...павильон Пьянкова построен по проекту архитектора Боброва в русском стиле. Строение богато украшено живыми рисунками, что придает ему много яркости. Одним из выдающихся строений выставки, отличающимся выдержанностью архитектуры, без сомнения, является павильон фирмы Чурина, исполненный в стиле ампир; павильон выстроен по проекту инженера Малиновского (рис. 12). Это строение привлекает всеобщее внимание, и его действительно с полным правом можно назвать украшением выставки. Напротив по линии с главным располагается массивное здание – павильон фирмы Кунста и Альберса. Строение прежде всего поражает своей мощностью. Оно выполнено в чисто русском стиле по проекту инженера Осколкова. Взор зрителя здесь может отдохнуть, созерцая красивые остроконечные выступы, множество башенок и главный купол, который рассказывает о далекой старине прошлого, о величии московских теремов. ...Возле и среди павильонов почти всюду встречаются ряды клумб, живописно убранных живыми цветами, по различным направлениям ведут широко разделанные дорожки и разбитые аллеи. Особенно красиво выставочная территория выглядит вечером, когда всюду светят электрические лампочки, слышатся стройные аккорды музыки, по аллеям взад и вперед движется человеческая волна. Все точно погружается в тихую ласку летнего вечера...»

Кроме того, Малиновский осуществлял наблюдение за ходом строительства павильона Нерчинского округа Кабинета Его Величества, спроектированного известным архитектором академиком Покровским. Как и все другие постройки, павильон Нерчинского округа представлял собой деревянную постройку. Сруб павильона, окруженный крытой галереей, был увенчан четырехгранным шатром со световым срубом на нем и также увенчанным шатровой крышей. Павильон очень сильно напоминал своей архитектурой древнерусские оборонные башни

или колокольни XVI–XVII веков. Верх шатра павильона украшал декоративный резной двуглавый орел. Такой же орел, но меньший по размерам и выполненный из стекла, размещался на фронтоне. Автор проекта выполнил и рисунки декоративных украшений для створок дверей, а также чугунных плит для пола, отлитых на Петровском заводе Нерчинского округа.

Величественная панорама самых разных павильонов открывалась взору горожан от Николаевской площади, видна была и с дальних точек – с Военной горы (ул. Серышева) и с улицы Барановской (ул. Ленина). Многое из того, что имелось на выставке, мы можем сегодня увидеть лишь на старых, к счастью, сохранившихся снимках фотографа-любителя А. М. Бодиско, который по соглашению с Исполнительным бюро выставки производил съемку проектов, панорамных видов, выстроенных павильонов, экспонатов и пр. На одном из панорамных снимков, сделанных, по-видимому, с крыши здания реального училища, очень хорошо видны все основные павильоны, разнообразные по архитектуре и создающие выразительный силуэт всего выставочного комплекса. Эту величественную картину выставочного городка жители города и его гости могли видеть отовсюду. В местных газетах писали: «Публика начинает оценивать выставку не только со стороны обозрения экспонатов, но и как красивое, привлекательное местечко, где можно отдохнуть вечером, полюбоваться красивым видом, послушать музыку... С каждым днем по вечерам выставка становится все оживленнее, и вокруг оркестров и открытой сцены группируются гуляющие».

Краткий анализ многолетней творческой деятельности Бориса Андреевича Малиновского в Хабаровске позволяет сделать вывод о его несомненном вкладе в развитие архитектуры Хабаровска, где до настоящего времени сохранилось немало сооружений, построенных по его проектам и под его наблюдением. Его произведения не только свидетельство таланта большого мастера, но и ценнейшие страницы архитектурной летописи города, который в 2018 году отметит 160 лет своего существования. Следует также отметить, что практически все постройки, выполненные по его проектам, в настоящее время являются памятниками архитектуры не только местного, но

^ Рис. 11а. Дом Ступиных. План

^ Рис. 12. Павильон фирмы Чурина на Приамурской выставке

и федерального значения. Именно они составляют ядро центральной части города, где их находится не менее десяти – комплекс зданий центрального гастронома (ранее ТД Кунста и Альберса, рис. 13), доходный дом Такеучи, Городской дом, особняк Ступиных и др.

Литература

1. РГИА. – Ф.1293. – Оп.144. – Л. 24. О назначении Б.А. Малиновского архитектором.
2. Крадин Н. П. Зодчие Хабаровска (1858–2013). – Хабаровск : КГУП Хабаровская краевая типография, 2012. – С. 250, 251.
3. Крадин Н. П. Старый Хабаровск. Портрет города в дереве и камне (1858–2013). – Хабаровск: Изд-во РИОТИП краевой типографии, 2008. – С. 397–401.
4. Крадин Н. П. Творческая деятельность архитектора Б. А. Малиновского на Дальнем Востоке // Архитектурное наследство. – Вып. 53. – 2010. – С. 235–251.

в Рис. 13. ТД Кунста и Альберса

References

- Kradin, N.P. (2008). Staryi Khabarovsk. Portret goroda v dereve i kamne (1858-2013) [Old Khabarovsk. The portrait of the city in wood and stone (1858-2013)]. Khabarovsk: Izd-vo RIOTIP kraevoi tipografii.
- Kradin, N. P. (2010). Tvorcheskaya deyatelnost arkhitekтора B. A. Malinovskogo na Dalnem Vostoke [Creative activity of the architect B. A. Malinovsky in the Far East]. Arkhitekturnoe nasledstvo, 53, 235-251. Moscow: KRA SAND.
- Kradin, N. P. (2012). Zodchie Khabarovska (1858-2013) [Architects of Khabarovsk (1858-2013)]. Khabarovsk: KGUP Khabarovskaya kraevaya tipografiya.
- O naznachenii B. A. Malinovskogo arkhitekтором [On appointment of B. A. Malinovsky as architect]. Rossiiskii Gosudarstvennyi Istorichesky Arkhiv [Russian State Historical Archives], fond 1293, inventory 144, fol. 24.

Понятие столицы не обязательно связано с политикой. Порой нестоличный город, тем не менее, приобретает настолько важное значение в своей частичной смысловой области, что становится этакой «парциальной столицей».

Румынская Тимишоара выбрана культурной столицей Европы 2021 года (наряду с греческим Элефисом и сербским Нови Садом). За тридцать два года, которые существует традиция ежегодных выборов культурной столицы Европы, в этой роли перебивали многие города - и официальные столицы европейских государств, и провинциальные центры. О том, как нестоличный город готовится к роли парциальной столицы, рассказано в материале румынских градостроителей.

На другом конце Земли, в Капских винных землях, архитекторы города Стелленбос борются за свою неповторимую индивидуальность в качестве столицы уникального культурного ландшафта. Традиционная африканская культура перемешана здесь с трехвековой традицией виноградарства и виноделия, и эта удивительная смесь внесена в предварительный список памятников культуры ЮНЕСКО. Авторы проекта используют законы об охране культурного наследия, чтобы защитить свой город от хаотической застройки.

**Елена Григорьева,
Константин Лидин**

парциальная столичность / partial capitalness

The notion “capital” is not necessarily connected with politics. Sometimes a non-metropolitan city becomes so significant in its partial semantic field that it turns into a “partial capital”.

Timișoara (Romania) was elected to become one of the 2021 European Capitals of Culture (together with Novi Sad - Serbia and Elefsina - Greece). Within the thirty two years of the tradition to annually elect a European capital of culture, many cities have played this role, both official capitals of European countries and provincial centers. Romanian town-planners will tell us how a non-metropolitan city is getting ready for the role of partial capital.

A world away, in the Cape Winelands, architects of Stellenbosch struggle for the identity of the city, the capital of the unique cultural landscape. Here the traditional African culture is mixed with three century-long tradition of winegrowing and winemaking. This wonderful mixture was placed on the UNESCO Tentative List of World Heritage Sites. The authors of the project use cultural heritage protection laws to protect their city from chaotic development.

**Elena Grigoryeva
Konstantin Liddin**

Тимишоара – крупный город, расположенный в западной Румынии. В 2021 году он станет культурной столицей Европы. Центром развития города изначально была крепость, окруженная поселениями-спутниками. После сноса крепости в XIX веке между центром и спутниками начала образовываться плотная городская застройка. Фирма Andreescu & Гайворонски в течение нескольких лет занимается проектами для данной территории, разрабатывая будущий «городской ландшафт» и поддерживая связь между существующими историческими объектами и архитектурными доминантами. При этом важная роль отводится «моделированию» архитектурных объемов, помогающих открыть виды, а также выбору форм и материалов, чтобы «прошить» существующую городскую ткань и предложить новое прочтение города. Для иллюстрации данной методологии авторами статьи был выбран проект застройки района Ишо. **Ключевые слова:** промежуточные территории; репрограммирование; культурная столица; городская регенерация; восстановление городской среды; материальное наследие. /

Timisoara is a major city situated in western Romania. In 2021, it will be European Capital of Culture. The city evolved around a fortified citadel surrounded by satellite settlements. After the demolition of the fortification (the XIXth century) a consistent urban tissue developed between the core and satellites. During the years, our office produced projects situated in these intermediate areas, developing an “urban landscape” perspective, managing to attribute to the interventions a connecting role between the existing landmarks and poles; an important role was given to the “modelling” of the volumes in order to open vistas and visual cones, as well as to the choice of forms and textures in order to “stitch” the existing fabric and to offer a new reading of the city. We have selected one project in order to illustrate the methodology: the “ISHO” Real Estate development.

Keywords: interstitial areas; reprogramming; Capital of Culture; urban regeneration; tangible legacy

Возрождение Тимишоары: проект застройки района Ишо

Нестолитный город Тимишоара выбран культурной столицей Европы – 2021 /

ТЕКСТ

Влад А. Гайворонски
Иоан Андрееску
Михай-Ионут Данциу /
text
Vlad A. Gaivoronschi
Ioan Andreescu
Mihai-Ionut Danciu

Застройщики /
Developers:

TAKE PROJECT and
MULBERRY DEVELOPMENT

Градостроительное
проектирование, общее
координирование,
гостиницы и жилье /
Urban design, general
coordination, hotel and
residential:

s.c. ANDREESCU &
GAIVORONSCHI s.r.l.
Vlad Gaivoronschi, arch.
prof.ph.d.,
Ioan Andreescu, arch.prof.
ph.d.
Principals: Mihai Ionut-
Danciu, Simina Cuc, Catalin
Gavrilescu, Ovidiu Micsa,
Juniors: Monica Manase,
Daniel Munteanu, Vlad
Meglei, Razvan Dinu

Консультанты-урбанисты
/ Urbanism Consultants:
S.C. Planwerk srl & Vitamina
srl, (Cluj-Timisoara) –
Eugen Panescu, Lavinia
Popa, Paul Buchert
Iulia Fratila & Alexandru
Malaescu (London),

Вступление: исторический и городской контекст

Тимишоара – один из крупнейших городов Румынии, столица округа Тимиш. В 2021 году Тимишоара станет одной из культурных столиц Европы (вместе с сербским городом Нови Сад и греческим городом Элефсис). В 1884 году Тимишоара была первым городом континентальной Европы, где появилось электрическое уличное освещение. В 1989 году на улицах Тимишоары проходили восстания против режима Чаушеску. В 2021 году культурная столица Тимишоара готовится продемонстрировать свои достижения всей Европе.

Две самые важные структуры, которые определяют весь ландшафт и морфологию города, – это его центр, где некогда находилась цитадель, построенная по типу «вобановских» крепостей, и канал Бега, раньше окружавший цитадель, а ныне задающий направление зеленому бульвару на юге.

В средние века, будучи стратегической цитаделью, Тимишоара была завоевана Османской империей (1552-1716 гг.), а в XVIII и XIX веках играла важную роль военного аванпоста Австро-Венгерской империи. Цитадель была надежно защищена укреплением «вобановского» типа. Внутри городских стен использовалась рациональ-

ная модель решетки городских кварталов и открытых пространств, которые потом образовали три главные площади. Они сохранились по сей день: площадь Св. Георга, площадь Свободы и площадь Союза (рис. 1).

В конце XIX века, во время расширения города, большая часть старой защитной стены была снесена в знак открытия Тимишоары навстречу индустриальному будущему. Изменилось использование канала Бега: из части оборонительной системы он превратился в часть транспортной системы, соединяющей разные части города и сам город с Европой.

На сегодняшний день осталось только несколько частей старой городской стены, а именно: бастион Терезия на востоке и несколько фрагментов стены на западной границе. Они вошли в список объектов архитектурного наследия Тимишоары. В прошлом веке, после воплощения градостроительной стратегии фон Ибля и до Второй мировой войны, старая цитадель была соединена с другими частями города – Фабрик, Жозефин и Элизабетин – большими бульварами, эспланадами и мостами над каналом (в направлении восток-юго-запад). После войны застройка развивалась, главным образом, в южном районе (квартал Гирокулуй и университетский кампус). Таким образом, из первоначальной линейной застройки постепенно образовалась радиальная, и, в конце концов, город стал стремительно и хаотично разрастаться.

Промежуточные территории между центром и спутниками подверглись урбанизации в конце XIX века и до конца XX века, следуя целой серии планировочных стратегий – плотной столичной организации а-ля Отто Вагнер, модернистским концепциям малоэтажной жилой застройки (в 1930-е), современному коллективному домостроению (с 1950-х по 1980-е гг.). Также до 1960-х проводилось среднemasштабное промышленное строительство некоторых объектов пищевой промышленности, текстильных фабрик и электростанций. Крупномасштабное строительство промышленных комплексов и жилых микрорайонов велось снаружи спутникового кольца (Opris, 1987).

< Рис. 1. Карта Тимишоары XVIII века /
Fig. 1. XVIII century map of Timisoara

1. INTRODUCTION – HISTORIC AND URBAN CONTEXT

Timișoara is one of the largest cities in Romania, the capital city of the Timiș County, and elected to become one of the 2021 European Capitals of Culture (together with Novi Sad – Serbia and Elefsina – Greece). In 1884 Timișoara was the first city on mainland Europe to have electric street lighting. In 1989, the sparks of Revolution against Ceausescu’s regime were ignited on the streets of Timișoara. In 2021, Timișoara European Capital of Culture aims to share its aspirations with the rest of Europe.

The two most important configurations which determine the whole landscape and morphology of the city are its core, once a Vauban type citadel, and the Bega Channel, once surrounding the citadel, now creating a green boulevard to the south.

As an old medieval strategic citadel, Timișoara was conquered by the Ottoman Empire (1552-1716) and played a crucial role as a military outpost for the Austrian-Hungarian Empire during the XVIIIth and XIXth Century. The City’s core – the Citadel – was heavily defended by a complex, Vauban style fortification. Inside the city walls, the urban pattern was defined through the use of a rational grid of city blocks and open spaces which then generat-

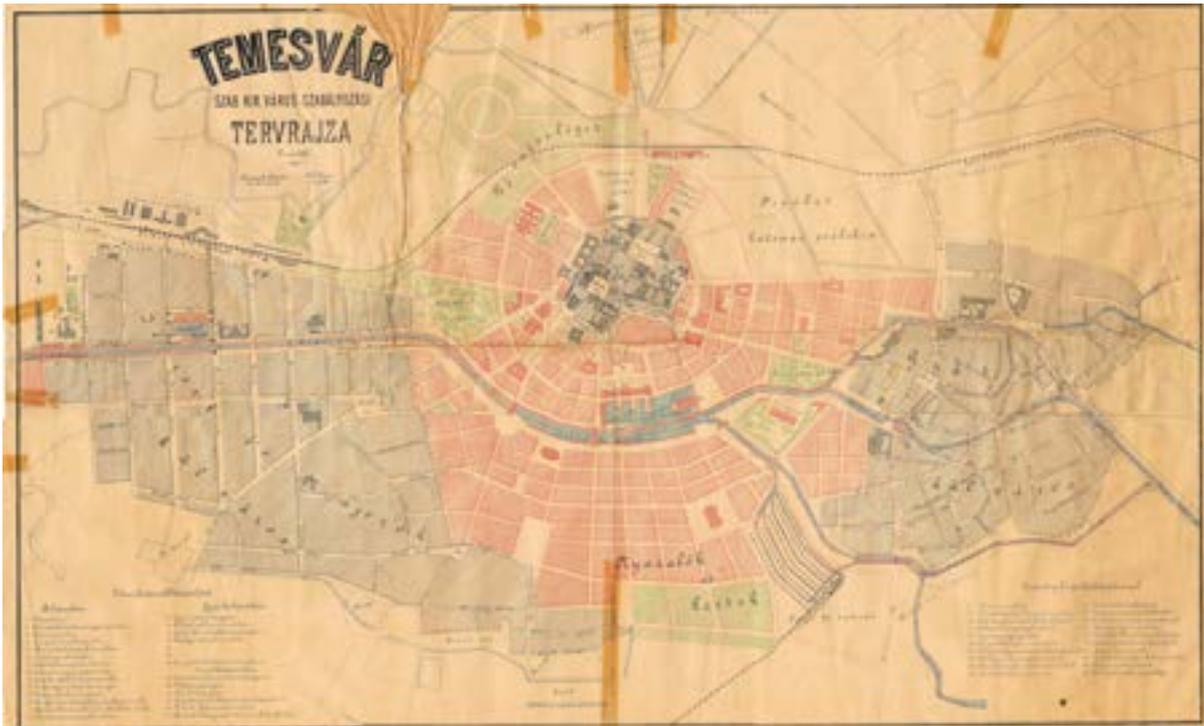
ed the three main plazas that we can still see today – St. George Square, Liberty Square and Union Square (fig.1).

At the end of the XIXth century, during the expansion of the city, a major part of the old defense wall was demolished as Timisoara opened itself towards a modern industrial future. The Bega Channel’s use was changed from being part of the defense system to being part of the transport system, thus connecting different parts of the city and the city itself to Europe.

Today, only a few parts of the old city wall remain standing, namely The Theresia Bastion in the east and a few others which are located on the western limit of the old city wall. These were later listed as part of the architectural heritage of Timișoara. In the last century, after the implementation of the Von Ybl urban strategy and before The Second World War, the old citadel was connected to the other parts of the city – Fabric, Josefin, Elisabetin– by large boulevards, esplanades and bridges over the channel (east to south-west direction). After the war, most of the development happened in the southern district (Girocului quarter and the University Campus). Thus from the initial linear development, the city slowly became radial and ultimately faced a rapid and chaotic expansion.

ISHO Real Estate Regenerating Timișoara

The non-metropolitan city of Timișoara elected as European Capital of Culture for 2021

Сейчас промежуточные территории стали центральными, неоднородными и обширными, с разрывами в связях между ценными городскими фрагментами. Получили развитие новые виды деятельности, а промышленные зоны закрылись. Важным моментом также является близость исторического центра и цепи зеленых парков. Строительство новых объектов в этих сложных зонах требует особого подхода.

За последние годы было разработано несколько новых подходов, имеющих дело с многокомпонентностью и топографической фрагментарностью современного города: «реактивация», «пересмотр программы» и «обновление информации», а также перетрактовка и адаптация ландшафтных методов к городскому контексту: ландшафтный урбанизм и тактическое обустройство ландшафта.

Мобильность, инфраструктура / Mobility, infrastructure:
S.C. Drum Proiect srl. - ing. Victor Rill

Офисы и жилье / Office and residential:
A21 srl, ADNBA srl

Инженерные конструкции / Structure:
S.C. Alpin Consulting srl. - ing. Christian Lannert

Проекты мостов / Structure and design for the bridges: S.C. SSF-RO srl., Edward Petzek, ing. ph.d., Vlad Gaivoronschi, Bogdan Zaha (MAK Viena)

Механическое оборудование, подача воды, электричество / Mechanical, Water supply, electricity:
S.C. AGASSI srl, S.C. MELBO srl

Управление проектными работами / Project Management:
S.C. OPTIM MANAGEMENT srl

< Рис. 2. План свободного королевского города Тимишоара. Авторы: Аладар С. Ковакс, Людвиг фон Ибль / Fig. 2. Plan of the Free Royal City of Timișoara. Authors: Aladar S. Kovacs, Ludwig von Ybl

< Рис. 3 / Fig. 3

The interstitial areas between the core and the satellites were urbanized during the late XIXth, and until the late XXth century, following successive planning strategies – the dense metropolitan organization à la Otto Wagner, modernist residential low rise real estates (in the 1930's), modern collective housing between the 1950's and 1980's; some mid-size industrial developments were also produced until the 1960's: textiles, food processing and electrical plants. Large scale industrial and big housing estates were developed outside the satellites ring (Opris, 1987).

Now, the interstitial areas have become very central; they are neither uniform nor compact, presenting discontinuities between valuable urban fragments, gaps and "holes". New activities have been developed, industrial areas were shut down. The proximity of historic core areas and of consistent green parks is also an issue. Building new structures into these very complex areas calls for a different approach than the usual practice.

In recent years, several new approaches have been developed in order to address the complexity and topographical fragmentation of the contemporary city: "re-activation", "reprogramming" and "re-information", together with re-interpretation and adaptation of

landscaping techniques to the urban context: landscape urbanism and tactical landscaping. Basically "re-activation" and "reprogramming" methodologies refer to the reprogramming and re-codifying (Gausa, 2003) the urban scenarios, reprogramming existing contexts by creating new relationships between the existing urban and architectural elements; re-information is about "forming something new" using information as a basic material. It's about using the new interventions – urban, architectural, landscape – in order to reinvent and re-create the existing areas.

After Austro-Hungarian (Von Ybl, fig.2) city planning, after the Romanian city planning between the wars and the socialist urbanism (fig.3), some new projects for the entire city were carried by foreign and Romanian urban planners. In 2005, Massimo Tadi from Politecnico di Milano, together with S.O.M. (Skidmore Owings and Merrill) and AREP (France) developed a very courageous strategy for the city and its Railway Station (fig.4). Some years later, Eurodite (Holland) developed also a masterplan for the city. Starting with 2012, the new General Urban Plan – P.U.G. for the city started (the Romanian-German Planwerk team). The general Mobility Plan, to be integrated in the P.U.G., was developed by Ove Arup & Partners,

^ Рис. 4 / Fig. 4

В своей основе методологии «реактивации» и «пересмотра программы» связаны с перепрограммированием и перекодированием (Gausa, 2003) городских сценариев, перепрограммированием существующего контекста при помощи создания новых взаимоотношений между существующими городскими и архитектурными элементами. «Обновление информации» означает «формирование чего-то нового» с использованием в качестве базового материала информации, касающейся новых градостроительных, архитектурных и ландшафтных мероприятий, направленных на обновление существующих территорий.

После австро-венгерской (фон Ибль, рис. 2) планировки города и после румынской планировки в промежутке между войнами и социалистическим урбанизмом (рис. 3) новые проекты для города разрабатывались иностранными и румынскими градостроителями. В 2005 году Массимо Тади из Политехнического института Милана совместно с S.O.M. (Skidmore Owings and Merrill) и AREP (Франция) разработали очень смелую стратегию для города и его железнодорожного вокзала (рис. 4). Спустя несколько лет генеральный план города был предложен компанией Eurodite (Голландия). С 2012 года существует новый генеральный план города под названием P.U.G., который предложила румыно-германская команда Planwerk. Генеральный план мобильности как часть плана P.U.G. был составлен компанией Ove Arup & Partners. Ему предшествовал ряд исследований, которые, в числе прочих, провел институт Фраунгофера.

За последний период фирма Andreescu & Gaivoronschi разработала несколько важных проектов восстановления городской среды.

Работая с важными «промежуточными» зонами города, мы использовали возможности, которые предоставили нам новые подходы: «реактивация», «обновление информации» и «стратегии землепользования» (Guallart, 2009). Мы пытались сделать проекты взаимосвязанными и комплексными, создать новые связи и основы для развития, которые бы внесли свой вклад в решение такой сложной задачи, как улучшение существующих территорий. В преддверии 2021 года будет построен объект, который сейчас находится на завершающем этапе градостроительного проектирования – проект застройки района ИШО.

Проект застройки района Ишо

В восточной части города, на участке большой текстильной фабрики ILSA, между главным бульваром, идущим к центру города с востока, и каналом Бега, организована новая застройка. Это будет небольшой городок под названием Ишо, объединяющий в себе множество функций. Здесь будут расположены: пятизвездочный отель Radisson Blue Hotel (10 000 кв.м.), офисы класса А (50 000 кв.м.), коммерческие и другие виды услуг, общественные культурные пространства (6 000 кв.м.), рекреационные пространства и жилье (100 000 кв.м.), наземные и подземные парковки (60 000 кв.м.). Значимую роль играет тот факт, что в новом маленьком городке будет находиться сегмент второго кольца города и стратегически

> Рис. 5. Район Ишо на востоке Тимишоары / Fig.5. ISHO in the eastern Timișoara

> Рис. 6. Многофункциональная застройка Ишо (слева) и ее связь с главным объектом территории / Fig. 6. ISHO mixed use development (left) and its relation to the main focus point in the area

preceded by several studies (Fraunhofer Institute, etc.).

In the last period, our office ANDREESCU & GAIVORONSKI developed some important urban regeneration projects.

Intervening into the critical "intermediate" areas in our city, we were attracted by the possibilities offered by these new approaches – either by "re-activation", "re-information" or by "land strategies" (Guallart, 2009). We tried to offer to our projects connectivity and complexity, generating new relationships and/or new developing grounds – as a contribution to the difficult task of enhancing existing areas. One major project in progress in the final stages of the urban and residential design, ISHO REAL ESTATE, will be built until 2021.

2. ISHO REAL ESTATE DEVELOPMENT

In the East side of the city, on the site of another large textile factory called ILSA, between the main boulevard entering the city centre from East and the Bega Channel, a new development is now at its beginning. It will be a small city called ISHO, a complex mix of functions: a five stars Radisson Blue Hotel – 10.000 sqm, A class Offices – 50.000 sqm, commerce and other services, socio-cultural

spaces – 6.000 sqm, leisure and residential – 100.000 sqm, upper and underground parking – 60.000 sqm. What is very important is the fact that the new small city will accommodate a segment of the second ring of the city together with a strategic bridge over Bega. A second pedestrian bridge will continue an important pedestrian road connecting ISHO with another historic district in the east of the city called FABRIC.

Instead of being an enclave between two major fluxes (the Take Ionescu boulevard – an eastern artery of the city) and the river, the ILSA– re-baptized ISHO ground became the hub of multiple connections (figure 7):

- the transversal ring, continued by a future bridge, connecting to the south bank of the river;
- a powerful NW-SE visual direction, pointed to the massive Millenium church, a landmark in one of the historic plazas of the old Fabric district;
- the ample exposure to the riverfront, already landscaped and developed;
- a eastern-western connection, through an old tramway remise (to be converted into a transport museum).

The management of the complex knot of fluxes, connections,

важный мост над каналом Бега. Второй пешеходный мост продолжит пешеходную дорогу, соединяющую Ишо с историческим районом Фабрик в восточной части города (рис. 5, 6).

Вместо того чтобы быть анклавом, окруженным двумя главными потоками (бульвар Тааке Ионеску – восточная артерия города) и рекой, участок Ишо, вновь получивший название ISLA, стал средоточием множества связей (рис. 7), которые включают в себя:

- поперечное кольцо, чьим продолжением станет будущий мост, ведущий к южному берегу реки;
- сильное визуальное направление с северо-запада на юго-восток, где находится массивное здание церкви Миллениум – знаковый объект на одной из исторических площадей старого района Фабрик;
- широкий вид на уже благоустроенную береговую часть;
- соединение восток – запад, которое обеспечивает старый трамвай (будущий музей транспорта).

Управление сложным узлом потоков, связей, дорог, визуальных направлений и панорам повлияло на стратегию планирования, архитектурное проектирование, внутреннее благоустройство и даже на детали квартир. Основная стратегия заключалась в том, чтобы разделить участок на три полосы, идущие с востока на запад – вдоль бульвара, вдоль берега реки и между ними – вдоль будущего восточного соединения. Северная полоса будет содержать в себе массивные и значимые здания (офисы, отели, многоэтажные жилые дома), делающие бульвар более оживленным.

Южная граница будет включать несколько жилых домов в форме буквы U, окна которых будут выходить на берег реки и традиционные кварталы, расположенные на другом берегу, а также местную достопримечательность – высотное здание, представляющее собой башню-перископ, которая стоит на более низкой части здания, продолжающей линии буквы U. Перископ служит ориентиром для всего района и открывает изумительные виды городского центра. Средняя полоса содержит внутреннюю площадь, границы которой очерчивает офисное здание в форме буквы S, и парк, находящийся между северным и южным рядом домов.

< Рис. 7. Ишо – средоточие множества связей, которые создают новые направления исторической оси / Fig. 7. ISHO – a hub of multiple connections developing a new dimension of the historic axis

< Рис. 8. Полосы восток-запад, пересекаемые поперечными векторами потоков и визуальных направлений / Fig. 8. The East-West strips, crossed by transversal vectors of fluxes and visual directions

Полосы, идущие с востока на запад (рис. 8), пересекаются различными поперечными векторами транзитных потоков или визуальных направлений:

- главное пересечение, идущее с северо-востока на юго-запад и соединяющее северные районы и южный берег реки при помощи нового моста;
- несколько пешеходных пересечений, соединяющих внутреннюю полосу с берегом, одно из которых пересекает все три полосы от бульвара до берегов;
- главное пешеходное пересечение – эспланада с ориентацией северо-запад – юго-восток, продолжением которой станет пешеходный мост через реку; оно соединяет бульвар, внутреннюю площадь, офисное здание и южный берег и направлено на главную цель оси – две башни исторической церкви Миллениум, расположенной на южном берегу (рис. 9).

thoroughfares, viewing directions and panoramas, influenced the planning strategy, the architectural design, the inner landscaping and even the detailing of the apartments. The main strategy was to divide the site into three east-west strips – along the boulevard, along the riverbank and in-between along the future eastern connection. The northern strip will contain massive and iconic buildings (offices, hotels, high-rise apartment buildings), consistent with enhancing the boulevard image as a thoroughfare.

The southern edge will contain several U-shaped apartment buildings, offering multiple views to the riverbank and traditional districts across the river, and a two tier high-rise, offering an iconic tower – a periscope – atop a lower structure continuing the U's alignment. The periscope is acting as a signal for the district, offering stupendous views toward the city core. The middle strip contains an inner plaza, defined by the S shaped office building and a park between the northern and southern rows of buildings.

The East-West strips (figure 8) are crossed by various transversal vectors, either transit fluxes or visual directions:

- the main NE-SW crossing, connecting both the northern districts and the south bank of the river via a new bridge;

- several pedestrian crossings, connecting the inner strip to the river front, one of them crossing all three strips, from the boulevard to the banks;

- the main pedestrian crossing, an esplanade, oriented NW-SE, to be continued by a footbridge, crossing the river; it is connecting the boulevard via the inner plaza crossing the office building to the southern bank and it is directed towards the historic Millenium Church on the south bank, bringing its two towers silhouette into the main aim of the axis (figure 9).

The architecture of the various buildings is adapted to their position in this complex field of vectors. The buildings along the boulevard are massive, rendered in uniform textures with the exception of the hotel in the NW corner, which displays some allegiant carvings in its plain volume. The southern apartment buildings (figure 10) are rather complex in design, their flexing, large windows and loggias/balconies are intended to maximize either the transparency between the riverfront and the inner strip, or to enhance the views from the apartments.

The high periscope tower (figure 11) acts as a signal of the area and, in the same time, offers spectacular views, especially towards

^ Рис. 9. Главная ось, идущая с севера на юг к церкви Миллениум / Fig. 9: Main North-South axis, framing the Millenium Church

v Рис. 10. Планировки квартир южных домов. Определяющим элементом являются лоджии и пространства, ориентированные на реку. / Fig. 10: Southern apartments design. Loggias and river oriented spaces drive the entire layout

Архитектура различных зданий адаптирована к их местоположению на сложном векторном поле. Здания вдоль бульвара массивны и имеют однородную текстуру, за исключением гостиницы в северо-западной части, чей простой объем оснащен резьбой. Жилые дома на юге (рис. 10) имеют сложную планировку, их большие изгибающиеся окна, балконы и лоджии служат для того, чтобы достичь максимальной прозрачности между береговой линией и внутренней полосой, а также, чтобы улучшить вид из квартир.

Высокая башня-перископ (рис. 11) служит ориентиром и одновременно открывает потрясающие виды, особенно на городской центр. «Глаз Циклопа» направлен на реку.

Застройка района Ишо играет важную роль связующего звена между бульваром и берегом реки, между севером и югом, между внутренней полосой и историческим крытым рынком на востоке. В пространствах застройки соседствуют открытость и камерность, а панорамы и визуальные оси помогают интегрировать историческую набережную на юге и церковь Миллениум в центре района Фабрик.

v Рис. 11. Предварительное изображение береговой линии с главным ориентиром – зданием-Циклопом / Fig. 11: Preliminary render of the riverfront with the Cyclope building as the main signal

the city center. The Cyclope's eye is fixed on the river.

The ISHO development acts as a big scale connector, between the boulevard and the river bank, between North and South, between its inner strip and the historic Covered Market to the East. It offers both transparency and intimacy, and visually integrates – via panoramas and visual axes – the historic southern front on the riverbank and the Millennium Church in the core of the Fabric district.

3. 2021 AND ITS LEGACY

The cultural strategy for the next years for Timișoara under the slogan “Shine your light, light up your city” has a short list of goals:

- to put civic energy in motion in order to overcome passivity and activate the society through audience engagement and participation;
- to inspire lives based on values of entrepreneurship, civic society, multiconfessionality and interculturality;
- to increase the international profile of the city by a more intensive interaction with other European cultures, in terms of artistic excellence and social ethics (Timișoara European Capital of Culture 2021).

2021 год и его наследие

Стратегия развития культуры Тимишоары на последующие годы под девизом «Озари светом свой город» имеет следующие задачи:

- активизировать энергию граждан, чтобы преодолеть пассивность и повысить общественное участие;
- положить в основу ценности предпринимательства, гражданского общества, многоконфессиональности и межкультурных связей: расширить международную известность города при помощи более интенсивного взаимодействия с другими европейскими культурами в рамках творческого профессионализма и социальной этики (Timișoara European Capital of Culture 2021).

Проекты развития инфраструктуры и восстановления городской среды, разработанные муниципалитетом и частным сектором, будут поддерживать эти задачи и останутся материальным наследием в долгосрочной перспективе.

В число проектов, разработанных государственным сектором, войдут: Многофункциональный творческий

The infrastructure and urban regeneration projects developed by the city and by the private sector will support these goals and will remain as a long term tangible legacy.

Among those developed by the public sector there will be The Multipurpose Creative Centre,

The Powerstation – Resources Centre, The 1989 Revolution Museum, The Water tower Cultural Hub and others similar working in network. As for major events, there will be the Lights Festival along others such as the Theatre Festival, Timisoara Jazz Days, etc..

The private and N.G.O. sector is already active in generating major international events; among them, Art Encounters – Art Biennial is this year at the second edition after a very successful one in 2015 and the Timisoara Euroregional Architecture Biennial – BETA, at it's first edition in 2016, which brought together architects from Serbia, Hungary and Romania.

ISHO is a “brown field” reconversion which will upgrade the eastern Timișoara and its “Bega boulevard” surrounding, offering potential for the city for 2021 and after.

центр, электростанция «Центр ресурсов», Музей революции 1989 года, Культурный центр «Водонапорная башня» и другие. Среди главных событий будут: Фестиваль света, Театральный фестиваль, «Дни джаза в Тимишоаре» и т.д.

Частные и негосударственные компании уже активно готовят главные международные мероприятия, среди которых: Биеннале современного искусства «Творческие встречи», которая в этом году проводится во второй раз (после Биеннале 2015 года, имевшей огромный успех), и Европейская межрегиональная архитектурная биеннале в Тимишоаре (BETA), которая впервые была проведена в 2016 году, собрав вместе архитекторов из Сербии, Венгрии и Румынии.

Застройка района Ишо – преобразование «старого объекта» – поможет усовершенствовать восточную часть Тимишоары и окружающий ее бульвар Бега и подарит городу большой потенциал с расчетом на 2021 год и далее.

Литература / References

Opris, M. (1987). Timișoara : mica monografie urbanistica. Bucharest: ed.Tehnica.

Gausa M., Guallart V., Muller W., Soriana F., Porras F., & Morales J. (2003). The Metapolis Dictionary of Advanced Architecture: City, Technology and Society in the Information Age. Barcelona: ACTAR.

Guallart, V. (2009). GeoLogics. Barcelona: ACTAR.

Timișoara European Capital of Culture 2021. Bidbook.

< Рис. 12. Район Ишо и два моста. Автор 3D-изображения – Богдан Заха / Fig.12. ISHO with the two bridges (3D by Bogdan Zaha)

The two authors of this article are professional partners: in 2016 they launched the company 'Cape Winelands Professional Practices in Association Pty (Ltd)' and they are in contract with the municipality for the project. Other members of the core team are: Claire Abrahamse, architect, city planner, urban designer and heritage practitioner; and Marike Franklin, landscape architect.

Город Стелленбос, примыкающий к агломерации Кейптауна, но не входящий в нее, расположен в провинции ЮАР Западный Кейп. Под юрисдикцией Стелленбоса находится более одной тысячи квадратных километров территории, включающей живописную гористую местность, нетронутую деятельностью человека, плодородные сельскохозяйственные долины, которые входят в состав знаменитых Капских винных земель, а также множество самобытных исторических городских центров, основанных в XVII веке. В целом, такое смешение различных зон привлекает все больше и больше туристов, в то же время обеспечивая жильем растущее население. Для данной территории необходимо разработать изменения и план развития, выбрать правильный курс, основанный на долгосрочном планировании в интересах общества. Авторы статьи представляют отчет о трехлетнем проекте, над которым они работают по поручению муниципалитета и который касается изучения природного и культурного наследия и определения направления развития в целом.

Ключевые слова: сохранение; план развития; культурные ландшафты; управление ресурсами наследия. /

The jurisdiction of Stellenbosch, located adjacent to, but outside of, the Cape Town metropolitan area in the Western Cape Province of South Africa, comprises over one thousand square kilometers of landscapes spanning: spectacular mountain wilderness areas; many productive rural valleys that are an integral part of the celebrated Cape Winelands; and a number of historic, characterful urban centres founded during the 17th century. Overall, this blend of domains attracts increasing numbers of tourists, while the places are also home to a growing population. The pressures for change and growth are significant: so is the need for appropriate policies and plans in the longer-term public interest. The authors report on a three-year project they are conducting for the local authority that focuses on the definition of the natural and cultural heritage and, in principle, on how development should be channelled.

Keywords: conservation; development planning; cultural landscapes; heritage resources management

Наследие и развитие города Стелленбос (Западный Кейп, ЮАР) /

ТЕКСТ
Фабио Тодескини
Лиана Янсен /
text
Fabio Todeschini
Liana Jansen

Авторы статьи имеют опыт профессионального сотрудничества: в 2016 году они организовали компанию Cape Winelands Professional Practices in Association Pty (Ltd) и работают над данным проектом совместно с муниципалитетом. Другие члены рабочей группы: Клэр Абрахамс – архитектор, градостроитель, специалист по наследию; Марики Франклин – ландшафтный архитектор.

1. В числе прочего Закон о национальном наследии требует от муниципалитетов подготовить реестр объектов наследия до разработки плана развития. Как и некоторые другие местные власти Южной Африки, муниципалитет Стелленбоса не полностью выполняет требования закона. / Inter alia, the NHRA law requires that municipalities have a heritage inventory prepared before they undertake development planning. As is the case with other local authorities in South Africa, the Stellenbosch Municipality is not fully compliant with this legislation.

Введение и общие сведения

Муниципальный район Стелленбоса охватывает большие участки природных заповедников, сельских и городских земель, представляя собой комплекс культурных ландшафтов (рис. 1). Различные народности издавна населяли эту территорию, и их многовековая адаптация привела как к образованию множества ценных ландшафтных и хозяйственных слоев, так и к негативным последствиям. Данный проект ищет пути сохранения и использования положительных аспектов и уменьшения негативных, способы создания основы для правильного развития, уделяя должное внимание существующему наследию и его значению для экономической базы муниципалитета.

Ввиду широкомасштабности проекта в него вовлечено большое количество консультантов-специалистов в области археологии, истории, аграрной экономики и туризма, географических информационных систем и связей с общественностью, а также заинтересованного населения (в рамках проекта прошло уже более 10 семинаров с участием общественности). Подготовительные работы начались в январе 2016 года, а завершить проект планируется в июне 2018 года. На сегодняшний день работа главным образом была направлена на сельские земли и участки дикой природы, поскольку непрекращающаяся застройка пригородных территорий и строительство дорог в сельской местности имеет весьма противоречивый и даже захватнический характер (рис. 1а–1г). Мы знаем и полностью поддерживаем позицию, изложенную в Преамбуле Законопроекта о сохранении и развитии сельскохозяйственных земель (Republic of South Africa, 2016), в которой говорится:

«Исходя из того, что в национальные интересы входит сохранение, устойчивое использование и развитие сельскохозяйственных земель..., учитывая ту нагрузку, которую несут сельскохозяйственные земли и которая препятствует эффективному производству продуктов питания..., а также ввиду того, что сельскохозяйственная земля высокого качества – это редкий и невозобновляемый ресурс, и сохранение этого ресурса в интересах каждого..., устойчивое развитие сельскохозяйственных

земель требует согласованных действий со стороны социальной, экономической и экологической сфер как в решении насущных вопросов, так и в перспективном планировании...»

Проект соответствует Закону о национальном наследии (№ 25, 1999 г.) и предотвращает незаконные захваты сельских территорий благодаря двум оперативным мерам. Первая связана с предложением перевести обширные сельскохозяйственные земли в категорию «Объектов наследия провинции Западный Кейп». На землях этой категории не разрешена застройка городских и пригородных зон (рис. 6). Предложение было одобрено Управлением объектами наследия провинции Западный Кейп в этом году (CWPPA, 2017). Вторая мера заключалась в предоставлении неоспоримых свидетельств и доводов против предложенного муниципалитетом пересмотра внешних границ города не в пользу сельскохозяйственных территорий, а также против планируемого строительства нескольких автомагистралей в сельской местности. Таким образом, мы предотвратили неприемлемые проекты развития, заблаговременно представив необходимые документы и прокомментировав все предложенные поправки на собрании Международного руководящего комитета, которое состоялось 5 мая 2017 года. Разумеется, необходимо было взвешивать каждое слово, поскольку подобные проекты развития были предложены представителями муниципалитета (нашего заказчика).

Разумеется, первостепенную важность имеют правильный учет объектов наследия и соответствующий план управления. Во-первых, таким образом, сохранившиеся объекты наследия и их значимость надлежащим образом определяются и находятся под управлением в долгосрочных интересах общества и в соответствии с Законом о национальном наследии¹, а также в соответствии с задачами, поставленными муниципалитетом Стелленбоса, местными сообществами и заинтересованными группами. Во-вторых, это позволило более грамотно определить потребности существующего и перспективного развития (в разных масштабах и временных рамках), уделяя должное внимание сохранившимся объектам наследия и заботясь о них ради общего блага.

1. Introduction and Background

The Stellenbosch municipal area encompasses a wide array of wilderness, rural and urban domains, giving rise to composite cultural landscapes (fig. 1). Diverse peoples have long inhabited these landscapes and the adaptations that have resulted over the centuries comprise many very positive landscape and settlement layers, as well as some negative intrusions thereon. This project seeks to conserve and manage the positive aspects comprised, to mitigate the negative aspects and to help to provide a basis for appropriate future development with due regard to this inheritance and what it means to the very economic base of the municipality.

Because of the wide scope of the project, a number of specialist consultants are also involved (the fields covered by specialists on the project are: historical archaeology, history, agricultural economics and tourism, geographic information systems and public participation), as is the participation of the interested public (over 10 meetings / workshops engaging with the public have already been held). Preparatory work on the project commenced in January 2016 and the project conclusion is planned for June 2018. The focus of the work thus far has been on the rural and wilderness domains, as it is principally in the rural areas that intrusive and

controversial suburban type developments and road projects continue to be proposed (figs. 1a-1d). We have been cognizant of, and completely support, the relevant content of the Preamble of the Preservation and Development of Agricultural Land Bill (Republic of South Africa: 2016), which states:

“Whereas it is in the national interest to preserve, and promote sustainable use and development of agricultural land ...; Recognising the pressures exerted on agricultural land making it increasingly difficult to effectively and sustainably produce food; Further recognising that high value agricultural land is a scarce and non-renewable resource; and recognizing that it is in the interests of everyone to have agricultural land protected ...; ... sustainable development of agricultural land requires the integration of social, economic and environmental considerations in both forward planning and ongoing”

The project has sought to make the municipality legally compliant with the National Heritage Resources Act (25 of 1999) (NHRA) and prevent intrusive and inappropriate urban expansions into rural areas through two interventions. The first has been by strategically proposing extensive rural areas as Heritage Areas to Heritage Western Cape (HWC)—the provincial heritage resources

2. Здесь следует упомянуть слова знаменитого ландшафтного исследователя из США Дж. Б. Джексона: «Чем старше я становлюсь и чем больше я изучаю ландшафт и пытаюсь понять его, тем больше я убеждаюсь в том, что его красота – не просто аспект, но его сущность. И эта красота возникает благодаря присутствию человека». (Jackson, 1997; Meinig, 1979). / It is as well to record here that the Doyen of landscape study in the USA, J B Jackson, had this to say on the matter: “The older I grow and the longer I look at landscapes and seek to understand them, the more convinced I am that their beauty is not simply an aspect but their very essence and that that beauty derives from the human presence.” (Jackson JB: 1997; and Meinig DW: 1979).

Heritage and the Development of Stellenbosch, Western Cape, South Africa

География и история культуры, столетиями определяющие данные территории, сложны и имеют свои тонкости². Следовательно, подготовка реестра объектов наследия и соответствующего плана управления, а также их учет в стратегии развития должны опираться на достоверную информацию, лучший международный опыт и действующий закон. На этом основаны ключевые характеристики проекта:

– Регистрация всех (материальных) объектов наследия при помощи сбора данных на местности и занесение всей соответствующей информации в цифровую базу данных географической информационной системы.

– Составление и размещение усовершенствованного цифрового реестра объектов наследия, включая предложенную градацию значимости, в открытом доступе для муниципалитета и населения на существующем сайте Фонда наследия г. Стелленбос (www.stellenboschheritage.co.za).

– Проведение всех необходимых и полезных проекту обсуждений с участием общественности и консультантов.

– Определение потенциальной денежной ценности культурно-исторического туризма данной территории.

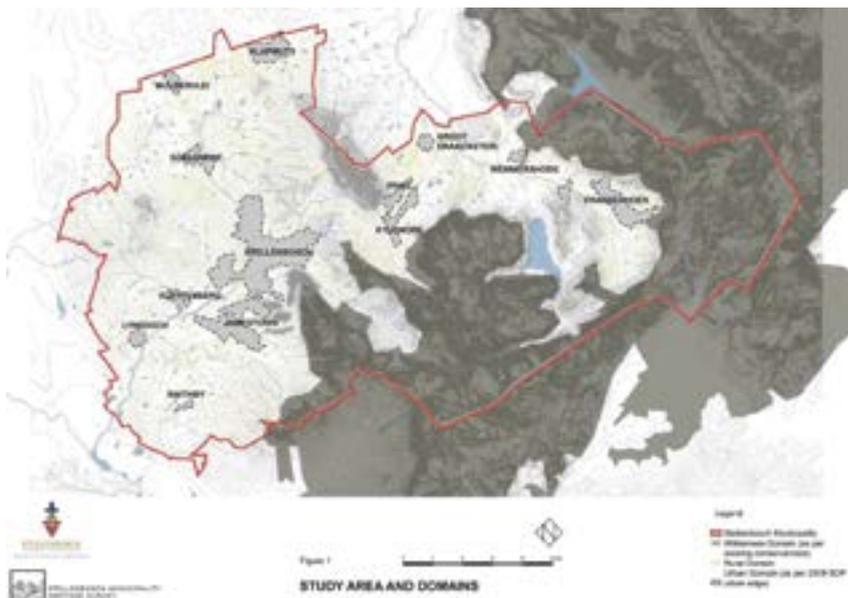
– Подготовка стратегических предложений по определению «тупиковых» зон развития, а также возможных зон развития, соответствующих критериям объектов наследия и рекомендациям рабочей группы.

– Взаимодействие с муниципалитетом и разработчиками параллельного проекта «План развития сельскохозяйственной территории Стелленбоса», чтобы рекомендации по сохранению наследия в достаточной степени были отражены в обоих проектах.

– Разработка плана управления объектами наследия.

– Подача реестра объектов наследия и плана управления на утверждение в Управление объектами наследия провинции Западный Кейп.

– Ознакомление представителей муниципалитета с базой данных и связанными с ней процедурами принятия решений, чтобы способствовать эффективному принятию решений по вопросам, касающимся объектов наследия и их роли в планировании городского развития.

^ Рис. 1. Изучаемая территория и зоны / Figure 1: Study area and domains

v Рис. 1а. Вид на сельскохозяйственные земли на фоне незаселенной гористой местности / Figure 1a: View of rural areas with mountain wilderness in the background

authority (suburban and urban developments not being permitted in such areas) (fig. 6). The proposal was approved by HWC earlier this year (CWPPA: 2017). The second has been by providing cogent evidence and arguments against quite a number of municipally proposed urban edge redefinitions outwards into rural areas, as well as against some proposed new highways in rural areas; thereby deflecting inappropriate development proposals (this we did by lodging documents before, and presenting comprehensive comment on all proposed amendments at, a meeting of the co-ordinating Intergovernmental Steering Committee, held on the 5th May 2017). Naturally, this has had to be a carefully judged and argued exercise, as elements within the municipality (our commissioning clients) were proposing these very developments.

It is common cause that an appropriate heritage resources inventory and a related management plan are essential—for two main reasons. The first is that surviving heritage resources and their significances are properly identified and managed in the broad and long-term public interest: in accordance with the relevant NHRA¹, as well as in terms of the aims of the Stellenbosch Municipality and of affected communities and interested groups. The second reason is so that current and future development needs (considered at

various scales and time-frames) may be shaped effectively, with due regard to the significant heritage resources that have endured and that should be respected for the common good.

The territorial geographies that spatially define these settled landscapes and domains, together with the cultural histories that have 'clothed' and produced them over the centuries, have been and continue to be complex and nuanced². Consequently, the preparation of the heritage inventory, the related management plan and their connection to development have to be approached in a sensible, well-informed and practical way, based on international best-practice as well as prevailing law. With this in mind, the main features of the project include:

- The recording of all (tangible) heritage resources through necessary survey fieldwork and the entry of all relevant and appropriate information into a digital Geographic Information System database;

- The compilation and delivery of an updated digital heritage resources inventory, inclusive of proposed significance 'gradings', open to the municipality and available to the public via the existing Stellenbosch Heritage Foundation website (www.stellenboschheritage.co.za);

в Рис. 1г. Вид на Стелленбос с горы Папахайберг / Figure 1d: View of Stellenbosch Town from Papagaaiberg

> Рис. 1б. Вид на сельскохозяйственные земли на фоне незаселенной гористой местности / Figure 1b: View of rural areas with mountain wilderness in the background.

в Рис. 1в. Историческая фермерская усадьба на склонах Боттелари. / Figure 1c: Historic Farmhouse Homestead in the Bottelary Hills

Отсюда следует, что исход проекта зависит от основного четырехступенчатого процесса: во-первых, сбор всех данных, которые дают полную историческую картину развития исследуемой территории; во-вторых, проведение анализа объектов наследия (включая проделанную и новую работу); в-третьих, составление полного реестра объектов наследия (включая предложенную градацию значимости: Закон о национальном наследии определяет национальный, провинциальный и местный критерии градации, которые составляют трехуровневую систему значимости объектов наследия); и в-четвертых, разработка плана управления объектами наследия, который будет способствовать необходимому развитию территории.

Ключевые идеи и методы

Большую часть прошлого века доминирующие подходы к сохранению наследия, используемые по всему миру, акцентировали свое внимание на четко определенных и занесенных в каталоги памятниках, будь то отдельные здания, исторические места или строительные комплексы. То же происходило и в Южной Африке, когда за наследие отвечало государственное учреждение – Совет по национальным памятникам. Кроме того, наблюдалась тенденция к четкому разделению на «природные» и «культурные» объекты. Однако за последние тридцать лет подобные подходы были признаны несовершенными по нескольким причинам. Во-первых, потому что население и его культура систематически взаимодействуют с природой. Во-вторых, акцентируясь на «наилучших» объектах, эти подходы становились элитарными и не могли должным образом увязывать с контекстом и «обрабатывать» выбранные элементы наследия с социальной, экономической и других точек зрения. Третья причина

- The undertaking of all public consultations that are required and that can add value to the project, facilitated by consultants;
- The derivation of an assessed monetary value of the heritage tourism potential within the area;
- The preparation of strategic spatial proposals relative to identifying 'no-go' development zones as well as possible development zones, as defined by heritage resources criteria and considerations by the core team;
- Liaison with the municipality and representatives of the parallel planning project: "Rural Area Plan for Stellenbosch", so that heritage considerations will feature sufficiently in both the projects;
- The strategic formulation of a heritage resources management plan;
- The submission of the heritage inventory and the management plan to HWC for approval;
- The training of municipal staff for familiarisation with the data and the decision-making implications of it, in order to enable effective decision-making with respect to heritage resources and their implications for development applications and municipal planning.

Thus, at its core and simply stated, the outcomes of the project flow from a general four-step process: firstly, the compilation of all relevant data that provides a proper historical overview of developments in the study area; secondly, the carrying-out of a comprehensive heritage resources survey (inclusive of completed, up-dated and new work); thirdly, the compilation of a full heritage resources inventory (inclusive of the proposed significance 'grading' of each heritage resource. The NHRA framework for heritage significance specifies national, provincial and local 'grading' criteria: a three-tier system of heritage significance); and fourthly, the formulation of an appropriate heritage resources management plan that can appropriately inform needed developments.

2. Key Concepts and Methods

For most of the last century the dominant heritage conservation approaches utilized internationally tended to focus on starkly defined and catalogued 'monuments', be they individual buildings, historic sites or building complexes. This was also the case in South Africa, where the national agency responsible was then called the 'National Monuments Council'. Moreover, there tended to be an utter divide in consideration between 'natural' and 'cultural' phenomena. Over the past three decades, however,

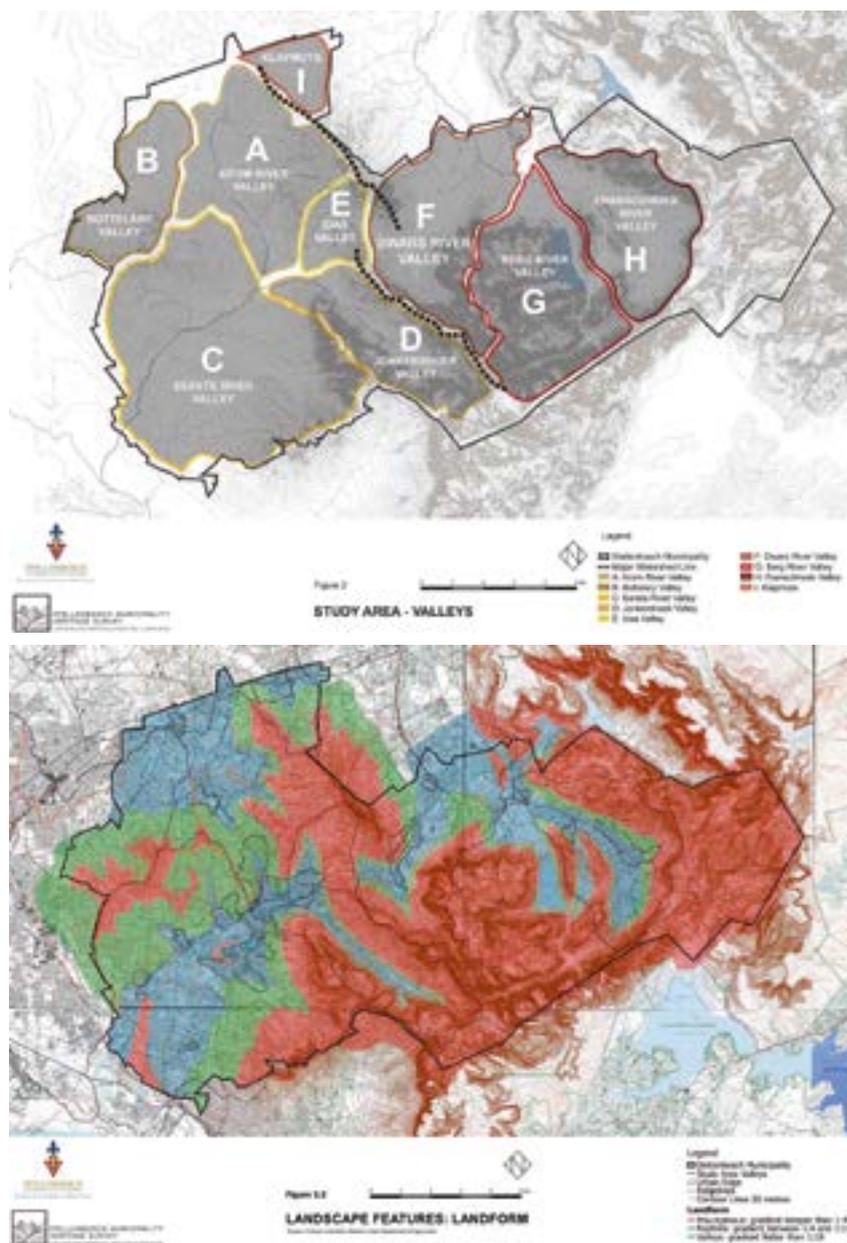
в Рис. 2. Изучаемая территория: долины / Figure 2: Study area – valleys

в Рис.3.2. Ландшафтные характеристики: формы рельефа. Источник: Департамент сельского хозяйства Западного Кейпа / Figure 3.2: Landscape features: landform. Source: Contour lines from Western Cape Department of Agriculture

заключается в том, что слишком долгое время практика управления наследием в ЮАР склонялась к колониальной материальной культуре, вплоть до нанесения ущерба местной африканской истории культуры и ее материальному наследию. Поэтому необходим более тонкий подход, который бы отражал все составляющие элементы общества и их среды обитания, прошлого и настоящего. Требовалось переместить акцент с отдельных объектов наследия на территории и даже на целые культурные ландшафты. Изучение культурных ландшафтов активно развивается и все больше становится темой множества семинаров, конференций и научных работ международного и местного уровня (например, UNESCO, 2012). Важно, что значимость наследия заключается не только в исторически ценных достопримечательностях, зданиях и комплексах, но и в крупных культурных ландшафтах, которые охватывают все эти элементы.

Проще говоря, рамки определения предмета изучения были существенно раздвинуты. За последние годы все больше приводится доводов в пользу того, что методы определения, оценки и документирования значимости таких многоплановых ландшафтов (конечно же, включающих материальную культуру) должны быть всесторонними и применяться на разных уровнях. Этот подход не признает разделения, которое долгое время доминировало в научной и практической деятельности, связанной с экологией и наследием, когда объекты подразделялись на природные, строительные, экономические, африканские, колониальные и т.д. Исходя из перспективы сохранения ландшафта и поселений, а также планирования развития, мы изучаем окружающую среду как единое целое, включая наследие и все, что с ним связано.

Понятие культурного ландшафта фундаментально. Этому термину можно дать различные определения, однако по сути он объединяет результаты процессов трансформации «природной» зоны, происходящей во время создания людьми своей «застроенной» зоны. Любая территория состоит из множества зон, большинство из которых в течение тысячелетий населяют люди. Эти места формировались и изменялись под влиянием как природ-

в Рис. 3.3б. Ландшафтные характеристики: пригодность почвы. Источник: VinPro (Хайнрих Шломс и Доктор Фредди Эллис) / Fig. 3.3b: Landscape features: soil suitability. Source: VinPro (Heinrich Schloms and Dr Freddie Ellis)

в Рис. 3.4. Ландшафтные характеристики: гидрология. Источник: Департамент сельского хозяйства Западного Кейпа, Управление по охране природы Западного Кейпа / Figure 3.4: Landscape features: hydrology. Source: Western Cape Department of Agriculture, Western Cape Nature Conservation Board

those approaches have been found to be wanting in many respects. Firstly, because people and culture are systemically connected to, and interdependent with nature, to the point that a more unified approach is essential. Secondly, by focusing on the 'highest' and 'best', the approaches tended to be elitist and failed to contextualize and properly 'ground' the selected elements of the inheritance, socially, economically and in other respects. Thirdly, for far too long heritage practice in South Africa has tended to be slanted towards colonial material culture, to the detriment of local African cultural history and its material residue. A more nuanced approach, which more inclusively reflects all fractions of society and their habitat, past and present, is therefore necessary. An inevitable consequence has been a shift in focus from individual 'building-objects' and sites, to areas—or even to entire landscapes. Cultural landscapes and landscape study and enquiry have consequently flowered and have increasingly been the subjects of very many international and local workshops, conferences and papers (for example, UNESCO: 2012). Essentially, the argument is that heritage significance does not only reside within historically valuable structures, assemblages thereof, or individual sites, but is also within the larger landscapes that are the settings for all these elements.

Simply speaking, the 'canvas' that defines the subject of study has been spatially expanded very substantially. In recent years, it has been increasingly argued that the appropriate methods employed to identify, assess and document heritage significance of such multi-faceted and diverse landscapes (that, obviously also comprise material culture) should be inclusive and occur at a number of scales. This approach rejects the divisions that for long have dominated academia and practice in South African environmental affairs and heritage: the divisions into natural, built, economic, autochthonous African, colonial phenomena and so on and on. From the perspective of landscape and settlement conservation and development planning, we are concerned with the whole of the environment, including heritage, and what it enables.

The idea of a cultural landscape is fundamental. The term may be given varied meanings, yet, at its core it unites the products of so-called 'natural' ecological processes and phenomena on the one hand, and the products emerging from the processes of transformation of the 'natural' site by people in constructing their 'built' world, on the other. Any area consists of many sites, most of which have been inhabited by people for thousands of years. These places have been moulded, shaped and changed both by natural processes and by people engaged in adapting the environment to their pursuits.

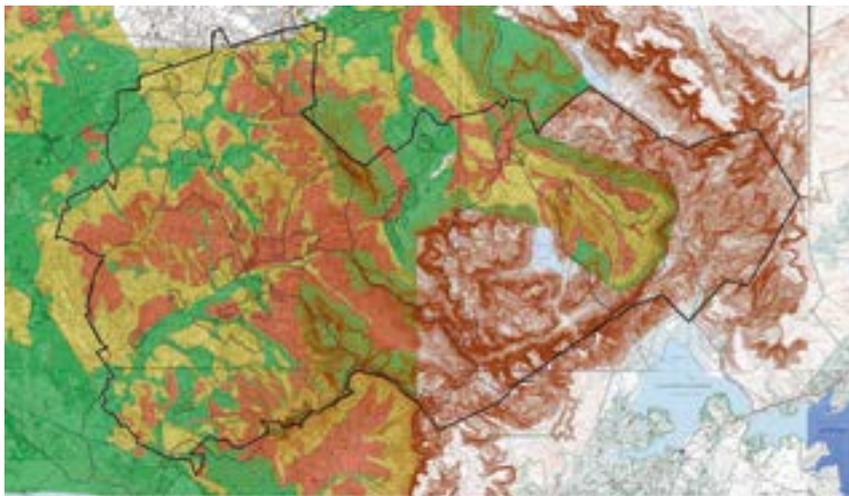

Figure 3.3b
LANDSCAPE FEATURES: SOIL SUITABILITY

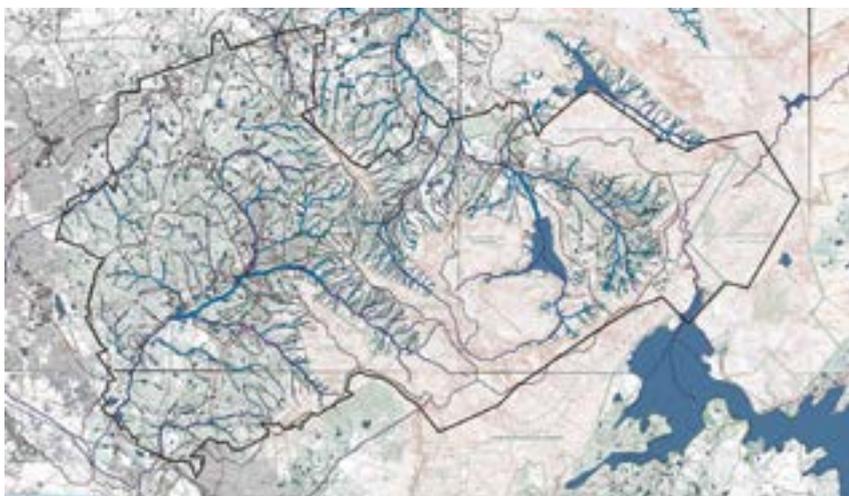

Figure 3.4
LANDSCAPE FEATURES: HYDROLOGY

ных процессов, так и людей, адаптирующих окружающую среду для своих целей.

Культурный ландшафт одно поколение наследует от другого: в нем заключены те ценности, которыми дорожило ушедшее поколение. Ценить то, что унаследовано и принимать правильные решения по поводу будущего этого наследия (не только в краткосрочной перспективе и не в сугубо эгоистических целях, но в долгосрочных интересах общества в целом) — обязанность и задача каждого поколения. Удовлетворение личных интересов нередко, особенно в капиталистическом обществе, считают свойственным человеческой природе, а значит, необходимы направления, четко обозначенные государством и надлежащим образом оформленные в плане, законодательстве и нормативной базе. Таким образом, со всей ответственностью будут учтены долгосрочные перспективы и общественное благо (Todeschini, 1993, с. 2).

Когда считается, что достопримечательность, здание или ландшафт имеет культурную значимость или другую ценность, связанную с наследием? В соответствии с данными Управления объектами наследия провинции Западный Кейп и Управления по вопросам наследия ЮАР, критерии, помимо прочего, включают в себя (НВС, 2016):

- Общественное или историческое значение для Западного Кейпа.
- Необычные, редкие или находящиеся под угрозой исчезновения характеристики объекта, отражающие его принадлежность к природному или культурному наследию Западного Кейпа.
- Потенциал, с которым объект может давать информацию, внося свой вклад в общую картину природного или культурного наследия Западного Кейпа.
- Важные характеристики принадлежности объекта к особому классу природного или культурного наследия Западного Кейпа.
- Особые эстетические характеристики, представляющие ценность для сообщества или культурной группы Западного Кейпа.
- Демонстрацию высочайших творческих или технических достижений в определенный период истории Западного Кейпа.

Cultural landscapes are what any generation inherits from another: in them are embedded values held dear by those gone by. It is the duty and task of any one generation to evaluate that which is inherited and to take appropriate decisions for the future: not only from the perspective of the short-term and how it may be useful to them in a selfish way, but also from a more inclusive, communal and longer-term view. Perhaps, particularly in a capitalist society, it may be considered human nature to act with self-interest—hence the need for government-defined ideals and legal direction, such as embodied in appropriate planning and heritage resources legislation and regulatory systems. Thereby, the longer term and the public good may be addressed responsibly (Todeschini: 1993, p. 2).

When is a site, structure or landscape considered to be of cultural significance or to have other special heritage value? According to HWC and the South African Heritage Resources Authority (SAHRA), the reasons may include, but are not limited to, the following (HWC: 2016):

- its importance within the community or pattern of the history of the Western Cape;
- the uncommon, rare or endangered aspects that it possesses reflecting the Western Cape’s natural or cultural heritage;

– the potential that the site may yield information that will contribute to an understanding of the Western Cape’s natural or cultural heritage;

– its importance in demonstrating the principal characteristics of a particular class of the Western Cape’s natural or cultural places or objects;

– its importance in exhibiting particular aesthetic characteristics valued by a community or cultural group within the Western Cape;

– its importance in demonstrating a high degree of creative or technical achievement at a particular period in the development or history of the Western Cape;

– its strong or special association with a particular community or cultural group for social, cultural or spiritual reasons;

– its strong or special association with the life or work of a person, group or organization of importance in the history of the Western Cape;

– sites of significance relating to the history of slavery and sites of significance to Khoi or San heritage in the Western Cape.

The heritage resources to be found in the study area are significant both nationally and internationally. This was underscored in 2009, when the Cape Winelands was placed on the UNESCO Tenta-

в Рис. 3.56. Ландшафтные характеристики: культурная растительность. Источник: Департамент сельского хозяйства Западного Кейпа / Figure 3.5b: Landscape features: cultivated vegetation. Source: Western Cape Department of Agriculture

в Рис. 3.66. Ландшафтные характеристики: биоразнообразие. Источник: Департамент сельского хозяйства Западного Кейпа / Figure 3.6b: Landscape features: biodiversity. Source: Western Cape Department of Agriculture

– Особую связь с определенным сообществом или культурной группой в социальном, культурном или духовном смысле.

– Особую связь с жизнью или деятельностью человека, группы или организации, сыгравшими важную роль в истории Западного Кейпа.

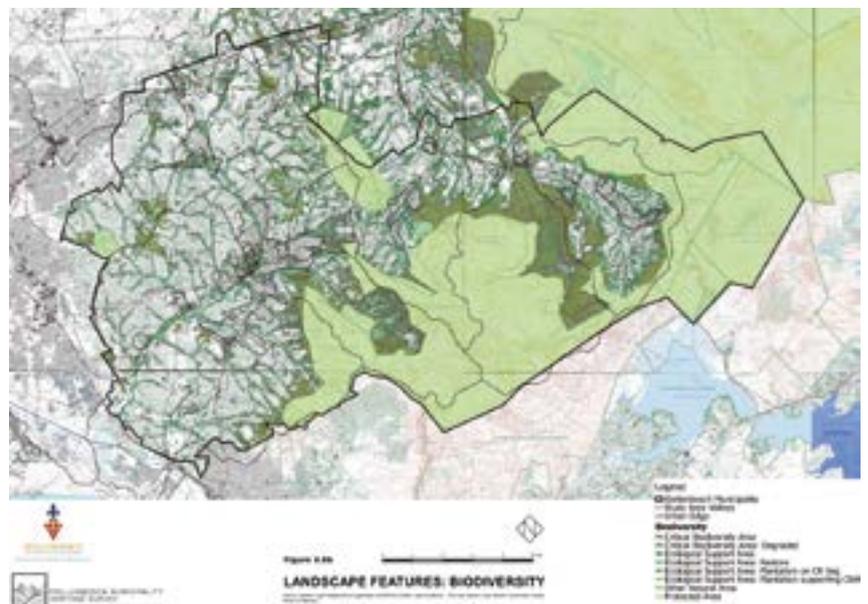
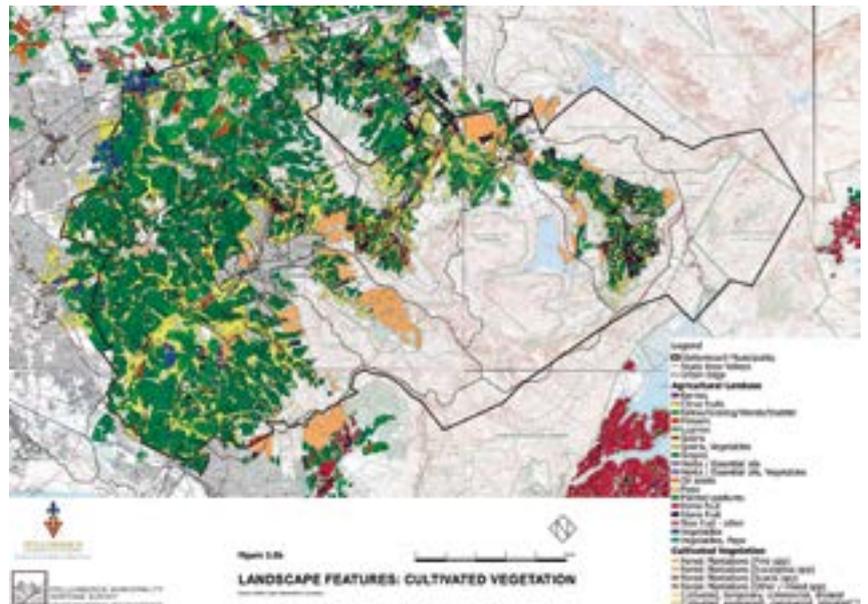
– Важные места, связанные с историей рабства или наследием народностей хой и сан Западного Кейпа.

Объекты наследия, выявленные на изучаемой территории, имеют как национальное, так и международное значение. На это указывает и то, что в 2009 году винные земли Кейпа были занесены в Предварительный список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Вот выдержка из Национального досье (UNESCO, 2009):

«Винные земли Кейпа – яркий пример культурного ландшафта, обогащенный вкладом четырех континентов (Африка, Азия и Ост-Индия, Европа и Северная Америка). Природные элементы, идеально подходящие для виноделия, эффективно окружены уникальной винодельческой архитектурой. Вместе с виноградниками, фруктовыми садами, полями, фермерскими усадьбами, винными погребками, деревнями и городами, включая старейший город Южной Африки, расположившийся на склоне Капских гор и в долинах рек, винные земли Кейпа иллюстрируют влияние на природный ландшафт, которое оказывали людские поселения, рабский труд, сельскохозяйственная деятельность и, в частности, производство капских вин со времен колонизации в середине XVII века».

В законе ЮАР культурные ландшафты, заслуживающие сохранения, относят к возможным зонам наследия (которые могут быть в пределах «зон перекрытия» и находиться под управлением местных властей).

Управление по вопросам наследия ЮАР и Управление объектами наследия провинции Западный Кейп еще не разработали специальные критерии ранжирования ландшафтов по значимости. В отсутствие этих критериев недавно проведенные и принятые исследования объектов наследия Западного Кейпа представляются полезными – они стали практикой определения предлагаемых зон наследия на основе совокупности следующего ряда факторов (Drakenstein Landscape Group, 2012):

3. Оценка характеристик ландшафта – известный подход к определению особенностей ландшафта путем исследования взаимодействия людей с окружающей средой. Этот метод был разработан в 1980-х, а самые свежие рекомендации опубликованы в «Подходе к оценке характеристик ландшафта» (An Approach to Landscape Character Assessment) (Natural England, 2014). / Landscape character assessment is a recognised approach to identifying character and distinctiveness through the examination of the interaction between people and their environment. It was developed as a technique in the 1980s, and the most recently published guidance is contained in An Approach to Landscape Character Assessment (Natural England: 2014).

tive List of World Heritage Sites. The following is an excerpt from that Nomination Dossier (UNESCO: 2009):

“The Cape Winelands is an outstanding example of a cultural landscape enriched by influences accumulated from four continents (Africa, Asia and the East Indies, Europe and Northern America), natural elements ideally suited for viticulture and situated in a dramatic environment where a unique vernacular architecture developed. With its vineyards, orchards and fields and farmsteads, cellars, villages and towns, including the oldest city in South Africa nestling on the slopes of the Cape’s mountains or on the plains along water courses, the Cape Winelands illustrate the impact of human settlement, slave labour and agricultural activities, and more specifically the production of the Cape wines, since colonialization in the mid 17th century on the natural landscape.”

In South African law, conservation-worthy landscapes are, by inference, referred to as possible Heritage Areas (which may feature within ‘Heritage Overlay Zones’, as a means of management by local authorities).

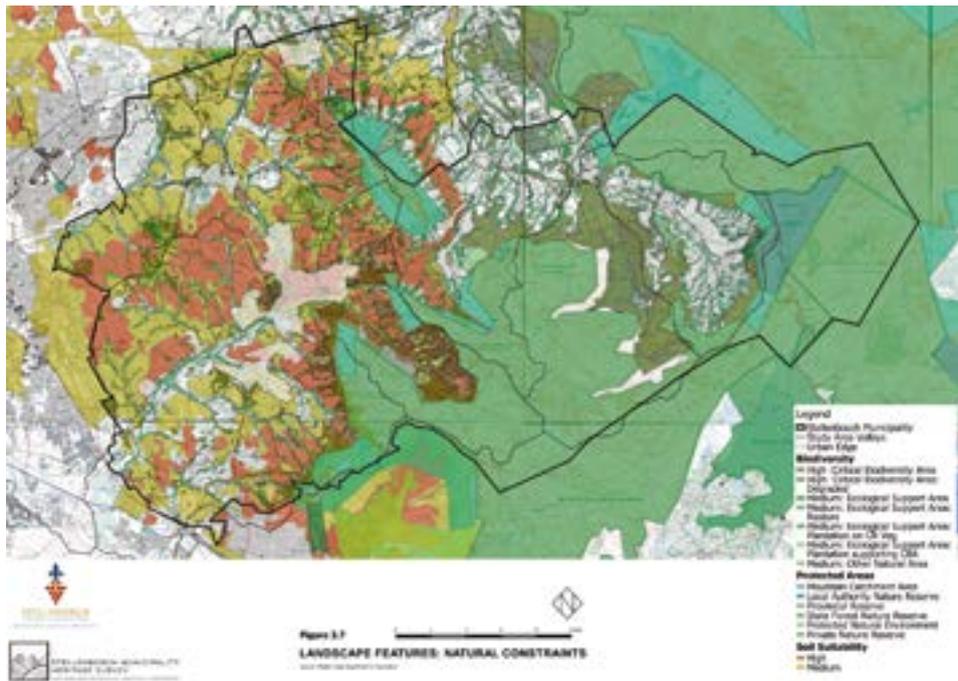
Specific criteria for grading the significance of landscapes have not yet been developed by SAHRA or by HWC. In their absence, recently concluded and approved heritage surveys in the Western

Cape are instructive: they have tended to develop into a practice where the identification of proposed Heritage Areas is best based on a combination of a range of factors, as follows (Drakenstein Landscape Group: 2012):

- Concentrations of conservation-worthy elements/structures;
- Strong associations of the area with a major event, person or group;
- Representation of key heritage themes or periods;
- Degree of authenticity, integrity and historical layering;
- Distinctive landscape or townscape qualities (legibility, vividness and uniformity) arising from a combination of natural setting, historical patterns of settlement and built form, historical patterns of cultivation, formal aesthetic qualities (edge conditions, landmarks, gateways, axes), scenic route conditions and quality of the public realm.

The project is in the process of proposing and further defining detailed methods and criteria for the grading of landscapes: this it is doing through hands-on experimentation, fieldwork, discussion and peer review relative to the definition of landscape character³ and landscape units within the study area.

To be continued in our next issue

^ Рис. 3.7. Ландшафтные характеристики: естественные ограничения. Источник: Департамент сельского хозяйства Западного Кейпа / Figure 3.7: Landscape features: natural constraints. Source: Western Cape Department of Agriculture

- Наличие элементов или объектов, заслуживающих сохранения.
- Связь территории со значимым событием, персоной или группой людей.
- Отражение ключевых историко-культурных тем или периодов.
- Степень аутентичности; целостности и исторической многослойности.
- Отличительные особенности природного и городского пейзажа (четкость, живость и равномерность), являющиеся результатом сочетания естественного окружения, исторических примеров поселений, строений и культивации, а также формальные эстетические особенности (условия границ, достопримечательности, пункты доступа, оси), живописность дорог и качество общественных зон.

Проект находится на стадии предложения и дальнейшего определения подробных методов и критериев градации ландшафтов. Для определения характеристик ландшафта³ и ландшафтных единиц в пределах изучаемой территории проводятся практические эксперименты, сбор данных на местности, обсуждения и оценка независимыми экспертами.

Продолжение в следующем номере

Литература / References

Cape Winelands Professional Practices in Association (2017) Preliminary Draft Heritage Inventory of Large-scale Landscape Areas in the Rural Domain of the Stellenbosch Municipality Informing Proposed Heritage Areas: Phase 2a Report, January. 48 pages plus appendices.

Drakenstein Landscape Group (2012) Drakenstein Heritage Survey, prepared for the Drakenstein Municipality. Unpublished Report.

Heritage Western Cape (2016) Grading: Purpose and Management Implications, approved by HWC Council, 16 March.

Jackson, JB (1997) Landscape in Sight: looking at America edited by HL Horowitz, Yale Univ. Press.

Meinig, DW (ed)(1979) The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays, Oxford Univ. Press.

Natural England, Dept. for Environment, Food and Rural Affairs, UK Government (2014) An Approach to Landscape Character Assessment, <https://www.gov.uk/guidance/landscape-and-seascape-character-assessments>, accessed 23rd May 2017.

Todeschini, F (1993) A Planning and Conservation Approach to the Cultural Landscape of Cape Town: Its Past and its Potentials, CAPTRUST Conference, unpublished.

UNESCO (2012) Florence Declaration on Landscape: Final Declaration of the UNESCO International Meeting on The International Protection of Landscape; held in Florence on September 19-21, 2012 on the occasion of the 40th Anniversary of the World Heritage Convention.

UNESCO World Heritage Centre (2009) Tentative List South Africa, accessed online <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/5455/>

Андрееску, Иоан – архитектор, доктор философии, профессор факультета архитектуры и урбанизма Политехнического университета Тимишоары (Румыния)

Астраханцева Виктория Вагановна – заслуженный архитектор РФ, советник РААСН, лауреат премии губернатора Иркутской области (Иркутск)

Багина Елена – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета (Екатеринбург)

Бандурка Светлана Юрьевна – фотограф (Иркутск)

Боков Андрей Владимирович – действительный член РААСН, доктор архитектуры, народный архитектор РФ (Москва)

Гайворонски, Влад А. – архитектор, доктор философии, профессор факультета архитектуры и урбанизма Политехнического университета Тимишоары (Румыния)

Григорьева Анна Сергеевна – переводчик АНО «Востоксибакадцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – заслуженный архитектор РФ, член-корреспондент РААСН, вице-президент СА России

Дансиу, Михай-Ионут – архитектор, доцент факультета архитектуры и урбанизма Политехнического университета Тимишоары (Румыния)

Еремеева Наталья – директор благотворительного фонда «Подари Планете Жизнь» (Иркутск)

Железняк Ольга Евгеньевна – заведующая кафедрой дизайна Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук ИРНИТУ, кандидат искусствоведения, профессор

Захарова Ирина Викторовна – архитектор, доцент Кузбасского государственного технического университета

Коркина Елена Евгеньевна – куратор проекта «Город иначе» (Иркутск)

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, профессор кафедры архитектуры и урбанистики Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Красношарпа Ольга Евгеньевна – директор ООО ТК «Сибалюкс» (Новосибирск)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента ИрГУПС

Маренич Александр Владимирович – председатель Комитета по архитектуре и градостроительству администрации г. Улан-Удэ

Меркулова Мария Евгеньевна – кандидат архитектуры, доцент Сибирского федерального университета (Красноярск)

Морозова Нина Сергеевна – архитектор (Иркутск)

Нендза-Щикониовска, Кинга – аспирант Ягеллонского университета (Краков, Польша)

Попова Оксана Викторовна – энергетик (Иркутск)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения (Латвия)

Репина Анастасия Владимировна – архитектор Сибирской лаборатории урбанистики (Иркутск)

Середенкина Светлана Валерьевна – доцент кафедры архитектуры и градостроительства ИРНИТУ

Слабуха Александр Васильевич – кандидат архитектуры, профессор Сибирского федерального университета, советник РААСН (Красноярск)

Смирнова Ольга Федоровна – главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды» (Красноярск)

Тен Вера Васильевна – почетный архитектор России (Новокузнецк)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУЭП, член Союза журналистов России, (Иркутск)

Товмасьян Эдуард Ованесович – главный специалист ЦНИИП Минстроя России, заслуженный архитектор РФ, советник РААСН (Москва)

Тодескини, Фабио – архитектор, градостроитель, почетный профессор Университета Кейптауна (ЮАР)

Успенская Ольга Михайловна – член правления КРО САР, преподаватель Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета

Хаирова Светлана Анатольевна – фотограф (Иркутск)

Янсен, Лиана – ландшафтный архитектор, специалист по охране объектов культурного наследия, член комитета ИКОМОС (ЮАР)

Ioan Andreescu – arch.prof.ph.d., Faculty of Architecture and Urbanism, Politehnica University Timisoara (Romania)

Victoria Astrakhantseva – honoured architect of the RF, advisor of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), laureate of the Irkutsk Region Governor Prize for culture and art achievements in 2006 (Irkutsk)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Svetlana Bandurka – photographer (Irkutsk)

Andrei Bokov – academician of the RAACS, Doctor of Architecture, national architect of the RF (Moscow)

Vlad A. Gaivoronschi – arch.prof.ph.d., Faculty of Architecture and Urbanism, Politehnica University Timisoara (Romania)

Anna Grigorieva – translator, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – honored architect of the RF, corresponding member of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia (UAR), IAAM

Mihai-Ionut Danciu – architect, Ass. Professor of the Faculty of Architecture and Urbanism, Politehnica University Timisoara (Romania)

Natalia Eremeeva – director of the Charitable Foundation “Give Life to Our Planet” (Irkutsk)

Olga Zheleznyak – Professor, Ph.D. in Art History, head of the Department of Design at Institute of Fine Arts, Humanities and Social Sciences of INRTU

Irina Zakhárova – architect, Ass. Professor of Kuzbass State Technical University

Elena Korkina – curator of the project “The City Otherwise” (Irkutsk)

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, professor of the Department of Architecture and Urbanistics at Pacific Ocean State University (Khabarovsk)

Olga Krasnoshapka – director of ООО TK Sibalux (Novosibirsk)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Alexander Marenich – chairman of the Committee for Architecture and Town-Planning of the Ulan-Ude City Administration

Maria Merkulova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Nina Morozova – architect of the Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Kinga Nędza-Sikoniowska – postgraduate at Jagiellonian University (Krakow, Poland)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at BSUEL, member of the Center for Independent Social Research (Irkutsk), member of the UJR

Oksana Popova – power engineer (Irkutsk)

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia (Latvia)

Anastasia Repina – architect of the Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Svetlana Seredenkina – Ass. Professor of the Department of Architecture and Town Planning of INRTU

Alexander Slabukha – Ph.D. in Architecture, professor at Siberian Federal University, advisor of the RAACS (Krasnoyarsk)

Olga Smirnova – chief architect of “Semiramida Gardens” Landscape Company, member of the UAR (Krasnoyarsk)

Vera Ten – honored architect of Russia (Novokuznetsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at BSUEL, member of the Union of Journalists of Russia (Irkutsk)

Eduard Tovmasyan – chief officer of the Central Research and Design Institute of the Ministry of Construction, advisor of the RAACS, honored architect of the RF (Moscow)

Fabio Todeschini – architect, city planner, urban designer, heritage practitioner, emeritus professor at the University of Cape Town (South Africa)

Olga Uspenskaya – member of the Board of the KRO of the UAR, lecturer of Institute of Architecture and Design at Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Svetlana Khairova – photographer (Irkutsk)

Liana Jansen – landscape architect, heritage practitioner, member of ICOMOS committees (South Africa)

25 лет мы несем тепло, уют и красоту в мир людей!
На собственном заводе мы ежедневно выпускаем качественные окна,
двери, лоджии, витражи, которые украшают наш с Вами город.

